23-1-14

Индекс 70544

Спонсор должен знать: если он пожертвует журналу 2 миллиона рублей — 300 000 наших читателей получат один полноценный номер.

Заранее благодарим вас, наши читатели, наши друзья и единомышленники, за вашу посильную помощь и поддержку.

Итак, мы выпускаем по подписке на 1992 год первый номер, имеющий нумерацию 1—2. Второй номер под нумерацией 3—4, естественно, давно уже подготовлен к печати, но к подписчикам придет, видимо, в апреле. В нем мы проинформируем подписчиков и читателей о дальнейшем финансовом положении журнала и, естественно, о том, сможем ли мы выпустить в первом полугодии еще какое-то количество номеров.

Мы понимаем и недоумение, и возмущение, и гнев подписчиков, которые вместо обычных номеров получат сдвоенные. Но еще и еще взываем к пониманию нашими друзьями-подписчиками того обстоятельства, что не мы в этом виноваты, а те преступники-перестройщики со своей хищной сворой, которая со все большей яростью, уже в откровенно злобном остервенении обдирает народ до последней нитки, а наш журнал (как и другие патриотические издания) — до последней буквы.

Но, как говорят в народе, Бог не выдаст — свинья не съест. Будем надеяться.

Редакция и редколлегия журнала «Молодая гвардия»

ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Обращение редакции к читателям

НАС ЗАГОНЯЮТ В НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

По иронии судьбы, в этом номере «МГ» печатает материал «Нет, Дуськин в редакцию «МГ» не приходил» — тот Дуськин, который по решению «демократической» московской мэрии пытался закрыть Союз писателей РСФСР, арестовать его здание вместе с сотрудниками. Но в двери «МГ» стучится более страшный Дуськин — финансовый крах, вызванный перестройкой, которую ныне уже открыто называют величайшим преступлением века (см. «Советская Россия», 21 декабря 1991 г., статья «Демократ» в Париже»).

Кроме «МГ», в камере смертников ныне оказались и многие другие издания. Лишь для «своих» журналов и газет правительство России выделило на 1992 год большие денежные дотации. Вот таковы «равенство и справедливость» демократов, за приход к власти которых боролась почти вся «передовая» пресса.

Загоняя Россию гуртом на невольничий рынок раннего капитализма, нынешняя «демократия» использует средства рыночной экономики для подавления инакомыслия и свободы слова, для ликвидации широко разрекламированных прежде гласности и плюрализма. «Демократов» мало заботит, что они рубят сук, на котором сидят. Им главное — размахнуться финансовым кнутом и стегануть непослушную прессу, чтобы знала своего пастуха, а с другой стороны (и это касается уже не только редакций газет, журналов, издательств), чтобы доведенные до нищеты и банкротства предприятия можно было приватизировать и распродать за бесценок новоиспеченным нуворишам в частные владения.

Во всяком цивилизованном государстве печать, средства информации являются общественным достоянием.

Именно поэтому они требуют специальной защиты. Именно поэтому они должны быть составной частью социального развития и находиться под материальной защитой государства. И именно государство, исправно собирающее с населения мыслимые и немыслимые налоги, обязано взять на себя все издержки хотя бы в рамках переходного периода. Коль скоро в 1991 году была проведена подписка на издания 1992 года, а потом чудовищно вздуты цены на все товары и услуги, правительству России надлежало бы компенсировать все издательские расходы этого года или объявить себя банкротом и уйти в отставку, а не понуждать к ограблению и без того ограбленный и нищий народ.

Ясно, что «демократы», понукающие народ кнутом, не помогут таким изданиям, как «Молодая гвардия», не помогут и нашим читателям. Только мы сами можем оказать друг другу посильную поддержку.

Каково же конкретно финансовое положение нашего журнала?

Подписка на 1992 год прошла, как мы считаем, успешно. Несмотря на стремительное удорожание жизни, вызванное преступной политикой «перестройщиков», на журнал на 1-е полугодие 1992 года подписалось около 300 000 человек. Подписная цена составляла, как известно, 24 рубля на год, один номер стоил 2 рубля.

Но, увы... Средств, собранных по подписке, хватит для выпуска только 2,5 (двух с половиной!) номеров. Почему?

А потому, что в результате преступной перестройки фантастически возросли цены на бумагу. Раньше журнальная бумага стоила 250—285 рублей за тонну (в зависимости от сортов). Теперь же ее цена 20—40 тысяч рублей за тонну! Значительно возросла стоимость полиграфических материалов, работ и услуг «Союзпечати».

Каков же выход? И есть ли он для «МГ»?

Есть, хотя и нелегкий для подписчиков и редакции.

Президент России Б. Н. Ельцин, объявляя о либерализации цен, торжественно пообещал, что трудно будет 6—7 месяцев, а потом наступит облегчение, жизнь будет улучшаться и дешеветь. И перед всей страной, перед всем народом поклялся в этом своим политическим авторитетом и судьбой. Ну, мы привыкли верить нашим руководителям, значит, всем нам надо как-то пережить, как-то продержаться лишь 1992 год.

Как же может продержаться этот тяжкий год журнал «Молодая гвардия»? Наши экономисты и финансисты

Окончание на 3—4-й стр. обложки

МГ 1992 1-2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, Акционерное общество «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

«Молодая гвардия», 1992, № 1 — 2, 1—288

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90, отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285 80-14, отдел «Товарищ» — 285-89 66.

Артур БАГИРОВ

ПОСЛЕ ПУТЧА

(ОБЗОР ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ)

События в августе — сентябре 1991 года вызвали массовые читательские отклики, и, надо полагать, журнал «Молодая гвардия» — вовсе не единственный, в адрес которого продолжают поступать сотни писем и телеграмм. В них — вопросы и ответы, тревоги за судьбу Отечества и его народов, за настоящее и будущее молодежи, надежды на то, что неминуемо возрождение нашей страны, как великой державы. Но это страшит тайных и явных ее врагов, прикрывающихся, как считают авторы писем, «россиянством» и другими «народными» лозунгами.

Судя по письмам читателей, необязательно разделяющих позицию нашего журнала, причины и последствия августовско-сентябрьских эксцессов постепенно осознаются миллионами наших сограждан. **Многие полагают, что настоящий переворот в стране произошел после «разгрома» ГКЧП, то есть после 20 августа**, что путчистская провокация была умело организована отечественными и зарубежными прорабами методичного развала Союза и уничтожения России.

Так, читатель **Ф. Лобов** (Ростов-на-Дону) считает, что *«необходимо работать на разоблачение состоявшейся политической провокации».* Автор письма желает «успехов в расследовании аферы века». Другой читатель, не являющийся, по его словам, постоянным подписчиком «МГ» (г. Удомля, Тверская обл.), весьма категоричен в своих оценках: *«События 19 августа — заранее спланированная акция наших «демократов» и их закордонных друзей... И в этом еще больше убеждаешься, когда видишь, кто и что получил после этих событий. «Демократы» теряли свои позиции, и... выйдя «победителями путчистов», они приобрели «славу» мучеников, «борцов» за свободу и светлое будущее страны... Узурпация власти стала свершившимся фактом».* **Иванова П. В.** (г. Ессентуки) выражает аналогичную точку зрения: *«После 20 августа демократы пытаются заставить всех мыслить так, как мыслят ельцины и им подобные».* В сотнях писем из разных городов и сел страны люди, придерживающиеся разных политических взглядов, обоснованно считают, что **целями состоявшейся политической аферы были укрепление псевдодемократической диктатуры, ускорение развала Союза, дальнейшее**

провоцирование шовинизма и сепаратизма, эскалация травли коммунистов, патриотов, всех честных людей, намеренное обострение межнациональных и межконфессиональных (религиозных) конфликтов. При этом устранение, «перепрофилирование» КГБ, МВД, армии составляют стержень всех нынешних и, вероятно, будущих деяний «спасителей» — разрушителей государства.

К примеру, **В. Левандовский** (Казань) отмечает, что *«события будут протекать все по тому же сценарию: дальнейшее разрушение страны, ускоренный развал армии; бунты, грабежи, межнациональные стычки перерастут в гражданскую войну. И закончится это вводом оккупационных войск под флагом ООН* (точнее — войск США и их союзников. — А. Б.) *...Многотысячелетняя история русской нации может закончиться через десяток-другой лет... Президент СССР уже не имеет никакой силы — бутафорская фигура».* **В. Казаков** (г. Лида, Белоруссия) утверждает, что предтечей августовско-сентябрьской вакханалии является *«горбачевская «перестройка», которая отдала власть в центре и на местах коррумпированным шовинистам и расхитителям...».* Читатель отмечает далее, что, клеймя ГКЧП за «неконституционность», нынешние власти предержащие замалчивают то, что *«Президент СССР избирался не народом, согласно Конституции, а ныне опальным Верховным Советом СССР с незначительным перевесом голосов».*

В. К. Кузнецов (Москва) справедливо указывает: *«Гибель России, Советской власти и социализма станет неизбежной, если народ не поймет, что его дурачат «демократией», что у него отбирают национальную независимость, если народ не поднимется против политической мафии, которая управляет Ельциным и Горбачевым как своими марионетками, которая дирижирует «демократией».* Автор этого письма и другие респонденты «МГ» подчеркивают, что сегодняшний апофеоз лжеплюрализма инспирирован отечественными политическими мафиози с помощью ЦРУ и «Моссада» (израильской разведки. — А. Б.). В самом деле, разве не примечательным является откровение одного из подкомитетов разведывательного управления министерства обороны (РУМО) США: *«Поскольку Горбачеву и Ельцину* у д а л о с ь (разрядка моя. — А. Б.) *избавиться от ортодоксальной оппозиции и устранить компартию, дальнейшее реформирование Союза и прежде всего России будет ускорено... Темпы и масштабы этого ускорения определяются характером сотрудничества с Западом, размерами помощи, оказываемой бывшему Союзу»* (USSR and Eastern Europe Digest, Munich, 1991, № 9, p. 8—9)?

Нет ничего тайного, что не стало бы явным. В читательских письмах четко проводится мысль о том, что ниспровергатели единства и независимости Союза, устраивающие «демократический» шабаш, опасаются разоблачений в причастности нынешнего «обновленного» руководства распродаваемой страны к событиям 19—20 августа, к организации ГКЧП. В частности, **К. Нерсесов** (г. Армавир, Краснодарский край) отмечает, что *«Горбачев, Ельцин, Павлов неоднократно указывали на возможное введение чрезвычайного положения в стране в целях ее выхода из кризиса. На Верховные Советы Союза и России оказывалось постоянное давление с тем, чтобы они «проштамповали» чрезвычайные полномочия лидерам нашей поруганной, просящей милостыню страны. В чем же в таком случае незаконность ГКЧП?»* Данный

вопрос вполне закономерен, но захлебывающаяся от демократии «большая пресса» красноречиво не отвечает на него, поскольку отвечать, по существу, нечего. Другое дело — способствовать всеобщей антикоммунистической экзальтации народов страны, ориентировать общественное сознание на безбрежный плюрализм и сепаратизм с непредсказуемыми последствиями.

Арестованный Крючков обратился с письмом к Горбачеву. Можно лишь догадываться о его содержании, но спустя 3 недели было объявлено о переносе суда над «изменниками Родины» (что триумфаторы вменяют в вину руководителям ГКЧП) на сентябрь 1992 года... Чем не интересный факт?

Судя по письмам, многие читатели поверили 19 августа в возможность предотвратить крах государства и превращение страны в аграрно-сырьевой придаток запада. **Пермяков В. И.** (Пермь) и другие респонденты следующим образом характеризуют создание ГКЧП и его постановления: *«Только что прослушали по радио обращение ГКЧП к народу и первые постановления комитета... Наконец-то!!! Это в высшей степени долгожданное событие. Во время радиопередачи у некоторых женщин на глазах были слезы... Наш народ выберется из болота хаоса, анархии и вражды, что подарила нам зажиревшая мелкобуржуазная псевдодемократия».* **В. Зуев** (г. Энгельс, Саратовская обл.) считает, и с ним согласны многие читатели, что *«без восстановления государственности невозможно решение ни одной из социально-экономических проблем... С нравственной стороны, создание ГКЧП было более чем логично — оно было гражданственно».*

Действительно, в настоящее время анафеме демократы предают именно ГКЧП и особенно Крючкова и Язова, почти не вспоминая обращения и постановлений этого комитета. **Н. Леванова** (г. Лабытнанги, Тюменская обл.) подчеркивает, что *«правильно указано в обращении — никакие подачки не спасут страну. Она изранена экстремизмом, воровством и изощренной ложью. И спасти ее могут только честные, небезразличные к Отечеству люди».*

Итак, ГКЧП уже нет. КПСС официально распущена. Ловля «потенциальных путчистов» продолжается от Владивостока до Бреста. Социально-экономическая ситуация в стране день ото дня ухудшается. Безраздельно властвующие демократы еженедельно вымаливают всевозможную помощь у Европы и США, Японии и Израиля, Саудовской Аравии и Южной Кореи. Демократизированные средства массовой информации систематически пугают население голодом, проповедуя спасение в «рыночной» экономике по-явлински... Продолжается, усиливается гражданская война в Закавказье и Молдове, на Северном Кавказе и в ряде районов Средней Азии. Набирает обороты повсеместный политический террор. Увеличиваются потоки беженцев разных национальностей в края и области России. Обостряется обстановка в Крыму, Белоруссии, Поволжье, Туве, на Урале, Украине. Ускоряется рост цен, количество безработных и бездомных увеличивается чуть ли не с каждым днем.

И что же?

Кто повинен в этих и им подобных «начинаниях»?

Виновниками нынешнего уничтожения страны являются, *«как всегда, Сталин, КПСС, КГБ, консерваторы... О трех убиенных* (не правда ли, «огромное» число жертв на совести «путчистов»?.. — А. Б.) *за дни так называемого переворота ТВ вещало несколько*

дней подряд, но ни одним словом телевидение не обмолвилось о многих тысячах убитых, раненых, искалеченных в ходе «перестройки» — перестроечных погромов в разных регионах страны, о многочисленных беженцах из этих регионов... В похоронах новоявленных «героев» участвовали оба президента и патриарх всея Руси... А почему, собственно, «вселенская скорбь» не распространяется на тысячи погибших в межнациональных конфликтах?» (Иванова Н. В., г. Ессентуки).

Что же, адресуем этот вопрос обоим президентам и патриарху. Или для них важен прежде всего политический аспект — «эффект» траура по погибшим? Может, поэтому их не было на похоронах А. Цикунова и С. Ахромеева, В. Цоя и И. Талькова, А. Подколзина и Е. Евсеева?

По мнению читателей, в стране водворяется диктатура русофобской буржуазии, поддерживаемой транснациональными корпорациями и сионистами. Как считает, к примеру, Г. Иванов (Краснодар), бывший политзаключенный, *«то, что сейчас происходит в Москве, называется диктатурой, фашизмом! И не только в Москве. Но установили новую диктатуру не те, кто был у власти раньше, а те, кто больше всех кричал об опасности диктатуры».* И далее, в этом же письме: *«Горбачева никто не арестовывал, скорее всего он сам разрешил эксперимент с ГКЧП, а потом умыл руки... И Ельцин заранее все знал и передал свои указы против «государственных преступников» чуть ли не раньше первых указов Янаева. И не было никакого участия руководителей КПСС в несуществующем заговоре, а тем более участия в нем газет КПСС, а было горячее желание неофашистской «демократической» партии повергнуть своих политических противников, установить в стране жестокую диктатуру своего «вождя»... Невыносимо смотреть на торжествующие лица обманутых людей. Их превратили в штурмовиков, разрушающих общий дом российских народов».* Г. Иванов, а с ним согласны и другие читатели, отмечает, что именно сегодня высветились подлинные цели перестройки, *«которую русские люди назвали сперва горбостройкой, а теперь — гробостройкой... Новый «вождь» псевдо-России, именуемой РСФСР, уже распорядился об «администраторах президента», назначаемых сверху... Новые гауляйтеры, спаянные круговой корукой, опирающиеся на ретивых штурмовиков из числа «иванов», не помнящих родства, покажут нам кузькину мать... Чему вы радуетесь, мальчишки?.. Апокалипсису для русского народа? Агонии тысячелетнего дома, построенного для нас нашими предками?».* Комментарии к сказанному излишни.

Западные радиоголоса и примыкающая к ним «плюралистическая» пресса России объявили в сентябре — октябре 1991 года о том, что лидеры победителей пишут очередные опусы, на этот раз — о провале путча, первые издания которых будут выпущены в США, Западной Европе, Японии, Канаде, Израиле, Австралии. Например, за право публикации эссе Ельцина намерены «сражаться» на аукционе во Франкфурте (Германия) несколько ведущих издательских корпораций Запада. Оставим на какое-то время вопрос об истинных авторах этих «захватывающих», надо полагать, фолиантов. Характерно, однако, что первыми читателями эпопей о провале «сталинистского заговора» станут граждане не России и других республик, а западных стран. Ну а для своих — достаточно избранных отрывков, для публикации которых с соответствующими комментариями будут задействованы «Куранты» и «Огонек», «Московские новости» и «Аргументы и факты», «Книжное обозрение» и «Новое время»...

Как по установке Кашпировского, почти в одночасье засели за воспоминания Ельцин и Горбачев, Попов и Собчак, Шеварднадзе и А. Яковлев, Силаев и Хасбулатов. Им, конечно же, есть что вспомнить...

Однако и «демократический монолит» не лишен трещин. Осенью 1991 года начали один за другим возникать конфликты в коридорах и президиумах победителей: Ельцин и Силаев, Шахрай и Хасбулатов. Попов и Явлинский и иже с ними соревнуются во взаимных обвинениях и интригах, что, по мнению зарубежных экспертов, свидетельствует об обострении борьбы за власть в центре и на местах, о наступающем безвластии, полном параличе всех государственных структур. На фоне дальнейшего ухудшения экономической и политической обстановки и кризиса власти в стране не слишком фантастическими являются предсказания многих читателей о возможном вводе на территорию России и других республик войск НАТО под флагом ООН.

Авторы писем, все честные люди страны задаются вопросом — что же делать? Как остановить методичное уничтожение государства, геноцид народов? Как предотвратить распродажу территории и ресурсов Союза? Например, **А. В. Волков** (Нижний Новгород) отмечает: *«Только слепому не видно, что политика Горбачева — Ельцина — политика национального предательства. Даже во времена татаро-монгольского нашествия наше государство не испытывало такого погрома. За стремлением создать «национальную гвардию» проглядывает институт опричнины... Сейчас многие из нас задают сакраментальный вопрос: что делать?».* Далее, А. В. Волков, спрашивая, отвечает: *«Как нам начать объединять наши силы* (разрядка моя. — **А. Б.**)? *Кто сможет взять функцию координатора в создавшейся ситуации? Нас гораздо больше, чем считают главари преступной перестройки. Только вместе, сообща мы сможем начать борьбу с навязанными и чуждыми нам порядками».* **Р. А. Сергейчик** (Харьков) и другие считают необходимым создание интернационального Народного фронта за спасение нашей страны, в состав которого вошли бы все патриотические силы России и, возможно, других республик. **Т. М. Шумихина** (Калининград, Прибалтика) подчеркивает, что скорейшее формирование Объединенного народного фронта — «единственная надежда Родины».

Да, время не ждет. И вряд ли можно сомневаться в неотвратимости гибели страны, если не будут объединены все те, кому небезразличны судьба Родины, настоящее и будущее ее народов. Актуальность такого объединения подтверждается еще и тем, что российский вице-президент **А. Руцкой, ставший генерал-майором за «оборону»** (а может — за взятие?..) **Белого дома России, предложил натовским генералам принять «обновляемый» Союз в НАТО** («Известия», 4.10.1991). Это предложение, как и другие начинания лицедеев от демократии, делаются, конечно же, «от имени народа», на который обожают ссылаться обманывающие народ и предающие демократию правители.

Вступление страны в НАТО довершит ее уничтожение и расчленение с помощью войск и военных баз США и их союзников. Но, согласно оценкам британских советологов, переговоры об уча-

сти бывшего Союза в НАТО целесообразны в современных условиях с отдельными республиками, заявившими о своей независимости и уповающими на поддержку Запада (Military Balance News, London, 1991, № 10).

Происшедшее и происходящее в России и других республиках не оставляет равнодушным наших многочисленных читателей, всех порядочных людей, патриотов. Тревоги и надежды составляют основу содержания сотен писем, поступающих в редакцию. И это — лучшее подтверждение того, что народ не безмолвствует, а, наоборот, стремится к консолидации во имя спасения Отечества, во имя Справедливости и Правды. Лучшие силы народа будут, как и прежде, в авангарде бескомпромиссной и принципиальной борьбы за подлинное возрождение Родины, против развернутой транснационалами и их креатурой иделогической, экономической, политической и духовной агрессии.

И отнюдь не лишним является содержащийся во многих письмах призыв: «Вставай, страна огромная!»

Валерий ХАТЮШИН

СВИРЕПЕЕТ ГВАРДИЯ ДЕМОКРАТОВ...

ПЕРЕВОРОТ ПО ПЛАНУ «ИКС»

Уже не раз приходилось слышать о сравнении августовского московского «путча» с поджогом рейхстага в 1933 году. Аналогия тут, конечно, есть, но весьма отдаленная. Поджог рейхстага, осуществленный национал-социалистами после прихода их к власти в Германии, выглядит просто смехотворно на фоне хитроумного и сверхковарного псевдопереворота 19 августа 1991 года. Для уничтожения правящей партии и дискредитации патриотического движения, которое, по всеобщему неразумению, большинство населения страны отождествляло с этой самой партией, как и для окончательного развала СССР и Советской Армии, — в провокацию «военного путча» были втянуты все высшие государственные чины СССР и — тут же преданы остракизму, названы «изменниками» и арестованы. Такого умопомрачительного коварства история человечества еще не знавала.

Казалось бы, то, что в конце XX века на территории бывшего СССР совершил Михаил Горбачев, не вписывается ни в какие рамки здравого смысла: зачем ему разгонять партию, которую он сам возглавлял? Зачем *делать* «изменниками Родины» и сбрасывать с руководящих постов людей, которых он сам на эти посты назначал? Вопросы на первый взгляд неразрешимые. Но вот интересное совпадение: КПСС распущена сразу после того, как из нее был исключен А. Яковлев... А за месяц до этого события умер Л. М. Каганович — *последний* из верхушки ленинско-сталинской партийной гвардии... А еще раньше эту партию покинули все нынешние демократические лидеры. Это означало, что КПСС свою роль выполнила и должна была сойти с политической арены, уйти в небытие. Как говорится, мавр сделал свое дело... Компартия в России стала обузой для мировых интернационал-оккупационных сил, к тому же она изнутри совершенно переродилась (в основном русифицировалась), и ее новые лидеры все громче грозились исключить из нее самого генсека...

Можно себе представить, какой и впрямь произошел бы в стране переворот, когда бы Президент СССР был выведен из все еще правящей и многомиллионной партии, имевшей в своем пользовании огромное число издательств, типографий, техники, строений, на счетах которой лежали миллиарды рублей! Такой переворот мог произойти в любую минуту, и допустить его демократы не имели права (давно известно, кто дает им права).

Подобный исход наверняка предвидели и за рубежом: он еще менее устраивал натовских расчленителей мировых пространств. Можно предположить, что план устранения КПСС, а вслед за тем — пересмотр итогов второй мировой войны обсуждался ее генсеком совместно с президентами основных западных держав, о чем, думается, были поставлены в известность и «вожди» российской демократии. Коварство и умопомрачительная циничность этого плана говорят об участии в его подготовке безжалостных западных мозгов, имевших рекомендации хитроумно-изощренных умов «наших» главных демократов. В результате мы получили 19 августа...

Наверное, многие заметили, что во время трехдневного бессмысленного танкового стояния в центре Москвы, а те самые три дня молчаливо-бездеятельного «путча», от имени компартии не прозвучало ни единого слова, хоть как-то проясняющего отношение к «перевороту» ее руководства. Политбюро и ЦК (как СССР, так и РСФСР) упорно молчали. Они, как говорится, ни чем себя не засветили. Во всяком случае прямой поддержки ГКЧП с их стороны не последовало (хотя скорее всего на такую поддержку очень рассчитывали сценаристы истинного заговора). И обвинять КПСС в этой истории было практически не в чем. Но именно по ней, прежде всего по ней, был нанесен нашими двумя президентами самый первый и самый сокрушительный удар. Тут, пожалуй, и ребенок сделает вывод, для какой главной цели был осуществлен этот отечественный «поджог рейхстага»... Да-да, аналогия несомненно имеется: как и тогда, цель все та же — устранение противостоящей партии (по иронии истории — это опять компартии...). Беспрецедентное же отличие нынешнего сценария состояло в том, что во главе антипартийного заговора волей-неволей оказался сам ее руководитель.

Члены ГКЧП (те из них, кто не знал коварных замыслов подлинного левого переворота), по-видимому, уже на второй день догадались, что они — заложники двух президентов и что они жестоко подставлены для уничтожения в двойной игре ради того, чтобы Президент СССР любой ценой удержался у власти. Унылая обреченность сквозила в каждом их последующем указе...

Уже множество фактов говорит об имевшейся и не прерывавшейся связи М. Горбачева с Москвой все три дня «переворота» из его сверхтехнотронно обеспеченной президентской дачи в Форосе. Связь-то была, вот только с кем?.. В газете рабочего движения «Молния» (1991, № 24) опубликована такая информация: «...19 августа связь у Горбачева с внешним миром была. Была она, по-видимому, и 20 августа. Во всяком случае, в этот день в Белом доме на Краснопресненской набережной произошло событие, которое многих удивило, а охрану из числа российского КГБ обескуражило: «...молодой корреспондент ленинградской «Смены» Гоша Урушадзе сумел связаться с Горбачевым и переговорить» («Мегаполис-экспресс», 1991, № 35, с. 19). Выходит, что М. Горбачев во время путча поддерживал связь с Б. Ельциным», — констатируют авторы газеты «Молния». (Здесь же выдвигается версия о тайном провокаторе среди членов ГКЧП.) Для чего же тогда М. Горбачеву потребовалось так упорно доказывать обратное?.. Конечно же, для того, чтобы, разыграв на глазах нашего доверчивого населении роль жертвы, с легкостью отмежеваться от марионеточных «заговорщиков», изолировать их (самых несговорчивых — ликвидировать) и остаться на плаву, на вершине власти. Это — главное. Это то, ради чего можно идти на любые авантюры.

Армии также была уготована участь жертвы. Танки и БТРы привели на улицы Москвы, чтобы унизить и оскорбить армию, привязав ее к ГКЧП, к «военному перевороту», сделав главной исполнительницей провокационных приказов. Цель была — устроить кровопролитие среди мирных граждан, вызвать мировое возмущение и устранить весь «консервативный» генералитет МО СССР. Ведь не секрет, что молодых людей у «Белого дома» задарма спаивали, дабы те не боялись бросаться на танки и бронетранспортеры, ведомые такими же молодыми парнями, не собиравшимися ни на кого нападать. Надо наконец открыто сказать: в четырех жертвах «путча» повинны те, кто нападал первым, кто в прямом смысле шел убивать. Но отчего ни в одной из демократических газет не было сказано, что в подожженном, уже уходившем из Москвы БМП сгорел солдат — механик-водитель? А ведь он тоже — наш человек. Чем утешится его мать? И великая заслуга армии в том, что жертв не оказалось больше, что она не поддалась на провокации организаторов заговора против нее. Но генералитет все равно был смещен. (С горечью говорил об этом в «Советской России» (от 27.09.91) командующий внутренними войсками генерал-полковник Ю. В. Шаталин — ветеран войны в Афганистане, защищавший затем мирных жителей Армении, Азербайджана, Ферганы, Абхазии, Молдавии и Нагорного Карабаха, без каких-либо объяснений уволенный сразу после «путча» в запас.)

Тайна гибели министра МВД Б. К. Пуго, возможно, в скором времени откроется. В прессу уже просочились данные о том, что он не застрелился, а был буквально изрешечен пулями у себя в квартире вместе со своей женой. (По сообщению «Независимой газеты» от 27 августа 1991 года, Б. К. Пуго 16 августа встречался с М. Горбачевым на президентской даче в Форосе.) Милиция в «путче» не участвовала и ничем себя не скомпрометировала. Хитрость ли это самого Пуго или здесь кроется другая причина — еще предстоит узнать. Но в любом

случае — за что-то же он уничтожен в отличие от остальных живых и здоровых гэкачепистов...

Вопросов пока еще слишком много, чтобы можно было сделать окончательный вывод относительно тех грозных августовских событий. Но многим уже совершенно ясно: ни Янаев, ни Язов, ни Крючков, ни Павлов (уже 20 августа прикинувшийся больным), ни тем более Лукьянов не могли, никогда бы не решились и пальцем самостоятельно пошевелить без согласования с М. Горбачевым. Не те это люди. Когда они поняли, что оказались пешками в чужой игре, то гурьбой (опять же кроме Пуго) кинулись спасаться к Горбачеву в Форос, а оттуда — отвергнутые, преданные, униженные, обреченные и ничтожные — полетели назад в Москву, чтобы поскорее и без хлопот сдаться на милость демократам. Могли ли эти люди самостоятельно управлять таким государством, как СССР? Подобное трудно себе представить.

Но еще удивительней во всей этой загадочной истории поведение демократов в Моссовете и в «Белом доме». Представим себе ту ситуацию: в Москву введено несколько танковых дивизий, центр оцеплен десятками тысяч солдат, вооруженных автоматами и гранатометами, в столице объявлено чрезвычайное положение. А Ельцин с Хасбулатовым, Поповым и Станкевичем совершенно спокойно из функционирующей как обычно президентской резиденции в «Белом доме» по радиостанции «Эхо Москвы» объявляют членов ГКЧП преступниками, ублюдками, фашистами, а их «переворот» — заговором обреченных... Не правда ли, как-то все это очень странно... И в ответ — никакой реакции со стороны «преступников» и «фашистов»... В «Белом доме» ни на миг не отключались ни электричество, ни телефоны, ни водоснабжение, туда свободно и в огромных количествах поступали питание и... алкогольные напитки. Разве так ведут себя настоящие заговорщики, обладающие к тому же всей полнотой власти в стране?..

Не станем сомневаться в том, что Ельцин и его окружение — смелые люди, но, согласимся, во все времена логика подобных — р е а л ь н ы х — событий диктовала людям несколько иные действия. Лезть на рожон, буквально напрашиваться на жесткие ответные меры при реальном и, как сам считаешь, «преступном» противнике — просто глупо. Такое возможно только в одном случае: когда уверен в безнаказанности за любые свои поступки и слова.

Но вот что заявил генерал К. Кобец, возглавлявший защиту Российского Дома на Красной Пресне: «У меня в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план противодействия путчистам. Он назывался план «Икс»...» («Московский комсомолец» от 31 авг. 1991 г.). А теперь задумаемся: в сейфе 19-го утром — о т р а б о т а н н ы й п л а н! Интересно было бы узнать от генерала Кобеца: к о г д а этот п л а н «отрабатывался» и какого числа он оказался в сейфе?..

Левая пресса, ставшая ныне (как в 1918 году) официозной печатью, на весь мир раскричалась о своей «победе на баррикадах». Не спорю: наверное, очень приятно сознавать себя в конце концов «героями, отстоявшими свободу в схватке с реакцией». Но, дорогие мои, сами-то себя вы еще способны спросить: что такое для танков — баррикады?.. Так, после третье-

го дня «путча» в одной из демократических газет я прочитал такую фразу: «Ночью на Смоленской площади Москвы танки прошли сквозь троллейбусы, не заметив их...»

Но уже через месяц — средства массовой информации стали усиленно навязывать мысль о неизбежности второго этапа «военного переворота»...

А НУЖНА ЛИ ИМ ВОЛЯ?..

Вот и проявилась наконец подлинная физиономия их «демократии». Вернее, ее (подобной «демократии») свирепый оскал. Многие представляли себе и многие все еще представляют эту их «демократию» как свободу слова, печати, форм существования, одним словом — свободу для всех. И они, когда боролись за власть, и вправду именно в этом нас нахраписто убеждали, именно на этих обещаниях и лозунгах выбивались в лидеры «перестройки» и подлинно с этими надписями на знаменах шли по нашим головам к нынешнему развалу и хаосу.

И вот теперь, объявив себя «национальными героями», они публикуют в газете «Московский комсомолец» (от 26.09.91) статью под названием «Я пришел лишить вас слова», в которой совершенно спокойно (и объясняя нам необходимость такого шага) требуют «закрыть назад» ненавистные им газеты, журналы и телепрограммы. И в первую очередь — «600 секунд», «Рабочую трибуну», «Пульс Тушина», «Наш современник», «Молодую гвардию», «Военно-исторический журнал», «Литературную Россию» и «Советскую Россию» (перечисляю в порядке их изложения). «Да и «Правду», — не унимаются они, — туда же». Потом, спохватившись, что не всех вспомнили, удлиняют список своих «врагов»: «Также следовало бы лишить депутатских мандатов идеологов переворота — группу «Союз». Да-да, я не оговорился: авторы этой статьи называют всех несогласных с такой «демократией» своими врагами, и слово враги — набирают вразрядку.

Как говорится, приехали. Быстро же, надо сказать, их терминология дошла до излюбленного ими словечка: «враг революции» или «враг народа»... А врагов, конечно же, надо уничтожать, изолировать, запрещать, всячески давить. «Да, это неконституционно», — соглашаются они, но что тут поделаешь — ведь враги же! (Не они ли в августе этого года на весь мир возмущались «неконституционностью» введения чрезвычайного положения в стране?)

Вспомним, на какой остервенелой критике сталинизма, на каком поношении ими тоталитарного мышления дорвались они до своей «свободы слова», чтобы тут же со знанием дела выкорчевать любую иную не их свободу, любое не их право. Впрочем, чему тут удивляться: перед 1917 годом их предшественники вели себя на сто процентов так же, понося «гнет самодержавия»... А придя к власти — залили страну кровью.

И нынешние, выучившиеся на нашем горьком опыте «демократы» объясняют нам, неразумным, азы зоологического расизма: оказывается, в нашей стране существуют **«два народа с диаметрально противоположными представлениями о том, что есть свобода»**. «Первый народ» — это интеллигенция, то есть те, кто во время известных событий, по их словам, писал и «лепил» листовки. А «второй народ» — тот, что листовок не «лепил» и тем более, по причине своего невежества, не писал. Он всего-навсего — навоз, на котором выросли «враги» из группы «Союз» и «Пульса Тушина». И потому — слушайте и вникайте: **«Сегодня этот народ не имеет права голоса. Он не должен иметь его ни завтра, ни послезавтра, ни через десять лет»**. Вот она, еще раз напомню, их «демократия»! Вот их подлинно фашистская программа, откуда само собой вытекает афористическое: «Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

Согласно этой большевистской, а точнее сказать, троцкистско-фашистской «демократии», в соответствии с каковой в 1918 году были аналогичным образом запрещены и разгромлены все небольшевистские газеты и журналы, сегодня они предлагают «годика на два» изолировать Александра Невзорова, пока при полной безгласности они не расправятся с остальными «врагами». А там «годика через два, глядишь, все придет в норму, и ты вылезешь из подполья», — обещают они известному журналисту. Что означает их «норма», наверное, ясно без объяснений. И В. Жириновского — «туда же», под арест, чтобы никто не смел даже и заикаться о русских бедах, русских проблемах, русских беженцах, вообще ни о чем русском. Пусть вовсе не будет у русских никаких политических лидеров. Логика их проста: «не вижу — значит, не существует». На основании семидесятилетнего опыта своей диктатуры они уверены: этот «второй народ» «в отличие от интеллигенции никогда не защищал битых», то есть они не сомневаются: им, «первому народу», все позволено, потому что якобы опять пришла их власть (в то время как все семьдесят лет она и не кончалась).

Это извращенно-примитивное, топорно-расистское мышление они в своей статье называют «просветительской программой», одним из главных пунктов которой — «немедленный (!) роспуск всех детских военно-патриотических клубов», кроме, надо полагать, клуба «молодой бейтаровец». Такие вот «демократические» «просветители» не останавливаются на полном запрете любой патриотической деятельности и печати, их «просвещенный ум» уже диктует на будущее **«ответственность не только за слово и дело, но и за помышление»**. Так что большевистские идеи в наши дни успешно развиваются.

Впрочем, о «демократии» они с блеском в глазах могли болтать только тогда, когда поносили ими же самими устроенную «коммунистическую систему» (статья-то публикуется в «Московском комсомольце»!), за семьдесят с лишним лет своего бытия наломавшую им бока. Теперь же, когда, по их убеждениям, «демократия» вновь в «этой стране» победила и якобы привела их к железной власти, она для них — как отработанный шлак: «В джунглях демократию устраивать — дело неблагодарное. Не приживется демократия в джунглях», — не моргнув глазом, без сожаления отказываются они от нее. Ах, демократы, не рано ли вы сбрасываете демократические маски?! Говорят, Сталин — фигура мистическая. И придет он из ваших же рядов...

Но кого и чего в самом деле боятся и от кого хотят изба-

виться такие вот агрессивные «демократы»? Мы знаем десятки, сотни, тысячи фактов издевательств и убийств русских и людей других национальностей на территориях всех наших республик. Россия наводнена русскими беженцами, доведенными до отчаяния притеснениями на национальной почве. В Прибалтике русские уже в газетах объявлены не просто людьми второго сорта, а дословно «никем». Всему миру известен еврейский «Апрель», погубивший русского рабочего. Но всякий, убивший русского, по их понятию, — не фашист.

Газета «Московский комсомолец» устами своих авторов призывает громить собрания русского общества «Память», в прямом смысле требует каждого из его членов — бить, отправлять в «реанимацию»: «Вышел через месяц, поговорил — и обратно к врачам. На третий раз либо его добьют, либо он станет уважать право личности и чужое мнение... Пусть они нас боятся. И молчат» (никто никогда не слышал, чтобы «Память» отвергала право личности или чужое мнение и уж тем более, чтобы призывала к погромам, как это делают наши «демократы»). Уважать же «чужое мнение», то есть их мнение, как нам уже известно, означает — «молчать». Любой несогласный с этим «мнением» — враг, фашист и должен попасть в реанимацию.

Стоит ли уточнять лишний раз тип такой логики? По-моему, и без того все слишком ясно. Но ответить на эту логику нужно вот что: когда чистейшей воды фашизм, прячущийся под демократической личиной, со страниц прессы требует прямых расправ над организациями и людьми, даже близко не заявлявшими ничего подобного этой преступно-расистской бредятине, то данный орган печати вместе с его авторами (здесь — с собственными корреспондентами) обязан быть привлечен к уголовной ответственности по совокупности статей УК РСФСР: ст. 74 (возбуждение расовой вражды, унижение национальной чести, прямое или косвенное ограничение прав, а также те же действия, соединенные с насилием или угрозами). ст. 207 (угроза нанесения тяжких телесных повреждений), ст. 140[1] (принуждение с целью ограничения свободы печати). И первый, кто обязан подать в суд для привлечения данных авторов и данную газету к ответственности, хотя бы ради реабилитации себя за гибель невинного человека, — это литературная организация «Апрель», столь ревностная на словах к правам человека и его национальному чувству. В противном случае, они, «апрелевцы», проигнорировавшие откровенно фашистскую публикацию, подтвердят свою солидарность с изложенной выше «просветительско»-палаческой моралью обнаглевших русоненавистников.

Издеваясь над словами Степана Разина «Я пришел дать вам волю» (по книге В. Шукшина), авторы «МК» с удовольствием паясничают: да кому эта воля нужна?! И, любуясь собой, отчетливо и с расстановкой декламируют, как со сцены: мы пришли, чтобы заткнуть рот русским патриотам.

ПОЧЕМУ МОЛЧАТ РУССКИЕ?

В одной из телевизионных передач теперешней «Информационной программы», заменившей «Время», комментатор радиостанции «Свобода» Марк Дейч, по-хозяйски обосновавшийся на ЦТ, совершенно спокойно и с видимым злорадством объявил на всю бывшую «империю», что русская нация изменилась качественно в худшую сторону: она измельчала. За эти слова, наверное, можно было бы назвать Дейча кем угодно: и русофобом (чего сам он, будучи нерусским, никогда не скрывал в своих многолетних выступлениях по «Свободе»), и просто мерзавцем, прекрасно знающим о всех изощренных преступлениях и издевательствах врагов России, в первую очередь над русскими, с 1917 года до наших дней, после которых, собственно, и немудрено русскому народу измениться «качественно». Тут, скорее, другому удивляться надо: как жив остался этот народ?

Однако не естественным возмущением словами Дейча продиктованы излагаемые здесь размышления. Совсем наоборот. Ведь как ни горько сознавать, но этот прыткий «ваш» соотечественник с немецкой фамилией в какой-то степени прав. Другое дело, что он своей правоте рад-радешенек (как же, на качественном измельчании русской нации особенно выгодно смотрятся «достоинство», возвышение и железная спайка его «малого народа»). У меня же от его правоты бессильно опускаются руки. Глядя на всю нашу бесплодную борьбу с преступным коварством демократических лжецов и авантюристов, опускаются руки и хочется волком выть: русские, где же вы?! Да остались ли вы на этой земле?! Да как же вы можете равнодушно сидеть по своим углам и трусливо молчать, когда грабят и унижают вашу землю все, кому не лень?! Осталась ли в вас хоть капля русскости? Но знаю, что в ответ будет гробовое молчание.

В газете «Русский Вестник» (1991, № 21) мне пришлось криком кричать в статье под названием «Откройте глаза!!!» о том, какими страшными темпами разоряется Россия в угоду ожиревшему Западу и мировому капиталу. Проняло ли это хоть кого-нибудь из несчастных соплеменников? Не слышно. Реакции — никакой. В журнале «Молодая гвардия», вслед за фантастическими разоблачениями в статьях А. Кузьмича, прямо спрашивал их: что, хотите быть «рабочим скотом для европейского подворья?» (1991, № 8). Думал — может быть, вздрогнут от такого сравнения. Ничуть. Словно речь идет и не о них вовсе.

Впрочем, не совсем так. Появился отклик в газете «Известия» (от 28.09.91), но — критика-демократа по фамилии А. Турков, «неравнодушного» к патриотической печати. Появился, как и подобает этой газете, исключительно для того, чтобы передернуть факты: вот, мол, автор статьи в «Русском Вестнике» кликушествует, пугает, но насколько же это все несерьезно... Да к тому же не знает он, этот автор, истории. Говорит, что когда Россия после гражданской войны лежала в разрухе и ничего в ней не производилось и не добывалось, то якобы западные страны охватил экономический кризис, хотя кризис там разразился почему-то лишь в 1929 году...

А. Туркову, конечно, не впервой корчить из себя умника. В этом смысле он — автор хорошо нам известный. Да только неплохо бы ему хотя бы напоследок (перед запретом) почитать Ленина, в особенности его работы начала двадцатых годов —

о «последнем», «смертельном» и «безвыходном» кризисе капитализма. Ведь не на голом же месте делались подобные выводы! Например, вот что он писал в мае 1921 года в наказе местным советским учреждениям: «...во всем мире свирепствует экономический кризис и даже в передовых странах, которые до войны (имеется в виду первая мировая война. — В. Х.) были далеко впереди России по своему развитию и которые несравненно меньше пострадали от войны» (Ленин В. И. ПСС, т. 43, с. 268). Или такая цитата из его отчета ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике Республики»: «...ясно становится... что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет...» (т. 44, с. 294). Повторю: все это сказано Лениным в 1921 году — сразу же после окончания гражданской войны в России. Более того, все это мы «проходили» еще в школе. Тут нет ничего нового. И А. Турков — все знает. Но ему важно опошлить неугодную публикацию и одурачить читателя.

И все же речь сейчас о другом: почему молчат русские в России?

В самом деле, на фоне бурных событий последнего времени в бывших союзных и автономных республиках, в событиях именно национального характера, в которых на переднем плане монолитно выступал народ, — русские, несмотря ни на что, проявляли и продолжают проявлять потрясающую инертность, индифферентность, а точнее — безразличие к любым формам унижения их национального достоинства и разрушения тысячелетнего российского государства. В чем тут дело? Неужели в том издевательском объяснении, какое дал русофобствующий Дейч?

Прошлые воскресные антикоммунистические митинги демократов, главным образом в столице, собиравшие несколько десятков тысяч любопытствующих и безнациональных обывателей (в девятимиллионном городе с десятимиллионным Подмосковьем!), не имеет смысла отождествлять с выплеском воли большинства народа и тем более русского. В митинговых страстях последних двух-трех лет мнение русских никак себя не проявило, хотя, судя по личному общению с самыми разными людьми, это не означало, что его, мнения, вообще не было.

А что же было? Публично осудили и затем тайно убили русского рабочего за отстаивание равных прав наций на русской земле, то есть, как определил суд, за «антисемитизм» (такое бывает только в угоду оккупантам). В ответ — молчание. Объявили 19 августа о «государственном перевороте» — молчание. Через три дня демократы возопили о своей «победе». Население продолжало молчать. Ведь смешно же информационный демократический галдеж тех дней принимать за народное мнение!

Честные и трезвомыслящие люди понимают, что именно такое безразличие ко всему происходящему и погубило Россию в феврале и окончательно — в октябре 1917 года. Безучастие большинства и бестолковость, ребяческая податливость на демократическую демагогию меньшинства. Интеллигенция с радостным блеском в глазах также бегала на митинги и призывала «слушать музыку революции». Вооруженные банды из бывших «рабочих» в «борьбе за свои права» готовы были пристрелить любого, кто не с ними. Крестьяне вообще считали, что «пусть они там, в столицах, сами разбираются, наше дело маленькое», и опомнились только тогда, когда к ним пришли «грабить награбленное»...

Теперь бывшие социал-демократы, то бишь коммунисты, объявлены новой демократией консерваторами и разогнаны с тем же лозунгом: «грабь награбленное» (приватизации собственности КПСС прошла по принципу разграбления собственности царской администрации). Все преступления бывших социал-демократов против русского народа списаны новой демократической братией на грузина Джугашвили. Только непонятно, зачем они с таким упорством восстанавливали в этой партии Зиновьева, Бухарина, Каменева, Рыкова?..

Не видеть всего этого, не понимать — невозможно, потому что иначе здесь виной будет вовсе не «качественное измельчание нации», а нечто иное, приближенное к клиническому тупоумию. Но предполагать такое, наверное, не решится даже Марк Дейч...

Так что же, выходит, опять мы смирились с участью бессловесных волов, которых ведут на бойню? Выходит, опять мы, теперь уже самозабвенно уставясь в роко-эротический голубой экран, ждем, когда нам всем поодиночке пооторвают головы?

Не случайно мною сделан акцент на «молчание русских в России». Например, в Прибалтике и в Молдавии они не молчали... (Но кто здесь услышал их крик?) Там они были просто объявлены «никем» и без лишних разговоров изгонялись с насиженных мест (из Западной Украины и с Кавказа русские уезжали при молчаливом озлоблении обеих сторон). Там русские вспомнили о своей национальности, когда им пригрозили смертью. Казалось бы, за что? Жили тихо, мирно, никого не трогали, никому не мешали. И вдруг — смерть за то, что ты русский (даже немецкие оккупанты вслух так прямо не говорили...). А ведь до этого они считали себя советскими...

Физическое насилие, вакханалия местного националистического экстремизма, погромы и жуткие оскорбления, то есть угроза реальной гибели, заставили русских в Молдавии, в основном в Приднестровье, поднять свой голос, сплотиться и даже вооружиться для своей защиты. Россия же пальцем не пошевелила ради спасения своих людей, никто здесь не вышел на митинг в их поддержку...

Восемнадцатилетнего Дмитрия Матюшина убили днем в центре Кишинева на глазах у многих людей за то, что он разговаривал по-русски. После сухой информации об этом диком факте в некоторых газетах Россия вновь хладнокровно промолчала. («Огонек» же в это время с упоением рассказывал о дореволюционном кишиневском еврейском погроме...)

С одной стороны, мы видим здесь проявление откровенного фашизма. Но с другой... Чем объяснить происходящее с русской стороной? Национальной инфантильностью, потерей исторической памяти, трусостью, интернационалистским воспитанием? Несомненно, тут имеет место и то и другое. Но получается, что только нам одним суждено было так прискорбно национально надломиться. Тем, кого повсюду, даже в самой России, обвиняют в тоталитарном, имперском, шовинистическом мышлении кого словно в насмешку называют оккупантами...

От усугубляющейся день за днем безысходности нашего положения (поистине — национальной трагедии) сами собой приходят мысли об освобождении... В 1877 году России вступила в войну с Турцией за освобождение православных болгар. В конце двадцатого века Россия молчит, когда издеваются над братьями по крови в Прибалтике, на Украине, в Молдавии, в Казахстане, на Кавказе и в других местах. Может, кто-то ждет первого шага со стороны правительства? Но только слепой не видит явной антипатриотической направленности абсолютно всех действий и постановлений как союзного, так и российского руководств. Антикоммунизм был только прикрытием их истинного антипатриотизма. Но такое руководство русские в России выбирали сами. На всех прошедших выборах они в большинстве своем голосовали за антипатриотов-демократов, которые открыто, цинично и нагло заняли место коммунистов и стали в тысячу раз хуже, безучастнее к нуждам простых людей. Потому они, избиратели, и молчат теперь, наблюдая результат «работы» демократических выдвиженцев, отдавших на заклание распоясавшимся националистам русское или, как привыкли выражаться, русскоязычное население бывших союзных республик, а ныне — «суверенных государств».

Да, молчат русские, так как по собственной воле отдали власть в стране болтунам, миллионерам, преступникам, извращенцам и русоненавистникам. Молчит русское население, вновь легкомысленно купившееся, как и в семнадцатом году, на все те же дешевые лозунги о неких «свободах»... Свободе их дурачить и грабить. Они молча глядят, как их избранники все ломают, рушат, отменяют, запрещают, присваивают, вывозят, останавливают, увольняют, ухудшают, развращают, грозят голодом и холодом... Но ничего полезного и нужного для нормальной жизни не делают, не создают, не восстанавливают, не улучшают, не налаживают, не защищают (а ведь патриотическая печать много раз предупреждала об этом). Что же остается делать тем, кто своими руками прокладывал дорогу к власти таким вот «радетелям народа»? Только, потупив глаза, молчать.

Русские же патриоты поддержки на выборах не получили... Вот и стонут, безответно взывая к нам, русскоязычные парни Эстонии, Литвы, Латвии, Молдавии и даже Украины. И плачут там матери, изгнанные с работы по национальному признаку, у которых детей не принимают ни в детские сады, ни в школы... Вот и скрипят зубами их мужья, бессильно сжимая кулаки: «Россия нас предала...»

Но не земля русская их предала и не страна. Их предали непосредственно мы, русские России, через всеобщую нашу глупость. Когда бы не она, не всеобщая эта глупость, жить бы нам припеваючи, радостно, спокойно и богато. И никого не бояться. Потому что жить плохо и бедно на такой земле — противоестественно. Это преступно по отношению к самим себе. И если кто-то на нашей земле заставляет нас жить в таких жутких условиях, тому нет никакого оправдания и не может быть на ней места. Но если мы позволяем себе так жить, значит, мы ничего другого и не стóим, значит, мы не имеем права называться народом. Люди, растерявшие патриотическое чувство, — не народ. Только осознанный патриотизм создает

народный монолит из разрозненного, разобщенного и ко всему равнодушного населения.

И заключить эти размышления мне хочется выдержками из дневников военного министра Временного правительства генерал-майора Александра Ивановича Верховского, очевидца и участника трагических событий первых лет антирусской революции. Эти дневники никогда прежде у нас не публиковались.

«22 марта 1918 года. Петроград.

Великая скорбь посетила родную землю. Обессиленная, лежит Россия перед наглым, торжествующим врагом, и все — интеллигенция и рабочие, буржуазия и крестьянство, все классы, все партии России несут муку и позор поражения. Все лозунги провозглашены, все программы перепробованы, все партии были у власти, а страна все-таки разбита, унижена безмерно, отрезана от моря, поделена на части, и каждый, в ком бьется русское сердце, страдает без меры.

Многие, многие потеряли веру в свой родной край, в силы земли наших предков. Что же!

Пусть малодушные плачут, пусть теряют веру в свой народ. Но сильные верят и будут бороться за возрождение России. Тем, кто не бросил свой народ в тяжелую минуту испытания, кто не потерял веру в него, когда ему действительно было трудно, тем судьба бережет и радость увидеть оправдание своих надежд.

Определить и доказать причины нашей неудачи должны будут многотомные исследования, написанные в тиши библиотек и архивов, когда смолкнет ревущая стихия народной смуты. Нам же ясно, до очевидности, до боли в глазах от яркого света этой правды: мы разбиты потому, что мало любили свою родину, единую для всех! Не социалистическую, не буржуазную, а просто родину, где мы впервые увидели свет, поля и леса которой мы любим, потому что они наши родные, народ которой, какой бы он ни был, наш родной народ, который мы любим и будем любить, и будем верить в него и его возрождение к новой, лучшей, светлой жизни красоты и счастья.

Мы все виноваты. Мы разбиты потому, что перед лицом злобного врага мы занялись внутренними счетами и вместо общих усилий для обороны страны в междоусобной злобе надорвали свои последние силы.

Довольно же злобы, довольно ненависти, довольно политических мечтаний.

У нас есть родина, измученная, истерзанная, брошенная под ноги торжествующего победителя! Будем же бороться во имя родной земли, во имя родного народа! Только общими усилиями мы спасем его.

Пусть лозунгами нашими будут родина, единение и правда, лозунгами новой общей работы во имя возрождения великой России!

...Велики переживаемые нами испытания, но в горе нашем найдем в себе силы прощения. И тогда весь единый народ с единой любовью к родине скажет: пусть живет Великая Родина наша! Пусть под знамя Родины идет каждый, в ком сердце бьется, у кого в жилах течет русская кровь; тогда не погибнет Великая Россия, не погибнет и русский народ! (разрядка автора дневников).

Эти слова со времени написания не только не утратили животрепещущей значимости, но в переживаемую нами смутную пору приобрели еще большую эмоциональную остроту и трагическую сущность. Эти слова и сегодня мог бы повторить каждый, кто не разуверился в духовной святости русской земли, кто готов до конца бороться за восстановление нашей Великой Родины и возрождение великого н а р о д а.

Октябрь 1991 г.

НЕТ, ДУСЬКИН В РЕДАКЦИЮ «МГ» НЕ ПРИХОДИЛ

Вакханалии произвола пришедших к власти так называемых демократов достигла такой степени, что сии новые властелины в борьбе с инакомыслящими и с Советской властью вообще без зазрения совести используют откровенно фашистские методы. Так, в Москве, например, в Санкт-Петербурге и других городах уже фактически уничтожены городские Советы народных депутатов, вместо них на западный образец созданы некие мэрии. Мэр Москвы (что-то вроде дореволюционного городничего) Г. Х. Попов всю Москву поделил на префектуры с префектами во главе (тоже как в «цивилизованных» странах), а при этих префектурах сформированы некие отряды национальной гвардии, одетые в специальную форму, напоминающую форму гитлеровских штурмовиков.

Вот сии «штурмовики» уже широко используются против инакомыслящих. На всю страну, да и на весь мир прогремела недавно чудовищная попытка московской мэрии запретить деятельность Союза писателей РСФСР, арестовать и отобрать здание правления СП России. Распоряжение об этом отдал начальник Центральной префектуры некто Музыкантский, послал в правление СП РСФСР новоявленных штурмовиков под командованием некоего Дуськина (кто знает, какой у него чин, может быть, и штурмбаннфюрер!) с приказом очистить и опечатать здание Союза писателей.

Попытка эта позорно провалилась (на защиту российских писателей встала вся здравомыслящая общественность), но по стране покатились слухи, что «демократы» намерены теперь во все прогрессивные газеты и журналы прислать по «штурмбаннфюреру» Дуськину, то есть закрыть эти издания, в том числе и журнал «Молодая гвардия».

В связи с этим в нашу редакцию хлынул поток тревожных писем и телеграмм. Но в них же и слова поддержки, признательности журналу за его патриотическую деятельность, обещания в случае чего необходимой помощи.

Приводим выдержки из некоторых писем и телеграмм:

«С напряженной тревогой слежу за развитием трагических событий... Будет ли издаваться «Молодая гвардия» или ее постигнет участь «Советской России»? Чем мы на периферии можем помочь журналу, Отечеству?

Вл. Юдин, г. Тверь».

«События последних дней вызывают страх за судьбу журнала. Но правда — все равно победит. Дай Бог вам здоровья и творческих сил.

Н. В. Иванова, г. Ессентуки».

«Теперь, после происшедших событий, снова начнется травля вашего журнала. Пожалуйста, наберитесь мужества и не давайте закрыть журнал, а мы, чем можем, вам поможем. Так мало газет и журналов, в которых защищаются интересы русских... Не дай Бог, закроют ваш журнал, газету «Советская Россия», «Наш современник», и мы останемся на поругание и оплевывание.

Е. Н. Белогоркина, г. Новочеркасск».

«Мы, постоянные читатели, очень хотели бы знать о судьбе вашего (и нашего!) журнала. Стоит ли нам теперь на него подписываться на 1992 год... В самое страшное время нам будет тяжело без нашего журнала, как никогда вы нам нужны, где же мы найдем правдивую и объективную информацию о происходящем? Мы, подписчики, будем бороться за свой журнал.

О. Смолянская, Родникова, г. Махачкала».

«Мы очень любим ваш журнал, ибо он выражает мысли миллионов трудящихся и надежды. Поэтому в этот смутный период желательно, чтобы сохранилось лицо журнала таким, каким оно было. Не поддавайтесь на провокации вплоть до голодовки...

Семьи Довлеевых, совхоз «Красовский», Орловская область».

«Если ваш журнал закрыт окончательно... или под этим же названием преподнесут другой, с другой редколлегией, угодной «демократам», — прошу вернуть мне деньги за оставшиеся номера... Прощай, гласность, плюрализм, хваленые права человека. «Демократы» показали, что это за права... Но будем надеяться, что не все продаются за заморские штаны с яркой наклейкой, найдутся патриоты, которые спасут Родину.

В. И. Колганова, г. Хабаровск».

«Стоящим теперь у власти, разорившим свой народ, разрывающим на части Отечество (как шакалы рвут добычу) нужна пустыня (как на Аравийском полуострове). Им нужны «пустые» головы, чтобы вложить туда свою «мякину».

Горько все это сознавать... Страшно и за вас, за ваш и наш журнал. И я молю Бога, чтобы он дал вам мужества, выдержать, выстоять. Помните, что вы очень нужны людям, оставайтесь такими, какими мы вас знаем и любим.

Т. И. Дерюгина, г. Севастополь».

«Я ваш подписчик в этом году и не знаю, как быть с подпиской на следующий год, не захлопнут ли наш журнал?

А. П. Точковский, г. Херсон».

Ну и так далее, и так далее. Всех авторов подобных писем не перечислишь, ибо их в редакцию пришло сотни и сотни только за последнее время. Да в этом и нет нужды. Мы только хотим сказать нашим друзьям и доброжелателям, что Дуськин в редакцию пока не приходил, что мы, хотя и находимся под тяжелым прессом лживой «демократической» печати, все более желтеющей от русофобии, пьянеющей от политических доносов, но продолжаем выходить. Подписка на 1992 год производится без ограничений с любого месяца года, хотя многие «демократы» из Союзпечати демонстративно отказывают людям в подписке на «Молодую гвардию». Знайте, что такие их действия незаконны, всюду требуйте оформления подписки!

Придет ли когда-нибудь некий Дуськин или Муськин в редакцию «Молодой гвардии» с той же целью, что и в правление Союза российских писателей?

Вряд ли... Хотя русофобам этого очень хочется и они рассылают во все «демократические» инстанции письма вот такого содержания (а копии — нам):

«Редакция! Закрыли «Совраску» (т. е. «Советскую Россию»), неужели не закроют грязный русско-фашистский журнал «Молодая гвардия»?.. Я обращался с просьбой об этом к прокурору РСФСР, в МВД и КГБ России. П. С. Сергеев (участник ВОВ), г. Санкт-Петербург».

«Редакция! Я счастлив, что дожил до снятия наместников Ленина... Хочется верить, что доживу до того, что будут судить русских фашистов из редакции «Молодой гвардии», «Наш современник», «Кубань», разных Алексеевых, Куняевых, Шафаревичей и других подонков-«патриотов» — злейших врагов России. С. Васильев (участник войны), г. Санкт-Петербург».

Таких писем, правда, немного, но они есть. Чувствуете, как у их злобных до беспредела авторов на губах пузырится кровавая пена? Такие «участники и инвалиды ВОВ» не только руками Музыкантских, Дуськиных-Муськиных, но своими собственными готовы передушить «разных Алексеевых, Куняевых, Шафаревичей...». И странно, что подобные письма похожи одно на другое, будто писаны одними и теми же людьми (если их можно так назвать), наполнены одними и теми же угрозами — запретить, осудить, посадить, любым способом уничтожить прогрессивные, патриотические журналы, газеты и их авторов. Может быть, они и пишутся во все инстанции двумя-тремя провокаторами типа скандально знаменитого сиониста Норинского или какой-нибудь небольшой, но организованной группкой профессиональных трупоедов.

Понятно, что их действиями возмущаются все порядочные люди. Вот что пишет нам еще одна читательница:

«Я еще не держала в руках 8-й номер вашего журнала, но по ЦТ диктор со злобным лицом потрясал на экране этим номером и привел одну цитату. С каким бы остервенением он предал ваш журнал огню... Т. И. Дерюгина, г. Севастополь».

Автор письма не сообщает фамилии диктора «со злобным лицом», но это мог быть и небезызвестный политический стукач А. Бовин, который всюду ором орет, что «такие издания, как «Советская Россия», «День», «Молодая гвардия», всем своим содержанием идейно, психологически готовили переворот...» (из письма В. Воронова из Калининграда, Московской обл.), или диктор Российского ТВ Ю. Ростов... Лица у обоих как раз такие... «демократические».

Читательница Т. И. Дерюгина, которую мы уже цитировали, еще пишет в своем письме: «Молю Бога, чтобы он дал вам мужества выдержать, выстоять. Помните, что вы очень нужны людям, оставайтесь такими, какими мы вас знаем и любим...»

Спасибо за добрые слова. Да, мы знаем, что нужны читателям, порядочным людям. И мы останемся такими, какие есть, не предадим своих читателей, будем стоять до последнего, «вплоть до голодовки», как советует семья Довлеевых из совхоза «Красовский» Орловской области. Или до... «самоубийства» наших сотрудников и авторов. Да-да, мы серьезно, сейчас ведь эпидемия на «самоубийства»: Пуго, Ахромеев, Кручина, Павлов... А еще раньше — Смирнов-Осташвили. Недавно мы получили от «него» такое послание: «Дорогие друзья! Шлю вам горячий привет из... ада! Надеюсь (больше того — уверен!), что вскоре свидимся. Ваш Смирнов-Осташвили».

Это «письмо» нам переслал из Санкт-Петербурга (опять из Санкт-Петербурга!) некто С. Карпов.

Подобные письма с угрозами физических расправ мы тоже получаем. Тот же вышеупомянутый П. Сергеев из того же Санкт-Петербурга стращает: «Участь у редколлегии одна — как у Гитлера-Геббельса». Некий «офицер в отставке» Голубицкий из г. Зеленодольска Татарской АССР грозит: «Молодая гвардия»... пожнет бурю. А уж какой она будет, что и кто будет сметен этой бурей — напишут потом». И завершает угрозу многозначительно: «Будьте здоровы и счастливы, Анатолий Иванов». Один житель Москвы зловеще обещает работникам редакции: «Мы вас из-под земли достанем. И не только вас, но и ваших детей, внуков — всех! Не сомневайтесь!» А дальше идет уже вовсе не печатная матерщина (сообщаем указанные на конверте фамилию, имя, отчество и полный адрес этого «высоконравственного» субъекта — ведь кто-то, возможно, с ним еще здоровается — Бондаренко Николай Степанович, Москва, ул. Молостовых, д. 15, корп. 1, кв. 106). А некто Купфер Арнольд, тоже из Москвы, клятвенно заявляет, что над «Молодой гвардией» и ее сотрудниками «страшный суд неотвратим» и что для его свершения «Бог избрал меня, как обещал 27 веков назад. Ис. 45, 1—24. Доказать? Звоните: 121-73-54».

Видите, и телефон дал. Ну, звонить мы не стали, поскольку из пришедшего вскоре анонимного письма поняли, какой Бог поручил Арнольду Купферу сотворить суд над «Молодой гвардией» и какой суд. В конверт была вложена всего-навсего одна небольшая вырезка из «Евгазки» (если П. Сергеев из Санкт-Петербурга называет газету «Советская Россия» «Совраской», то почему бы «Еврейскую газету» не называть «Евгазкой»?), и вырезка эта гласит: «Московская еврейская религиозная община принимает заказы от граждан по уходу за могилами родных и близких... Качество работ гарантируем».

Спасибо, как говорится, за заботу. Мы оценили «юмор» анонима. Только неизвестный наш «доброжелатель» не учел, что в редакции «Молодой гвардии» работают люди разных национальностей.

Ну а если серьезно, то, повторяем, именно «демократы» сейчас используют фашистские методы борьбы и расправ с инакомыслящими. Вон некий «демократ» А. Нуйкин диким криком кричит со страниц «Московских новостей», «Независимой газеты», «Комсомольской правды» и других подобных изданий, что Союз писателей РСФСР, журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», газеты «День», «Советская Россия», «Литературная Россия» являются идеологами и организаторами августовского путча. Того и гляди, лопнет от натуги, отравит своих друзей-единомышленников хлынувшей из него вонью. А все не унимается: «Сколько мы взывали к руководству страны и к правоохранительным органам, чтобы они по суду пресекли деятельность организаций, газет и журналов, которые открыто

сеяли клевету и дезинформацию, занимались разжиганием межнациональной ненависти, проповедью антисемитизма и погромов, призывали к насильственному свержению законно избранной власти, подстреканием к насильственному изменению конституционного строя... Дождемся ли?.. («Московские новости», 6.10.91).

Дождались, дождались, господа «демократы», — приходил же Дуськин в правление СП РСФСР с намерением закрыть его. Забыл, что ли, г-н Нуйкин? Правда, потом пришел лично сам префект Музыкантский, чтобы лично извиниться, что послал с этой целью Дуськина с отрядом штурмовиков-головорезов. Ибо сей Музыкантский все же сообразил (не в пример выше цитированному «участнику войны» С. Васильеву из С.-Петербурга), что врете вы все, г-н Нуйкин с сотоварищами, что бесконечно перечисляемые вами творческие, политические организации, газеты, журналы, в том числе и «Молодая гвардия», никогда не сеяли клеветы и дезинформации, не занимались разжиганием межнациональной ненависти, проповедью антисемитизма и погромов, никогда не призывали к насильственному свержению законно избранной власти, никогда не подстрекали к насильственному изменению конституционного строя. А вы все орете: не простим! К суду-у! Крови-и-и! Эй, президенты! Генеральные прокуроры! Мэры! Префекты! Чего медлите?! Или в самом деле приняли нашу демократию за чистую монету!

Вот это, повторяем, и есть настоящий фашизм, не терпящий инакомыслия, расправляющийся со своими оппонентами с помощью пули и топора. И суть подобных нуйкиных становится народу все более ясна. Один из читателей «Молодой гвардии» уже вот так характеризует эту суть в своем бесхитростном четверостишии:

Ай да Нуйкин-«демократ»!
Он типу с челкой — сын родной!
Хромоножке — друг и брат
До дощечки гробовой!

Читатель, к сожалению, «типа с челкой» и «хромоножку» по фамилиям не называет. Однако всем известно, что челки носили, скажем, Наполеон, Гитлер, а в наше время — поэтище Евтушенко, а прихрамывали Геббельс, Клара Цеткин, а из нынешних «демократов» известный активист «Апреля» Вадим Соколов. Может, на кого-то из них намекал читатель «МГ»? На кого? Вот чего не знаем, того не знаем.

Но все более крепнет у нас надежда, что общество скоро прозреет окончательно, сметет в мусорный ящик всех «демократов». И хотя разные Нуйкины еще какое-то время будут беспокоиться на страницах «демократической» печати, «демократического» ТВ, яростно бить копытами, мы все более уверены, что Дуськин в редакцию «Молодой гвардии» не придет. А человек типа И. Малахова, убившего певца-патриота Игоря Талькова? А тут кто знает... Ведь такие, как Нуйкин, их постоянно науськивают.

В. ДОРОЖКО

Стихи молодых

Ровно два года назад в нашем журнале состоялся дебют молодого уральского поэта Арсения Конецкого. Тогда обратили на себя внимание естественность и чистота его поэтического взгляда, непосредственность мировосприятия, выработка характера.

Шло время, и мы вместе с пристрастным читателем ждали: как в дальнейшем пойдет творческое развитие нашего автора? И вот новая встреча. Поэтический голос стал звонче, увереннее. Уходит ученичество, и оттачивается мужественность. Мысль стиха становится емкой, зрелой, слово обретает энергию. Тяга к философичности и обобщениям органично сочетается с сопричастностью к болям и радостям современности. Это позволяет автору и читателям подниматься от важного, но сиюминутного, к глубоко национальным, извечным темам.

Арсений КОНЕЦКИЙ

ВТОРОЕ ЗРЕНЬЕ

СЕРЕБРЯНЫЙ СВЕТ

I

Невеселое солнце морозных широт
Не взрастило щедрот Апшерона.
Хоть шаром покати. Шаг ступи от ворот —
Тишь да глушь, да над рощей — ворона.
В кронах — ветер; в портках перешитых — дыра;

Комариная взвесь над башкою;
И сегодня, как завтра, а там, как вчера:
Нищета вперемежку с тоскою.
Одиноко в осоке сидит мухоглот,
И листва перепрелая ржава.
Что же ты разлеглась вдоль дремотных болот
Да по мхам разбежалась, Держава?
Что же ты невзлюбила веселье цветков:
Ни магнолии, ни олеандра,
Что же ты не городишь для их завитков
Палисадников из палисандра?

II

Невысокое небо слегло на лесок,
Но далече раскинулось поле:
Оттого человечище русский широк!
Оттого-то и мается боле...
Пусть от ветреной зыби сквозных позолот
Весь трепещет осенний ольшаник, —
Зерна к зернышку: мыши пожрут намолот;
Червь подточит уснувший омшаник.

Ранник тронет рябину — вразлет! — не собрать
В закрома тороватые грозди.
Снегирей говорливая рдяная рать
Скоро, скоро напросится в гости.
Скоро, скоро. А там, как и прежде, хандра,
Только в снежном, ином облаченье.
Слышишь, милая, сколько звенит серебра
В среднерусском морозном реченье?

III

Пусть с небес и трусит слюдяная труха,
Что тебе до щедрот Апшерона,
Если — царские! — соболь приносит меха,
Если всякая птаха — корона!
Ну и что теперь, коли не зреет гранат,
Не беременна ветка оливой, —
И без них твой медвежий закуток богат
Кедрачом да плакучею ивой.
Все равно не поможет тебе ни на грош
Околотных народов орава:
Чечевица — не рожь. Пропадай — пропадешь.
Переможешь! На то и Держава.
Пусть иные тарахтают в тартарары,
Нагрузив тарантас барахлишком, —
Будем счастливы в дебрях родимой дыры,
На прокорм промышляя ружьишком...

IV

Слышишь, сколько в словах серебра?
И сегодня как завтра.
А там...

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Снилось: осень, меня сослали в родовое мое село.
Листья в парке уже опали. В зале и на душе светло.
В глубине небольшой гостиной я листаю старинный том
И вожу по строке невинной узловатым сухим перстом.

Вот и вечер. Свечей не нужно. Пусть слуга разожжет камин.
В кресле с собственной тенью дружно посижу один на один.
Вспоминая друзей любезных, мысль одену в просторный стих
И алмазы светил небесных между строк размещу для них.

После стеком с узорной дужкой разорву шутовской роман
И с дворовою девкой Лушкой закручу озорной роман.

Ночью выпадет снег. И сразу станет вдруг мне тесна постель,
И, на след поплевав от сглазу, мы поедем встречать метель.
Ветер в грудь. Вывози, кривая! Кони мчатся в метель, кружа.
На соседском дворе, зевая, расседлают их сторожа.

И княжна в сквозном пеньюаре со свечою сбежит на двор.
Я же — в желтой жокейской паре — погляжу на нее в упор:
«Вы простудитесь... Ночь и ударе... Я счастливейший человек,
Доброй волею Государя сослан в Ваши края, на век...»

Я проснулся. Белеют своды. Общежитский мой каземат.
Боже! Сколько кругом свободы! Отошлите меня назад!..

КОМПРОМИСС

Отчеканенный, отточенный, обреченный свет звезды
Застит очи злым, чернёным, влажным лезвием стальным.
Будут ночи точно совы; станут весны словно ночи:
То ли важно, коли в каждом — червоточина своя?

Залатай рубаху крепче, разудалый гармонист, —
Пусть к ночам купальским сваха «молнию» в нее вошьет!
Эх! Напился бы да в небо пробежался босиком:
То ли важно, коли в каждом — червоточина своя?

Покосившиеся избы да прогнившие плетни,
Да последняя кобыла сдохла в луже у крыльца...
Не избыть тоски-печали — гой-да! — станем петь-плясать:
То ли важно, коли в каждом — червоточина своя?

Отчеканенный, отточенный, обреченный свет звезды.
Залатай рубаху крепче, разудалый гармонист!
Покосившиеся избы да прогнившие плетни:
То ли важно, коли в каждом — червоточина своя...

КАМЕНЬ

По щиколотку вросший в мох, в родимый перегной,
Тысячелетия дремлю в невольной немоте.
Меня и звери, и века обходят стороной,
Да непреложно облака блуждают в высоте.
Я слышу шорохи травы и скрежет корневищ,
Когда окрестные леса предзимний бьет озноб,
Когда на злые голоса свистит небесный свищ
И почерневший горизонт свинцовый хмурит лоб.

С времен ацтекских пирамид и гибели Микен
Я некий путеводный перст в неведомый предел.
Не омрачаемый ничем, не движимый никем,
Я помню: как сгущалась ночь, как плод запретный зрел,
Как с ветви Млечного Пути, покрытой звездной ржой,
Червивым яблоком Земля сорвалась на ладонь
Взраставшего небесный сад не волею чужой,
А токмо промыслом своим, рождающим огонь.

Он яблоко спечет в золе вселенского костра,
Когда увидят облака, что весь я мхом порос,
И я врастаю глубже в мох — покуда не пора! —
А подо мной таится червь, как дремлющий вопрос.
Что тайна? Знаки на песке, накрытые волной,
Неторопливый перелет пузатого жука,
Две полуночные души, вмещенные в одной,
Иль разорви-рубаху пляс хмельного мужика?..

Иль все испепелящий светъ, пришедъ изъ далека?

ВТОРОЕ ЗРЕНЬЕ

Вложивший в зерна тайну набуханья,
Расчисливший движенье птичьих крыл,
Нас одарил за вечные страданья
Вторым дыханьем на исходе сил.
Но есть иное, высшее уменье,
Когда, как дар за нежный, хищный взор,
Откроется очам второе зренье
И станет мир неведом с этих пор.
Дорогу, дом, — ты все увидишь вновь —
Речной обрыв, церквушку, дальний лес.
И жизнь вторую им даруешь в слове,
И узришь свет, струящийся с небес.
Благословляя труд и равновесье,
Ты обретешь покой и тишину,
Чтоб числить птичьи взлеты в поднебесье
И жизнь привлечь к набухшему зерну.

г. Екатеринбург

Художник С. Трофимов

Сергей ВОРОНИН

Мы никому не мешали

Повесть

Добрый день наступил! Я снова здесь, но уже не грустной дождливой осенью, не сугробной зимой, когда все тропы переметены, а теперь в зеленом радостном мире. Бог мой — природа! Что ты делаешь! Откуда у тебя все это богатство, неиссякаемая щедрость? Мой маленький

красный домишко весь в зелени. Большой куст сирени пылает у окна сизовато-розовым огнем. Я подхожу к нему, беру в ладони пышные гроздья, дышу ими, целую...

Добрый день наступил! Я обхожу свое владенье. Участок невелик, но большего мне и не надо. Если пройти на север, то я непременно выйду к высокой березе. Когда-то она начиналась от двух беззащитных прутиков, но со временем, рослея, раздаваясь в стволах, стала сближаться ими, и вот они вжались друг в друга, слились, и теперь их венчает единая крона из множества ветвей, устремленных к небу. Было время, когда я брал из нее светлый, как душа младенца, сок. Она была щедра. Я наполнял им стеклянную четверть. И долго пил из нее прохладный напиток. Но это было до того, как пришла в мою жизнь Галя. При ней я пожалел березу и даже царапины не оставил на ее белоснежном стволе.

Никак не могу примириться, что Галя ушла от меня навсегда. Все у нас было для того, чтобы стать счастливыми. Мы были так же необходимы друг другу, как корни дереву. Одного лишь прикосновения к ее руке мне было достаточно, чтобы обрадовалось сердце новой волне любовной страсти. Разлучались на час, а, казалось, на вечность, и бежали друг к другу навстречу, и смеялись, и слезы выступали у нас на глазах. Невероятно, но мы плакали от радости, что встретились, будем снова вместе, ведь при расставании нам казалось, что мы уже никогда больше не встретимся. От радости видеть ее, смотреть в изумленно-раскрытые серые глаза у меня перехватывало дыхание. То же состояние, наверно, было и у нее. Она бледнела, на губах блуждала растерянная улыбка...

Счастливое тогда было время. И мы понимали это и знали, что более счастливого быть не может. И она говорила: «Какая я счастливая». И слово «счастливая» произносила протяжно-ласково. То же испытывал и я и так же мог бы произнести: «Какой я счастливый!»

Говорят, счастье недолговечно. Может, это и так. Но каждый день приносил нам эту великую радость. Пять лет, не уменьшаясь, длилось оно. Как вдруг оборвалось!..

Да, видно, за все в этом мире должна быть расплата. Не только за зло. Почему? Зачем? Ответа нет. Я гляжу на этот цветущий мир, слышу шум листвы. Безмолвно покачиваются высокие мрачноватые ели. Пылает на солнце сиреневым огнем сирень... Все живет. Но ответа нет.

Как я любил ее! Мне нравилось брать в руки ее волосы. Они скользили, уходя сквозь пальцы, как золотистый речной песок. Какое наслаждение было положить свою голову на ее колени. И лежать, закрыв глаза, испытывая неизъяснимое чувство прекрасного. Казалось, в эти мгновения я существую в каком-то ином неземном мире.

Еще любили мы сидеть на крыльце нашего красного домика и глядеть на закат. Наверно, этого делать было нельзя. Восход солнца — это призыв к жизни. Закат — уход из нее. Недаром нас всегда охватывает мимолетная грусть, когда солнце исчезает за краем земли.

В эти минуты мы молча, теснее прижимались друг к другу. С того берега озера доносились звонкие голоса детей. Они были особенно ясны в тихие вечера. Как-то она сказала, что хотела бы ребенка, что вот так же звенел бы его голосок в вечерней тишине. И прижалась ко мне, замерла...

Как я любил ее... В ее волосах было солнце, в ее глазах его лучи, в улыбке его сияние... Нет, никакими словами не выразить, какой она была...

Только найдя ее, я понял, что искал ее всю жизнь. Я не знал, какая она, но всегда был твердо уверен, как только увижу, сразу же узнаю ее. И только потому, что она не встречалась, не женился, хотя и подваливало мне к тридцати. Нет, я не был затворником. Но ни одной не говорил: «Люблю!» И только, когда она мне повстречалась, сказал: «Люблю! И не отпущу! Заставлю полюбить себя, если даже и не полюбит. Узнаю, что ей нравится, чего она хочет, что ценит в человеке, в мужчине. Я воспитаю в себе все, что ей нужно!» Но оказалось, что ничего не надо было ни делать, ни воспитывать в себе.

— Когда я тебя увидела, испугалась. Неужели больше никогда не увижу! — призналась она позднее.

А тогда... Тогда мы ехали в одном вагоне. В метро. Она сидела напротив меня. Было мгновение, когда мы встретились взглядами и она порывисто подалась ко мне. Это было настолько невероятно, что я даже подумал: «Не показалось ли?» Но в следующую минуту она смотрела на меня не отрываясь. «Черная речка» — раздался в микрофон голос машиниста. Но она словно и не слыхала его, затем в какой-то растерянности встала, все так же не отрывая от меня взгляда, а я испугался: «Неужели

уйдет и я никогда больше не увижу ее?» Меня вытолкнули из вагона вместе с ней. В толкучке перед эскалатором я на какое-то время потерял ее, но знал, чувствовал, что она должна быть где-то рядом. Теперь я уже не допускал мысли, что потеряю ее. Почему, не знаю, но твердо был уверен, что найду. И точно увидал ее выше себя на несколько ступенек. Она смотрела на меня. Увидала и, как бы успокоенная, отвернулась. Теперь я не отпускал ее взглядом. Словно связанный с ней невидимой нитью, я пересек улицу Савушкина и пошел следом по набережной Черной речки. Ни на что не обращая внимания, я видел только ее в легком зеленоватого цвета плаще, с непокрытой головой, легко идущую. Внезапно, словно что-то забыв, она резко остановилась и обернулась. Посмотрела на меня, чуть улыбнулась, как бы про себя, и пошла дальше, но уже медленнее. Я это понял как знак к знакомству и догнал ее. Не зная, что сказать, несколько шагов прошел молча, глядя на нее сбоку. Она шла, опустив голову, но я видел на ее губах скользящую улыбку. Наконец осмелился и сказал, но совсем не то, что надо бы.

— Мне кажется, я где-то вас видел. — Большей банальности вряд ли можно было придумать. Но она отнеслась снисходительно, только улыбка перешла в тонкую усмешку.

— Я не прав?

Тут она взглянула на меня, и я поразился. Ее глаза лучились. В них было столько тепла и нежности, что я невольно приблизился к ней.

— Как вас зовут? — прошептал я.

— Галя.

— Галя... — Я будто никогда не произносил это слово. — Га-ля, — нараспев сказал я. Что-то необъяснимо чудесное овладело мною. Если существует в мире атмосфера счастья, то я был окружен ею. Думалось, взмахни руками — и полетишь.

— Га-ля...

Она засмеялась, но так, словно это был не смех, а журчал ручеек. Невольно засмеялся и я, чувствуя, как мне становится все отраднее возле нее. Теперь уже я откровенно глядел на нее, не смущаясь и не боясь, что это неприлично. У нее были чудесные светло-золотистые волосы, большие серые глаза, словно струящие свет. Брови... губы...

Мы вышли на проспект Смирнова. У винного магазина толпился народ. От киоска отходили с мороженым.

— Хотите пломбир? — спросил я.

— Нет, — весело ответила она, блеснув ровной кромкой белых зубов.

— Чем же тогда отметить наше знакомство? — не заметил того, что продолжаю банальничать. Но, видно, бывает так, когда приходит настоящая любовь, то каждое слово становится тем единственным, какое и должно быть произнесено.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Николай.

— Почему так строго? Ведь я же не сказала: «Галина».

— Коля.

— Ко-ля, — протяжно произнесла она, и снова раздался журчащий ручеек.

Мы дошли до Новосибирской улицы.

— Мне направо, — сказала она.

— Вы там живете?

— Да...

— Можно я вас провожу?

— Проводите.

Мы свернули направо и вошли во двор. Он был весь в деревьях. Только с края желтела детская площадка с песочницей и качелями. От густых, переплетенных крон на земле лежали плотные тени. Было похоже, будто мы вошли в лес.

— Вот и все, — сказала Галя.

— Что «все»? — растерянно спросил я. — Почему все?

— Потому что... все.

— Да нет же! Как это «все»? Что, больше мы не увидимся?

— Я этого не говорила.

— Слава богу! — у меня это вырвалось настолько искренне, что снова зажурчал ручеек.

— Тогда... тогда... вы торопитесь?

— Да, меня ждут. У меня больная мама.

— Не могу ли я чем помочь?

— Нет... Она парализована.

И все же я проводил ее до подъезда.

Мы условились встретиться на другой день вечером. В зрительной памяти сохранилось то, как она робко ма-

хала мне рукой и медленно отходила. Никогда я еще не переживал, как тогда. Почему-то думалось, что больше не увижу ее. И ночью долго не мог уснуть, и на работе думал о ней.

Она не пришла. Больше часа я прождал ее. Нет, я не упрекал Галю и ничего плохого о ней не подумал, только мне было очень грустно. То, что она не пришла, я относил только к себе. И на самом деле, кто я такой, чтобы такая девушка, как Галя, с первой встречи заинтересовалась мной? Я уж не говорю о том, чтобы увлеклась. Ничего особенного во мне нет. Таких, как я, сотни. А она, она — единственная...

Мы назначили встретиться на противоположной стороне от ее дома, возле громадного нового здания. В нем расположен какой-то институт по проектированию городов. Почему она это место избрала, я понял позднее. Она могла видеть меня из своего окна. И, наверно, видела, как я в нетерпении ходил взад и вперед, пока не пошел дождь и я не побежал под козырек подъезда. Дождь быстро перешел в ливень. Улица вмиг опустела. Только на бешеной скорости, словно боясь вымокнуть, проносились трамваи. С такой же скоростью летели машины, веерами расплескивая лужи. Воздух потемнел, и та сторона улицы затуманилась. И тогда из этой просвечивающей мглы с каждой минутой все четче стал различаться бегущий человек. И вдруг я четко увидел, это бежала Галя. Я кинулся ей навстречу, обхватил ее, прижал к себе и целовал ее мокрое лицо. А она уткнулась мне в грудь и неожиданно заплакала.

— Что, что случилось? — спросил я, совсем не удивляясь доверчивости, с какой она прижалась ко мне.

А ливень меж тем утихал. По тротуару, слабея, растекались потоки. Засновали прохожие. Мы стояли промокшие, прижавшись друг к другу. Галя все еще плакала.

— Ну что, что? Ну, успокойся. Ты думала, что я уйду, не дождавшись тебя? Да нет, я бы скорей умер здесь, но ни за что бы не ушел.

— Умер бы? Нет-нет, только не это, — прошептала она.

Мы и не заметили, как перешли на «ты», как не замечали и того, что нас начинал трясти озноб.

— Тебе надо переодеться, — сказал я. — Не простудилась бы. Пойдем.

Мы перешли на ее сторону. Туча прошла, засияло солнце, и асфальт задымился.

— Я безумная. Оставила маму, ей очень плохо. Но я боялась, что ты уйдешь и я никогда больше тебя не увижу. Постой здесь, не уходи.

Она быстро поднялась по лестнице, стукнула дверь. Ее долго не было. Во дворе порывами пролетал ветер. Надо бы уйти, озноб все больше донимал меня. Я вошел в подъезд, поднялся на несколько ступеней. Было тихо. Где-то наверху открылась дверь, и тут же послышались торопливые шаги на лестнице. Галя!

— Умерла мама... Пожалуйста, пойдем. Надо сообщить родным, и я не знаю, надо куда-то идти, заявить. Бедная мама... она так долго страдала. Но теперь ей легче... — И все это лихорадочно.

Ее мама лежала на кровати, маленькая, высохшая, напоминавшая подростка. Лицо ее было спокойно, и если бы не седые пряди у висков, то ни за то что бы я не подумал, что это Галина мама. Так она выглядела, омоложенная смертью. Галя неотрывно смотрела на нее и тихо плакала.

Похоронили мы ее на Красненьком кладбище. Провожавших было немного, несколько родственников. Могила находилась на краю кладбища. Дальше простиралась болотистая равнина с редкими кустами и небольшими буграми. День был тихий, с легкими перистыми облаками. Рабочие кладбища, выждав положенное время для прощания, деловито приступили к погребению. Опустили гроб на дно ямы и тут же стали засыпать, предложив провожающим бросить несколько горстей земли в могилу.

Галя все это время была задумчива и грустна. И на поминках состояние глубокой сосредоточенности не оставляло ее. Только один раз, как бы очнувшись, сказала: «Пожалуйста, к столу. Помянем маму».

Вино разливал двоюродный брат покойной матери Гали, крупный, одутловатый человек. Крепко вцепившись в горлышко бутылки, словно желая ее задушить, он аккуратно разливал по рюмкам. Его жена, маленькая, с тоскливым, сморщенным лицом, накладывала всем из большой кастрюли винегрет, приговаривая: «Кушайте, кушайте, его у нас много». Гости вначале вели себя тихо, но, подвыпив, оживились, кто-то уже засмеялся, и, может, дошло бы и до песен, если бы Галя неожиданно не заплакала и не выбежала бы из комнаты.

Когда мы остались одни, Галя сказала:

— Теперь у меня никого нет, — и снова заплакала.

Жила она с матерью в однокомнатной квартире, построенной в хрущевские времена. Я не очень высок ростом, всего метр семьдесят, но этого вполне достаточно, чтобы достать рукой потолок. Как-то я сказал своему начальнику, у которого служил водителем «Волги», что такие малогабаритные коробки не следовало бы делать, тем более что они рассчитаны на долгие годы. На что он мне ответил: «Они и этим должны быть довольны», — после чего я его возненавидел.

Не сразу, но постепенно я узнал от Гали всю ее жизнь. Отцу было всего сорок пять, когда он умер. Блокадник. Родился в самый лютый сорок второй год, зимой. У матери молока не было, кормили жвачкой из сушеной моркови. Как выжил, никому не ведомо. Все его тощее тельце было покрыто коростой от авитаминоза. Большеголовый, с прутяными ножонками, вздутым животом, он не имел сил даже плакать. И все же как-то выкарабкался, выжил и со временем превратился в бедового мальчишку. Окончил училище на токаря. Отслужил в армии, да не где-нибудь, а в десантных войсках. Чем и покорил сердце Галиной матери. И все бы хорошо, но в пьяные брежневские годы стал выпивать с цеховыми друзьями, и пьяный угодил под трамвай. В этот же день, как только Галина мать узнала об этом, ее разбил паралич. Гале тогда было двадцать лет. Теперь ей двадцать пять.

— Как теперь будешь жить? — спросил я ее.

— Не знаю... Мне будет очень одиноко.

— Давай вместе...

До сих пор не могу объяснить, как могло случиться, что за несколько дней мы стали так необходимы друг другу, что уже и не мыслили жизни врозь. Это и послужило нашему сближению. И что удивительно, происшедшая близость не охладила душу, а еще больше наполнила восторгом.

— Какая я счастливая! — прошептала Галя, целуя меня, припадая всем телом ко мне.

Да, это было самое настоящее счастье! Мраком, тоской стали часы разлуки, когда мы уходили на работу. И прямо-таки неслись после работы в свою маленькую квартирку, чтобы соединиться.

До этого я жил в небольшой комнате коммунальной квартиры. Особой необходимости не было у меня теперь бывать там часто, но однажды мы поехали с Галей за моими вещами. И надо же было именно в этот час нагрянуть ко мне Игорю Полуянову. Он был женат. Развелся, и не по какой-либо серьезной причине, а просто надоел контроль жены, захотелось свободы. К тому же и профессия фотографа, а, точнее, своеобразный уклон этой профессии был таков, что требовал уединения — он фотографировал обнаженных девиц. Порно там не было, но эротика торжествовала. Как правило, каждая из них побывала в его любовницах. Он как-то легко умел сходиться и так же легко расставаться. Бывал и я у него. И чего греха таить, всякое случалось. Но с того дня, как я встретил Галю, начисто забыл и Игоря, и его девиц. И вот он вдруг нежданно-негаданно нагрянул.

— Звоню, звоню, не отвечаешь. Жив ли? Дай, думаю, съезжу, может, больной... А у тебя, оказывается, собственная птичка появилась. Затаился и молчишь, — бесцеремонно разглядывая Галю, тараторил он.

— Игорь, не надо, — остановил я его.

— Не понял!

— Не надо, — настойчивее повторил я. — Это моя жена.

— С ума сойти! И ни слова не сказать верному соратнику. Но, пардон! Зачем тебе это? Ты же был стойкий холостяк. Если не ошибаюсь, тебе тридцать три годика. Как Иисусу Христу. Разве ты не верил мне, что жена — это пятипудовый камень на шее настоящего мужчины, камень, который заставляет гнуть голову до земли.

Он стоял передо мной в кожаной импортной куртке, в туфлях на высоком каблуке, с волосами до плеч, наглый и красивый.

— И все же, снисходя к твоей незрелости, протягиваю руку дружбы и высказываю вполне естественное желание — познакомь меня с твоей довольно симпатичной женой. Я бы вполне мог сделать с нее рекламные фотографии.

— Ты нам мешаешь, — сказал я ему.

— Ты меня гонишь? Своего верного друга? Бедняга...

Все это время Галя молча разглядывала его, но тут улыбнулась и сказала:

— Давайте знакомиться. Я — Галя.

— А я — Игорек. Для начала не так уж плохо. Верно? — тут же подхватил Игорь и сел на диван, закинул ногу на ногу. — Надо полагать, здесь намерены вить се-

мейное гнездышко? Бог мой, ведь это и у меня было. На окнах сумрак липкий. Цветы. Уют. В аквариуме рыбки, воду жуют. Неужели каждый должен пройти через это испытание, чтобы потом познать прелесть свободы.

Мне была противна его болтовня.

— Не у всех так печально складывается семейная жизнь, как у вас, — сказала Галя.

— Не у всех, согласен, но у большинства.

— У нас так не будет, — сказал я.

— Конечно, вы исключение. Но пройдет год-два, и вместо двух влюбленных — два непримиримых врага. Не верите, сходите в суд. Весьма полезное занятие.

— Зачем вы все это говорите? — спросила Галя.

— Только затем, что я знаю Николая и не очень уверен в его сильных чувствах к тебе. Кстати сказать, мне всегда бывает жаль покинутых, брошенных...

— Ну, хватит, — сказал я, — в пророках мы меньше всего нуждаемся, тем более в таких, как ты. Не хочу тебя обижать, но, ей-богу, мы хотим остаться вдвоем.

— Что ж, уйду. На всякий случай, мало ли что случится, приходи, всегда буду рад. С друзьями я так легко не расстаюсь. И... — тут он иронически улыбнулся Гале, — то же относится и к тебе. Мало ли... — положил на стол визитную карточку и, постукивая каблуками, вышел.

— Ну что ж, будем собирать вещи, — сказал я. Мне не хотелось ни объяснять, ни в чем-либо оправдываться перед Галей. Но, как я понял, она ничего этого и не хотела. Умница, она мысленно отчеркнула как свою, так и мою нынешнюю жизнь от той, какой мы жили раньше.

Зазвонил телефонный звонок. Я было подумал, что это Игорь звонит, и нехотя снял трубку.

— Слушаю.

— Ну, наконец-то! — раздался женский голос. Я узнал его. Звонила Алиса. — Мы со Светкой прямо изнемогаем без тебя. Светка уже договорилась с Игорем еще вчера на сегодняшний вечер. И я там буду. А если не хочешь там, приду к тебе.

Я смешался. Как назло — мало Игоря, так еще и Алиса. Словно сговорились. А, может, и сговорились! Галя взглянула на меня, поняла мое замешательство и стала укладывать белье в чемодан.

— Ну, что же ты молчишь? Алло! — кричала в трубку Алиса. — Или язык от радости проглотил?

Что ж, она имела право так обращаться со мной. Что было, то было. Только в отличие от Игоря у меня почему-то осложнялись мимолетные отношения и я давал повод чего-то от меня требовать, почему-то должен был нести нравственную ответственность, хотя никаких особых заверений в верности и не было. Я не знал, что говорить, что отвечать.

И, словно поняв мое состояние, Галя сказала:

— А ты скажи ей, что женился.

И я сказал. После некоторого молчания Алиса ответила:

— А чем же я тебе не понравилась? Впрочем, дело твое. Но ты мне здорово нравился. Из меня бы вышла неплохая жена. А уж какая любовница, сам знаешь. — После чего в трубке послышались частые гудки.

Я отошел от телефона. И опять ни слова от Гали. И я понял, она приняла меня таким, какой я есть. Впрочем, ведь и я ее не спрашивал о ее прошлом. Да и зачем? Все, что было раньше, это как бы в прошлом, а то и позапрошлом веке. Наша с ней жизнь началась с того часа, когда мы с ней впервые встретились в метро, подъезжая к станции «Черная речка».

* * *

Сколько же было у нас счастливых дней и часов в этом маленьком красном домике?! Он достался мне случайно. Работая таксистом, кого только не посадишь, каких только разговоров не наслушаешься. И так получилось, что однажды села старушка и попросила отвезти ее из Ленинграда на Карельский перешеек, вот к этому маленькому дому. По пути разговорились, и я узнал, что она уезжает в Ялту, к дочери, до конца дней своих, и продает свою дачу. Едет, чтобы встретиться с покупателями, после чего я должен был отвезти ее обратно.

От нечего делать, в ожидании конца сделки, я ходил по участку. Мне все нравилось на этом малом куске земли. И две мощные, вросшие друг в друга белоствольные березы, почему-то невольно напоминавшие меня и Галю, в таком же едином слиянии. И я молил бога, чтобы так оно и было на всю жизнь. Западный край участка выходил на берег озера. Оно было довольно большое, такое, что дальний берег был в сизоватой дымке и слабо различались отдельные деревья. И между нашим берегом и

тем, как корабли, стояли прочно на воде острова. Один из них был большой, вытянутый с юга на север, поросший соснами.

Чем больше я ходил, тем больше овладевало мною желание быть хозяином этого участка и этого сказочного домика. Он и на самом деле был сказочный, словно игрушечный. К озеру выходила маленькая веранда, но вполне достаточная, чтобы сидеть за круглым столом, пить чай и любоваться взблесками ветреных волн, и чайками, словно махающими белыми платками.

Веранду от такой же маленькой комнаты отделяла аккуратная кухня с дровяной плитой и на специальной подставке — газовой. Тут у бабушки все было продумано. Ни одного сантиметра не было пустого. И вместе с тем не было скученности. И с окном в сад — комната метров шесть, не больше. Но такая уютная, что невольно вызывала восхищение.

— И за сколько же вы продали этот домик? — спросил я старушку.

— А за столько же, во сколько он мне и обошелся, в полторы тысячи.

Пожалуй, домишко больше-то и не стоил. Но сам участок с озером, да еще с яблонями и кустами черной и красной смородины, с колодцем с кристально чистой родниковой водой — я попробовал ее, — с цветами подле веранды, тут можно и больше заплатить. И я позавидовал тому, кто приобретет и домишко и участок.

Время между тем шло, а покупатели не являлись.

— Что ж это они? — недоумевала старушка и разводила руками. — Может, раздумали?

— А вы получили задаток? — спросил я.

— Да нет, просто так, по телефону, через одну мою знакомую договорились. Я вас задерживаю?

Вообще-то уже задерживала. Договорились, простой не более часа. Но уже шел к концу второй.

— Что же делать? — в растерянности говорила старушка, впадая во все больший расход на такси. Счетчик работал. — Наверно, не явятся. Ну разве так можно? Но давайте подождем еще. Мало ли что может случиться...

Подождали еще с полчаса. Покупателей не было.

— Ну что ж, не могу вас больше задерживать. Поедем обратно, — вздыхая, сказала она.

— А что, если я у вас куплю этот домик? — сказал я, понимая, что не перебегаю дорогу покупателям.

— Вы? — обрадованно спросила старушка. — Ради бога. Мне ведь все равно кому. Мне даже лучше вам, потому что я вижу, какой вы хороший человек. А ведь тех я не знаю. И если вы купите, то я буду спокойна и за домик, — правда, он славный. Я так любила в нем отдыхать. И за сад. Пожалуйста, покупайте.

И я купил. В тот же день, сразу, в поселковом Совете мы оформили купчую. Деньги я отдал в Ленинграде, сняв со сберкнижки.

Надо сказать, что мои финансовые дела были неплохи. Выручала «подсадка» пассажиров, когда шла двойная оплата, случалась и тройная, если были одиночные пассажиры. Тогда деньги по счетчику шли государству, остальные в карман. Правда, из карманных приходилось ежедневно платить «треху» в парк, как дань, кроме того, ремонтировать за свой счет машину, но всегда оставался «навар», так что на моем счету в сберкассе было достаточно, чтобы не только жить ограниченно, но и коечто позволять из области «излишеств».

Итак, домик был куплен.

Тот, кто хоть раз проехал по дорогам Карельского перешейка, должен был запомнить на всю жизнь его красоту, с быстро меняющимся лесом: то березовыми рощами, смешанными с осинником, то сосновым бором, то с нахмуренными елями. Холмы сменялись зеркалами озер. Озера холмами. Вся эта чудесная пестрота увеличивалась крутыми поворотами, открывавшими все новые и новые виды.

Галя не переставала восхищаться. Она впервые была на Карельском перешейке.

Немногим больше часа потребовалось, чтобы доехать до места. Красный домик ожидал нас во всем своем великолепии. Солнце щедро заливало светом и теплом все вокруг. Радостно пошевеливая листвой, приветствовали нас деревья. Тысячи бликов сверкали на озере. Белыми платками махали чайки. Все было чудесно.

— Он маловат, наш домик, — сказал я, открывая замо́к, — но, думаю, тебе понравится.

Она была в восторге.

— Нет, слушай, это какая-то сказка! И веранда, и кухня, и комнатка... — В комнате стояли кровать и стол. — Даже с мебелью? И это все, все наше? — Она подбежала

ко мне, обхватила шею руками и стала бессчетно целовать губы, щеки, глаза. — Вот, вот, вот какое тебе спасибо!

В наследство от старушки нам осталось немало хозяйственных вещей, с газовой плитой, кухонной посудой, ведрами, лопатами, топором и небольшой поленницей дров.

Пили мы чай на веранде. Нам хорошо было видно все озеро, притихшее, с бесшумно летающими чайками. Так же бесшумно плыл рыбак, направляясь к самому большому острову.

— Как тихо, — словно прислушиваясь, сказала Галя. — После смерти мамы мне думалось, никогда уже не будет светлых дней. Но вот такой день пришел, и принес его ты. Не знаю, хорошо ли это, но, наверно, мама не осудила бы... Она часто вспоминала моего отца, и я поняла, как она любила его и прощала.

Мы вышли на берег. Солнце перешло уже на запад, собиралось скрыться за холмом. Чаек не было. Тишина, умиротворение опускались на землю.

— Есть одно вечное, — в раздумье говорила Галя, — пока жив человек, будет жить и любовь. Еще девчонкой я зачитывалась романами. И поняла, и поверила — любовь есть. И счастлив тот человек, к которому она пришла. И тогда, какие бы невзгоды ни пришлось ему испытать, он все перенесет. На все ему хватит силы. В самые предсмертные минуты мама глядела на меня, но говорила об отце, о том, что скоро увидит его, встретится с ним и их разлука окончится. Она очень любила его. Я, наверно, в нее. Удивительно, но до тебя мне никто не нравился. Знакомились, ухаживали. Ходила в театр. Но никакого чувства ни к кому не испытывала. И не понимала, что такое любовь. И есть ли? И вдруг ты! И я сразу поняла, даже не поняла, а почувствовала сердцем, что ты — это тот единственный, кому я должна принадлежать. Что любовь есть! Мне даже стало трудно дышать. В полном смятении я вышла из вагона, и тут мне стало страшно: а вдруг ты уехал! Оглянулась. Ты был рядом. И я успокоилась, я уже знала: теперь никогда не расстанусь с тобой. — Она говорила, не сводя с меня взгляда. Ее глаза лучились радостью, и столько в них было любви.

Удивительный человек! Чем больше я узнавал ее, тем сложнее было постичь... Как в каждом из нас, так и в

ней был заключен целый мир. Только ее мир состоял из возвышенного представления обо всем лучшем, что должно быть в человеке.

— Откуда это у тебя? — спросил я ее.

— Что у меня?

— Ну, почему ты так обо всех хорошо думаешь? — я спрашивал, понимая, что начинаю касаться какой-то особой области ее души.

— О чем ты говоришь?

— Почему ты такая? Я чем больше живу с тобой, тем больше убеждаюсь, что не знаю тебя. Ты находишься от меня словно за закрытой дверью.

— Полно, никакой нет закрытой двери. Я вся перед тобой.

— Значит, чего-то я не постигаю в тебе. Но в этом я виноват.

— Откуда твои сомнения? Я знаю одно: без тебя и часу не проживу.

Красный домик Гале очень понравился. И я рад был этому. Уединение, вот что нам было нужно. Казалось, можно бы жить у меня в коммуналке. Но я не хотел этого. Чего скрывать, по холостяцкой части, случалось, я приглашал к себе девушек. Об этом знала моя соседка, сварливая бабенка, покинутая мужем, большая охотница до сплетен. И у меня не было уверенности, что не станет она с наслаждением рассказывать Гале о моих похождениях. Думаю, Галя не стала бы ее слушать, но все же... Можно бы, конечно, жить у Гали, и жили, но еще свежа была боль по умершей матери, и казалось непристойным ласкаться там, где еще совсем недавно умирал человек.

Я уже говорил, что одной стороной участок выходил на озеро. С берега вела к нему небольшая деревянная лестница, упиравшаяся в мостки. С них удобно было бросаться в воду, причаливать к ним лодку, ловить рыбу.

Сколько мы провели с Галей чудесных часов, сидя на этих мостках, наблюдая игру воды. То она вспенивалась и с глухим шумом, проносясь под мостками, билась в суглинистый берег; то была зеркально-чиста, отражая легкие облака, плывущие над озером, ослепительно сверкавшим от солнца. Оно ни разу не было одинаковым, разными были и закаты — от пурпурно-огненных, предвещавших ветреный день, до лимонно-розоватого, обещавшего солнце и тишину.

В первое же лето я обзавелся лодкой, и в тихую погоду мы отправлялись на острова. Они были разные. Первый — малый, притоплен водой. В нем, среди ивовых зарослей, шныряли утки. Как позднее я узнал, в его прибрежье нерестовали лещи. Славный островок. Но куда интереснее был второй остров, Галя прозвала его «Буян». И на самом деле он выглядел сказочно. Еще бы царский дворец на его вершине, терем, и входи в сказку. Еще чем был примечателен этот остров, так это тем, что, с какой стороны ветер бы ни задувал, можно всегда было укрыться от него с противоположной. Но особенно примечательным был самый большой, с настоящим густым лесом, с полянами и прогретыми лужайками. Там мы собирали грибы. Находили подберезовики, красные, попадали и белые. И тут уж Галиному восторгу не было конца. Оказывается, она жила городской затворницей и даже не знала, какие добрые грибы, какие ядовитые.

— Ну, мухомор-то знаешь? — смеясь, спросил я.

— Мухомор знаю. У нас во дворе грибок для детей был. Красный с белыми пятнами. С детства знаю...

Мы легко набирали небольшую корзинку и, не торопясь, возвращались домой. Хорошо было опускать весла в тихую воду, оставляя после кормы журчащий след. Спокойна была гладь воды. Только кое-где уклейки проклевывали ее, распространяя небольшие круги. Такие тихие часы навевали, сближая нас, грустную нежность. Я греб, Галя сидела на корме. Мне хорошо были видны ее светлые волосы, позолоченные солнцем, отчего вокруг ее головы возникал как бы светящийся ореол.

— Как ты красива! — сказал я.

— Господи, я даже боюсь, до того мне хорошо с тобой. Это, наверно, и есть счастье...

— Одно на двоих или каждому свое?

— На двоих, но очень большое. Не знаю, но я все чаще думаю, что так хорошо не может долго продолжаться.

— А вот такие мысли надо выбрасывать. Ты же человек образованный, окончила Институт культуры, работаешь библиотекарем и должна знать, что такое самовнушение. Внушать себе можно только хорошее и ни в коем случае плохое. Где-то я читал, как в фашистском лагере выжил человек только потому, что внушал себе, будто лежит на пляже, загорает, в то время как голый лежал в мороз на асфальте. С ним рядом лежало несколько десятков военнопленных, нагишом. Все они замерзали, а он

выжил. И так было несколько раз. Потом его застрелили. Не надо думать ни о чем плохом. Тебе сейчас хорошо?

— Да.

— Вот и внушай себе, что тебе будет всегда хорошо.

Если бы я знал, что ее ждет! Что ждет меня! Как я мог знать, что она от меня уйдет?

Мы приезжали только на выходные. Но в сентябре взяли отпуск и теперь уже могли не спешить на электричку, боясь опоздать на работу.

Никогда еще мне не было так хорошо, как в те дни. Все было необыкновенно. Каждый день приносил новые и новые радости. Мы не спешили вставать и еще добрый час нежились в постели. Пожалуй, это были самые счастливые часы. Иногда за окном стелился туман, и тем уютнее было нам лежать в постели и разговаривать о чем угодно, и молчать. Мы мечтали о том, чтобы у нас было много детей.

— Знаешь, сядем за стол, и, кроме нас с тобой, двенадцать ребят.

— Двенадцать?

— Да-да, двенадцать. И все они похожи на нас с тобой. И у всех веселые глазенки. И мы их всех любим, всех, всех! Я никогда не задумывалась о материнстве. Даже и мысли не допускала, что могу быть матерью. Как это прекрасно, когда в семье много детей. И меня нисколько не смущает, что нам будет трудно жить. Ты еще не знаешь, какой экономной хозяйкой я стану...

Она говорила о будущем так, словно сто́ит нам только захотеть, как все это будет. Если бы знать... если бы знать...

Зарядили дожди, но они не омрачали нам настроение. Мы топили плиту, она быстро нагревалась, и теплый воздух равномерно наполнял кухню и комнату. С плитой был связан небольшой нагревательный щит, его вполне хватало, чтобы хранить тепло несколько часов.

Когда нам надоедало смотреть в окно на мокрый, унылый сад с почерневшими стволами яблонь, на плачущие ветви берез с поникшей листвой, мы, прижимаясь плечами друг к другу, читали книги. Но чаще я слушал, а Галя читала. Много интересных книг я узнал от нее. И через эти книги она стала мне понятнее. Через эти книги как бы приоткрылась комнатка ее души. Так я понял, что она не терпит лжи, жалостлива, честна. И невольно я сам становился лучше.

Как-то мы сидели на веранде и глядели на затянутое туманной завесой тусклое озеро. Моросил дождь. Того берега не было видно, и от этого оно казалось бескрайним, как море. И в этом была своя прелесть. И дождь, и туманная завеса, и бескрайность воды как бы отдаляли нас ото всего, что теснит людей, лишает их возможности быть самими собой, и одновременно еще больше соединяли наши души.

Удивительно, но, что бы ни происходило на нашей маленькой земле, в нашем красненьком доме, все было прекрасно! Ничто нас не угнетало, не приносило скуки, хандры.

— Это потому, что мы нашли друг друга в этом большом городе. Ну, что тебе или мне стоило зайти в другой вагон, и мы бы никогда не встретились...

— Значит, есть Бог.

— Да-да, я теперь стала молиться. Раньше я не молилась, даже не думала о Боге. Но теперь я боюсь потерять тебя...

— И поэтому молишься?

— Я понимаю, это немножко нечестно. В Бога надо верить бескорыстно. С чистой душой. Но что я могу поделать с собой, если боюсь, а вдруг что-то нам помешает, разрушит нашу жизнь. И я предчувствую, что впереди нас всех ожидает что-то страшное.

— Ну, это уже из области фантастики.

— Не знаю, но я чего-то боюсь...

Предчувствие ее не обмануло. Прошло несколько лет, и все, что было прочного в нашей общественной жизни, полетело прахом. Появились в неисчислимом количестве алкоголики, наркоманы, о которых мы и слыхом не слыхивали в свое время; рэкетиры, грабившие кооператоров, которых так же развелось множество, как грибов в лесу. Появились интердевочки — валютные проститутки. Начались межнациональные раздоры, кровопролития. Наконец во всеуслышанье заявила о себе государственная мафия. Да, предчувствие чего-то страшного не обмануло ее. Но, слава Богу, тогда еще жизнь была нормальна.

— Когда же у нас будет ребенок? — как-то сказал я.

— Мне кажется, скоро. Ну, не так чтобы скоро, но будет.

Я расцеловал ее.

— Слушай, я так и вижу у себя на коленях малыша, дергающего меня за усы, — смеясь, сказал я.

— Как мы его назовем?

И мы начали перебирать имена, и не находили достойного для нашего сына.

— Слушай, а что, если сразу мальчик и девочка?

— Господи, двое! Мальчик и девочка, — и смех ее звучал, как журчание ручейка.

В город мы вернулись с твердым решением жить в Галиной квартире. После многих дней наедине, когда уже поутих жар любовных утех, то незримое, что было связано со смертью Галиной матери, отошло и дало жизни свое назначение.

Я продолжал работать таксистом. Наверно, пассажиры не раз с удивлением замечали на моем лице блуждающую улыбку, которая внезапно появлялась, как только я вспоминал Галю. Никогда бы не подумал, что способен на такую любовь. Я неотрывно думал о ней, перебирал в памяти все наши любовные встречи. В них была и ее застенчивость, и не израсходованная жажда материнства, и радость познания еще одной стороны жизни, без которой не может быть продления рода человеческого. Однажды она даже заплакала. Я испугался.

— Что с тобой?

— Ничего... Мне просто хорошо, — не сразу, еще продолжая всхлипывать, ответила она, — как жаль, что ты не можешь так же испытывать наслаждение, как я...

Непередаваемо было то ласковое, нежное, когда она со всей доверчивостью принадлежала мне. И я не раз вспоминал на другой день ее необыкновенную полуулыбку на прекрасном, становящемся совсем юным лице.

...Что говорить, после работы я не шел, а бежал домой, хватал ее в объятия, целовал. Никогда я не был таким счастливым, как в то время. Пять лет непрерывной любви. Ее бы хватило и на десять, и на всю жизнь, если бы... если бы...

Работа таксиста полна неожиданностей. Каких людей только не приходится возить, особенно в ночные часы. Для меня они были самыми горькими — они разлучали с Галей. Но если говорить по совести, то и наиболее прибыльными. Нет, водкой, как другие водители, не торговал и не возил проституток с кавалерами по городу, хотя платить бы они могли поверх счетчика немало. Но подгулявших у ресторана поджидал. Как правило, они всегда были щедры. Случалось, правда, и днем неплохо подрабатывать. Однажды сели двое, сунули мне сотен-

ную бумажку и велели возить по разным адресам. Они говорили о своих делах, не стесняясь меня, видимо, заранее уверенные, что с ними связываться небезопасно. И на самом деле, из их разговора я понял, что они воруют у «Жигулей» ветровые стекла, причем так наловчились, что снимали стекло за две-три минуты, а потом продавали на «черном» рынке за бешеные деньги. Выйдя из машины, один из них, приземистый, сказал: «Что слышал и кого видел, забудь, иначе кишки намотаем на голову. Номер машины запомнили». Было и так. Сели трое трезвых парней. Велели за город, в Токсово. Сверх счетчика четвертная. Заманчиво, но и опасно. Не раз случались убийства таксистов за городом с целью ограбления. А дело было уже к вечеру. Отказался. Мол, скоро смена кончается. «Тогда,— говорят,— вези на Лиговку». Повез. Только свернул с Жуковского на Восстания, один из них приставил нож к печенке. «Вези в Токсово!» Ну, как тут спорить с ними? Везу. А сам высматриваю милиционера. А его, как на грех, нет. Переехал через Литейный мост. Еду до Карла Маркса. Нет, да и нет. Но все-таки и в ненастье, бывает, улыбается солнышко. Увидал я его у Поклонной горы. На другой стороне. Остановил машину. И засигналил отрывистыми гудками. Ну, трое не стали дожидаться, когда подойдет к ним милиционер, пустились наутек.

Конечно, не только характер такой работы, но и то, что приходилось по ночам быть вдали от Гали, бродяжить где-то по городу, заставило меня сменить работу. Я стал водителем грузовой машины по перевозке магазинной мебели. В смысле заработка кое-что перепадало и здесь, но меньше. Зато все вечера и ночи я проводил дома, с Галей.

Странно, но нам и в голову не приходило как-то законно закрепить нашу близость. Но вот решили обменять наше жилье — однокомнатную квартиру Гали и мою комнату — на двухкомнатную квартиру, и нам пришлось расписаться. Чтобы отметить это событие, я купил бутылку шампанского. И тут я узнал, что она в отличие от бедняги ее отца никогда не прикасалась к рюмке. Дала такой зарок себе. Но ведь и я не очень-то охоч до вина. Как только стал жить с Галей, начисто забыл и думать о вине и выпивках, которые изредка бывали у Игоря.

Так до сих пор та бутылка и стоит нетронутой.

Обмен состоялся довольно быстро и удачно. И я со знакомыми грузчиками перевез наши вещи на новое жилье.

Двухкомнатная квартира находилась в старом, но куда как крепком петербургском доме, с толстыми стенами, высокими потолками, большими окнами. В одной из комнат даже был камин из фигурных изразцов. Здесь все было для нас новое. Мы расставляли вещи, и это нам приносило радостное удовольствие. Как-то незаметно, но Галя так все обустроила, что стало, при всех наших скромных возможностях, и уютно, и вполне прилично.

Все шло, я бы сказал, спокойно в нашей жизни и в новом жилье. Мы ни к кому не ходили в гости, не звали и к себе. Из моих родных была у меня только двоюродная сестра, но получилось так, что она жила в одном конце города, я в другом, и этого было достаточно, чтобы наши отношения прервались. Галя же иногда звонила своему дяде, тому мощному человеку, который на поминках разливал вино, справлялась о его здоровье, передавала привет его жене, маленькой женщине со сморщенным лицом. Этим, собственно, все и ограничивалось. Так что родственные связи как у меня, так и у нее были ниточного напряжения. Может, это и плохо, но мы не стремились к большему.

Как-то, ожидая клиентов у мебельного магазина, я встретил Игоря Полуянова. Как всегда, он был модно одет. В кожаной куртке, в туфлях из-за «бугра», в варенках с разными нашлепками, в берете.

— Ну ты даешь! — первое, что сказал он. — Сменил жилье и затаился, как сурок в норе. Скажи, чем тебя я обидел? Все же как-никак дружили. А?

Время все сглаживает. Я и сам уже не помнил, из-за чего раздружился с ним. Галя? Но ведь он ничего плохого ей не сделал. И у меня уже не было к Игорю неприятного чувства.

— Ну чего молчишь? До сих пор боишься, что я твою птичку утащу. Не бойсь! — Он смеялся, но глаза его смотрели серьезно, как бы проверяя, насколько я отошел от него. — Где хоть живешь-то? Может, когда навещу. Или уж совсем наотрез?

— Да нет, почему же...

— Тогда такой факт установления дипломатических отношений надо отметить. Ты чего тут торчишь?

Я показал на свой фургон.

— Не понял.
— Перевожу мебель.
— Что ж, каждому свое. А я сейчас открываю вторую выставку эротики. На вполне законных основаниях. Все еще с той птичкой живешь?
— Ее зовут Галя.
— А, да-да, помнится, ты ее так уже называл. Так вот, жду тебя и ее к себе к восьми часам вечера. Не обижай меня. Я по-прежнему твой друг. — Он влез в новенький зеленый «Жигуль» и уехал, оставив впечатление о себе как о преуспевающем современном человеке.
Честно говоря, я был в некоторой растерянности. Может, и не следовало бы восстанавливать прежние отношения, но тогда надо бы сказать. Но, с другой стороны, почему же отказывать ему в дружбе? Плохого я от него ничего не видел, а если что было связано с «птичками», то это не столько от него зависело, сколько от меня самого. Ведь не младенец же я, на самом деле, несмышленыш! Да ничего дурного и не было тогда. По крайней мере, я не видел в том плохого. Теперь, да... Теперь Галя...
Вечером я рассказал ей о встрече с Игорем.
— Зовет в гости.
— Ты хочешь? — спросила она.
— А ты?
— Если ты хочешь, то я пойду с удовольствием.
Вот так всегда. Если чего я хочу, то и она хочет, и непременно с удовольствием.
В назначенный час мы были у Игоря. Увидя Галю, он развел руками.
— Да, ничего не скажешь, повезло тебе. И где ты только нашел такую «птичку»? Теперь мне понятно, почему ты оторвался от меня. Ушел в подполье. — Он бесцеремонно разглядывал ее. Но я видел, он говорил искренне. И то, что он назвал ее «птичкой», никак не задевало меня. — И одевается со вкусом. Не скажу, чтобы модно, но вкус налицо. Платье под цвет волос. И не только. Оно прорисовывает ее фигуру, подчеркивает женственность, округляет бедра.
— Может быть, хватит? — сказала Галя.
— Почему же хватит? Комплименты нравятся женщинам. А я не льщу... И этот поясок, охватывающий талию. Не просто талию, а в наше время редчайшую по изяществу талию... Нет, я никогда не завидовал, а теперь что-то черно-мохнатое ворочается в моем сердце, — продолжал Игорь не то всерьез, не то шутя. — Нет, конечно, до женитьбы у меня дело не дошло бы, но такую «птичку» я с удовольствием заключил бы на некоторое время в свою золотую клетку..

Его квартира действительно напоминала если не «золотую», то наверняка позолоченную клетку. Игорь умел не только делать деньги, но и тратить их, приобретая ценные вещи. На стенах и на полу были роскошные ковры, в импортных стенках сверкал хрусталь. Книжная полка с редкими книгами. Вряд ли он их читал, но стояли плотными рядами в красочных переплетах. На специальных столиках японский телевизор с дистанционным управлением. (Все, что появлялось новенького на «черном» рынке, Игорь сразу же включал в свой уют.) Японские приемники, магнитофоны. Был у него и видео. С потолка свисала, переливаясь разноцветными огнями, с множеством висюлек хрустальная люстра. На стенах, раскинув рога, интимно светили розовые и золотистые бра. Кроме того, на стеклянных полках было множество дорогих и серебряных, и бронзовых, и фарфоровых безделушек. Словом, все и не перечтешь.
Я ожидал, что Галя будет изумлена, увидя такое богатство. Ничуть. Окинув взглядом все это убранство, она задержалась на полках с книгами. Подошла к ним.
— «Граф Монте-Кристо». Зачем это вам?
— На «черном» рынке двадцать пять рз. А я достал на макулатуру. Бизнес.
— Да, — отходя от полки, сказала Галя, — я бы скорее умерла, чем бы осталась в такой золотой клетке.
— Ну, это от гордыни.
Что-что, но Игорь был непробиваем.
— Зачем вам столько ненужных вещей? — сделала внезапный выпад Галя.
— Ненужных? А это уже от зависти, — тут же отбил Игорь. Он был твердо убежден, что он делает — всегда делает правильно.
— Ну что ж, ваше право жить в вашой золотой клетке. Я предпочитаю свободу. — Галя села на широкую софу. Я знал эту софу. Игорь не раз резвился на ней с разными «птичками». Хотя она и была застлана роскошным ковром, но мне было неприятно, что Галя касалась его. И я попросил ее пересесть на стул деревянной резьбы, с высокой спинкой, увенчанной короной. Игорь утверждал,

что этот стул из царских покоев. Может быть... Кто только не разворовывал царскую мебель.

— Почему вы не назовете все, что видите здесь, «вещизмом» и не осудите? — навязывался Игорь. Похоже, его заело пренебрежительное отношение Гали к его антиквариату.

— А зачем? Вы это лучше меня знаете. Коля, почему ты молчишь? — неожиданно спросила она меня.

Я засмеялся. Это было так неожиданно.

— Все в порядке, Галчонок. Он проиграл. И сейчас начнет угощать нас бразильским кофе.

Но нет. Игоря заело.

— Хорошо. Вам что, здесь совершенно ничего не нравится?

— Ну, нравится — не нравится. Что из этого?

— А я вам хочу подарить то, что понравится.

— Зачем?

— Чтобы сделать приятное. Что вам подарить?

— Во-первых, я ничего не возьму, потому что у меня на это нет никаких оснований.

— Ну, как же нет, если я просто добрый. Разве добрым быть плохо?

Я знал Игоря и уже видел, как он начинает подносить запал самолюбия к своему фитилю эгоизма и целеустремленности, который, как правило, действовал безошибочно на «птичек».

— Смотря какая цель добра.

— Да самая честная!

— И опять же, смотря с какой стороны?

— Да-а, — протянул Игорь, — не завидую тебе, Коля. Если уж во что твоя жена упрется, то ты ее и танком не сдвинешь.

В ответ я только засмеялся. Знал бы он, что за все время нашей совместной с Галей жизни у нас не было и минуты расхождений, споров. Об этом же, наверно, подумала и Галя, взглянув на меня и улыбнувшись.

— Итак, диалог окончен. Приступаем к чаепитию. А тебя, Коля, может, чем покрепче? У меня в баре стоит отличный коньячок. «Отборный». Может, тряхнем стариной?

Да, было. Все было. И коньячок бывал. Но я давно уже не прикасался к рюмке.

— Не стоит, — отказался я.

— Ну, смотри сам. А то для наведения мостов можно бы, а? Я бы с удовольствием пропустил рюмочку.

— Нет-нет, — сказал я.

— Ну на «нет» и коньяка нет.

В прихожей мелодично прозвучал звонок — «ти-та-та».

Игорь недовольно покосился в ту сторону и легко, хотя и настороженно, прошел в прихожую. «Кто?» — донесся его голос. По всей вероятности, он припал к «глазку», высматривая стоявшего на лестничной площадке. И, видимо, убедившись в том, что за дверью стоит тот, кого можно впустить, стал отодвигать засовы. После чего снял железный крюк.

— Думается, богатство должно делать человека сильным, но парадокс... твой друг трусоват. Недаром и двери железом обил, — сказала иронически Галя.

Из прихожей доносилось, словно в подтверждение Галиных слов:

«Сколько раз говорил, чтобы приходила точно в условленный час».

«Ага, если бы у меня была своя машина».

«А если опаздываешь, звони из автомата, что опаздываешь и когда будешь. В другой раз не пущу!»

Пока Игорь закрывал дверь на все засовы, в комнату вошла высокая девушка с немного усталым, добрым лицом. Увидав Галю, на мгновение нахмурилась, но тут же поняла, что от нее никакая опасность ей не грозит, подала ей руку и произнесла глуховатым голосом:

— Женя.

Галя назвала себя. Поздоровалась Женя и со мной. И тут же присела к Гале, видно, почувствовав в ней родственную душу. И на самом деле, как только Игорь вернулся к нам, Галя сказала:

— Вы слишком громко разговаривали, и я все слышала. Разве можно так сурово обращаться с девушкой?

— С ней? — ткнув пальцем в Женю, спросил Игорь.— С ней можно. Она любит, когда с ней так разговаривают. Верно, птичка?

— Когда как, — сухо ответила Женя.

— О! Не успела освоиться с незнакомцами, как уже заразилась от Гали духом сопротивления. В чем дело, птичка? — он наклонился к Жене. — Тебя что-нибудь не устраивает?

— Нет-нет, все хорошо.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно сказал Игорь.

— Почему вы так позволяете с собой разговаривать? — спросила Галя.
— А это он только при посторонних, — ответила Женя. — Наверно, каждому мужчине хочется быть властелином своей женщины. Вот Игорек и показывает. И ваш, наверное, тоже?
— Нет, он не такой.
— Да-да, он не такой. Совершенно не такой! — подхватил Игорь. — Он необыкновенный, благородный, высоконравственный...
— Игорь, — остановил я его.
— Да нет, ты еще до конца не дослушал. А конец таков: при всех твоих достоинствах, ты у жены под каблуком!
— Какая чушь! — сказала Галя.
— Нет! — подскочил к ней Игорь. — Тут середины не бывает. Или властелин, или под каблуком!
— Игорь, ну хватит, — сказал я. — Мы же не спорить пришли.
— И то! Пока кипяток не готов, ставлю видеофильм про Сталина и его окружение. Фильмик американский. Обхохочетесь!
И не дожидаясь нашего согласия, он поставил кассету на приставку, и на экране телевизора замелькали кадры. Это был игровой фильм, в какой-то мере опирающийся на исторические факты. В нем были и развратник Берия, и сын Сталина Василий, пьяница, и соратники вождя. И все это в том гиперболизированном плане, когда высокое становится фарсом.
Мы пили кофе, ели печенье и смотрели этот американский фильмик, и смеялись над тем, что было для нас совсем еще недавно непреложной истиной.
Но всему приходит конец. Кончился и довольно длинный видеофильм, и мы стали собираться домой.
— Заходите, — провожая, сказал Игорь, но в тоне не сквозила доброжелательность.
По улице мело. Снег косыми полосами летел мимо фонарей. Низко, чуть ли не над крышами домов плотным пологом стлалось черное небо. Галя стала зябко кутаться в короткую кроличью шубку. Мой демисезон продувало насквозь.
— Чу, как я не догадался заказать такси! — подосадовал я.
Как назло, не было даже проходных легковых. Не было ни автобусов, ни троллейбусов. Глухой переулок. Недаром, наверно, еще и поэтому так крепостно охраняя свое жилье Игорь.
— Постой здесь в подъезде. Погрейся у батарей, — сказал я Гале, — а я побегу к Литейному. И заеду за тобой.
И побежал навстречу метелице, прикрывая грудь рукой, пригнув голову.
На мое счастье, на улице Пестеля стояла машина с зелененьким огоньком.
— Занят! — гаркнул водитель, как только я открыл дверку.
— Как «занят»? — оторопел я.
— Для Кольки, моего дружочка занят! — крикнул водитель и вдруг захохотал. — Здорово, Коля! Не узнал, богатым будешь.
— Вася!
Да, это был мой бывший сменщик, веселый хохотун Вася Денюшкин.
— Куда ж ты запропастился? Смылся и ни слова не сказал: где, что, когда? Где, думаю, Колька? Где мой напарничек? А его и след простыл. Так где? — это он спрашивал, уже выезжая на Литейный. — Куда тебе?
Я ответил.
— Так где калымишь?
— Мебель вожу.
— Есть навар?
— Не больше, чем в такси.
— Тогда какого лешего сбежал?
— Женился.
— Ну и что? А! — захохотал он. — Боялся, когда ты в ночную смену, женка будет резвиться с другим! Чего ж такую брал?
— Да ну тебя, тут совсем другое.
— Лепи горбатого. Ревнуч, парень, ревнуч. Отелло!
Спорить с ним бесполезно, обижаться тем более. Болтает, хохочет.
— Ну, как у вас в парке?
— Как всегда, треху с возвращения в лапу... Да, Костьку Демина убили. А и денег-то всего по счетчику было двадцать с копейками. И машину бросили за Осиновой рощей...
— Вот здесь, — сказал я и вышел у подъезда.
То, что я увидел, привело меня в такую ярость, что я,

не сознавая себя, накинулся с кулаками на двоих длинноволосых, тискавших в углу Галю. Она кричала, отбивалась. Помню, я бил их в спины. Одного из них лягнул. Они бежали. Я выскочил вслед за ними на улицу. Но они неслись так, что впору было угнаться только на машине. Что я и хотел сделать.

— Гони за ними! — крикнул я.

— Куда? Чтобы ножом пырнули? — Он глядел на меня в дверное окошко. По всей вероятности, догадывался, что произошло. — Зови скорей жену, да поехали.

Галю колотил озноб. Я чуть не плакал, утешая ее.

— Говори, крепко повезло тебе, что такси сразу подхватил, а то бы разводи, кума, ворота шире, — говорил Василий.

Долго не могла успокоиться Галя и дома. Вздрагивала, прижималась ко мне, как бы ища и тут защиты.

— Как ты мог меня оставить... как ты мог, — шептала лихорадочно она. — Боже, я не перенесла бы, не стала бы жить...

Я гладил ее волосы, целовал, все больше осознавая то ужасное, что могло бы произойти и сломать нам жизнь.

Постепенно и это сгладилось и стало просто дурным сном. И снова наша жизнь замкнулась на нас двоих. Никто нам не был нужен. Но это не совсем так. У Гали появилась потребность веры в Бога.

— Меня спас Бог от надругательства там, в подъезде, — говорила она, — тогда мне было как бы предупреждение. И тебе надо верить — будешь жить увереннее. Слышишь, в этом слове звучит «вера». Без веры жить нельзя. Как только я обратилась душой к Богу, словно вошла в светлый дом, а до этого была будто в темном вечере.

Она говорила, и на ее лице было нечто, освещавшее его изнутри ровным сиянием.

Однажды я с ней пошел в церковь. Но, несмотря на всю торжественность службы и убранство церкви, на благоговейные моления верующих, ничто во мне не пробудилось.

— Как же так? — недоумевала Галя. — Это ведь так чудесно, когда все в едином порыве осеняют себя крестным знамением. В эти минуты я чувствую, как моя душа возносится к тому вечному, что дает нам радость жизни, что зовет совершать добро.

— Завидую тебе, но я ничего такого не испытал.

— Будешь ходить в церковь, и тогда на тебя тоже сойдет божья благодать.

Не знаю, сошла ли бы она на меня, если бы я стал ходить, но то, что Галя изменилась, это было очевидно. Она не то чтобы стала меньше меня любить, но в наших интимных отношениях появилось нечто рассудочное.

— В прелюбодеянии грех, если оно только для чувственного наслаждения, — как-то сказала она в минуты нашей близости, — но нет греха, если это для зачатия ребенка.

Я рассмеялся.

— А как ты отличишь то, что произошло с нами только что? Для греха или для зачатия?

— Я помолилась, чтобы у нас появился ребенок.

Прошло почти два года, как мы поженились. За это время многое изменилось в стране. Умер Брежнев. Умерли и Андропов с Черненко. И наступило новое время, когда церковь была полностью реабилитирована, что привело в трепетный восторг Галю.

— Видишь, даже верховная власть поняла, как необходима вера народу.

— Ну, конечно, лучше верить, чем пьянствовать, — сыронизировал я.

— Как бы я хотела, чтобы ты поверил в Бога.

— Поверю, когда забеременеешь.

— Грех тебе так говорить, — осуждающе сказала она и посмотрела с таким укором, что мне стало неловко.

— Прости, я не хотел тебя обидеть... Но все же, почему у нас нет ребенка?

— Не знаю...

— И я не знаю...

И на самом деле, и я, и Галя здоровые люди, и, казалось бы, все у нас должно быть так же, как и у всех нормальных людей, но почему-то... Галя ходила в консультацию. Пришла успокоенная. Успокоился и я. В конечном счете, существуют тысячи бездетных семей. Значит, такова судьба...

Так прошел еще год, без особых событий, если не считать того, что как-то на Невском встретил Игоря. Нет, раскрытых объятий, конечно, не было, но поздоровались так, будто расстались вчера.

— А я женился, — сообщил он. — Хотел было звать тебя на свадьбу, да не решился. Что-то я твоей Гале не понравился. Мог бы позвать тебя в отцы крестные, сын

у меня родился, так опять же не решился. Не захотел омрачать себе радость твоим отказом.

— У тебя сын? — только и нашелся я, что сказать.

— Да, отпрыск. Назвал я его все-таки в знак памяти о нашей дружбе Николаем. Зайди как-нибудь, посмотришь, хороший растет пацан.

— Кто же у тебя жена? Та, Женя?

— Ну, брат, на таких не женятся. У меня вроде твоей, скромница. По-моему, они нашли бы общий язык. А как твои дела?

— Работаю.

— Все работаем. Ребята есть?

— Нет... пока нет.

— Что ж так плохо стараешься? Я-то боялся из-за триппака бесплодным остаться. Но ничего, как видишь, обошлось.

За то время, как мы с ним не виделись, ничего в нем не изменилось. То же холеное лицо, так же хорошо одет.

— Ну а ты как? По-прежнему обнаженных снимаешь? — безо всякого интереса спросил я.

— Подымай выше. Перед тобой стоит председатель кооператива «Эротика». Выпускаю фирменные альбомы. Устраиваю постоянные выставки в разных городах. Требуется управляющий. Могу взять. Оклад полторы тысячи в месяц.

Он улыбался, удачливый, самоуверенный, современный босс. На большом пальце правой руки крупный перстень с красным камнем.

— Нет уж, я при своей «баранке», — ответил я.

— Ну, смотри. Если надумаешь, телефон тот же.

Нет, не надумаю. Не буду звонить. С тех пор как рядом со мной Галя, многое изменилось во мне. Теперь я даже стыжусь вспоминать те вечера, которые проводил у Игоря, и не понимаю, как я мог, не любя, сходиться с «птичками».

Но что-то произошло и с Галей. Ее молитвенный мир привел к такому благочестию, что, если раньше достаточно мне было прижать ее к себе, как она шла навстречу моему желанию, то теперь как-то зябко передергивала плечами и уклонялась, поводя головой из стороны в сторону.

— Ты что, уж не разлюбила ли меня?

— Люблю, но только не надо.

— Почему же не надо?

— Не знаю... Но не надо. Не сердись...

— Ничего не понимаю.

— Ну, не сердись, правда... я как-то не могу... Но это пройдет...

— Хорошо.

И она повеселела, а я не знал, что и думать. А тут еще весна подоспела. А весной, как говорится, щепка на щепку лезет. Однажды, разгоряченный желанием, я пришел домой.

— Галчонок, ну-ка скажи, что бы это значило, что сегодня я весь день думал о тебе, и не только думал, а еще и мечтал кое о чем. Вот о чем мечтал-то? — игриво сказал я.

— Нет-нет, сегодня совершенно нельзя. Ты же знаешь, у меня такое бывает каждый месяц, — догадавшись, о чем я говорю, поспешно сказала она.

— Что-то у тебя появилось много отговорок, — сказал я.

— Не думай, ничего плохого.

— Думай не думай, а чего-то неладно получается.

Конечно, я был недоволен. Стыдно признаться, но та самая низменная, хотя и естественная, физиологическая потребность стала брать верх над разумом.

— Может, тогда тебе лучше в монастырь идти? — сердясь, сказал я.

Никогда не забуду ее скорбного взгляда. Сколько в нем было грустного укора. Но меня он тогда не смилостивил. Да и как иначе могло быть, если мы оба молодые и меня томит то, что заказано природой.

— Не знаю, что с тобой происходит, но дальше так продолжаться не может.

Она заплакала. Но и это меня не примирило с ней. Чтобы как-то успокоиться, я вышел на улицу. И там мне пришла в голову глупая мысль: позвонить Игорю. Вот уж верно говорят: «Черт попутал». Как на грех, он оказался дома. Мало того — один. Жена была в родильном доме, сынишка у матери жены.

— У тещи, друг мой. Давай шпарь ко мне!

И я поехал.

— Ну, молодец, старина! Наконец-то осознал.

Да, он был искренне рад. Щедро распахнул недра своего холодильника, и на столе появились паюсная икра, семга, копченые угри, пиво в банках, коньяк высшего качества. Хрустальные рюмки и бокалы.

— Ну, брат, ты живешь, — невольно вырвалось у меня.

— Преуспеваю, друг мой, преуспеваю. Перестройка дала мощные возможности деловым людям. Мое производство ширится. Собираюсь открыть собственную типографию. Могу пригласить тебя директором. Оклад две тысячи. Это поначалу, а дело пойдет, увеличу. — Это все он говорил, разливая коньяк. — Ну, давай за то, чтобы дружба все же не ржавела! И, пожалуйста, ешь. И не делай вид, что тебя эта закусь не интересует.

И я ел. И еще выпил. И на какое-то время забыл Галю и то непонятное, что стало происходить за последнее время между нами. Мне было хорошо. Я и не заметил, когда Игорь позвонил «птичкам», а, может, звонил до моего прихода. И они явились, молодые девчонки.

— Не бойся, это не интердевочки, СПИДа не подарят. Это просто славные «птички», иногда залетающие в мой кабинет на работе.

Я глядел на лукавые мордашки и не осуждал ни их, ни себя. Больше того, даже оправдывал себя. «Почему Игорю можно, а мне нельзя?»

«Птички» охотно выпили, развеселились. Начались шуточки, заигрывания. И, наверно, эти шуточки закончились бы тем, ради чего Игорь и приглашал «птичек», но тут зазвонил телефон. Звонила теща. Ребенок заболел. Высокая температура. Игорь должен срочно приехать.

— Ну, как я забыл отключить телефон! — с досадой сказал Игорь. — Чего делать-то? — Подумал. — Надо ехать. Наследник в опасности. Вы, «птички», сами добирайтесь, а тебя подвезу. Это мне по пути.

Как Галя была рада моему возвращению. Со слезами глядела в мои глаза, гладила щеки, целовала лицо. И вдруг замерла.

— От тебя пахнет вином... Ты был у Игоря... Нет-нет, я тебя не виню. Это я виновата, что толкнула на дурной поступок, прости меня.

Этого я никак не ожидал. Сколько знаю случаев ругани, когда муж являлся домой подвыпивши, и не знаю ни одного, чтобы винила в этом себя жена.

— Да нет, это я... ты уж прости...

— Нет-нет, но я не со зла. И ты совсем не прав, когда говорил, что я не люблю тебя. Люблю! Вот ты ушел, и я поняла, что без тебя не могу жить... Я боялась сказать тебе, боялась ошибиться. Но мне кажется, я в положении. У нас будет ребенок. Я много молилась, и Бог услышал мою молитву. Только поэтому я сторонилась тебя. Но теперь все хорошо. И я самая счастливая, потому что с тобой...

На другой день она была в консультации. Беременность подтвердилась. Радости моей не было конца. Счастлива была и Галя. Мы сидели, держа друг друга за руки, и болтали всякую милую чепуху. И ни тени сомнения, ни страха перед предстоящим. Было такое состояние, будто мы вернулись в наше начальное, когда жили в красненьком домике.

Никогда меня город не интересовал своей архитектурой, великолепием дворцов и храмов, простором проспектов, красотой мостов и набережных; ездил и злился, если напарывался на «кирпич» или на «пробку». План, только план интересовал меня и те гроши, какие перепадали от заказчиков. Теперь же, как только узнал, что у нас будет ребенок, словно глаза открылись. И я увидал, в каком замечательном живу городе. Как он красив, как величественны его купола, как ослепительно сверкают на солнце золотые шпили, как извечно красивы петербургские дома. Конечно, я видел и новые кубические железобетонные коробки, но и они не портили мне настроения. Все же большинство из них были со светлыми окнами, с балконами. Я проезжал мимо садов и парков, мчался через мосты, соединявшие невские берега. И невольно косился на взъерошенные воды непокорной Невы, на плывущие по ней пароходы. Все было прекрасно. И если даже лил дождь, сутками держалось ненастье — все равно все было прекрасно.

Да, все радовало тогда. Я и раньше, бывало, заезжал по пути в библиотеку, чтобы повидать Галю, теперь же нарочно делал крюк, чтобы не волновалась она, чтобы была за меня спокойна. Меня распирало от счастья, что у нас двоих появился третий, пусть еще зачаточный, но уже развивающийся, стучащий своими ножонками в мир. Я даже, наверно, поглупел, потому что, сидя в кабине с заказчиками на перевозку мебели, говорил им о том, как я счастлив, и хотел, чтобы и они порадовались вместе со мной.

— Я рада за вас, — сказала однажды заказчица, пожилая женщина, — но больше никому не говорите. Могут сглазить.

Господи, как я испугался! Как я ругал себя! С того

дня я стал бояться за Галю. И каждый раз, возвращаясь домой, только и думал, не дай бог, чтобы с ней что-то случилось. Но, слава богу, все шло хорошо. Беременность Галя переносила довольно легко. Уже шел восьмой месяц беременности, оставалось немного.

Как-то приехав обедать домой, застал Галю сидящей на полу, с вытянутыми ногами. Напротив нее стояла высокая старуха.

— Девоска будет, — уверенно сказала она.

— «Девоска», — смеясь, сказал я, — а если мальчик, то что? И что ты придумала еще за гадания? Стыдилась бы. Зачем тебе это?

— А ты будешь доволен, если будет девочка?

— Я хочу ребенка. Нашего с тобой ребенка. И если будет девочка, то это так прекрасно!

— А если мальчик?

— Тогда будет замечательно! Только я не знаю, что лучше: «прекрасно» или «замечательно»?

Одно из страшных бедствий Ленинграда — гололед. В эти дни по всему городу с тревожными гудками проносятся машины «Скорой помощи».

На одной из них увезли Галю. Ее доставили в больницу в тяжелом состоянии. Врачи все делали, чтобы спасти ей жизнь. Ребенок родился мертвым.

В течение суток я был в неведении. Не знал, где Галя, что с ней. Документов при ней не было. Ничего не могла она и сказать, была без сознания.

Не сразу я нашел ее в больнице. Почему-то думал: она в родильном доме. Лежала она в реанимационном отделении, с капельницей. К ней меня не допустили. Разрешили взглянуть только от дверей. Она была уже вне опасности, как сказал мне врач.

Ужасны для меня были те дни, пока был один. Чего только не передумал! Представлял весь ужас ее положения, когда она придет в сознание и поймет, что с ней произошло. И как ей будет не хватать меня, чтобы утешить ее, успокоить. Каждый день, по нескольку раз я справлялся о ее состоянии. Наконец мне разрешили свидание.

Бледная, потерявшая много крови, она выглядела еще бледнее от серого света, падавшего из окна. Первые ее слова были: «Прости меня...»

— Ну что ты, что ты, — взяв ее руки в свои, с болью

вглядываясь в ее измученное лицо, сказал я, чувствуя, как слезы подступают к глазам.

— Я так перед тобой виновата, — она отвернулась к стене и заплакала.

— Умоляю тебя... не надо... Все будет хорошо.

Она не сразу успокоилась.

— Вот и кончились наши мечты, — тихо сказала она и посмотрела на меня с такой непередаваемой грустью, что у меня сжалось сердце. — А как было все хорошо... Так уже больше никогда не будет... Ты знаешь, у меня совсем нет сна. Мне дают снотворное, но оно не помогает. Сплю не больше часа, а потом лежу с открытыми глазами и все думаю, думаю... Сегодня не спала, глядела в окно и думала. Вот все спят, но кто-то не спит, страдает. И никому нет дела до него. И вот лежу я, во мне все пусто, словно вынули жизнь. Ты где-то далеко-далеко. И нет вблизи меня никого, кто бы мог пожалеть меня. И вдруг окно открывается. И там, за окном, не морозная ночь, а весенний сад, и ко мне по тропинке идет, среди цветов, человек во всем светлом. Все ближе, ближе. Входит в окно и склоняется надо мной. У него белые волосы, белая борода, усы и очень доброе лицо.

«Чего ты не спишь?» — приветливо спрашивает он.

«Не могу. Все думаю о том, что случилось».

«Да, случилось горе. Так бывает в вашей людской жизни. Но я помогу тебе. Сейчас принесут твоего сына. и я оживлю его».

И он оживил. Я плачу от радости и кормлю моего маленького грудью. И тут входит дежурный врач и видит, что я плачу. Спрашивает, что со мной, что болит? И я рассказываю ему о том, как было бы хорошо, если был бы такой светлый, божественный человек, который помогал бы страдающим.

«Да-да, — сказал врач, — но надо спать». Он дал мне снотворное и ушел. А я уснула.

Когда проснулась, у моей кровати стоял другой врач. Психиатр с ассистенткой. (Галя грустно усмехнулась.) Он стал выспрашивать меня, не было ли в моем роду шизофреников, и я поняла, что дежурный врач принял мой рассказ за тихое помешательство.

«Господи, — сказала я психиатру, — неужели больному человеку нельзя даже помечтать, чтобы облегчить свои душевные страдания!»

«Почему же нельзя, можно. Но разве нормально, ког-

да все спят, вы придумываете невозможное? Естественно принять это за отклонение от нормы и принять соответствующие меры». Сказал, посмотрел на меня внимательным таким взглядом и ушел. Господи, до чего мы дожили, если наивные мечтания принимаются за сумасшествие...

— Да, но ты не думай об этом. Я договорился на работе. Мне дадут отпуск, и мы уедем на юг. Куда бы ты хотела? В Крым или потеплее, в Гагры, Сухуми?

— Не знаю, — безучастно ответила Галя.

Мне это не понравилось, но я не стал настаивать. И на самом деле, до этого ли ей?

— Мы еще успеем это обсудить. Главное, тебе надо поскорее поправиться и вернуться домой.

— Домой? Как это странно звучит: «домой»...

Когда я уходил, заметил, какими печальными были ее глаза, каким грустным был взгляд, провожавший меня. В нем столько было безысходной тоски, что я вернулся.

— Ну что ты... Все будет хорошо. Я тебя люблю еще больше, чем когда-либо.

— Спасибо тебе...

— Тебе спасибо. — Я встал на колени, взял ее руки. Они были холодные. Стал их греть своим дыханием.

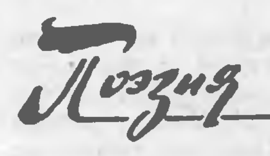
Я побыл еще немного и ушел. На душе у меня было неспокойно. Тревожило то незнакомое мне, что владело ею. И не зря. Ночью раздался телефонный звонок. Звонили из больницы. Просили срочно приехать.

Когда я приехал, Гали в живых уже не было. Врачи что-то объясняли мне, отчего она умерла, но я не слушал, я не мог поверить, что Гали нет. Что никогда не увижу ее, не услышу ее голос... Я кричал, рвался к ней. Я обвинял врачей в том, что они убили ее. Меня сдерживали, совали какое-то успокоительное. Куда-то вели... Пришел я в себя в больничном дворе от холода. Сколько я там простоял, не знаю. Дул пронизывающий ветер. Переметал сухой, жесткий снег. Во дворе было пусто. Пусто было и в моем сердце. Я стоял и плакал...

* * *

Прошло более двух лет. И вот я снова в красненьком домике. В нем я не бывал с тех пор, когда в последний раз приезжал с Галей. Боялся воспоминаний. Но боль постепенно утихла, оставив в душе светлую грусть. Я гляжу на все цветущее, выхожу на берег, вспоминаю, как любили мы с Галей сидеть в тишине и наблюдать плеск волн, шелест листвы... Вспоминаю и думаю. Почему у нас так несчастливо получилось? Почему нужно было судьбе разбить наше счастье? Ведь мы никому не мешали... Думаю и не нахожу ответа. И все же только здесь мне легче. Город перегружен событиями. Пришло время больших потрясений. Сбылось то, что пророчески предчувствовала Галя. С каждым днем все страшнее становится жить. Льется кровь ни в чем не повинных людей. Свирепствуют рэкетиры. Все больше появляется наркоманов. Процветает проституция. Моя Родина катится в пропасть. И, конечно, никому нет дела до моей беды. Вряд ли кто посочувствует мне. Да я ни к кому и не иду. Горя, своих забот у всех хватает. Мир становится жестоким, и каждому теперь надо учиться переживать свою беду в одиночку. Боль от этого не уменьшится. Но иного же не дано...

11 ноября 1990 г.,
Ялта

Перед вами стихи авторов, никогда ранее не издававших свои произведения в центральной печати, живущих далеко от кипучей литературной жизни и вовремя не замеченных, не поддержанных писательскими организациями. Может быть, именно поэтому не смогли они шире развить свои несомненные способности и остались «самородками» на той земле, с которой связывают все свои радости и печали. Они знают жизнь селян изнутри, прочувствовали ее сердцем, собственными мозолями, для них эта жизнь стала судьбой.

Возможно, наш постоянный читатель привык к острым, социальным произведениям, публицистически смелым, направленным на самые болевые точки современности, и поэтому будет удивлен подборке стихотворений, лишенной этих примет. Но нет ничего удивительного: пока столица и другие крупные города ведут политическую борьбу за образ жизни, село спокойно, с крестьянской основательностью занято своими повседневными заботами: сев, сенокос, уборка урожая. Не случайно поэтому взоры людей на селе больше обращены к природе и человеку, нежели к политическим проблемам.

А может быть, приходит мысль, вся эта перестройка просто не нужна и чужда народу, коль он так глух к ней?

Светлана Соловьева родилась в таежной уральской деревне Верхняя Сысерть. Быт глухого уральского села, простая разговорная речь спокойно вливаются в ее строки. По-женски мудрая и любящая душа поэтессы устремлена и добру и состраданию. В ее поэтическом голосе слышатся самобытные, неповторимые мелодии.

Иван Рыжих уроженец Белгородчины. Он по сей день живет в родном селе Иловка, обостренно и восторженно чувствует природу, находит в ее естественном движении и изменчивости пищу своим мыслям и чувствам.

С родным селом Синодское неразрывно связана судьба Юрия Самсонова. Вероятно, сами степные пейзажи пензенской земли способствуют философскому осмыслению мира и событий.

Виталий Савченков живет в Париже — село в Челябинской области. Учительствуя, он работал по совместительству и заведующим зернотоком, и рабочим рыбхоза, и корреспондентом районной газеты. Органичная связь человека с природой и сельским трудом нашли отражение и его творчестве.

Светлана СОЛОВЬЕВА

СОСТРАДАНИЕ

* * *

Гостила этой ночью я у речки.
В нее спустились тихо две звезды —
мне мать о т т у д а зажигала свечки, —
ведь вечность вечна памятью воды.
И кажется — я с веточкою тонкой
у матери взяла свечу из рук...
Днем полоскала я с мостков пеленки —
теперь мать знает:
у нее есть внук.

* * *

Дед ослеп.
«...С ружжом — не кабы-абы:
мстит оно — нечистого похлест...
В лебедь не стреляй: она ведь... баба —
слабнет в месяц раз... А в шшуке — крест.
Моду взяли — и шшучину зарядом!
Крест и башке, такой прозрачный хряс —
Божья мета. Шшуку есть не надо —
вен в два раза длинныше, чем у нас...»
Знал бы дед!.. И щуку мы, и птицу,
и реку, и небо, и помет...
Землю жрем — не можем подавиться...
Дóжили!.. Возмездие идет.

НАД ЗЕМЛЕЮ

Пишет из деревни дедка Осип
(без очков, а не свернул со строк):
«Все под потолком тот самый очеп
от твоей-то зыбки, мой Светок.
Бабка Луша вынула намедни
полог из комоду своего —
правнучком она, старуха, бредит —
рóдите, так привози его.
В городу, там все у вас на нерве:
гомонят, не смотрят, толчея.
Сызмальства-то надо жить в деревне.
Привози, хорошая моя».
Ладно, привезу. Но что со мною?
...Под щекою строчка расплылась.
Уж давно я с городом срослась,
а живу, как будто н а д землею.

СТАРИК

За устаренье выдворен из класса,
законным актом списанный на прах
(а изрубить рука не поднялася),
стоит рояль на согнутых ногах.
Подвал сырой. Басы давно оглохли:
хранитель-ангел слабое клеймо,

да клочья реставрационной охры
лишь обрамляют лысину его...
И я, над старым музыкантом сжалясь,
потрогала беззвучные басы.
Не знаю, почему так сердце сжалось?..
И почему не смолкли на руке часы?

МОНА ЛИЗА

Когда он Мону рисовал,
я за спиной его стояла.
Что на сносях она — я знала,
а Мастер не подозревал.
Ее свеченьем покоренный,
он не заметил и того,
зачем весною в платье темном
и нет на шее ничего.
...Она сидела, пригревая
рукою левой свой живот,
а правой пульсе ловя.
И вот —
т о л к н у л с я!
Губ не разжимая,
боясь и вздохом напугать
младенца, — улыбнулась м а т ь,
мне взглядом тайну раскрывая...
Я умерла.
Она живая.
Жаль одного —
я не узнаю,
кто был у ней...

Иван РЫЖИХ

ПОДСЛУШИВАЮ ПТИЦ

* * *

Лениво всходила луна,
Соломенным светом горела,
Какая-то птица с ума
Свести меня песней хотела.
И то, что мечтал я сказать, —
Она без стыда и стесненья,
Почти закрывая глаза,
Пропела за пару мгновений...

* * *

Какая-то птаха поет,
Далекие светятся хаты.
Ты здесь ни при чем, но умрет
Последняя нитка заката.

Она отстоялась уже,
Упала за улицей нашей
И кровью горит на меже
В ногах у последних ромашек.

И все же из нас никому
Узнать не придется, ребята,
Что сердцу дает и уму
Последняя нитка заката.

* * *

Врешь ты все, кукушка,
Что недолго жить!
Ты ведь в арифметике
Ни бум-бум.
Лучше ты, бездомная,
Сядь во ржи
И послушай, серая,
Хлебный шум.

Сам его я слушаю
Ровно тридцать лет.
И не надо музыки
Мне иной.
Желтый и рассыпанный
Хлебный свет
Ударяет в голову,
Как вино.

Перепелки рыжие —
Чуть рассвет —
Средь живого золота
Там поют.
И тоску заезжую
Нет да нет
До последней капельки
Расклюют.

Так что ты, кукушечка,
Брось-ка врать.
Мне, еще зеленому,
Жить да жить!..
Только в поле старая
Ходит мать,
И украдкой крестится
Среди ржи...

* * *

Пахнет лесом свежий крест.
Он тяжел — из дуба.
И расходится оркестр,
Вытирая губы.
Через час, а, может, два,
В подметенной хате
Музыкантов ждет вдова
Вся белее ваты.
Проводив их со двора,
Всех угрюмо-пьяных,
Обойдет весь дом вдова
И закроет ставни.
Упадет под образа —
Только стон и всхлипы.
Не смотрите ей в глаза,
Лучше не смотрите...

* * *

Они летели ниже, чем всегда.
Чтоб не кричать — я спичку сжал зубами.
Большими от бессонницы глазами
Я их считал, как прошлые года.
И я хотел — хоть ты меня убей —
Своей тоски добавить им и боли.
Но вот они, перелетая поле,
Свою печаль добавили к моей.
И я тогда в смятении притих.
И долго еще, долго над полями
Пустое небо пахло журавлями,
Но ничего не значило без них.

* * *

Последние дни уходящего бабьего лета.
Еще не окончился птичий крикливый отлет.
Поедем к реке и забросим на счастье монету,
Орел или решка — угрюмая щука поймет.

Посмотрим на мир удивительно вдруг оголенный,
На блеск паутин и над полем их теплый полет.
Потом подождем на скамье у ворот почтальона,
Который, быть может, хорошие вести несет.

А вести все те же, — что осень настала, ребята,
Что тянет дымком горьковатым, но сладким с полей,
Что пахнет в саду уцелевшая старая мята,
И старые листья на запах слетаются к ней.

Юрий САМСОНОВ

К ЗАВЕТНОМУ

У РОДНИКА

В синей прорве сумерки застряли,
Мечут искры тьма и глубина —
Наклонись и сдержишься едва ли,
Чтоб не ахнуть, не увидя дна.

Тронешь влагу жадными губами
И отпрянешь в страхе от воды:
Где-то там холодными клубами
Ходят тихо призраки беды.

Кажется, ни перед чем не струшу
В мире, что изведан и знаком,
Но заглянешь в собственную душу —
Станет жутко, как над родником.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Меня убьют — я это знаю! —
Не на какой-нибудь войне,
И не на дыбе истязая,
Не ядом, поданным в вине.

Меня замучают — предвижу —
Сожнут, подкосят на корню
За то, что правды не унижу,
И истине не изменю.

ГРАЧ

Над пашней, по-над клеверной отавой,
Над лесом, что морозцем обожгло,
Еще не замер окрик твой картавый,
Зовущий братьев пробовать крыло.

Ты в дальний путь готовишься без страха,
Я сердцем чую, что и я такой:
Мне, может, не хватает только взмаха
До высоты заветной, дорогой...

Виталий САВЧЕНКОВ

ДОЛЯ

* * *

Еще длинна дорога до села,
но за рекой, где острова лесные,
я вижу золотые купола
и вспоминаю времена былые.

Едва в первопрестольной запоют
колокола о предстоящей нови,
в губернии отцы поклоны бьют,
в уездах — расшибают лбы до крови.

Земля моя, припомнив старину,
на все века
в делах любви и веры
дай сердцу высь, а мысли — глубину
и сохрани святое чувство меры.

* * *

Поднимаются к окнам
холодные волны тумана.
Опустели стаканы
за братство любимых гостей.
Не пришла ли пора
под раскатистый рокот баяна
грянуть песню о поле,
о доле крестьянской своей...

Разве, односельчане,
мы жить широко не умеем?
Нам ли кудри мочить
в крутобоких стаканах с вином?
Стало поле щедрей
и крестьянские руки умнее.
Но невнятная речь
вместо песни звучит за столом.

КОСТЕР

Крыльями веток
прикрыв от дождя,
я сотворил его
в час непогожий.
К жаркому свету костра
подойдя,
будь моим гостем,
случайный прохожий.

Что же стоишь ты
с ненастьем в судьбе,
с вечной дорогой своей
за плечами?
Умное сердце
не верит себе.
Хочется пламя потрогать
руками.

* * *

Я в глубинке живу, в деревне.
С детства страдное поле знаю.
Под зеленой листвой деревьев
шепот дождика понимаю.

На рассвете промчатся кони,
зашумят над пшеницей сосны,
и беру я росу в ладони,
и в ладонях играет солнце.

От своей деревенской доли
не стремлюсь в бытие городское,
потому что нельзя без боли
оторвать от живого живое.

Ринат МУХАМАДИЕВ

ЛЬВЫ И КАНАРЕЙКИ ИЛИ НЕВИННЫЕ ЗАБАВЫ МАФИИ

РОМАН

1

— Вижу, девушка, и свет не мил. Клянете почем зря?

Высокий крепкий мужчина лет сорока подошел и встал перед ней. Асия молчала, будто и не слышала.

— Мир хорош, девушка, не ругайте его, не надо.

Асия даже растерялась на миг. Что тут скажешь? Нет, лучше молчать, не слышу, дескать, и все. Уж кого-кого, а мужчин, которые плетут что ни попадя и смолой липнут к одиноким девушкам, встречать доводилось.

Хотя... этот, похоже, не из таких. Еще утром вошла в просторный зал аэропорта — и сразу увидела его. Одеждой, ростом, спокойным видом и всей повадкой, в которой вместе с достоинством была легкая, чем-то даже приятная заносчивость, он сразу бросался в глаза. Слов нет, приметен.

В командировку едет, по важным делам, по государственным, не иначе. Или из командировки возвращается. Вот уже часа два он сидел и неторопливо листал какой-то иностранный журнал с цветными картинками, по сторонам не смотрел, ни с кем не заговаривал. И повадка была солидной, и журнал в руках держал как-то солидно. «Может, дипломат или иностранец какой?» — подумала Асия. От нечего делать она долго наблюдала за ним, благо он как уткнулся в журнал, так головы и не поднимал.

А теперь — рослый, осанистый — встал перед ней, белый свет заслонил.

Вот и прикинься, что в упор его не видишь. Острым словцом не отбреешь, да и причины пока нет. А он уходить не собирается, стоит, улыбается мягко и чуть снисходительно. Все такой же уверенный и спокойный. И слова все те же:

— И жизнь хороша, девушка. Не надо, не кляните ее...

Асия не удержалась, подняла голову.

— И не собираюсь. Покуда я от жизни ничего плохого не видела.

Глаза их мгновенно встретились.

— Вот, стало быть, как, — мужчина озабоченно свел брови.

— Стало быть, так.

Асия увидела: старается скрыть невольную улыбку. Странная улыбка, не поймешь, что в ней прячется. И снова зажглось любопытство: кто он?

Уже несколько пар глаз с лениво разгорающимся любопытством смотрели на них. Часами изнывали от скуки, не знали, куда ткнуться, а тут такое зрелище: мужчина с девушкой решил познакомиться!

— На жизнь, выходит, не жалуетесь. Это хорошо. Значит, вы счастливая?

— Да, пока не жалуюсь, — сказала Асия.

Чувствуя, что взглядов со стороны становится все больше, она еще чуть-чуть высокомерно улыбнулась. Это высокомерие, по опыту знала, в таких щекотливых случаях должно отмести от женщины чьи-то пустые надежды и всякую напраслину.

— А я ведь с предложением к вам. Полагаю, уместным.

— Полагаю, неуместным.

— Вы проголодались. Приглашаю в ресторан.

— Спасибо. Я с незнакомыми мужчинами в рестораны не хожу. Нет такой привычки. («Господи, — разочарованно подумала она, — только и всего! Как все просто!»)

— А я... — мужчина на миг замолчал. То ли растерялся слегка, то ли что-то новое пришло в голову. — Ну... с незнакомыми

мужчинами в ресторан я тоже не хожу. Но и один ходить не привык.

— Бедняжка!..

— Я серьезно, девушка. От чистого сердца приглашаю.

— От чистого сердца отказываюсь, спасибо!

— Не поняли вы меня...

— Прекрасно поняла. Пригласите кого-нибудь... — Такая привязчивость уже начала надоедать. Она кивнула в сторону. — Вон сколько людей кругом, полон зал.

— Кого же позвать?.. — словно спрашивая у нее совета, сказал он. И, чуть склонив к плечу красивую, гордой посадки голову, огляделся по сторонам. — А, тогда, может, апа, вы пойдете со мною? — спросил пожилую тетку с расстеленной на коленях газетой.

Та жевала яйцо и по деревенской своей простоте шутки не поняла.

— Нет! — мотнула она головой и, ретиво глотнув, буркнула неучтиво: — Прошла наша пора по ресторанам ходить. Сыта я, кусочка проглотить не смогу.

— Сходи, дочка, еда не грех, — вступила в разговор женщина, сидевшая от Асия справа. — При зубах была бы, и сама не отказалась. Протезы эти окаянные дома забыла... — и мелко закудахтала.

Сколько сидели рядом, слова даже друг другу не сказали, а тут, пожалуйста, развязались языки. Разумеется, Асии это не понравилось. И так уж со всех сторон глазами въелись. Она исподлобья коротко глянула на мужчину: ну, дескать, что еще нужно? Давно бы пора смутиться, застесняться, на крайний случай — обидеться и уйти, нет, стоит. И тут она снова встретилась с ним глазами... Из-под густых бровей, откуда-то из глубины, двумя лучами ударило темно-карее сияние. Странный был этот взгляд. Сказать, что все это ему лишь в забаву... Нет! Асия увидела, что уверенный, гордый, полный самоуважения и даже самонадеянности человек стоит перед ней. «Может... о чем-то серьезном хотел поговорить, сокровенным поделиться», — с внезапным волнением подумала она. Но плеснувшегося в ней чувства ни лицом, ни взглядом не выдала. Напротив, чтобы выказать полное свое безразличие, равнодушно отвела глаза.

— Я пойду, место займу. Жду вас...

Вздохнул глубоко, мягко повернулся и уверенными шагами пошел прочь.

И хоть бы оглянулся, окаянный!

И Асия пошла — нехотя, с тоской даже, лишь после того, как заставила порядком подождать, но пошла.

Искать не пришлось — увидев ее, он тут же встал из-за стола, мягко улыбнулся.

— В самый раз пришли, садитесь, сейчас нам все подадут, — сказал он, подвигая стул. — Отогреетесь, настроение сразу поднимется...

— Спасибо, я не замерзла. И совсем не голодная. Я так просто. Посижу немного и... уйду, — вдруг смутилась она. И не зная, как скрыть смущение, засуетилась, зажеманничала. Вот наказание, в жизни не было, чтоб вот так не могла взять себя в руки! Лишь теперь, войдя в ресторан и усевшись за столик, Асия поняла, какую допустила оплошность.

Совсем незнакомый человек пригласил в ресторан, и она — извольте, пожалуйста! — тут же прискакала следом.

— А вы не волнуйтесь. Я хоть и голодный, но не волк, вас не съем. Живой-невредимой прилетите в Казань. Вы ведь в Казань летите?

— С чего вы взяли? Вовсе не волнуюсь. И не думала волноваться! — поспешила выразить удивление Асия. Для убедительности еще и плечами пожала. И только тут, вспомнив про вопрос, упавшим голосом добавила: — В Казань...

«Ну, что ты растерялась? Мужчины не видела?»

— И я в Казань. Так что не ругайте себя, не надо.

— Вы что, ясновидящий? — громко рассмеялась она.

— Нет. Коньяк, шампанское? — И простодушно улыбнулся: — Если б я был ясновидящим, наверное, не спрашивал бы, правда?

— Все равно.

— Стало быть, белого?

— Все равно я пить не буду. Смотрите сами.

— Вот тут вы не правы. Нет такого человека, чтоб не выпил рюмочки ради знакомства.

— Как видите, есть.

— Самую малость. Вот этому бурану назло.

— Спасибо, я ответила, — сказала Асия. Такой ответ понравился и самой: коротко и с достоинством. Кажется, успокоилась.

Подошел официант. Каждое слово клиента на лету ловил, поймает и тут же карандашом к блокноту пригвоздит — редко такое рвение увидишь. И только гость кивнул: все, дескать, — тут же скрылся.

«А все же сразу не заказал, выходит, не знал, приду или нет», — отметила про себя Асия.

— Знаете, а вы мне понравились... Еще утром, только в аэропорт вошли, я приметил вас.

«Так, комплимент номер один».

Асия сразу почувствовала себя уверенней. Любая женщина к

красивым словам пристрастна, это всякий знает. Но если думаете, что женщина только услышит комплимент, сразу все на свете забывает, — глубоко ошибаетесь. Нет, женщина прекрасно уловит и смысл комплимента, и умысел. Сказал он «понравились» — и из одного слова поняла Асия, что к чему, в каком направлении пойдет теперь разговор.

— Ну, приметили так приметили, — дернула она плечиком. — И что из этого?

— И в тот же миг первый раз в жизни обрадовался, что буран...

По всему аэропорту покатился голос диктора: «По метеоусловиям вылет самолета Уфа — Казань откладывается на четыре часа». Мужчина покачал головой, Асия же словно бы в ужасе схватилась руками за голову. Глаза их встретились. И у обоих в уголках губ мелькнула улыбка.

2

Эх, Асия, вычеркнуть бы тебе тот день из памяти, забыть начисто. А тому уфимскому бурану и остаться там, в Уфе, нет, увязался, обмотался вокруг сердца и дотянулся до самой Казани.

Тот день прошел. И метельный февраль улетел-миновал. Только в душе не унималась поземка: заметется вдруг нежданно-негаданно, прогладит холодной горечью по сердцу — ни жизни, ни радости. Природе что? Пошумит, погрозит бурей-непогодой и уймется. Но вот если в душе заметь поднимется...

Жизнь не в жизнь стала Асии, день не в день, сон не в сон. На работу придет — работа из рук валится, домой вернется — ни света, ни уюта, слоняется из угла в угол, места себе не найдет. Глянет со стороны, как подружки судачат обо всем и ни о чем, хихикают, во всем потеху ищут — и словно оскомина какая на душе. Если же кто к самой с пустыми расспросами сунется — ответит хмуро, насупясь. Как сама от любого пустяка раздражалась, так и других задеть не боялась. Одним словом, стала Асия неузнаваема. Сания-апа, привыкшая резать напрямик, так и сказала: «Словно тебя подменили».

Асия — портниха, работает в центре города, в ателье первого разряда. Сшить здесь платье или костюм — мечта каждой женщины, которая не хочет отстать от моды. Потому у женщины, когда она подходит к дверям ателье, от волнения начинает стучать сердце. Так что у работающих здесь — посторонись, директор, посторонись, министр! — престиж высок. Спросят: «Где работаешь?» — скажешь скромно: «В Юсуф-Зулейхе» и — в ответ

непременно прищелкнут языком и протянут: «О-о-о!» Вот в таком необычном ателье обычной швеей и трудится Асия. Обычной-то обычной, а хороших портних, чтоб шили и модно, и впору, становится все меньше — так и тебе, пусть даже обычной, но коли место твое здесь, цена не затертый грош. Деньги у народа имеются. Спрос есть, да и привередливости хватает. Стоящий товар, он — или оттуда (с черного хода), или из-под прилавка. А это — не всякому. Вот и остается опрометью мчаться в ателье. Но и ателье бывают разные: в ином одеть-то оденут, но и обдерут как липку, да еще один рукав короче другого сошьют, или штанину такую, что хоть подвертывай. Тут про «Юсуфа-Зулейху» и вспомнишь. Вот где шьют! Вот и идешь туда, зажав сердце, ибо шьют там не каждому. Асия это по своему опыту знает. Хоть в «Юсуфе-Зулейхе» и недавно работает, но в мире здешнем уже пообвыклась, пообтерлась...

...Да, во всем тот буран виноват. Вот и сейчас, протягивая стежку по белому, как метельные свивы, подвенечному платью, ушла она в воспоминания. Уфимский аэропорт. Битком набитый зал ожидания. Сидит напротив мужчина, рассеянно ворошит журнал...

Буран, все вокруг обвил буран, весь мир, весь окоем, всю душу опутала белая непроглядная метель.

— Странно... знакомству нашему всего лишь час, а мне кажется, что знаю вас давным-давно, словно самый вы мне близкий человек, словно этой самой тропкой шли мы с вами в детстве. А всего-навсего — задержался самолет, и мы — два неприкаянных пассажира.

Некоторое время шли молча. Ей же казалось: этой узкой, протянувшейся меж белых берез тропинке нет конца. Ни вперед, ни назад. Будто и впрямь оттуда, из самого детства, и тянется. Может, и тропки никакой там не было? Какая еще в березняке в самый буран тропинка? А казалось — такая долгая, такая прямая была, как эта долгая стежка на платье. Но и сейчас в ушах — тонкий шелест снега, свист ветра. Вихрем завивался, бил в лицо, застилал глаза, лез за пазуху — жаркой волной обволакивал этот белый ветер. Вот какой был буран, глаз не разлепить, добрый хозяин собаку во двор не выгонит, а она в тонюсеньких колготочках нырнула в самую замять и холода не чувствовала, вот ведь, а?..

Неужто зал аэропорта, большой и теплый, стал им тесен? Отчего же их вот так, своей волей, понесло в метельный омут, в непроглядную глубь бурана? Будто по семнадцать лет им всего... Вдруг он, располовинив густую снежную муть, шагнул вперед и встал перед ней.

— Вроде бы и знакомы... давно знакомы... — сказал тихо. — Но как зовут друг друга, не знаем. Вот смотрю и вижу: даже имя у вас красивое. Как вы думаете, может, настал миг — назовете его?

И — потупил глаза. Словно была в них мольба, и он захотел скрыть.

— Да-а, нелегкий вопрос... — расхохоталась Асия. — Затем и в чистое поле в самый буран меня вытащили, чтобы спросить?

— Вопрос непростой... — кивнул мужчина, словно парус укрывший ее. А сам стал еще серьезней, даже чуть загрустил вдруг.

— Зовут меня Асия.

— Асия... Асия... А я вот Арслан, — и отчего-то вдруг изменился голос.

Стянул с руки перчатку и стряхнул с воротника Асиного пальто налипший снег. Тут-то его горячим пальцам — совсем случайно! — полагалось бы коснуться ее шеи. Потом: «Э-э, совсем озябла, надо чуток отогреть», — большими ладонями обнять ее пылающие щеки... А сойдет все гладко, наберется духу обнять вдруг Асеньку за талию и, губами к губам, сомкнуться устами...

Но сего распорядка, которого все мужчины, словно договорившись, держатся точь-в-точь и неукоснительно, исполнять не стал. А ей... а ей бы, согласно обычаю, полагалось разобидеться или даже прогуляться ладошкой до щеки не в меру расхрабрившегося мужчины.

Ошиблась Асия. Выходит, не зря свое имя носит — Арслан. Что значит «лев». У льва и повадки львиные, и тут на других мужчин не похож. Нет, даже в смущении его сквозит достоинство. Вот чем он ее купил. И рук, чтоб щеки погреть, не тянул, и губки, мол, озябли, не намекал, и даже в сугроб ни разу не толкнул. Шел рядом задумчиво, в снегу прокладывал след. Порою, взвихрясь, набрасывался буран, и тогда Арслан, зайдя вперед, укрывал Асию от его яростных порывов.

— Асия... — повторил он. — А вы знаете, что означает ваше имя? Асия... Исцелительница, утешительница, вот что ваше имя означает.

Заливисто рассмеялась Асия. И зачем он был нужен, этот деланный смех!

— А вы, значит, специалист по женским именам.

— Вовсе нет, — без обиды сказал он, — у меня сестренка есть, Асия. Вот и вспомнил.

Буран ли затихать стал, холод ли до ног добрался, они повернули обратно. До самого аэропорта не сказали ни слова — ни он, ни она.

Только сейчас, много дней спустя, поняла, кажется, Асия, отчего не завязался тогда разговор. Он-то рвался поговорить — просто, искренне, открыто, а она, словно дятел, все ему наперекор стучала. Сама себя не слышала: глупо говоряла, глупо отшучивалась и глупым при этом заливалась смехом.

Только вошли в здание аэропорта, объявили посадку на Казанский рейс. Места в самолете пришлись врозь, попытки с кем-то поменяться Арслан делать не стал. То ли друг друга постеснялись, то ли соседей, даже не попрощались толком. А приземлились в Казани, Арслана встретили две женщины с цветами. Он даже повернуться к Асии, помахать рукой не смог. Сели все трое в стоявшую неподалеку черную «Волгу» и уехали... Так словно в прорубь и канул этот странный, загадочный Арслан.

Арслан уехал. Исчез. Ни адреса Асии не узнал, ни фамилии, ни где она работает. Теперь, сколько бы ни искал, найти ее не сумеет. Кто знает, может, и ищет... Только где искать, как? По улицам ходить, в лица заглядывать? Или выйти на середину улицы и закричать: «Асия! Асия, где ты?» Нет, теперь не найдешь. Очень жаль...

Удивительная эта вещь, которая судьбой называется. С причудами. Возьмет и сведет с человеком, о ком и думать не думал. А с тем, кого ищешь, кого ждешь, можешь годами в одном городе, на одной улице жить — и не встретишься, она, судьба, будет следять, чтобы не сошлись, за миг, за метр до встречи возьмет и разведет в разные стороны. Не заметишь, как в ожидании и жизнь пройдет.

А вот Асия может его найти. В любой день, в любую минуту. Вот хоть сейчас. Стоит только захотеть. Очень даже легко. В Уфе, когда они рядом шли на посадку, Арслан сунул ей в руку клочок бумаги. Асия тут же сгребла его в ладошку. И положила в карман пальто. Там и сохранился. А теперь он — в ящике ее рабочего стола. Лежит там в темноте и решает: встретиться этим двоим или нет? Клочочек маленький, для другого глаза — мусор, а какая в нем волшебная сила. Не просто бумажка — а для судьбы подсказка. Однако... Асия никакому мужчине никогда первой не позвонит. Не такой она человек...

Так думала Асия, сама себя растравляла, сама и утешала. Но в один мартовский день, когда легла легкая поземка, остановилась возле телефонной будки, достала из кармана тот листочек. Спеша, волнуясь, набрала номер.

— Слушаю вас, — ответила женщина. От волнения и вовсе перебило дыхание. Помолчала, потом выдавила с трудом:

— Мне... Арслана можно?

— Арслан Сахипович проводит совещание. — Голос стал за-

метно суше. — По какому вы делу? Как Арслану Сахиповичу доложить?

Ничего не сказала Асия. Осторожно повесила трубку и вышла из будки. Мела, крутила поземка, поднималсн буран. Асия долго, словно в удивлении, смотрела на листок бумаги в руке. Потом, придя к твердому решению, тщательно порвала его на мелкие кусочки. Отбросила в сторону и поспешно зашагала прочь. Казалось, чем быстрее, чем дальше уйдет она от этой телефонной будки, тем дальше будет от чего-то постыдного, дурного, спасется от какой-то беды.

И буран, что мел в душе Асии, кажется, улегся.

3

Был обычный рабочий день в ателье. Приемщице понадобилось куда-то уйти, и она попросила Асию посидеть за нее. Асия обычно соглашалась, ей нравилось принимать клиентов; поговоришь, обсудишь, тебя спросят, ты посоветуешь, и все тебе в глаза смотрят, и все тебе благодарны, и так приятно быть доброй и снисходительной.

Отрылась дверь, и в сопровождении почти взрослой уже дочери вошла рослая пышнотелая ханум средних лет. Глянула Асия и поняла, что клиентка не из обычных — во всем импортном, у нас такого и не ищи. На шубу ее только раз глянуть — и тоска черной молью изгрызет любое женское сердце: так и льется, так и мерцает, словно снежинки под луной. Да, с такой дамой не поговоришь, не обсудишь, и в глаза тебе она заглядывать не будет. Асия как сидела, так и осталась сидеть, лишь постаралась не выдать восхищения, дескать, и мы не лыком шиты. А вот начальницу смены, которая сидела, будто наизнанку вывернутая, день-деньской щелкала семечки, в тот же миг — раз! — и вывернули обратно лицевой стороной. В следующий миг она уже смахнула расстеленную на коленях газету с семечками и шелухой в мусорное ведро, вскочила на ноги, метнула взгляд в зеркало, крепко вытерла рот, одернула подол. Ишь какая быстрая, какая сноровистая, кто бы мог подумать!

Шагнувших через порог посетителей встретила сиянием, как взошедшее солнышко. Даже заведующая, что целыми днями сидела прочно, как гриб боровик, у себя в кабинете (и на все звонки по ее приказу отвечали: «Их нет, они на совещании»), — тоже забегала, будто огонь за подол зацепился, несколько раз вылетала в приемную. В последний выход не стерпела, остановилась перед Асией:

— А ты что тут сидишь? — зашипела. — Смотри у меня, знай свое место... — Не договорив, ушла в кабинет.

Асия только хмыкнула про себя: дело знакомое. К странным повадкам заведующей она уже давно привыкла. Случись ревизия, взвихрится, взовьется, а потом успокоится, сядет обратно в свой закуток, не сковырнешь.

Впрочем, еще одна странность есть у Анзии Закировны: молодых, красивых девушек на дух не переносит.

В женском коллективе беспроволочный телефон работает особенно хорошо. Уже через минуту в комнату приемщицы одна за другой стали входить работницы, у каждой вдруг объявилось дело.

— Шуба, говорят, потрясающая, видела? — зашептали сзади Асии в ухо.

— А кто она? Кто такая? — спросила Асия.

— Жена директора универсальной базы! Ну-у, Ася, даже этого не знаешь!

Тут открылась дверь, и величественная ханум с такой же большой дочкой вышли из кабинета. Следом, зажав какой-то сверток под мышкой, семенила добрая наша Анзия Закировна.

— Пришла машина? Пойди-ка, глянь! — ткнула она пальцем в начальницу смены, которая, робко вытянув шею, шагнула ей навстречу. Та словно этого приказа и ждала. В один миг — как говорится, луна видела, солнце высушило — скатала на улицу и обратно.

— Не пришла, Анзия Закировна.

— Хорошо посмотрела?

— Очень хорошо посмотрела, Анзия Закировна.

— Ладно, через минуту опять сходишь.

Заведующая с гостьей коротко переговорили о чем-то.

— Только и слышу: «Юсуф-Зулейха», «Юсуф-Зулейха»... Ну, и что? Ничего особенного, — протянула дочка капризно.

Заведующая заискивающе глянула на нее и громко рассмеялась.

На это мать, растянув краешки губ, показала два ряда тесных белых зубов и чуть заметно клацнула ими — «прикуси язык». Асия смотрела и глаз оторвать не могла: каждое ее движение, каждый вздох впитывала в себя. С завистью, с восхищением думала она: бывают же счастливые люди!..

Все, кто был в приемной, вдруг разом оживились. Широко откинув дверь, с улицы вошел высокий мужчина. Заведующая первой увидела его и, словно вдруг споткнувшись, качнулась навстречу.

— Ну, папа, уже целый час тебя ждем, — проныла дочка.

Комната поплыла перед глазами. Все эти засуетившиеся люди стали таять, уходить в туман. Выгнулись окна, будто волна прошла по стеклам. Черная рябь запрыгала в глазах: испугавшись, что свалится, Асия обеими руками вцепилась в край стола. В ушах словно пчелиный рой гудит, у каждого на языке одно только слово:

— Сахипович...

— Арслан Сахипович...

Арслан! Асия сидела так, что каждый, кто входил, сразу оказывался с ней лицом к лицу. Но Арслан то ли не заметил, то ли заметил, да не узнал, — не обратил на нее никакого внимания. Впрочем, уже с порога окружили его, и такой поднялся гвалт, не поймешь, кто говорит, кто чего хочет, но голос заведующей прорезался из гула:

— Пожалуйста, в кабинет, Арслан Сахипович, пожалуйста, в кабинет... Чаю, кофе?

— Какой еще кабинет.., сколько можно ждать... целый час, — прозудела дочка.

— Нет, нет, нет, без чая Арслана Сахиповича не отпущу! Разве можно! Арслан Сахипович! Без чаю!

Куда броситься, куда скрыться? Улучив момент, Асия схватила первую подвернувшуюся под руку бумагу и быстро прошагала к двери, ведущей в пошивочный цех.

Когда вернулась, комната приемщицы была пуста. Однако передохнуть от потрясения, насладиться тишиной Асии не дали. Из тишины и пустоты вдруг сама собой возникла Анзия Закировна, будто из воздуха сгустилась.

— Что? — сказала она. — Что? — дрожащие накрашенные губки собрались гузкой, вид ее был гровен. — Вылезла, села, глава вытаращила! Нет, мало ей, через всю комнату пошла, каблуками своими протопала. Талию свою тонкую решила показать, ножки свои полненькие? Ты только подумай, на кого ведь... на кого польстилась... покусилась...

— Спасибо, — поспешила сказать Асия, не то ведь такое услышишь! — Спасибо, Анзия Закировна!..

Слезы брызнули из глаз, горячий ком процарапал горло. Отчего взбеленилась заведующая? Неужели Арслан не заметил ее? — ни о чем не могла думать Асия в эту минуту.

4

После второй смены работницы ателье обычно выходят все вместе. Время уже позднее, улицы пусты. В тот вечер Асия никого дожидаться не стала. Никак не могла успокоиться после

внезапной встречи. Вспугнутое сердце все тякуло куда-то. И лучше всего в такие минуты — остаться одной.

Начало марта... Посмотреть, так зима еще в силе, сдавать и не собирается. Но в окруженном каменными оградами старинном центре города уже чувствуется дыхание весны. Еще глаз не видит никаких перемен, но душа уже чувствует — оттого и неспокойно ей. Весна...

А перед глазами одно и то же — сегодняшняя встреча. Каждый миг ее — словно цветное прозрачное стеклышко, и она снова и снова перебирает их, разглядывает на свет, складывает в новый узор, каждый жест, каждое слово. Взять бы и рассыпать их, отбросить — не может. Какое ей дело до этой счастливой семьи? Зачем она думает о нем, о мужчине, который не то что не поздоровался, но даже не заметил, даже взгляда не бросил на нее?..

Немного пройдя по центральной улице, Асия свернула в переулок, который вел к автобусной остановке. А думы все о том же, на то же веретенышко наматываются. Немного прошла, под самым боком музыкальным аккордом проиграл автомобильный клаксон, она вздрогнула и отступила. Глянула назад — вплотную, к самому тротуару остановилась белая «Волга». Асия и подумать ничего не успела, как открылась задняя дверца, и, перегнувшись, оттуда вылез высокий мужчина.

— Асия! — сказал он.

— Арсла-ан?!

Не Асия сказала, а душа сама выдохнула это имя.

Стояли и молча смотрели друг на друга. В тихом блестящем весенним ледком переулке больше ни души. Машина и шофер окаменели, ушли в другую сказку... долгое молчание прервала Асия.

— Арслан, — сказала она. — Что ты здесь делаешь, Арслан?

— Встречать тебя вышел, Асия. Вот машина, садись же скорей.

Он решительно, не оставляя места для раздумий, протянул руку.

5

Асия — городская девушка, в Казани выросла. Отца с матерью единственная дочка. А если единственная — то и любили ее, и холили, и баловали. Отец — речник, на самоходной барже работает, по Волге, по Каме в разные города возит разные грузы. Мама — учительница, завуч в одной из школ в центре города. Словом, росла Асия в хорошей семье, в ласке и достатке. Ни в чем отказа не знала. Мама, как мы уже сказали, учительни-

па, стало быть, и воспитание Асия получила какое по нынешним временам полагается.

Написал я «получила воспитание» и, словно поймав себя на обмане, отложил ручку и задумался. А что такое — воспитание? Как его понимают наши современники? А нынешние родители — они-то в чем видят его задачи? Делай так, скажут своему ребенку, и не делай вдак, это, дескать, хорошо, а вот это плохо. Расставят вешки из «можно» и «нельзя», вот и будет дорога — пойдешь по ней и вырастешь хорошим человеком.

Ну, ладно, продолжим рассказ. Про ее отца говорить многое не надо, каждый знает жизнь речника: с ранней весны и чуть не до ледостава на воде, если разок-другой за всю навигацию домой, в семью заглянет, и то радость великая. Потому и запомнилось из детства, как ждала она отца, как скучала, а дни, когда он был дома, оставались в памяти незабываемым, неповторимым праздником. Только войдет в дверь, схватит сразу дочку в большие свои объятия, смеется, теребит. Вдруг, вспомнив что-то, отпускает, в карман лезет, вытягивает длинную сушеную рыбину. Волжский гостинец для дочери.

— Вот я какую дочке вкусную рыбу привез.

Асия робко берет ее, легонько гладит по крупной серебряной чешуе, осторожно тычет пальчиком в оскаленный рот, не укусят ли?

— Сколько раз говорила: не давай ребенку рыбу! Хочешь, чтобы кость в горле застряла?

Но у отца с дочерью уже свой разговор:

— Папа, а ты водяного видел?

— Как не видел? Конечно, видел! Так ведь рыбу тебе водяной и прислал.

— Убери, говорю, свою рыбину! — опять встревает мама.

Ни сердиться, ни обижаться на кого-то отец Асии не умел. Вечные придирки и поучения жены тоже чаще пропускал мимо ушей. Только скажет иной раз полушутя-полусерьезно: «Наша мама — учительница, верно, дочка? А учительнице что положено? Правильно, учить!»

Как говорится, большой ложкой кормить, так и от меда стошнит. Самые благие пожелания, самые умные советы, коли часто и через край, ничего, кроме протеста, не вызовут. Вот и с мамой Асии так же. Профессия стала ее второй натурой, уже на пенсию вышла, а все на каждом шагу учит, любое слово оспорит, в каждое дело поправку внесет. Когда ни глянь, всегда недовольна.

Помнит Асия, как отец, не находя себе места, часами, удрученный, слоняется из угла в угол. Особенно долгими зимними вечерами...

— Папа, — говорит Асия, когда они остаются вдвоем, — отчего мама все время на тебя сердится?

— От любви это, доченька, все от любви, — говорит отец и гладит черные, блестящие, как спелая черемуха, волосы дочери.

— А разве от любви ругаются?

— Всяк по-своему любит, дочка. Одни любовь теплым словом, ласковым взглядом выказывают, другие — попреками да поучениями.

— На любимого сердиться нельзя, папа!

Смотрит отец и радуется: растет дочка, до многого уже своим умом доходит, смотрит своими глазами.

— Их понятия о педагогике давно устарели, такую педагогику на свалку пора. Хочешь знать, папа, теперь об этом в газетах совсем по-другому пишут.

— Не говори так, дочка, учительница, она учительница и есть.

— А вот ты, папа, скажи, только по совести, сам ты всегда учителей слушался?

— Мы, дочка... — отец на мгновение задумался, — мы на учителя как на божество смотрели, нам казалось, что они даже пищей другой питаются, а не как мы, хлебом да картошкой. В наше время выше учителя не было в ауле человека!

— Ха... — усмехается дочь. — Выше учителя нет человека! Ты кому другому не скажи, папа, засмеют.

— Умный смеяться не будет.

Нет, не узнает сегодня отец свою дочку! И лишь молча кивает в ответ.

— Тогда, папа, слушай: есть у меня парень. Учится в десятом. Спортом занимается. Боксер! Ростом во-от такой! И совсем не хулиган. Только маме об этом — ни-ни!

Седьмой класс заканчивала Асия, когда состоялся между ней и отцом вот такой разговор. Как был, так и остался между ними. И — ни звука на сторону.

Но все же Асия все время боялась мамы, всегда была настороже. Каждый день, каждый час ждала грозы.

...В десятом классе, после родительского собрания начались те бурные события. Мама Асии, как завуч, посчитала нужным, чтобы вместе с родителями на сей раз пришли и ученики. На повестке дня один вопрос — проблемы воспитания. И вызвал его вопиющий случай: две десятиклассницы были уличены в том, что ходили в центральный парк на дискотеку. Да еще не одни — с кавалерами!

Одна из виновниц «торжества», сидевших потупясь, в последнем ряду, как на грех, возьми и скажи завучу под руку:

— Вы лучше свою дочку узнайте!

От этих слов у завуча в глазах потемнело, полный графин чуть не выскользнул из руки.

— А что... что с моей дочерью?

— А вы у нее самой спросите! А то все мы да мы!

Вернулась в тот вечер мама домой и, схватившись за сердце, упала в кресло. Какая бурн была, какой гром гремел, какие прозвучали слова, и думаю, рассказывать не надо, все ясно и так... Туго пришлось и дочери. Давно уже Асия поняла, что делиться с мамой сокровенным нельзя — обеим только хуже будет. Оттого и соврала.

— Никогда с парнями гулять не буду, мамочка, ради бога, успокойся! Умру, а не буду! — в страхе повторяла Асия. Понимала уже, что иной раз пустые обещания для материнского сердца целительней, чем правда.

6

— А не боишься? — полушепотом спросила Асия.

— Кого?

— Сплетен?

— Волков бояться — в лес не ходить, Асия.

— Верно, чуть не забыла, — полные нежности губы чуть шевельнула улыбка. — Что за лев, если волков боится, правда, Арслан?

— Что нам волки... — Арслан, нагнувшись, поцеловал ее в полузакрытые глаза — в один, в другой. — Нам волки нипочем. Слава богу, покуда вожжи в наших руках. — При этом лицо его и впрямь дохнуло бесстрашием.

В самом спокойствии его, во всех повадках чувствовалась сила. Лев! Истинный лев! От легкого ужаса и восхищения Асия зажмурилась. И еще искренность, милую искренность разглядела она в нем. Одна улыбка чего стоит, любого заворожит, без слов, без сил оставит!.. Вот и сейчас, загадочно прищурившись, вначале вспыхнули глаза, через мгновение теплый свет скользнул по щекам, по уголкам губ прошел, и вот уже улыбка мягко сияет с его лица. Не то что слабое на ласку женское сердце — ледяную глыбу растопит такая улыбка...

— А ты, Асия? Тоже ведь... все украдкой, все тайком.

— Когда ты рядом, я обо всем забываю, Арслан, никаких на душе забот. Ты — лев, настоящий лев.

— Вы нас львами делаете, Асия, красивые женщины.

— Возможно... Уж очень быстро привыкла я к тебе, Арслан, а почему, и сама не пойму. Приворожил, наверное.

Кто похвалы не любит? Арслан тоже излишним равнодушием к себе не страдает. При этих словах не смог удержать довольной улыбки. Легонько провел пальцем по краю Асиного ушка.

— Когда я есть, никто тебя не обидит. Ты любить рождена, Асия, любить и любимой быть.

— Любимой быть... Так-то оно так... — ни о чем не могла подумать сейчас Асия, все мысли переплелись, перепутались, и она опять прильнула к Арслану. Хорошо ей, легко... Когда человеку плохо, он говорит: судьба такая, злая судьба. А никто не скажет, когда ему хорошо: какая у меня добрая судьба! А вот у нее добрая судьба, с таким сильным и заботливым человеком свела. Только о ней печалится, в огонь за нее пойдет. И внимательный... А ведь какая высокая у него должность, ответственная работа! Нужно заметить, что нынче женщину в мужчине привлекает не только приятная внешность и хорошее к ней отношение, но и должность, и то, какое он занимает положение. Так сказать, одно из слагаемых любви.

— Ни о чем не думай, не тревожься, договорились, Асенька? Моя Асенька.

«Моя Асенька...» Как можно не откликнуться на такую ласку?

— Что?.. Заснула уже? — Он провел мягкими пальцами по затылку. — Спи, моя Асенька, сон тебе так к лицу.

Какой там сон! Широко раскрыла глаза: нет, дескать, не сплю, тебя слушаю, тебя люблю. Слов не было, а нашлись бы слова, где силы найти, чтоб произнести хоть что-то?

Густая, полонившая округу тишина, летняя прохлада, смолистый запах сосновых стен и эта серенада — пусть бы вечность тянулся этот миг... вечность... так бы и лежала, без устали, без сна.

Счастье и покой... Словно младенцев в колыбели убаюкивали их покой и тишина. Только шумел где-то рядом лес, постукивал дятел, лениво щебетали птицы. Запрятался куда-то кузнечик, и все хвалил и хвалил из своей укромы ясный день и божье лето...

И когда замер на миг утомленный кузнечик, они услышали, как на первом этаже двухэтажной дачи с легким скрипом открылась дверь. Вздрогнула Асия: кто это? Во все глаза посмотрела на Арслана: скажи что-нибудь, успокой!

— Сторожиха, должно быть... — пробормотал он, в глазах еще светился легкий сон. — Кофе принесла.

И тут же, словно в подтверждение, звякнули внизу чашки-блюдца. Осторожно заходил кто-то, опять передвинул посуду. На-

долго не замешкался, как вошел осторожно, так и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

— Кофе... — словно себе самой сказала Асия, не потому сказала, что вдруг захотелось кофе — так просто. Она с головой ушла под одеяло, ее все еще знобило от испуга. Казалось, вместе с теплом сойдет и смятение.

— Что, озябла? — Арслан притянул ее к себе.

Все чует, даже сквозь сон. И даже во сне внимательный.

— Нет, мне не холодно.

— Озябла. Ишь, как дрожишь, — и усами пощекотал ее за ухом.

— Не озябла, Арслан... Так .. лежу и думаю.

— Пойду-ка принесу. — Он легко поднился с кровати, снял с вешалки халат и, накинув на плечи, направился к ведущей вниз узкой винтовой лестнице.

Только он исчез, Асия выпрыгнула из постели, тихо-тихо, на цыпочках, ни одна ступенька не скрипнула, спустилась вниз. Арслан курил возле открытого окна веранды. Словно котенок, прыгающий на клубок, бросилась ему на шею. Нет, совсем не от шампанского — от счастья кружилась голова. Будто девчонка она семнадцати лет, всякий рассудок потеряла. Будто ангел она — земли не касается, крылья счастья несут ее. Будто с любимым она — назначенным ей навеки.

Арслан схватил ее в охапку и внес в дом. Асия всем телом прильнула к его мощной груди...

Посадив ее в глубокое кресло, Арслан принялся расставлять на столе чашки, затем вынул из холодильника бутылку коньяка и плитку шоколада.

— Хорошо живете, — кивнула Асия на полный изысканной снеди и напитков холодильник.

Она поднялась с места и встала рядом с Арсланом. Но тот перед самым ее носом закрыл дверцу. Она покосилась на его спокойное лицо. Словно холодная дождинка капнула на Асию — взвихренные чувства как-то сразу улеглись. Натянув на колени подол рубашки, она повернулась к столу, села обратно в кресло. Но обиды не почувствовала. Огляделась по сторонам. Сидеть и молчать, когда он хлопочет, было как-то неловко.

— А мне здесь нравится. Это твой дом?

Арслан поднял взгляд, улыбнулся чуть заметно. Снова ласковыми стали глаза.

— Тут твоего-моего нет, Асия. Все — наше. Хозяева — мы.

— Кто это «мы»? Если не секрет, конечно.

— Да нет, какой уж тут секрет. Это база отдыха работников торговли.

— Продавцы, выходит, отдыхают? — удивленно посмотрела вокруг Асия. — Ничего себе.

— В торговле не одни продавцы работают.

— А кто еще?

— Продавцы, они за прилавком стоят, в магазине, на рынке, на базаре...

— А здесь кто?

— Мы, Асия! Ты и я. И других нам не надо. Верно?

— Не усекла, — она опять огляделась по сторонам, словно вошла только что и, изумленная, остановилась на пороге.

— И что? Плохо? Не нравится? — внезапная дотошность гостьи, кажется, не совсем понравилась Арслану.

— А кто еще бывает здесь? Когда нас нет?

— Был бы дом, гости найдутся. То одни, то другие, то комиссия, то проверка. Да мало ли...

Асия кивнула: понятно, дескать.

— Выходит, мы вдвоем. И больше никого?

— И больше никого. Если не считать сторожихи.

— А кто еще нам нужен? Ведь и на белом свете нас только двое.

Они сидели за столом друг против друга. Снова в груди птицей толкнулось сердце. Асия, послушная ему, встала с места и, обойдя стол, шагнула к Арслану. Туманом подернулись сузившиеся глаза, яркие полные губы дрогнули. Чуть выше среднего роста, округлая и стройная. Удивленный, восхищенный, будто видя ее впервые, глядел на нее Арслан.

Разумеется, Асия тоже заметила этот взгляд. Заметила — и, словно еще не знавший недоуздка стригунок, скакнула к нему, прямо в объятия.

И... тут — тайна, тут — секрет. И что говорили они, что поведали друг другу — ничьим ушам, даже божьим, не назначено.

Прошли долгие минуты. Наконец они перешли на шепот. Коли шепчут, значит, вспомнили и о других. Вот теперь можно послушать и нам.

— Быть бы только вдвоем, Арслан, на всем белом свете...

— Так-то оно так...

— Ты — счастливый, я — счастливая. Что еще нужно?

— Ничего не нужно.

— Нужно, чтобы счастье было на двоих одно. Если счастья два — они съедят друг друга.

— Смотри-ка, она и грустить умеет. Не унывай, тебе это совсем не к лицу.

— Нет, я думаю. Вот бы так навсегда... лес, дача, ты и я...

— Только захоти, всегда будет так — лес, дача, мы вдвоем, —

довольный улыбнулся Арслан. Такая женщина всю себя готова отдать — кому не приятно?

— Когда бы так... — сказала и вздохнула безнадежно.

— А почему не так? От нас зависит — от твоего и моего желания. Да, Асенька-Асия?

Что скажешь, как ответишь? Всей душой, всем телом приникла она к Арслану. Все слышала, все чуяла: и стук сердца, и ток крови в жилах, и саму любовь его. А в себе — только огромную благодарность к случаю, что познакомил их.

Арслан не знал, чем на этот раз вызван ее порыв, но решил, что без ответа оставлять нельзя.

— Да, только от нас зависит... Остальным дела нет.

Каждое слово ловила Асия, каждый звук, одним ухом — как с губ его слетает, другим — как в груди отдается. А тут подняла голову, посмотрела на него: правду говоришь, от души? — спрашивал этот взгляд.

— От нас только, говоришь?

— Еще бы...

— А твоя жена?

— При чем здесь жена?

— Умная, красивая...

— При чем тут «умная, красивая»? Оставь, что нам, больше и поговорить не о чем? Завела о всякой ерунде...

— Кто это ерунда, жена?

— Ты, говорю, ерунду завела... Ладно, хватит. — Он покрепче прижал ее к себе. — Нашла о чем. Каждый — чей-то муж, каждая — чья-то жена.

— Хочу, чтоб был мой, только мой!

— Хм... — хмыкнул Арслан и, скрывая усмешку в усах, подумал: «Ясно, куда гнете, барышни. А я-то думал: «простушка». Язык же сказал другое: — А чей же, конечно, твой. Делай со мной, что хочешь, только не ешь.

Помолчала Асия. Не знала, как еще сказать о том, что тревожит ее. О таких серьезных вещах надо бы поговорить, а он только шутит. Хотя... манера эта Арслана — верткой рыбкой ускользать от сложных вопросов — даже понравилась ей. Во всяком случае, не врет, золотых гор не обещает, несбыточного не сулит. Так и положено мужчине: серьезно обдумать все и лишь потом вынести свое решение. А если бы саму Асию спросили? Ведь у нее тоже своя семья — муж и сын. Смогла бы вот так, сразу, о них не думая, дать ответ? Арслан, конечно, знает, что она кому-то мама, чья-то жена, если не знает, так догадывается. Но об этом не заговаривает. Должно быть, боится поставить ее в неудобное положение. Впрочем, обо всем другом Арслан тоже ни

разу не спросил — о работе ее, о семье, где живет, как живется ей... Как же это понять?

Нет, Асии и не нужно, чтоб он спрашивал. Но... может, ему вовсе и не интересно? Как же так — быть вместе с человеком, близким, любимым человеком! — и столько времени не поинтересоваться, чем он живет, какая у него семья... А может, он думает, что она без отца-матери, без семьи, так, легкомысленная одинокая женщина? Только подумала — мысль тут же скользнула на язык, а следом и с языка:

— Арслан, а почему ты никогда о моей семье не спросишь, замужем я или нет? Тебе неинтересно?

— А не все ли равно?

Ответ-то, оказывается, вон какой простой!

— Не все ли равно, замужем я или не замужем? — не веря своим ушам, переспросила Асия.

— Все равно, — повторил Арслан и кончиками усов стал щекотать ее шею и за ушами.

Ей вдруг захотелось оттолкнуть эти ползущие по ее шее усы, этот нос, впервые ласка Арслана не доставляла ей удовольствия. Широко открытыми глазами она уставилась в потолок.

— Как же — все равно? Как же так?

— Да так... — беспечно улыбнулся Арслан.

— А ласки, слова твои про любовь, это как понимать?

— Так и понимать. В полном смысле этого слова. Я же не семью твою, а тебя люблю, Асия. — «Люблю» вышло с заминкой, словно в раздумье: сказать — не сказать? Нет, он не как другие мужчины, таких слов направо-налево не рассыпает. — Муж, Асия, это твое и только твое. Меня это не касается.

— И все же... Тебе не должно быть все равно. Мой...

— Сказал же, Асия, хватит. Для меня это неважно.

Так хотелось поговорить ей, высказаться начистоту. Кажется, самый был удобный момент — нет, и рта открыть не дал. «У меня муж и сын есть, — хотелось сказать ей. — У тебя — жена и дочь, четыре человека стоят между нами...» — вот что хотела растолковать Арслану, хоть какой-то совет надеялась получить. Если кто и поможет, так только он. Долго продолжаться так не может. Прятаться, врать, любить урывками, украдкой — нет, так она не хочет. А чтобы любовь была открытой и свободной — влюбленные тоже должны быть открыты и свободны. Разве не так? А ходить, озираться по сторонам, будто карманный воришка, встречаться тайком, любить, будто мелочь воровать, — рано или поздно придет же этому конец... Честь и душевный покой — что может сравниться с ними?

Честь?

О чем говорит она, какое слово вспомнила! Да есть ли у нее право произносить его? Есть! Потому что она — любит. Мучительно, с болью любит она Арслана.

Виновата ли она? Может ли, не замарав чести, выйти из этого положения? Вопросы... один за другим, бесконечной чередой...

— Арслан... — позвала она. Потрогала за плечо. Потолкала. Пусть ответит хотя бы на один вопрос!

Арслан молчал, Арслан уже спал.

7

Нет, за учебу дочери краснеть матери не приходилось. Бывало, ночи напролет сидела над учебниками, но тройки к себе в дневник не пустила ни одной. Правда, училась без особого рвения, не из большой любви к знаниям, учеба скорее была для нее обязанностью, долгом — коли уж взяла на себя, так будь добра, неси.

Но все же проблемы нет-нет да и возникали. Скажем, в семье, где подрастает девушка, рано или поздно начинается морока из-за нарядов. В ту весну, когда Асия заканчивала восьмой класс, в городе вдруг вошли в моду вельветовые брюки. Несколько девочек сразу раздобыли где-то и стали щеголять. Первой отличилась Рамиля, дочка мясника. Второй заимела их Юлия, мама которой была ответственным работником горкома партии. Следом — еще несколько девочек. До этого все девочки были как девочки, ничем особенным друг от друга не отличались, а теперь вдруг разделились на вельветочных и безвельветочных. Те, кто в вельвете, составили и в школе и на улице особую касту, ходили теперь нос задрав. Мальчишки, что уже считали себя парнями, больше возле этих крутились. Рамиля, которая до этого повсюду и в школу и из школы таскалась за Асией, как на привязи, только брюки надела, лишь с теми же важными, как сама, девчонками стала ходить. А коли столкнутся где, разговор у нее один — о нарядах.

— Слушай, Аська, а ты Юлькины брюки видела? Фирма-а! «Маде ин Ю-Эс-А», если хочешь знать! С кистями, сзади жестянка позолоченная. Вот уж брюки так брюки! — восхищалась Рамиля.

— У тебя тоже клевые, — решила утешить изнывающую от зависти подружку Асия. Заодно утешила и себя. Где уж ей — дочери учительницы? Какая уж там «фирма», обычные бы вельветовые, нашего пошиба, советского пошива.

— Ты что, куда им до фирмы! — вздохнула Рамиля.

— А где достала, ты Юльку не спрашивала?

— Не в магазине же.

— На базаре? — чуть вконец не осрамилась в глазах одноклассницы Асия.

— «На базаре»! Такие, как Юлька, на базу ходят, а не на базар. Их только на базе можно достать... и только на первую пробу.

— А что это за «проба»? «Первая проба»?

— Первая? — словно решившись открыть великую тайну, девочка озирнулась по сторонам и перешла на шепот: — Первую пробу сами торгаши снимают... и эти, большие начальники, хозяева города, их жены, — и снова глянула по сторонам. — На моторе мужа, говорят, прямо на базу заезжают, наберут себе и дочкам, что приглянулось, нагрузят и везут домой. Директор базы навстречу бежит, на каждое их слово только «пожалуйста-пожалуйста» повторяет.

— Ты откуда знаешь?

— Юлька рассказывала.

— Интересно... Странные вещи рассказываешь, Рамиля, будто в заграничном фильме. А ведь в «Обществоведении» совсем другое написано. Равенство...

— Эх ты, учительская дочка! — прыснула Рамиля. — Мало ли что в книжке напишут!

Белая «Волга», резко тормознув, подкатила к тротуару. Подружки в испуге отскочили.

— Ой, девочки! — из машины, счастливо улыбаясь, вышла Юлия собственной персоной — высокая красивая девочка в облегающих вельветовых брючках, в яркой розовой кофточке: даже во сне такой не увидишь. В ушах — серебряные серьги с мерцающим камешком, на каждом, считай, пальце по кольцу, на запястье большой браслет, глянешь — и зарябит в глазах...

Выскочила, одарила одноклассниц сияющей улыбкой и махнула рукой седому дядьке за рулем:

— Не ждите, дядя Коля, я пешком пойду.

— Ладно, Юлия, пока, — ответил тот.

— О-ой, девочки-и! Вы думаете, откуда я еду? Из Центрального универмага! Ой, девочки, вот где чудеса-то, вот где товару-то! А директор — молодой еще, лет под сорок. Как таракан, туда-сюда бегал. То один дефицит предложит, то другой. И все импорт. Италия! Франция! Закачаешься! На «первую пробу» маму пригласили! О-ой, девочки! Вы бы только видели! Я, значит, в кресле сижу. Ногу на ногу закинула и сижу. Наплевать, дескать, еще и не такое видела. А у самой глаза взад-вперед бегают, моя бы воля — весь магазин купила! А тот симпатичный директор то одни босоножки принесет, то другие. Нагнется и сам мне на ногу

примеряет. Руки у бедняжки дрожат, уши красные. И украдкой, чтобы мама не заметила, еще и подмигивает мне. А у самого на макушке ни одного волоска не осталось. «Эти, — говорит, — нравятся?» Я головой качаю, ноль внимания, фунт презрения. Наконец приносит — закачаешься! «Вот эти, — говорю, — сойдут, заверните». Мама рада, пуще мамы радуется тот симпатичный директор. Вот приду в школу, девочки, увидите, все упадут.

Вдруг Юлия встала. Остановились и Рамиля с Асией. Глянули туда, куда смотрела Юлия. Во дворе, мимо которого они шли, тянулась очередь, начало которой уходило в подвал. В конце очереди с большой сеткой, полной пустых бутылок, стоял тонкий, как прутик, паренек.

— Гляньте, девочки, вы только гляньте, это же наш Алик стоит!

Паренек тоже заметил три пары вспыхнувших любопытством глаз. Смутившись, он отвернулся в сторону, потом в другую, не зная, что делать, попятился и спрятался за старушкой, тоже стоявшей в очереди. Это был Алик, их одноклассник. Асия знала, он через день приходит сюда, чтобы сдать бутылки, а на обратном пути покупает хлеб и молоко. Отец в тюрьме. А мать... с такими же, как сама, пропойцами, дни напролет хлещет водку. Тем Алик и живет, что бутылки сдает, себя кормит и свою шестилетнюю сестренку.

— Стоит со всякой пьянью, бутылки из-под водки сдает, — поморщилась Юлия, — и как ему не стыдно? А еще комсомолец!

Вспомнив, что она — комсомольский секретарь, Юлия направилась к Алику.

— Завтра в школу придешь?

— Ну-у... — хриплым шепотом протянул Алик и сетку свою переложил из руки в руку.

— После уроков комсомольское собрание, не забудь.

— Ну-у... — сказал паренек и легонько шмыгнул носом.

— Взносы, конечно, не заплачены?

— Ну-у...

— Что ж, на собрании поговорим, — сказала Юлия, круто повернулась с видом, что сделала очень важное дело. Вся очередь, наверное, восхитилась: «Ай да молодежь, — подумала, — какая красивая растет теперь молодежь!»

Однако назавтра ни на уроки, ни на комсомольское собрание Алик не пришел. И вообще больше в школе не появился ни разу. И никого это не взволновало, даже учителей. Конечно, чему тут удивляться, при таких-то родителях... Кажется, уже осенью прошел слух, что Алик поступил в ремесленное училище. Никто больше о нем не вспоминал, жизнью его не интересовался...

В тот день Асию не покидали горькие мысли. Как все же мир несправедлив, сколько в нем еще неравенства! Тяжко было на сердце, хотелось заплакать. Почему только Юлии такое счастье, почему не всем? Что хочет — надевает, что на ум придет — то и ляпнет. И каждый ее наряд самый красивый, а каждое слово — самое умное. Учителя и те никаких ее недостатков не видят...

Только домой вернулась, только лицом в подушку ткнулась, следом явилась мать.

— Где ты пропадаешь, о чем ты думаешь? Кто за тебя к экзаменам готовиться будет?

— Пусть Юля готовится! Вот! Знает, не знает — все равно вы ей пятерку поставите! — выплеснула всю скопившуюся в душе горечь Асия.

— Ты на других не кивай, себя знай! — сказала в ответ мама, но тон поубавила, должно быть, смекнула, куда клонит дочка. Дочка тоже почуяла, что мама стала поддаваться, и решила обернуть себе на пользу.

— Экзамены да экзамены... — тут же надула она губы, — другого слова от тебя не услышишь. Все девочки уже в вельветовых брюках ходят. А чем я хуже их?

— Достанем, будут и у тебя вельветовые брюки.

— Отку-уда? Как?

— Это уж мое дело, доченька. А тебе сначала надо все экзамены сдать на одни пятерки.

8

...И пошла мука, начались терзания — дня, часа не могла дождаться Асия, когда увидит Арслана. В любое время суток, в любой конец города рада была помчаться — лишь бы позвал! Одним этим и жила. Хорошо еще, на работе полное понимание. Анзия Закировна, заведующая ателье, как-то сразу взяла и подобрела, где уж теперь придирками изводить — Асия рот раскрыть не успеет, та уже: «Можно, Асенька», «Бога ради, Асенька», «Понимаю, понимаю, Асенька!..» Вот какая теперь у Асеньки заведующая! Должно быть, и в мастерстве прибавила Асенька, на глазах растет. Класс ей подняли, в цех перевели, который по спецзаказам шьет. Так что и клиенты у нее теперь не шаляй-валяй с улицы, поднимай выше. Конечно, если сантиметром мерить, то бока и талия, на которые она шьет, примерно такие же, что и прежде... Но — чьи это теперь бока, чья талия? Ни с кем об этом Асия не заговаривала, словечком даже не обмолвилась, не понимает, кто в этих благодатных переменах повинен. Арслан Сахипович, директор универсальной базы... От ярких лучей его

негасимой славы, от мощи его авторитета щедрый блеск ложится и на нее.

А дома? Да, есть у Асии свой дом. Но, скажем сразу, там, в своей семье, она полная хозяйка. Что Асия скажет, то и будет — так заведено, так поставлено. Оно и понятно, ведь Асия — молодая красивая женщина, по сторонам озираться не привыкла, что хочет, то и делает, желаньем живет. Дома ее любят, ей верят, есть кому ждать-тосковать и встречать ее в любое время суток. Но чувствовала Асия, как с каждым народившимся утром все дальше и дальше отходит она от семьи, чувствовала... и равнодушно смирялась с этим. Разве могла она втиснуть свое сердце в эту узкую, как спичечная коробка, комнату в общежитии? Вот и сейчас, разве там ее душа, в той коробчонке, где ждут ее муж и сын? С утра первый раз вспомнила. Все глаза — в окошке, все из рук валится... Уж какая тут работа! Еще несколько долгих минут, и будет три. А в три придет машина, заберет ее.

Странная вещь — время. Иной раз мелькнет — и не заметишь. А когда ждешь, когда невтерпеж тебе — ну, еле тащится, хуже черепахи, а то возьмет и вовсе остановится. Вот и сегодня, с половины третьего до трех целая жизнь прошла.

Слава тебе господи, три!.. Пробили наверху часы, протикало по радио. Три... три... Четвертый пошел. Секундная стрелка ее часов, будто ленивый кузнечик, нехотя запрыгала дальше. Три часа и одна минута. Три и две. Или... Или решил вовсе не приезжать?! Может, дело неотложное? Лишь бы не беда какая! Нет, не из таких Арслан, что на ходу спят, из-за пустяка не опоздает. Что случилось, как объяснить? Стрелка часов теперь понеслась, заспешила, заспотыкалась. Асия даже ногтем по стеклу царапнула, словно хотела придержать ее.

Сколько прошло — она и не помнила. Уж ничего не слышала вокруг, только оглушительно-звонкое тиканье стоило в ушах. И вдруг... какие-то другие звуки сбили мерный ход часов — в комнату, стуча каблуками, вошла Анзия Закировна.

— Асенька! — громко, чтобы услышали все вокруг, сказала она, даже в соседних комнатах раскатился ее голос. — Асенька, собирайся живо, Асенька! Тебя на профсоюзную конференцию вызывают. Работу свою отложи, профсоюзы, сама знаешь, школа коммунизма, опаздывать нельзя...

Голос строгий, деловой, но сквозь понятную только Асии улыбку успела и подмигнуть, для остальных незаметно. А во взгляде ее коротким бликом сверкнулк и уверенность в себе, и довольство: «Эх, не знаете вы своей Анзии Закировне цену!» — сказал этот взгляд. Слов нет, заведующая ателье опытный конспиратор. Должность такая,

Асия тоже не лыком шита:

— Ой, Анзия Закировна... Почему же раньше не сказали? Видите, как я пришла, в брючках? Профсоюз, говорите... Может, другую кого пошлете?

— Нет-нет, ты пойдешь, тебя позвали! Поименно!

— Поименно? Можно подумать, я здесь одна-единственная. Както неловко получается...

Надо же как разыграли, словно у каждой партитура в руках! Асия еще поломалась немножко.

— Иди, Асия, иди! — сказала одна из женщин.

Эх, какие же все заботливые, человечные, широкие душой...

Машина ждала Асию в условленном месте. Не только шофер, сегодня в ней находился и сам Арслан. Только Асия села рядом, он, как бы в приветствии, бросил:

— На шашлык!

Это заодно было и приказом шоферу. «Волга» резво взяла с места. Шофер понимал, что дело спешное, лишь иной раз, скрипя тормозами, вставали у светофоров, а чаще — промахивали на красный без задержки.

Люди, собравшиеся было переходить улицу, в испуге отскакивали обратно на тротуар. Интересно, что думали они, глядя вослед летящей на Лебяжье озеро машине, какие догадки осеняли их головы? Должно быть, приходили к выводу: по сугубо важному, государственному делу спешит эта машина! Мужчину и женщину, что забились в угол и, словно два дорвавшихся подростка, целовались, не в силах отлепиться друг от друга, они, разумеется, не видели. В такую горячую пору, в самую страду, когда в деревне начинается жатва, а на заводах-фабриках, сна-отдыха не зная, завершают месячный план, по каким же делам, если не государственной важности, мчаться машине?

— Чего же не спросишь? — чуть отдышавшись, спросил Арслан.

— О чем? — удивилась Асия. Она сейчас была — как младенец спросонок, ничего не понимала.

— Куда, мол, едем...

— А мне все равно! С тобой хоть на край света, Арслан!

Разумеется, после таких слов приличнее всего маленько побыть в торжественном молчании. Занятый дорогой шофер тоже старался в зеркальце заднего обзора не смотреть.

Нет, не на край света ехали они, а пока лишь на край города, говоря их же языком, на Полуостров Любви. Туда, где любит отдыхать Лев Белялович. Тот самый Лев Белялович, которого так часто и с таким уважением поминал в своих рассказах Арслан.

Странное место, загадочное, как этот темный лес, что бежал по обеим сторонам дороги, и встреча с незнакомыми людьми ждала впереди Асию. Не раз говорил Арслан, что приглашают туда с большим разбором.

— Заждался, наверное, Лев Белялович... — говорил Арслан, то и дело поглядывая на часы.

Лев Белялович. Давно уже владелец этого имени раздразнил любопытство Асии, хоть бы раз увидеть его! Будь он человек заурядный, разве так, не щадя сил, старался бы для него Арслан? Слава богу, наконец-то решил познакомить ее с этим таинственным Львом Беляловичем. Значит, верит в нее, связывает с ней какие-то надежды. До сих пор она знала только самого Арслана, а сегодня он ее с уважаемым своим наставником и ближайшими друзьями познакомит.

Чем дальше отъезжали от города, тем сильнее волновалась она, женским своим чутьем чуяла, что с сегодняшнего дня их отношения с Арсланом станут другими — серьезней и глубже.

Машина, на полной скорости летевшая по дороге Казань — Москва, вдруг сбавила ход и, резко свернув вправо, покатила по узкой, крытой галькой дорожке. Высокой, до неба, стеной вздымавшийся сосняк встретил их свежей прохладой, запахом хвои и смолы. Словно лиса, путающая след, пропетляли они меж деревьев и выехали на открытую поляну возле озера. Здесь, в самом укромном месте озера Лебяжье, и спрятался их Полуостров. Под сенью могучих сосен, на самом берегу озера, окруженный высокой решетчатой оградой, стоял двухэтажный дом. Так схоронился — ищи не ищи, а пока прямо не упрешься, не найдешь. Все еще на хорошей скорости машина подъехала к железным воротам и встала.

Воцарилась тишина. Шофер как сидел за рулем, так и остался, даже не шевельнулся; Арслан в раздумье посмотрел по сторонам. У Асии в душе от ожидания встречи, предощущения праздника струночка зазвенела — тоненько и тревожно.

И тут за воротами, словно из-под земли, возникли две огромные, с теленка, овчарки, и наперегонки, ну, кто, мол, громче? — принялись истошно облаивать их. И непонятно, где они были, почему не залаяли сразу, как только подъехала машина?

Одна из собак, кажется, не была на привязи — отбежала в сторону и, широко расставив ноги, всем телом трясясь от ярости, исходила лаем. Вторая же, на привязи, подбежала к самым воротам, головой мотает, цепь, примкнутую к ошейнику, уже грызть готова. Все тело Асии омыло жаром. Она глянула на Арслана, словно спрашивая: куда ты меня привез?

Арслан же, наоборот, при виде псов сразу оживился. Гордо

вскинул голову, вышел из машины, одернул, пригладил пиджак и, дабы показать степень своей невозмутимости, принялся насвистывать. Просвистел два-три такта и лишь тогда, выпустив на лицо улыбку, подал руку Асии.

— Выходи, Асия, а то, гляжу, понравилось в машине.

Асия осторожно опустила ногу на покрытую хвоей землю. Еще истошней залились собаки. И — никого.

— Ты куда меня привез, Арслан?

— В детский пансионат, — скользнула и замерла улыбка. Видит Асия: он и сам встревожен чем-то, словно нитка у него натянута внутри, только выдать себя боится. — Отдыхать приехали, Асия... Шашлыками угощаться!

Шофер высунул голову в окошко:

— Может, посигналить?

— Ты что? Забыл, где находишься? — «Смотри-ка, Арслан-то и резким может быть!»

Наконец где-то со скрипом открылась дверь. Собаки, словно кто им дал приказ, враз умолкли, потрусили в разные стороны. Возле самого забора приткнулся маленький кирпичный сарайчик, Асия поначалу его и не заметила, там-то и скрипнула дверь.

Потягиваясь на ходу, к воротам приближался высокий худой мужчина. Он не торопился, шагал не спеша, и все же в движениях его было что-то странное: нет-нет да и споткнется на ровном месте. На поджавших хвосты собак даже не глянул. «Какое странное место, собаки на собак, люди на людей не похожи», — подумала с неожиданной тоской Асия. Словно тень на мгновение накрыла поляну.

Человек доковылял до ворот и, даже не подняв головы, загремел запорами и замками. Асия стояла, не в силах оторвать от него глаз. Не только скособоченной походкой, но и жестами, резкими и неожиданными, внушал он чувство удивления и непонятной жути. Особенно странно было, когда он, словно заартачившаяся лошадь, вдруг начинал мотать опущенной головой. Мало того — высунет язык и оближет губы, нижнюю, потом верхнюю. «Боже милостивый, неужели это Лев Белялович и есть?» — подумала Асия. Она в испуге прижалась к Арслану.

— Кто это? Почему он такой?

— Янтимер! — ответ был короток и сух: «Не лезь куда не надо, милочка».

— Янтимер... — повторила Асия вслед за Арсланом, — Что, имя такое?

— Такое. Лучше не придумаешь.

— В каком смысле?

— В прямом *.

Наконец, проскулив обиженным щенком, ворота чуть раздвинулись.

Янтимер, держа руку на щеколде, словно боялся отпустить ее, пятясь задом, протиснулся в щель. Отпустил щеколду, но взгляда на стоявших рядом мужчину и женщину так и не поднял. Обошел их боком и направился к машине. Нагнулся к высунувшемуся в окошко шоферу и что-то шепнул ему.

Разумеется, Асия не расслышала, как он сказал:

— В двенадцать!

Машина прорычала коротко и, оставив хозяина посреди леса, умчалась. Только выстрелившие из-под колес сосновые шишки раскатились по поляне.

Странный человек бочком-бочком снова подошел к Арслану.

— Пароль?

Арслан, нахмурившись, — мол, как же это я забыл? — торопливо полез в нагрудный карман. Вытащил плоскую коробочку, чуть меньше портсигара, и протянул Яктимеру.

В один миг изменился странный человек, ожило лицо, уверенными стали движения. Открыл коробочку, глянул — и бережно опустил за пазуху.

Застыв на месте, Асия изумленно следила за каждым его движением. Самое большее ему лет тридцать пять, но крепко потаскан, истощен. Такие вот молодцы все время отираются на колхозных базарах, вокзалах, возле пунктов приема посуды. Долго еще будет Асия в мыслях возвращаться к этому человеку, вспоминать его облик, странные повадки, заново ощущать ту жуть, которой тянуло от него.

Арслан шел впритык за Янтимером. Следом, обеими руками вцепившись в Арслана, семенила Асия. Уму непостижимо, посреди огромного мира, в объятиях чудесной природы, остался ей крошечный пятачок. Чуть отстанет — сзади псы, вперед кинется — ужасный Янтимер...

А мир прекрасен!..

В тишь и безветрие, когда солнце уже перевалило гребень дня, сосновый лес целиком уходит в сказку. А рядом — озеро, Лебяжье озеро. От напоенного хвоей воздуха распирает грудь, замирает душа.

По обеим сторонам тропинки провожали их цветочные клумбы. Прямая аллея подвела к резному деревянному крыльцу.

Все так же нетороплив был Янтимер, неспешно достал связку,

* Янтимер (Джантимер) — можно перевести как «Железная душа».

перебрал ключи, отобрал нужный, огляделся по сторонам, а в глазах — ни света, ни движения.

С тугим щелканьем, один за другим открывались замки тяжелой дубовой двери. Асия с облегчением вздохнула: наконец-то!.. Наконец-то укроется она от этих страшных псов и мертвоглазого сторожа, останется с ним, с Арсланом, с любимым своим человеком. А Лев Белялович, выходит, не приехал... Поднявшись по ступенькам, она уже другим, освобожденным взглядом посмотрела кругом. Только теперь увидела, на крыльце какого красивого дома она стоит. Такой же красивый был и двор. Как в детском саду — повсюду грибки и качели. В песочницах, на грудах чистого желтого песка, лежали раскиданные игрушечные лопатки, ведерко, машины и трактора — словно играли здесь дети и лишь минуту назад побросали все и убежали куда-то. Качнулись над головой столетние сосны, будто сам лес, широко расправив грудь, вздохнул и встряхнулся.

И повсюду цветочные клумбы. Да-а, если и сад это, так уж не детский, а райский... Никогда такого и не случалось с Асией, когда она была с Арсланом: вспомнила про сына. Вот если бы ее сынок в такой детский сад ходил, а летом на отдых выезжал в такой детский пансионат... Другим, уже завистливым взглядом посмотрела вокруг Асия. Представила, как ее малыш бегает среди этой красоты. Не то что ребенок, сама побежала бы по этим кружащим меж цветочных клумб тропинкам. Но тут ее весело устремившийся по тропинке взгляд уперся в железные ворота, где, высунув языки, настороженно застыли две огромные овчарки. Вздрогнула Асия, холодок прошел по спине. Еще миг — и глаза ее встретились с мертвым взором Янтимера. Ее передернуло во второй раз. Господи всемилостивый, как странно, как загадочно устроен этот мир!..

9

Жизненной задачей мамы было устроить Асию в высшее учебное заведение. Отец, думается, тоже был не против. Да и кто, скажите на милость, не хочет видеть свое дитя счастливым? В те годы высшее образование было престижным. Неважно, какое образование, неважно, насколько высокое — лишь бы только было!

— Медицинский институт, — сказала мама.

— Пусть учителем будет, — сказал отец.

— Медицинский! — повторила мама.

Отец ничего не сказал, начал искать в кармане папиросу.

— Медицинский, — утвердила мама, воспользовавшись его молчанием.

— Нет, — сказала не проронившая до этого ни слова дочка. — Кровь из пальца берут — мне уже плохо. Не пойду в медицинский.

— Зажмуришься — и все пройдет.

— Не пойду. Я все равно врачом не буду!

— Будешь!

— Куда хочешь пойду, только врача из меня не выйдет, лучше в прорубь, чем в «мед»! Даже на «пед» согласна...

Мать, стиснув зубы, только усмехнулась над упрямицей, ишь ты, на все пойдет, лишь бы матери наперекор, даже в учительницы согласна! Разве позволит она родной дочери, как сама, учительницей стать? Нет! Только врачом! Уколов она, видите ли, боится! Побоится и перестанет.

Вот так рассуждала мать. Впрочем, надо и ее понять. Кому не захочется, чтобы на старости лет уважаемый врач, единственная дочка, родная кровиночка, была рядом, каждую минуту пеклась: «Мама, как себя чувствуешь? Мама, нигде не болит?»

Слезы высохли. Слова забылись. Документы отнесли в медицинский институт. Так и ходили с мамой — вместе в институт, вместе обратно. Успешно были сданы экзамены. Всякий сон забыла мама, день не в день был, ночь на в ночь, от дверей института ни на шаг, можно сказать, не отходила. Было ее какое-то участие в экзаменах, нет ли — знает только сама.

Вот так стала Асия студенткой. Мама, довольная, что все вышло по ее желанию, холила дочку, как не холила в детстве. Но... надо сказать, что дочка, после того как, послушавшись маму, поступила в медицинский, стала держать себя гораздо независимей.

Дела пошли совсем не так просто, как надеялась мать. Асия была уже взрослой девушкой. Причем такой девушкой, что шла по улице — и встречные парни вздрагивали. Милостивой оказалась природа к Асии. Отцу и матери отпустила в меру, а тут вдруг взяла и расщедрилась. Да еще как! Но самое опасное: Асия всегда помнила, что очень красива.

10

Янтимер проводил их до дверей — и запер снаружи.

Арслан с Асией очутились в большой высокой зале, стены которой были обшиты сосновыми досками. В светлом воздухе стоял густой запах смолы. Следующая комната оказалась отделанной богато и со вкусом, над головой — огромная драгоценная люстра, под ногами — дорогой ковер, на стенах картины. Удивительно: не доносилось ни звука, стояла глубокая тишина. А ведь, по словам Арслана, здесь не только Лев Белялович, должны быть и другие гости. Но спросить у самого Арслана Асия не решилась.

Наконец длинными коридорами они прошли в дальний конец здания. Повернули направо и уперлись в большую, обитую кожей дверь. Дверь была такая высокая и массивная, что Арслан с трудом, навалившись плечом, открыл ее. И — они снова очутились в лесу, на вольном воздухе, под открытым небом.

Не решаясь шагнуть, Асия застыла на пороге, изумленно огляделась по сторонам. Куда же вышли, где очутились они? Сказать бы, в чертоге — высокое синее небо над головой, и взлетевшие сосны качаются в той синеве. Сказать бы, поляна посреди леса — высокие каменные стены окружают со всех сторон. Напротив, за широкой этой поляной буйно разросся кустарник, дальше за ним густо синеет что-то, похожее на гладь озера... Выходит, нечто вроде зимнего сада? Но все здесь настоящее — взметнувшиеся в небо сосны, синеющее за кустами ивняка и сирени озеро, открытое ясное небо. Если бы Асия не увидела всего этого своими глазами, а попыталась представить с чужих слов, ничего бы не получилось, фантазии не хватило.

Посреди окруженной стенами поляны горел костер. Возле костра хлопотало несколько человек. Первым их заметил мужчина лет пятидесяти пяти. Ростом невелик, очень толстый, со вздутым животом, щеки дрожат, как воздушные шарики. Когда он подкатился ближе, под зачесанными поперек макушки волосами сверкнула скромно затаившаяся там лысина. Лицо открытое, глаза юркие, словно живые угли, издалека горят. Движения казались не по возрасту и не по фигуре резвыми, легкими.

— Львы! — крикнул он, чтобы привлечь внимание увлеченных делом мужчин. Облокотившись о кочергу, возвестил: — Смотрите, любуйтесь: жених и невеста идут!

Люди возле костра прервали свои хлопоты, повернулись к ним. Каждый, кто кивком, кто взмахом руки приветствовал Арслана с Асией.

От неожиданной или слишком давно ожидаемой, так будет вернее, встречи Асия на миг растерялась, но Арслан взял ее покрепче за локоть и все тем же шагом продолжал вести к костру. Он спокоен, весел, доволен. С озера потянуло свежим ветерком, и в нос ударило запахом пепла и горячих углей. Давая понять, что взаимные приветствия на этом закончились, один из мужчин, кажется, самый молодой среди них, взял пучок полных шампуров и понес к стоявшему поодаль столу.

Разговор начал все тот же кругленький. Еще не зная ни кто он, ни как его зовут, Асия уже про себя окрестила его Колоб-

ком — такой же круглый, такой же быстрый, сразу видно, и от бабушки ушел, и от дедушки ушел.

— Ну, Арслан, познакомь же нас, скорей познакомь с новой своей невестой, — и, в щедром хозяйском жесте раскинув руки, он катнулся им навстречу.

И слово «невеста» отметила про себя Асия и уточнения не упустила: «новая». Вот, значит, как!.. Ясное дело, ни одной женщине ни «новой», ни тем более «уже далеко не новой» быть не хочется. Но даже узнав, что она — «новая» и, выходит, были какие-то и до нее, все равно женщина остается в уверенности, что она — единственная.

Арслан же как-то поспешно сделал шаг в сторону и сказал:

— Будьте знакомы — Асия! Моя...

Должно быть, последнее местоимение выскочило совсем нерасчетливо, не зная, какое слово прилично сказать после этого опрометчивого «моя», он осекся.

— Будем знакомы — Лева, — выручил его Колобок, шагнул вперед и протянул Асии руку. Словно желая показать мощь своей волосатой пятерни, крепко потискал ее пальцы.

— Борис...

Этот высокий, прямой, крепкий. Похоже, и скромный к тому же, послушный. Как женщина, Асия сразу приметила эти качества и оценила. Руку подал мягко, но во всем его облике чувствовалась сила. Судя по лицу, ему чуть за сорок, из себя видный, во всяком случае завоевать внимание женщины ему не трудно.

— Капкаев! — о мальчишеской лихостью подошел и протянул руку третий. Ей показалось, что этого худощавого, среднего роста мужчину она уже и прежде где-то встречала. Впрочем, может, и показалось, такая физиономия — всегда с кем-нибудь спутаешь. Однако то, как он с щеголеватой улыбкой бросил на нее взгляд, загадочный взгляд, и назвался не по имени, а по фамилии, задело ее любопытство. К тому же фамилия вроде не чисто татарская, а поздоровался он на чистейшем татарском языке и на стариковский манер подал обе руки.

— А зовут вас как? — решилась спросить Асия, ей уже было неловко все время молчать.

— Капкаев, — ответил тот и, лукаво подмигнув ей, рассмеялся.

— Вот и познакомились, — подхватил стоявший рядом Колобок. Капкаев, во все глаза смотревший на нее, отскочил в сторону. Колобок взял ее под руку. — Давай, Асенька, чувствуй себя как дома. Знай — самые лучшие на свете парни окружают тебя, — и тоже, в свою очередь, счел нужным пошутить: — Даже Капкаева не бойся, ладно, Асенька?

То ли и впрямь слова эти забавными показались, то ли порядок здесь такой: каждое слово Колобка встречать с повышенным интересом — мужчины дружно рассмеялись. Капкаев же от всеобщего внимания встрепенулся.

Судя по всему, быть в центре внимания Капкаеву очень приятно. Еще раз сияющая улыбка широко смазала его лицо, и он, еще раз лихо подмигнув Асии, взял со стола пустые шампуры и с деловым видом направился к костру.

Когда он проходил мимо, Колобок положил руку ему на плечо.

— Что, Капкаев, может, в честь новых гостей споешь разок? — и не просьбой, приказом прозвучали эти слова.

Капкаев, долго не думая, сунул шампуры стоявшему рядом Борису и вынул из кармана маленькую губную гармошку. Проиграл аккорд и запел по-татарски:

Вот пошел с утра на речку,
Там Асма купается.
От любви изныл сердечком,
Хоть повесь... за уши!

Голосок-то у Капкаева довольно приятный, оказывается. Частушку свою он спел на мотив «Наласа». Спел и первый, не дождавшись других, рассмеялся. Следом за ним улыбнулись и остальные, похлопали в ладоши.

— Капкаев... а, Капкаев, — перебил счастливых слушателей Колобок. — А ведь ты слова перевираешь. Я хоть сам не татарин, а чувствую: неправильно поешь.

— Капкаев! — согласился певец. Видать, это у него самое любимое слово, как что-нибудь приятное — он тут же вспоминает его.

Асии тоже показалось, что была в строчках какая-то шероховатость.

— Капкаев, — и сама не заметила, как вырвалось у нее, — если можно, спойте еще раз.

— Дама просит! — поддержал Колобок.

Капкаев опять долго не думал, еще раз просипел на гармошке и затянул то же самое.

«А, нескладуха, наверное», — безмятежно подумала Асия, не замечая насмешливых взглядов, которыми обменялись мужчины.

Те же улыбки, те же аплодисменты.

— Молодец, Капкаев, можешь, когда хочешь, — похвалил себя Капкаев и, сияя от удовольствия, побежал к костру.

— Ладно, это исполнили, — сказал молча наблюдавший со стороны Арслан и, повернувшись к Колобку, спросил: — Лев Белялович, а почему вы одни? Куда, хочу сказать, канареек своих дели?

Счастливым смехом раскатился Колобок. Как он приятно смеялся, искренне, от души, и очень это ему к лицу! В такую минуту, как показалось Асии, он даже становится красивым.

— Ну, Арслан Сахипович, ну, скажет так скажет! — еле выговорил он сквозь смех. — Канарейки, говорит... Видишь, с какими красивыми желтыми птичками сравнил он наших сестричек.. С певчими птичками, а? — так, словно услышал это впервые, говорил он, поглядывая при этом на Асию. — А что, Асенька, может, Сахипович наш тебя тоже своим сладким языком завлек? — И снова, откинув голову назад, весело рассмеялся. Только тут Асия почувствовала, что простодушный его разговор и открытый смех не так уж простодушны. Арслану же похвала, кажется, пришлась по вкусу.

— Да, Лев Белялович, — с серьезным видом кивнул он.

— Канарейками нашими интересуешься? Они купаются, — ответил Колобок Арслану, потом галантно повернулся к его спутнице. — Если хотите, Асенька, вы тоже можете искупаться. Идите, купайтесь, наслаждайтесь.

— Спасибо, Лев Белялович... я пока не хочу.

— Не стесняйся, Асенька! Отдыхай, наслаждайся, заодно и с сестричками нашими познакомишься.

— Спасибо, Лев Белялович, не уговаривайте, — смутилась Асия и бросила вопросительный взгляд на Арслана. — И потом... я же не знала, что здесь купаться можно.

— Понял, Асенька, прекрасно все понял! — воодушевленно сказал Колобок. — Ну что за сомнения! Всякие посторонние лица сюда не заглядывают, не бойся. А «Форма номер один» для купания самая подходящая. Иди, Асенька, иди, не стесняйся, — и он настойчивым жестом показал на ведущую к озеру тропинку. — Там баня есть, там и разденешься. Халаты висят...

Ничего не оставалось Асии, как подчиниться, так ведь уговаривает ее, чуть в спину не подталкивает. Но все же скачала, словно верная жена, посмотрела на Арслана. Увидев, что он тоже одобряет такой совет, несмелыми шагами пошла по ведущей к озеру тропинке. Назад не оглядывалась, но взгляд смотревших ей вслед мужчин чувствовала. Молчат, словно язык проглотили, хоть бы одно слово вымолвили. Потом уж кто-то, должно быть Капкаев, прищелкнул языком и сказал: «Ах, чтоб тебя!..»

...С озера доносились женские голоса, смех, визг.

Наконец, четыре женщины, уже познакомившиеся и нашедшие общий язык, щебеча-чирикая, пересмеиваясь, переговариваясь, вернулись с озера — и впрямь будто стая канареек.

— Ну, девушки, как там водичка? — первым обратился к ним Лев Белялович. В любое время, в любой ситуации он чувствовал себя здесь хозяином. Впрочем, и сам этого не скрывал.

— Спасибо, Лев Белялович! Хорошо! Чудесно! Как парное молоко! — вразнобой ответили все четыре.

Самая молоденькая среди них — если к короткой прическе привязать бантик, то можно принять за школьницу — тут же бросилась Колобку на грудь, повисла у него на шее, Колобку ничего не оставалось, как подхватить ее на руки. Для остальных это, кажется, не было новостью, никто, кроме Асии, даже не обратил внимания.

— Ну, Лева... Ну, Лева!.. Совсем не соскучился! — словно капризный ребенок, заныла она, приглаживая при этом редкие волосы Колобка. — Ну, Лева, совсем не любишь.

— Ладно, ладно, красавица моя, не обижайся, — чмокнул ее в узкие губы Лева. — Тут разговор серьезный был... Ну, не сердись, не обижайся.

— Новый купальник надела.

— Потом, мои красавица, потом...

Тоненькая, легонькая, конечно, канарейка, но Колобок уже покряхтывал и думал лишь о том, как бы половчей вернуть ее на землю.

...Канарейки. Слово это в первый же миг, как вылетело из уст Арслана, показалось Асии странным. Она даже с упреком глянула на Арслана... И вообще весь этот мир, все здешние странности были для нее как бы в новинку, и потому не могла удержаться, нет-нет да и отрешенно посматривала на это представление. Без злости и без зависти, просто с удивлением и любопытством. Каких только людей не бывает на свете! Что ж, каждый живет как может.

Она и не заметила, как подошел и встал рядом Арслан.

— Ну как, Асия, тебе нравится здесь? — прошептал он ей на ушко.

— Красивое место... Ты же знаешь, я люблю природу.

— А люди? Тебе не понравились мои друзья?

— Забавные... — сказала Асия.

— А девушки.. Не обижали тебя?

— Канареечки? — Она подняла взгляд, в глазах ее, кроме улыбки, был еще укор.

Но Арслан укора то ли не заметил, то ли заметить не захотел, как спросил, так и ответил:

— Да, канареечки.
— Не думала я, что у тебя такое отношение к женщинам.
— Какое отношение?
— А вот такое. Смотришь на них сверху вниз.
— Наоборот, Асии! Канарейка — птица певчая.
— Канарейка-то? Да, канарейка — птица счастливая. Одна из них — моя старая знакомая.
— Кто это?
— Юлия. Моя одноклассница.
— Вот как! Гора с горой не сходится... И она счастливая?
— Еще бы! Она как родилась, с того дня и счастливая.
— Счастливые... — кивнул Арслан. — Тут все счастливые, Асия. Как говорит Капкаев, Полуостров счастья и любви.
— Лю-бовь... — словно разрезав надвое это слово, произнесла Асия.
В приливе чувств она всем ждущим ласки телом прильнула к Арслану.
— Шашлык готов! Все серьезные дела пока оставим! — послышался голос.
Асия открыла глаза — звал хлопочущий возле костра Борис. Стол ломился от угощения.
— Ну, Лева... Ну не хочу я, мне пока не хочется есть... — ныла Гуля-Гульсина, плетясь позади всех. А ведь еще на берегу изъелозилась вся и тоже поскуливала: «Как там, девочки, шашлычком не пахнет? Есть хочу, умираю просто...»
— Есть надо вовремя, рыбонька моя, потерпи немножко...
— Ну, Лева... потерпи да потерпи, вечно ты так! Сколько можно терпеть?
Подошел Капкаев и протянул надоедливой канарейке бокал, полный вина.
— Капкаев...
— О-о-о! Капкаев! — от радости она даже подпрыгнула на месте и захлопала в ладоши. — Уж не знаю, что взять, — вино или самого Капкаева? Ха-ха!
Но шутить-любезничать с девушкой, когда рядом стоит Лев Белялович, Капкаев не посмел, сунул бокал в руки и отошел. При этом успел, осклабившись необъятным ртом, одарить ее улыбкой и незаметно подмигнуть. Какими бы диковатыми ни казались, но ужимки эти Капкаеву были как-то к лицу.
Тем временем и Асии выпала доля — большой шампур сочного, ароматного шашлыка. В другой руке она держала бокал желто-прозрачного, с весело прыгающими пузырьками шампанского. С легким удивлением, будто видела впервые, смотрела она, как сочетались странно-грустный цвет и такие веселые пузырьки.

Тишина, какая бывает перед большими делами, важными событиями, воцарилась над поляной.
— Дорогие друзья! — высоко поднял бокал Колобок. — Этот первый тост, исторический тост, я, близкие мои друзья, поднимаю за вас, умных, хватких, деловых хозяев нашего города, истинных львов. И еще за дарящих нам счастье и радость девушек, красивых канареек, поднимаю я этот бокал.
— О-о-о! — пропели канарейки.
— Лев Белялович скажет так скажет! — головой качали львы.
— Ух ты, мой Левочка! — не в силах удержать восторга, вскрикнула Гуля-Гульсина.
— Вперед, друзья мои, в вашу честь! — повторил Лев Белялович. Приподнявшись на цыпочки, он поднял бокал еще выше — и благодарил приятелей, в почтительном молчании все еще осваивающих мудрость и значительность этого глубокого тоста, и давал им силу для новых деяний.
За тостом тост, за бокалом бокал. Угли в очаге то затухали, то вспыхивали вновь. Шампур за шампуром поспевал шашлык из нежной баранины. Одна за другой выходили на свет из капкаевских коробок бутылки и, опустошенные, откатывались в кустарник. Поначалу стеснялась Асия, чувствовала себя чужой, но потом освоилась. Среди всеобщей суматохи и с бывшей одноклассницей Юлией перекинулась словом.
— Там, на озере, я тебя сначала не узнала, изменилась очень, — первой заговорила с ней Юлия. — Настоящая современная женщина. Самого Арслана к рукам прибрала, поздравляю!
Асия кивнула в ответ: мерси, дескать, и поспешила задать вопрос, который давно щекотал ее любопытство:
— Говорили, что ты за какого-то большого профессора вышла?
— Ты что, Аська, здесь таких вопросов не задают! — сердито шепнула Юлия. И давая окружающим понять, что разговор идет о забавных пустяках, пожала плечами и громко рассмеялась.
— Развелись? — опять не удержалась от вопроса Асия, но тоже в тон ей рассмеялась.
— Вовсе нет. Припеваючи живем.
И они с улыбкой обменялись взглядами.
— Как так?
— Вот так. Жизнь прекрасна и удивительна. Мир широк, конца края ему нет. Лишь бы душа была широкая.
— Не поняла... Ты все такая же счастливая, Юлька.
— Спасибо, Асенька, — словно по нотам пропела Юлия и снова широко улыбнулась.
— А замуж все-таки вышла, значит... — в третий раз не удержалась Асия.

— Значит, вышла, Асенька. Только муж, говорят, объелся груш. Свобода дороже.

В упор не рассматриаала, но искоса Асия все же следила за Юлией. Все отрочество и всю раннюю юность восхищалась ею Асия. И все время завидовала. Никто на свете не одевался лучше ее. Вот и сейчас понимающему человеку только раз глянуть, и сразу увидит, насколько изысканней других одета она.

К ним приближался Капкаев. Пропустил маленько, и его похожий на корыто рот совсем разъехался. Руки широко раскинуты, уже готовы для объятий. Только он остановился и кудахтнул Асии пьяным смехом, Юлия, распахнув округлые руки, бабочкой порхнула к нему.

— О-о-о, Капкаев — мой африканский лев!

— Капкаев... сам...

Толстогубый этот человек, ася находчивость и остроумие которого была в том, что он без остановки повторил свою фамилию, уже вызывал у Асии что-то вроде изжоги. А Юлия, блистательная Юлия, обнимает и целует эту образину!

Словно услышав ее мысли, Капкаев обнял свою канарейку за талию и повел прочь. Та не противилась, шла рядом, смеясь тихим воркующим смехом.

Асия осталась одна. Зябким и неуютным показалось вдруг это одиночество, и она по холодной уже траве направилась туда, где возле багровой, дышащей жаром груды углей, в плетеных креслах сидели Лев Белялович с Арсланом. А похожая впрямь на желтую канарейку маленькая Гули-Гульсина с ногами забралась в третье кресло поодаль и, тихо посапывая, спала.

— С нами наравне хлещет... Где уж тут выдержать, тело и впрямь птичье, — кивнув на свою канарейку, сказал Колобок. Слова эти предназначались только для Арслановых ушей, подходившую к ним Асию мужчины не видели.

— Зарывается... — помолчав, добавил «кругленький лев», — скоро с катушек сойдет. Наверное, и вчера не спала. По городу, говорят, из конца в конец шляется.

— Учить надо, воспитывать.

— Ха-а, — хохотнул Колобок. Дважды глубоко аатянулся сигаретой и бросил ее в огонь. — Воспитывать, говоришь? Как там у аас, у татар: «ана суте... тана суте» *. Как там, напомни-ка!

— Чего с материнским молоком не получил, с коровьим уже не получишь.

— Во-во, ана суте — тана суте! Народ всегда верно говорит! Поздно уже воспитывать.

* Ана сете — материнское молоко, тана сете — коровье молоко.

— Сами знаете.

— Пожалуй, пора с ней распрощаться. Пусть летит канарейка.

— Воля ваша, шеф... Канарейки долго не поют, так что почаще нужно менять, — усмехнулся в усы Арслан. Еще что-то сказал, но Асия не расслышала.

Стоять в темноте и слушать чужой разговор было нехорошо. Решившись, Асия уверенным шагом прошла к костру и встала перед ними. Ее появление мужчин не удивило — они лишь, загадочно улыбнувшись, обменялись взглядами.

— О-о, Асенька! Добро пожаловать к нам, — встать не встал Колобок, но сделал вид, что собирается подняться.

— Спасибо, Лев Белялович!

— Ваше спасибо — само по себе награда, Асенька... Но можно сделать вам одно замечание?

— Слушаю, Лев Белялович.

— Вы, Асенька, к Арслану Сахиповичу как обращаетесь?

Чуть помявшись, Асия сказала:

— Арслан.

— Вот видите, Арслан. Но почему же вы ко мне так безжалостны, Асенька? Отчего такая несправедливость? Ему — Арслан, а мне — Лев Белялович. Нехорошо, Асенька, очень нехорошо. Знаете что, вы меня, хотя бы на этом полуострове, тоже Арсланом называйте, ладно? Я хоть сам и не татарин, а знаю: Арслан — это же значит лев, не так ли, Асенька?

— Так, Арслан Белялович, — кивнула Асия. Смотри-ка, она и не подумала об этом, вот они, два тезки сидят: Арслан и Лев.

— Ай, умница, ай, молодец! Только Беляловича не надо. Можно даже так — Арсланчик, — подняв палец, кокетливо улыбнулся он. — Не только мы двое, здесь все львы, все арсланы, каждый хочет быть арсланом! Удивительный, достойный восхищения зверь — арслан. Сильный, храбрый, красивый, кому же не хочется быть львом — арсланом! Мы тут все — львы. Львы и канарейки!

11

Вы, наверное, помните, что Асенька наша поступала в медицинский институт — и поступила. Как же так, воскликнете вы теперь, как же так, только что училась, собиралась стать врачом, и вдруг — в ателье, портнихой! Немножечко терпения, еще самую малость, и вы все узнаете.

Поначалу все шло хорошо. Асия ходила на лекции, семинары, ума-разума набиралась. И даже первую зимнюю сессию сдала на одни, как с удовольствием отметил отец, положительные отмет-

ии». А у мамы, которая очень ждала этого дня, от радости макушка неба касалась. На деньги, которые собирала годами, рубль к рублю, копейка к копейке, она купила дочери пару золотых сережек и к ним такое же кольцо. В весеннюю сессию тоже не оплошала Асия, за первый курс рассчиталась полностью. И снова не оставила мама без подарка — золотая цепочка на шею. Вот так они и жили тогда, в ладу и в полном согласии, друг другу угождали, друг друга понимали с полуслова.

У Асии начался второй курс. Мама же, вся еще в прежнем восторге, с головой окунулась в школьные дела. Вот закончится второй курс и наступит третий. Оглянуться не успеешь — вслед за четвертым и пятый. И станет дочка обладательницей красного диплома. Наденет она белый халат, белую накрахмаленную шапочку и пойдет обходом из палаты в палату. «И чья это дочка такая!» — будут с умилением шептаться больные вослед. Какие бы заботы, какие бы тревоги ни одолевали мать, но подумает о светлом будущем дочери — и вся житейская муть отходит от сердца, прибывает сил и энергии.

Но все же, дорогой читатель, если скажем, что в семье этой отныне наступила тишь да гладь и Божья благодать, то нанесем правде существенный урон. Дочка-то чем дальше, тем становилась независимей, своим разумением хотела жить. И не столько упрямство было тому причиной, сколько постоянные поучения матери. Хотелось ей утвердить себя самостоятельной личностью.

Впрочем, и норов матери тоже, наверное, не забыли?

— О маме немного подумала бы, дочка. Ушла и пропала, ушла и потерялась — знала бы, как тоскливо долгими вечерами сидеть в одиночестве... — однажды сказала она, мягко сказала, как могла, доверительно, в надежде, что поймет дочка, посочувствует ей.

— А и что могу, мама? — долго не думая, ответила дочка. — С тобой рядом сидеть? У меня своя жизнь, товарищи, друзья.

— Я не говорю, про друзей забудь, я говорю, маму не забывай.

— Я и не забываю... зачем забывать? — все так же беспечно ответила дочка, снимая с кос бигуди. Повернулась перед зеркалом и пояснила: — У подружки день рождения... поздно приду... или заночую... ты не беспокойся, мамочка. Они далеко живут. На другом конце города.

Мурашки пробежали по спине матери. Замерла на месте, сама своим ушам не поверила. Ослышалась, может? Нет, так и сказала: «Заночую...»

— Нет! — вздрогнула мать. — Не отпущу! Не слышала и слышать не хочу!

Дочка — ноль внимания. Расчесала волосы и раскинула кудри

по плечам. Подошла к шкафу, достала сшитое по последней моде короткое вечернее платье. Мамин подарок! Очень ей по фигуре короткий подол. Как наденет — полные прямые ножки так и светятся. А парням голову вскружить — много ли нужно? Бултыхнула флакончиком французских духов, намочила палец, по шее провела. Папин подарок! Золотые сережки надела, колечко с камушком.

...У подружки день рождения — это только говорится так. Несколько дней назад, когда шла домой из института, с ней заговорил один парень. Вообще-то парней, которые по улицам рыщут и к каждой девушке пристают, лишь бы знакомство завязать, Асия терпеть не может, но на этот раз от нечего делать все же остановилась, на одно его слово ответила, на другое...

Язык у парня хорошо подвешен, за словом в карман не лезет. И глазки посверкивают — в каждом зрачке, как говорится, по козьему копытцу. К тому же и одет хорошо, даже стоять рядом с таким приятно. Асенька наша, как, впрочем, и многие женщины, к щеголеватым мужчинам была неравнодушна, полагала, что каковы рост, вид, костюм, осанка — таковы ум и душа. Должна же в жизни хоть в чем-то быть гармония! (Впрочем, если следовать этой логике, самые грубые, самые бессердечные, самые никчемные мужчины должны ходить в мятых брюках, грязных ботинках, небритые и непричесанные.)

Постояли, поговорили, слово-другое, и зажегся интерес: что за парень, кто такой? Малый тоже не промах, учуял к себе внимание и сразу же, по-татарски говоря: тронув за щетинку, по-русски: стал нащупывать почву. Что ж, щетинка не ощетинилась, почва показалась мягкой, податливой. Парень и резанул:

— Когда в ресторан пойдем?

На первый взгляд вопрос задан очень скоро и слишком прямо. Но, видно, парень кое-какой опыт имеет, он знает — современные девушки вокруг да около не любят, тут уж режь напрямую. Один вопрос — и вся перспектива перед глазами, или так, или эдак. Нежные клятвы, сладкие обещания тут ни к чему. Нынче время дорого. И все же — слишком прямо, слишком поспешно. Девушке стало не по себе. Хотя... должен же он рано или поздно предложить это! Получилось — немножко рано. Но это уже мелочи.

— М-м-м... — протянула Асия. — Надо посмотреть.

— Еще друг у меня есть, хороший парень!

— Разве что друг, — сказала она и окинула его взглядом. — Сам — недалеко ушел, — и рассмеялась по-свойски.

— Ничего, и мы не лаковые. У тебя, наверное, тоже подружка есть?

— Предположим. —
— Такая же клевая?
— Еще какая! Куда мне до нее!
— Договорились, — сказал парень и протянул руку.
— Слепой сказал посмотрим, — сказала девушка и, словно пряча в краешке губ затаившуюся улыбку, опустила голову. Не от смущения или неловкости — было в этом привычное уже кокетство. В первые минуты знакомства такое легкое лукавство добавляет женщине некую таинственность.
— Где? Когда?
— Приглашаю не я...
— Тогда в пятницу! — уцепил парень нитку согласия в ее голосе. — В пять вечера. Возле ресторана «Наратлык».
Девушка махнула длинными ресницами: дескать, посмотрим. Она уже было собралась идти, как парень коснулся ее руки.
— А потом мотор возьмем, ну и... — сказал он и при этом бессовестно прищурил глаз.
Вот это было уже слишком! Одно оставалось Асии: ответить какой-нибудь грубостью и развернуться прочь. Но в долю секунды парень понял и ее мысли, и свою оплошность.
— Ну, если засидимся, а тебе надо скорей домой, — постарался загладить свой промах. Так сказал и таким взглядом посмотрел — снова перед ней стоял тот же парень, что при случае может быть и умным, и серьезным, как мама сказала бы, «содержательным».
...Понемногу «дни рождения» становились все чаще. Новые и новые тайны вечернего города открывались Асии, больше и больше становилось приятелей и приятельниц. В какой бы компании куда бы ни заявлялась она, глаза всех мужчин словно на веревочке тянулись к ней. А какое это удовольствие, какое наслаждение! Недели шли, летели месяцы. Все печали-заботы — словно деревья возле дороги, что проносятся мимо. А она — она в машине на огромной скорости мчится в будущее. Ребята говорили с ней только о любви, только о своих терзаниях. Порою ей начинало казаться, что вся жизнь, даже воздух весь соткан из нежных слов, из ласковых взглядов, из смущенных улыбок. Бывали дни, когда она терялась, ломала голову, с кем из парней идти сегодня на свидание? Потому что иной раз три-четыре назначенных свидания приходились на один вечер. Разве она виновата? Они сами... такие приставучие, а ей-то все равно... И ничего не оставалось Асии в таких случаях, как тянуть жребий. Напишет на бумажках имена, бросит в коробку, взболтает и вытянет одну.
Сплошь праздник, сплошь танцы, саму себя забудешь, имя свое

не вспомнишь, голова кругом идет. Да и есть с чего ей закружиться, куда бы, в какую бы компанию, в какое бы застолье ни попала, в центре внимания — она. Все мужчины внимательны, все мужчины заботливы и все, как один, покорны ей и послушны. Наступит вечер, и тихо изнывает душа, тянет Асию туда, где шум, где смех, где музыка, где шампанское, где сам воздух, как шампанское, искрится от улыбок и комплиментов, и где она — королева. И все там счастливы, все беззаботны, с горем не виделись, с печалью не встречались.

Так увлекла ее жизнь — другой и не надо. Где-то, наверное, иной мир, иные заботы, вселенские проблемы — ей-то что, она об этом и не думает. А если бы хоть на миг задумалась, то увидела бы, что каждый ее вечер как две капли воды похож на предыдущий. Одни и те же юнцы, одни и те же мужчины, все одного пошиба. Впрочем, и девицы разнообразием не блистают, тоже на один фасон. Привычные остроты, привычные анекдоты, одни и те же комплименты... Язык у всех хорошо подвешен. В руках цветы, в «дипломате» шампанское, в кармане шоколад — все как положено. И предложение всегда одно и то же: пойти послушать музыку, кстати, и квартирка свободная есть. На разные чувства намекают. А не приняла предложение, заупрямилась — всякое может услышать. Случается, что ухажер, который пять минут назад про любовь говорил, плюнет тебе под ноги и с цветами, шоколадом и шампанским унесется по другому адресу. Не велика, дескать, потеря, за другим столиком, у дверей другого ресторана такие же девушки томятся в ожидании. Так что признание в любви у них адрес свой за один вечер может поменять несколько раз. Неделями так, месяцами и год за годом. Вертится земля или нет, еще неизвестно, никто своими глазами не видел, а вот они — всегда в движении. Словно белка в колесе — бегут, спешат, кружатся, мир, словно спицы, мелькает перед глазами.

Об учебе Асия не печалилась. Что учеба?! Мир и без того хорош! Захочет, пойдет в институт, захочет — нет. В деканат вызывали, сначала внушали, потом уже ругать начали — ей и горя мало. Когда же вывесили приказ об отчислении, ходить куда-то, выяснять она не стала. Все равно ей врачом не быть, она это уже прекрасно понимала. Не то что плоти человеческой коснуться — лягушачью лапку разрезать велели, она, закатив глаза, на ватных ногах вышла из кабинета.

Не всем же врачами быть. В кругу, где она вращалась, в медики не рвался никто. И не с заводов, не с фабрик ее друзья-приятели. Много в городе всяких разных местечек, где можно осо-

бо не надрываться, но жить припеваючи. Все же она — у отца с матерью единственная дочь, с голоду не помрет.

На том учение Асии и закончилось. Однако оповещать об этом она никого не спешила. Как жила, так и продолжала жить, в радости и веселии. Впрочем, иной раз словно душу оскоминой сводило. Мать — в школе, отец — все там же, на своей реке, хоть и зима, дела хватает. А она — дома, в четырех стенах. Оказывается, улицы и рестораны тоже, бывает, приедаются.

Одно дело — безделье, уж тут она как-нибудь стерпела бы. Другое, что молью душу точит, — любви нет. Эх, взять бы и влюбиться, так, чтобы весь свет забыть! В кого? Да в кого угодно!.. Нет, молчит сердце. И отчего оно такое тугое, упрямое. А сколько ведь парней вокруг! Только ни один не нужен. Посмотреть, так вполне подходящие ребята попадаются, с машиной, с квартирой, и родители на больших постах. Но подумаешь о ком-нибудь, захочешь представить его, а он вдруг тускнеет, тает перед глазами. Впрочем, коли подумаешь, и они особо сердцем не пылают. Сколько ходят, сколько вьются, и хоть бы один всерьез предложение сделал... Конечно, когда самим нужно, слова, что бисер, нижут. Только бисер этот скоро осыпается, быстро они красивые слова забывают. А напомнишь сдуру — тебя про свои же на смех подымут, откуда, мол, такая дремучая, из какой деревни приехала?

Но почему же, когда ни пройти, — возле Дворца бракосочетания всегда очередь? Люди стоят, чтобы потом всю жизнь быть вместе. Они-то из какой деревни? Глянет Асия, и кольнет сердце. Выходит, кто-то женится, кто-то выходит замуж. То и дело свадьбы играют.

В один из вечеров одного такого ретивого мастера по бисеру (уж так разливался о своей любви, уж такие залихватские узоры тянулись с языка!) Асия взяла и спросила прямо:

— А почему ты мне предложение не сделаешь?

— Какое предложение? Руки и сердца?

— Да, руки и сердца.

— Ну... я сделаю, а ты не согласишься.

— Ты сделай. А там — посмотрим.

Веселый парень, уверенный, как говорится, подбоченясь живет, а тут задумался. Потом глянул пристально ей в глаза и сказал:

— Нет. Об этом я не думал.

— А когда думать собираешься? Вдруг надумаешь, а меня не будет?

Еще серьезней стал парень. Словно уже за шиворот его схватили, сейчас потащат, силком наденут хомут на шею.

— Нет! Никогда! — и он решительно, словно скидывая хомут, повел плечами.

Ответ не удивил. Сделай он предложение, Асия и впрямь не согласилась бы. Разве это муж? Дай ему карту города, он там, кроме ресторанов и дискотек, ничего отыскать не сможет.

Парень покосился на нее.

— И потом, Асенька, я уже понял, что невесту себе буду искать не в ресторанах. — Вот она, мельница-откровенница, как пошла молоть, так всю правду и вымелет! — Нет, я понимаю, что и в ресторан девушки всякие ходят. Попадаются и хорошие. Но я так считаю, коли тропку в ресторан протоптала — для меня не жена. Принцип! — Он еще что-то хотел сказать.

— Спасибо, — оборвала его Асия.

— За что?

— За правду спасибо.

Вскоре девушке срочно понадобилось домой, и парень какое-то неотложное дело вспомнил... Посадил Асию в ожидавшую напротив ресторана новенькую машину и домчал до самого ее дома. Напоследок обменялись быстрыми улыбками, кинули друг другу «пока» — и все. «Пока» — означало «прощевай». Встреч, ясное дело, больше не будет. Откровенность, она тоже в меру хороша.

Войдя к себе в комнату, заперла дверь и ничком бросилась на кровать. Шумел-гремел, катился мир и вдруг встал и затих... Хотелось заплакать. Душа по самый краешек была полна, но из глаз не вышло ни слезинки. Что делать, куда податься, кому излить душу до самого дна? Приникнуть бы головой к чьей-нибудь груди и плакать, плакать, пусть он утешает ее, неведомый тот человек, успокаивает, ласкает, а слезы все равно будут литься и литься... немудрено, в последнее время ей плакать вовсе не доводилось. Только смеялась, только веселилась, в неге плавала, в любовном омуте купалась... Когда же она плакала в последний раз? Ладонями сжала виски, попыталась вспомнить. Жила и думала: жизнь сплошь праздник, сплошь любовный туман, тосты и комплименты. А горе? А печаль? А тоска? Их нет... они там... в другом мире, в иной жизни.

Был бы такой человек, чтоб без слов понимал тебя... Всю душу открыла бы ему, всю себя рассказала, крохотки не утаила... Но кому?! Кого наперсником взять? Или советником? Нет у нее никого.

Никому она не верит. И никого не любит. Ее тайны, ее тоска при ней и останутся.

Уткнувшись лицом в подушку, она крепко сжатыми кулачками принялась молотить постель. Одна, на всем свете одна-одинешенька!

Вдруг мягкий теплый голос послышался над самым изголовьем. Мама! Тихо, робко, словно чуяла какую-то свою перед ней вину, откликнула она дочь.

— Чаю попить выйдешь, дочка? И пирог твой любимый испекла, с калиной...

Словно колыбельная песня, нежен твой голос, мама! Как ты всегда нужна, мама, каждый миг долгого нескончаемого детства. Но когда вырастешь, когда выйдешь на дорогу жизни, поймешь еще больше, чем в детстве, как нужны мамино слово, мамин совет, ласковые мамины пальцы и мамин взгляд. Бывают женщины хорошие, бывают женщины, говорят, похуже. Но матерей лучше или хуже — не бывает. Мама только есть... или уже нет ее.

— Мамочка-а... — тоненько протянула Асия, и развязался, лопнул в груди какой-то узелок, расплакалась навзрыд. Есть ли миг утешней, как рядышком с мамой, когда единственная, родная твоя мамочка стоит в изголовье и гладит тебя по волосам, есть ли плач отрадней и сладостней слеза?

12

Арслан сидел на корточках возле костра и время от времени подкладывал ветке. Лев Белялоаич с Асией сидели в плетеных креслах, судачили о том о сем, рассказывали всякие истории. Больше, разумеется, рассказывал Лев Белялович, Асия же, как примерная деаочка, слушала. Одна беда, ни разу не сумела рассмеяться вовремя, то есть раньше самого рассказчика. Лев Белялович был проворнее, выпалит последние слова анекдота — и, откинув голову, расхохочется. Смех очень шел ему. Смех этот, словно масло, обмазывал кругленькое лицо Колобка. Посмотришь, немолодой Колобочек, подчерствел уже, а засмеется — и заблестит, и засияет, словно только-только выпули его из печи. Тут уже, хочешь не хочешь, не над анекдотом, так над ним самим улыбнешься.

Вроде бы обвыклась уже, освоилась, но какая-то неловкость не оставляла Асию. С улыбкой ли слушала других, сама ли что-то говорила — все время была настороже, словно какая-то холодная, твердая рука сжимала ее. Долго не могла понять, наконец, кажется, поняла: причиной был вопрос, который еще давеча, только сошла с машины, встрепенулся в душе, встрепенулся и с тех пор не давал покоя, изводил каждую минуту. Улучив момент, когда Колобок, забыв конец анекдота, зашевелил губами и уставился в темноту, она неожиданно спросила:

— Красиво живете, Лев Белялович! Что за место такое? Есть тут еще кто-нибудь, кроме нас?

Мужчины, похоже, такого вопроса не ожидали. Так быстро вошла в их круг, так быстро освоилась — и на тебе, вопросы у нее появились! Оба разом посмотрели на нее. Не только неуместен был вопрос, но словно даже с каким-то вызовом прозвучал он. В глазах Арслана, кочергой сгребавшего раскаленные угли обратно в костер, скользнуло недоумение...

— Ну, Асенька! Все «Лев Белялович» да «Лев Белялович», — сострил Колобок гримасу обиженного ребенка. — Ну как не надоест! Мы же договорились, я — тоже Арслан. Что за место, говоришь, странное? Это — Полуостров Любви, Асенька.

— На воротах про остров-полуостров ничего нет, — заупрямилась она. — «Детский профилакторий» написано.

— А мы? Разве мы не дети? Чем мы хуже детей?

— А грибочки с песочницами — тоже для нас?

— В полном твоем распоряжении, Асенька, играй сколько хочешь!

— А вам, Лев Белялович, очень качели подойдут.

У того лишь толстый мускул на лице дернулся, по лицу разошелся румянец. «Что-то больно пытливая попалась канареечка».

— Это профилакторий, Асенька. Но он пока не действует. Строительные работы еще не кончились. Ответом довольны, Асенька?

— Похоже на правду. Ответом довольна, Лев Белялович, с этим вопросом вы справились.

Вы, наверное, спросите, с чего вдруг она въелась в Колобка, что ей надо? Разумеется, было здесь и обычное женское любопытство, не без этого. Но еще — упрямство. Видела же, насколько неприятен львам-арсланам этот вопрос. Нет, как сказала бы Юлия, «перла», и все.

Очень уж большой авторитет тут для всех этот самый Лев Белялович, только в рот ему смотрят, шишка на ровном месте. Простачка из себя строит, рубаху-парня, демократа, а сам своим превосходством наслаждается, каждую минуту помнит об этом и другим забыть не дает. Слишком силен был соблазн, не удержалась, ущипнула Колобка с одного бочка.

Она уже с наслаждением приготовилась ущипнуть с другого бочка, но тут случайно встретилась взглядом с Арсланом. «Ты что? — предостерегал взгляд. — Ты чего добиваешься?»

— Коли ты, Асенька, такая любознательная, — усмехнулся Колобок, — можно ответить еще точнее. Профилакторий этот построили наши советские профсоюзы. Он, так сказать, предназначен для детей работников строительных организаций.

— Значит, ваш папа в строительной организации работает?

Терпение Колобка мелело на глазах. Он встал, расправил круг-

лое тело, — эх, тряхнул бы по матушке в столько этажей, что любые строители, монтажники-высотники позавидовали... нет, положение не дозволяет. Круто повернулся к Арслану: «Ты кого, дескать, привел сюда? Что сидишь, язык проглотил, твоя канареечка-то!» Но тут же — всем широким смазанным масляной улыбкой лицом — к Асии:

— А ты мне, Асенька, нравишься все больше. Не язык, а бритва! Люблю таких канареек, обожаю! Ха-ха-ха...

Началась фраза комплиментом, а закончилась язвительным смехом. Асия рта раскрыть не успела, как Арслан, смекнув, что дело может далеко заехать, резко поднялся с места.

— Ну что ты к Льву Белялоаичу пристала? Замучила своими глупыми вопросами...

— Не Лев Белялович, а Лева — Арслан! — поспешила подстелить соломки Асия. — Он тоже Арслан.

— Вот так, Сахипыч! — расхохотался Колобок. — Слышал, что Асенька говорит?

Одно слово, так кстати подвернувшееся, сразу сняло все напряжение. У Арслана свет вернулся в глаза.

Извиваясь, потягиваясь, поднялась с кресла и Гуля-Гульсина, подлезла Колобку под мышку, заластилась, заурчала.

— Дожда-ались, когда усну, и сами балдеют... а меня почему не разбудил, Лева?

— Сама проснулась, моя умница, сама проснулась, моя красавица.

— У меня голова болит...

— Лишнего выпила, моя умница...

— А я думаю, наоборот, не допила.

— Тебе много пить нельзя, ты у меня маленькая.

— Ну, заталдычил: маленькая да маленькая, — вспыхнула вдруг Гуля-Гульсина. — Не нравится маленькая, ступай, найди себе какую-нибудь корову. Только на улицу выйдешь, целыми стадами коровы ходят. А меня и такую кто хочешь полюбит.

— Ух ты, моя татарочка! — взвизгнул Колобок.

— Какая еще татарочка? С чего ты это взял? — как мышь на крупу, надулась Гуля-Гульсина.

— А кто же, если не татарочка? — опешил кавалер. — Как твоя фамилия? Скажи-ка, моя красавица!

— Какая такая фамилия? Еще чего!

— Не татарочка, говоришь, а как твоя фамилия, Гулечка? Ну, скажи, ласточка моя, канареечка, рыбонька моя ласковая, — затеребил ее Колобок.

— Забавный ты, Лева, — усмехнулась Гуля. — Сколько мужиков меня любили — и ни один фамилии не спрашивал. Сепперова я.

— Какая еще Сепперова? — вмешался в разговор стоявший неподалеку Арслан. — Сафарова, наверное?

— Тебе-то какое дело? Никто тебя не спрашивает, — отрезала Гульсина.

— Так ты же татарка, а у татар такой фамилии нет.

— Татарка не татарка, ваше-то какое дело? Я по-татарски знать не знаю и знать не хочу! Зачем он нужен, татарский, катык на базаре продавать? Фу-у!.. — наморщила канареечка носик и ткнулась лицом в мохнатую грудь Колобка.

— Гульсина! — Асию от возмущения даже передернуло.

— Ну, ладно, Гулечка, успокойся, — погладил ее по спине кавалер.

— Не Гуля, не Гульсина, а канарейка, — глядя куда-то в сторону, сказал Арслан.

— Надоели! — пискнула канарейка, потом повернулась к ним и сказала: — Для любви язык не нужен! Вот!

Они в обнимочку направились к столу.

Асия стояла изумленная, ничего не могла понять. Как же так? Лев Белялович, при его чине-положении, высоком о себе мнении — и с такой девицей связался. Что у них общего? Воистину удивительный народ эти мужчины.

Подул мягкий, теплый ветер, гулко стукнулась возле ног с прошлого года прятавшаяся в ветвях сосновая шишка. Пошуршали, пошептались о чем-то камыши на озере. Очнувшись, принялись за предсвадебные хлопоты лягушки на берегу.

Асия с Арсланом замерли, слушая долгий вздох уходящей в ночную темь природы. Рядом с любимым, приникнув к нему, только вдвоем... что может быть лучше! Когда Арслан рядом, мир полон, все житейские заботы, все неурядицы забываются, отлетают прочь. Вот так бы и сидела, положив голову на сильное, широкое плечо Арслана, сутками напролет, — что сутками, долгую-долгую бесконечную вечность сидела бы так. И ничего больше не нужно ей, лишь бы Арслан был рядом.

...И Арслан весь в своих думах. Нежные его пальцы то и дело касаются ее голой руки, мягко проходят от плеча до локтя. Конечно, он тоже о ней думает, ласковые слова перебирает, какие скажет только ей. Тихо, спокойно. Но тишь только рядом, только вокруг. А в груди Асии — кипение чувств, все тело ее огнем горит, все чувства, как полая вода, уже подступили к устам, еще миг — и польются слова, которые только ему скажет, самое сокровенное, что лишь ему откроет... Но для того, чтобы

всю себя излить, не только летней коротенькой ночи мало, недель и месяцев, а может, и всей жизни не хватит.

Наконец Арслан повернулся к ней лицом. Как долго ждала она этого мгноаения! Словно прикидывая, с чего начать разговор, он внимательно посмотрел на Асию. Хоть и во тьме, под сенью ночного леса, но Асия сразу заметила искорки в его глазах. Она ведь уже без слов, по движению, по взгляду понимает его. Понимать-то понимает, но Арслан челоаек не простой, пока самого не услышишь, с выводами не спеши.

Где уж дедов-прадедов заветы-обычаа знать — на родном-то татарском редко говорила Асия. Из своих же татар заговоришь с кем-то, а в ответ услышишь: «Не поняла, скажи по-русски. Я по-татарски не бельмеса». Но в последнее время слова «алла боерса» * Асия из памяти не выпускала, все время на языке теплятся. Особенно если об Арслане мысль обожжет, непременно эти два слова добавит. Еще в глубоком детстве, когда жила летом в деревне, слышала она их от своего дедушки. Что бы ни задумал, за какое бы дело ни взялся дедушка, всегда, бывало, скажет: «Алла боерса». «Алла боерса, скажи, внучка! Не забудешь эти два слова — и век счастливой проживешь, Бог тебя не оставит, все мечты-желания сбудутся», — наставлял ее дедушка. Не верилось Асии. Как же так, все мечты, все помыслы, вся твоя жизнь — и только от двух слов зависят? Но очень ей хотелось походить на любимого дедушку в аеленой вышитой тюбетейке, и Асия быстро привыкла, то и дело повторяла их. Даже помнит, как однажды влетело от мамы. «Не повторяй чужой бессмыслицы, она тебе ни к чему!» — сказала тогда мама.

Удивилась девочка: что за странные слова — дедушка велит не забывать, мама за них ругает! Потом дедушка умер, и слова забылись. Но в последние месяцы, как подумает об Арслане, оттого, наверное, что боится потерять его, сразу вспоминает: «алла боерса» — не вслух вспомнит, так про себя.

Вся ее жизнь теперь называется — Арслан. Оттого и поделилась на две половинки: одна долгая, однообразная, безымянная — до него, другая, похожая на сон, — сегодняшняя, где — Он.

А он все молчит. Смотрит и молчит. Но ожидание не томит, пусть бы век смотрел на нее. Вот шевельнулись губы. Миг — и густой его голос скажет слова, самые нежные, самые желанные...

— Все же меру надо знать, Асия! Слишком любопытничаешь, — сказал он, словно продолжил только что оборвавшийся разговор.

Не поняла, не вникла... лаской послышались эти слова. Зажмурившись, она еще теснее прижалась к нему.

* «Алла боерса» — «Если Аллах даст», «На то воля Аллаха».

Арслан ждал ответа. Ответа же нет. Только почувствовал, как на шею, грудь нахлынула жаркая волна. Откачнувшись от жадных губ, от мягких рук, повторил:

— Я не шучу, Асия! Здесь для шуток не место...

Нет, договорить не дала, на серьезный лад повернуть разговор не позволила. Таким счастьем душа была полна — вот-вот расплачется. Пытаясь скрыть слезы, она еще тесней прижалась к нему. И все же — не удержалась, всхлипнула раз, всхлипнула другой.

Что касается женской психологии, на этом Арслан, как говорится, все зубы съел. Я и сейчас-то удивляюсь, как он сразу не понял, что время для упреков совсем не подходящее. Быстро глянул по сторонам — никого, рассосались кто куда, львы ушагали, канарейки упорхнули. А ему что, больше других надо? Почему он должен тут сидеть, выяснять отношения? Темная тропинка, дом, где в окнах не тлело ни огонька, тянули к себе, как магнит.

Они шагали по тихой тропинке, и шуршали под ногами сухая хвоя, прошлогодняя палая листва. Ветерок с озера, где на ровной глади резвились утки, донес их плеск и кряканье. Из какого-то окна раздался визг Гули-Гульсины, а потом:

— Ты всегда так! Вот так ты всегда!

13

Сколько веревочке ни виться, а конец будет. Весть о том, что с институтом покончено, Асия матери преподнесла сама. Какой шум поднялся, когда в семье получили такой подарочек, рассказывать не стану, каждый может представить сам. Словно увесистый камень плюхнули в тихую домашнюю заводь. Но круги, несмотря па громкий всплеск, улеглись довольно скоро. Теперь Асия целыми днями сидела дома. Что ж, вырвалась Асенька на волю, погуляла вдоволь так, словно даже отца с матерью нет, — все, хватит. Теперь она вся в домашних хлопотах, и даже не скучно ей, за порог не норовит, повода не ищет, небылиц не плетет. Какая же мать не порадуется этому? Жила дочка своей волей, словно ветром носило ее где-то, никаким советам-уговорам не поддавалась — и вдруг, как отрезало, взялась за ум...

Куда пойти? На какую работу? В том-то и беда, что не для всякой работы мать с отцом растили дочку. И вот надо дочку куда-то устраивать. Работы-то много, да ведь претензий у отца с матерью еще больше. Не должна быть грязной! Не должна быть тяжелой! Должна быть под крышей. Чтоб не в холоде. Чтоб не в духоте. И здоровью не вредно. Рукам не обременительна. Гла-

зам не утомительна. Конца-краю не было этим «должна — не должна». Работа нужна! Только какая работа? Вот бы кто подсказал!

В те самые дни как-то перед обедом поднималась она в лифте с новой соседкой с их этажа.

— Зашла бы, дочка, беляшей моих отведала, — вдруг сказала та. — Беляшей вот испекла, да уж очень невесело чаевничать одной.

Оказалось, что Сания-апа работает портнихой, сегодня ей во вторую смену... Живет одна, мужа много лет назад похоронила, погиб в автомобильной катастрофе. Сама, своими силами, двух сыновей подняла. Старший в Набережных Челнах на заводе работает, а младший... а младший — и радость мамина, и точащаяся боль, с детства мучился астмой, всю жизнь по лесным школам, а выздоровел, встал на ноги — в математическую школу забрали, вдруг открылся дар, нынче уже десятый класс заканчивает, так, среди чужих людей, без ласки материнской и вырос. Сания-апа даже слезу смахнула и похлюпала носом. Асия вспомнила бледного мальчика с вопросительным взглядом, прошлым летом раза два встречались с ним в подъезде. Улыбнется быстро и пройдет мимо. Все это Сания-апа рассказала, пока поднимались в лифте.

Уже почти год они живут рядом, и только сейчас Асия перешагнула через ее порог. Впрочем, мама не любит, когда по каждому пустяку, за любой мелочью к соседям бегают, на том и дочку воспитала.

Аккуратная, чисто прибранная квартирка встретила ее. Обстановка была небогатая, дома у Асии — и то богаче, но какой-то особый, на душу ложащийся уют был здесь, в гнездышке одинокой Сании-апы. В комнате на видном месте висел большой портрет покойного мужа. По бокам от него еще две фотографии — крепкий парень со строго сведенными бровями и тот бледный мальчик — ее сыновья. На подоконниках цветы в горшках, каждый усыпан белыми или розовыми соцветьями. На панцирной кровати красивой горкой уложены подушки, на самой же верхней нежится в дреме тоже пышный, как взбитая подушка, рыжий бухарский кот. Просто, покойно. Асия и подумать не могла, что всего лишь через стенку живет такая милая гостеприимная тетушка.

— В комнате накрыть или, может, здесь, в кухне, посидим? — спросила хозяйка. Даже голос — милый и ласкающий. Так говорит, словно Асия ровня ей, не моложе и не старше ее.

На маленький столик в кухне легла белая скатерть. В белых, сверкающих, как ее фартук, пиалках вынесла варенье и мед. Положила в чайник пучок сухих пахучих трав, бросила следом щепотку чаю. Из самоварного краника журча потек кипяток, и клубом поднялся душистый пар из чайника. И вместе с щекочущим запахом горячих беляшей разошлось по комнате дыхание летнего луга. Только в детстве, еще при жизни дедушки, когда после сенокоса возвращались они с дальних лугов, вдыхала Асия такой щедрый, такой вкусный запах... Не спешила, не суетилась Сания-апа, под ногами половица не скрипнет, в руках посуда не звякнет, такая покойная, будто и не дышит, но работу справляла живо.

Вдруг над самой головой раздалась птичья трель. Асия вздрогнула. До этого птицы сидели молча, она и не заметила их.

— Ой, какие красивые, Сания-апа!

— Канарейки, — пояснила хозяйка. — Слышала бы, как они на рассвете поют...

Асия поднялась с места, подошла к стоявшей на холодильнике клетке.

— Канарейки... — прошептала она, и в том, как она сказала, как посмотрела, были восторг и удивление, с каким малыш познает окружающий мир. — Красивые птицы... и поют красиво...

— Вот только они и утешают немного, — сказала Сания-апа. — Как учеба, Асия? Уже на каникулах, наверное?

Не ждала Асия этого вопроса. Не все ли равно тетушке Сании, учится она или нет? Впрочем, секрета из этого делать она никогда не собиралась, это мама, когда услышала, за голову схватилась — такой бедой посчитала, хуже смерти. А если, не приведи господь, знакомые да соседи о том узнают — тогда уж совсем ложись да помирай! Так что и соседке, подумала было Асия, всей правды говорить не стоит. Но как с таким открытым, радушным и добрым к тебе человеком будешь хитрить?

— Бросила, — сказала Асия.

Странно, хозяйка на такой ответ и бровью не повела, все так же аккуратно, почтительно даже подула на блюдце и отхлебнула чаю. Словом, ничего особенного, обычная новость. Даже спросить, почему, дескать, не удосужилась.

— Я бы и сама врачом быть не смогла, — спокойно сказала она. И, отхлебнув, добавила: — И другой работы много. Хорошим человеком надо быть, Асия.

В который уже раз восхитилась она сегодня тетушкой Санией. Простая женщина, даже среднего образования не получила, а всю ее поняла с полуслова, прямо в душу заглянула. Хорошо, что и она врать не стала.

— Где же работать собираешься?

— Не знаю... — смутилась Асия. — Родители только об этом и думают. День-ночь голову ломаем.

— Ба-а! — вдруг вспомнив что-то, всколыхнулась Сания-апа. — Нашли над чем голову ломать. К нам в ателье иди!

— Я не сумею...

— Как же, не сумеешь! — оборвала ее на полуслове Сания-апа. — Сама обучу. Ну что, решимся, может? — даже с места привстала Сания-апа. — Одно ведь имя чего стоит: «Юсуф-Зулейха»!

— Уж и не знаю...

Вечером Асия передала разговор маме, та поначалу сморщила было нос, но потом Сания-апа зашла сама и так принялась за дело, что и получаса не прошло, как мама от такого напора сдалась.

Вот так нежданно-негаданно стала Асия портнихой. Теперь, когда спросят, где работает, отвечает гордо: в «Юсуфе-Зулейхе». Вместе с тетушкой Санией идут на работу, вместе возвращаются домой. Сначала шить, а потом и кроить тоже научила она. А сколько сил, сколько терпения нужно для того, чтобы девушку, которая до двадцати лет иголку с ниткой в руках не держала, на портниху выучить, про то Сания-апа только сама знает. Надо было — за двоих работала, но Асии перед людьми сконфузиться не давала. Впрочем, и девушка старалась, как говорится, зубами-ноготками вцепилась в работу.

...В ту неделю они работали в первую смену. И часу не прошло, как, придя домой, расстались они на площадке, и Сания-апа постучалась в дверь. Ватрушек, оказывается, испекла, на чай зовет, скучно одной.

Так сидели они вдвоем, чаи распивали, всякие забавные случаи на работе вспоминали, как в прихожей раздался звонок.

— Кто же это? Господи, уж не телеграмма ли вдруг? — сказала Сания-апа, выходя в прихожую.

Дверь открылась, и на площадке кто-то громко шмыгнул носом — ясно, мужчина.

Продолжение на стр. 161

Под стягом Дмитрия Донского. Фото А. Шадрина

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПИКНИК

им. Артемиды

Древнеегипетские политические страсти сих лор поражают воображение ряда-обывателей. Борьба за трон между эхотепом IV (Эхнатоном) и молодым инамоном — это борьба двух великих ...тийных религий богов Атона и Амона. ... незабываемые события 40-вековой ...ности о споре за власть во времена ...III династии египетских фараонов мы пробовали восстановить по памяти, так ...исторических источников под руками оказалось. Если что не совсем точно, не ...ссудьте, столько лет прошло, всего не ...жимишь...

Чтобы забраться на самый верх иерархической пирамиды, нужно кое-кого захватить, ликвидировать, шантажировать, купить, спровоцировать, изгнать, преда..., скомпрометировать, обмануть, изолировать, уверить, запутать, дискредитировать, отвлечь, вывести, удалить, похоронить, поразить, заставить продать и т. п. Ие быть умным, пользоваться авторитетом и всегда говорить правду, но тогда попадаешь в категорию «кое-кого».

Если бы вы вдруг захотели забраться наверх и у вас под рукой были соответствующие камни (они нарисованы) для ступенек специальной служебной лестницы, то в какой последовательности вы клали бы эти камни друг на друга? Может быть, вы знаете другие способы, как добраться до вершины власти, чтобы можно было далеко глядеть или плевать на всех свысока?

Слишком мала вероятность того, что совпадения чисел из ребуса и даты начала «путча» 18 августа случайны. Это оповещение посвященных в ключи иносказаний о дате политического спектакля и изложение для них общего характера событий, намеченных к постановке в иносказательно-образной форме. Смышленый ребенок может догадаться, что за рисунком, на котором изображены: вилы, бильярдный кий, цифра 5, буква И, цифра 6, крест, топор, колун — автором рисунка-ребуса сокрыт ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ХРИСТОФОР КОЛУМБ. Посмотрев на ребус в «ЧП», смышленый и в кое-что посвященный взрослый может догадаться, что за ребусом скрывается предупреждение о фарсе правого путча в СССР.

«ЧП» предсказал ГКЧП 24 июня. 24 июня — день св. Иоанна-крестителя, орденский праздник Иоаннова масонства, поскольку 24 июня 1717 года масонство оформилось организационно в его современном виде. На 24 июня 1941 года перенес начало Великой Отечественной войны, оговорившись (?), А. Н. Яковлев в своем выступлении на втором Съезде народных депутатов СССР при обсуждении несуществующих протоколов к пакту «Риббентроп — Молотов». 24 июня 1945 года состоялся Парад Победы на Красной площади. Публикация 24 июня 1991 года в «ЧП» также вряд ли случайна, поскольку совпадает со столь значительными событиями, что́ символично, то есть иносказательно.

Сценарий всего происшедшего и предстоящего можно прочитать и явно в интервью Сергея Кургиняна газетам «Смена» 8 мая 1991 года и «Комсомольская правда» 10 апреля 1991 года, а также в книге С. Кургиняна и др. «Постперестройка» (Политиздат, 1990). 17 августа, накануне событий, С. Кургинян выступил по второй программе ЦТ с изложением своих взглядов. Как сообщает пресса, С. Кургинян возглавляет финансируемый по госбюджету мозговой трест, в штатном расписании которого предусмотрены должности и для офицеров МВД, КГБ, МО. С Кургиняном консультировались первый секретарь МГК КПСС т. Прокофьев, член ПБ ЦК КПСС т. Шенин, премьер-министр т. Павлов, показанный с пилой на первой странице «ЧП». Все идеологическое обоснование действий ГКЧП можно найти в работах С. Кургиняна и его группы. Было выступление С. Кургиняна по ЦТ 17 августа, накануне переворота, случайным или входило элементом в сценарий фарса — это отдельный вопрос.

Заговор носил и носит более широкий, НАДГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР. Дата начала путча совпадает с датой подписания директивы СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 года, названной ее авторами «Цели США в отношении России». Эта директива цитируется в книге Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» (М., 1985).

Указанная директива, в частности, гласит:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России. (...)

Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. (...)

Во-первых, мы не связаны опеределенным сроком для достижения наших целей в мирное время. (...)

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события. ...Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события. ...Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России. (...)

Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией (то есть речь идет о расчленении СССР.— Авт.), то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружений, эвакуация ключевых районов и т. д.)., с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнения условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

...Мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

На практике мы видим, что послесталинское руководство страны выполняло и выполняет по настоящее время директиву СНБ США 20/1 от 18.08.48. Это говорит о том, что если директива СНБ США сорокалетней давности описывает события в СССР лучше, чем все директивы ЦК КПСС и Советского правительства за тот же срок, то СССР НЕ ОБЛАДАЛ И НЕ ОБЛАДАЕТ РЕАЛЬНЫМ СУВЕРЕНИТЕТОМ. Не будут обладать реальным суверенитетом и «независимые» республики, образующиеся в результате его распада, целенаправленно вызванного деятельностью масонства, пришедшего к власти в стране после 1917 года. Верховным Советам республик, союзных и «независимых», пора давно задуматься о механизме и способах управления СССР по директивам СНБ США.

Все происшедшее в стране с 18 августа — гнусный провокационный фарс, целью которого было разогнать КПСС за ненадобностью ее для сионо-масонства в современных условиях; разогнать и развалить армию, КГБ, МВД; создать в стране хаос, чтобы поживиться на горе, как это уже было после 1917 года, когда Россию грабили все, кому не лень.

Для кого-то происшедшие события — крушение всех жизненных идеалов, трагедия; для кого-то — поражение в борьбе у кормушки власти; для кого-то — ПОБЕДА В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ, а для кого-то — исторический пикник, фарс, предписанный свыше, который не следует воспринимать серьезно, поскольку он всего лишь эпизод в строительстве всемирного храма Соломона. Все это цинизм, точнее, ельЦИНИЗМ, даже если Б. Ельцин до утра 19-го ни сном ни духом не ведал о предстоящем. Победила концепция не С. Кургиняна, а Г. Явлинского, предусматривающая сдачу страны в эксплуатацию мировому иностранному капиталу. После 1917 года Лурье, Либерман и другие поучали народы страны вести народное хозяйство. Теперь — Явлинский. Ничего не изменилось, переворота не было. Произошла ПОКА смена вывески. 2/3 миллионеров в США — евреи, 2/3 докторов экономики в СССР — евреи. Это одна шайка-лейка, делающая свое общечеловеческое дело. Поскольку согласно Талмуду человек — только еврей, то результат известен заранее: в пределе мечтаний — арабская Палестина в масштабах СССР.

Интересно, задумываются ли над всем этим те, кто усиленно «шьет» несчастной «восьмерке» обвинение в государственной измене?

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ДИКТАТУРА ПОД МАСКОЙ СВОБОДЫ

СЦЕНАРИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ДЛЯ КИТАЯ

«Ликвидация коммунистического Китая, превращение его в плюралистическую конфедерацию... будут означать крушение надежд Кастро, Ким Ир Сена и вьетнамских лидеров на выживание в условиях нового всемирного политического порядка»,— так сказано в одном из документов ЦРУ, подготовленных осенью 1991 года.

Серия документов, озаглавленных «Стратегические интересы США в континентальном Китае (то есть в КНР.—А. П.) и на Дальнем Востоке», составлена ЦРУ при участии разведки Тайваня по заданию Госдепартамента и министерства обороны США. Данное задание обусловлено окончательным развалом СССР, кризисом на Кубе и тем, что Китай остается единственной социалистической великой державой, обладающей ядерным оружием и оказывающей поддержку Кубе, КНДР и Вьетнаму. В современных условиях именно Китай представляет серьезное препятствие на пути транснациональной экспансии США и НАТО, прикрывающейся «общечеловеколюбием». Следовательно, распространение на Китай теории и практики советской и восточноевропейской «реформации» является жизненно необходимым для Вашингтона и его союзников, в числе которых многие страны Дальнего Востока: Тайвань, Южная Корея, Япония, Австралия, Таиланд, Филиппины, Сингапур и др.

Поскольку руководство КНР призывает ныне «учиться на причинах и последствиях распада СССР и ликвидации социализма в Восточной Европе и Монголии» (South China morhing Post, Can ton, 2.9. 1991), современный Китай уже мешает реализации стратегии Лэнгли и Пентагона в глобальном и региональном (дальневосточном) масштабах. Декабрьский (1990 г.) пленум ЦК КПК, материалы китайской прессы и выступления китайских лидеров в 1990—1991 годах квалифицируют события в СССР как долговременные последствия буржуазно-ревизионистского перерождения советского партгосаппарата со второй половины 50-х годов, которое ускорилось после 1985 года.

Когда в Китае 1966—1975 годов бушевала вакханалия «культурной революции», Запад не вспоминал о демократии и правах человека в КНР, поскольку Китай в те годы враждовал с СССР, Кубой, Индией и стремился к сотрудничеству с США, Японией, Тайванем и другими «свободными» странами. Но США и их союзники весьма остро отреагировали на провал антигосударственного путча в Китае летом 1989 года, поскольку и до, и после известных событий в Пекине (май — июнь 1989 года) руководители КНР были и остаются убеждены: происшедшее и происходящее в странах Восточной Европы, СССР, Монголии является результатом сговора мирового империализма, внутренней (национальной) контрреволюции и перерожденцев-ревизионистов всех мастей. События в августе — сентябре 1991 года в СССР охарактеризованы

Пекином как умело организованная авантюра с целью окончательного уничтожения СССР. Поэтому с лета 1991 года в США, других странах НАТО, Японии и на Тайване вновь усилилась кампания «по защите демократии и прав человека в КНР». Но китайское правительство отвергло «демократический» шантаж и заявило о решимости пресечь любые антисоциалистические и антигосударственные акции.

Чашу терпения «всемирных демократов» переполнило заявление Чэнь Юня, одного из руководителей ЦК КПК, о том, что «компартия и правительство Китая обязаны не допустить появления в стране такого главаря, как Ельцин».

Успешные переговоры Дэн Сяопина с кубинской правительственной делегацией (июль 1991-го), восстановление межпартийного и межгосударственного сотрудничества между КНР и Вьетнамом (сентябрь 1991-го), предложение Китая (октябрь того же года) о создании международной экономической организации в составе КНР, КНДР, Вьетнама, Лаоса и Кампучии (одобренное Кубой, Ираном, Ираком, Ливией, Алжиром и Бирмой) — этим подобные факты побудили Лэнгли и Пентагон ускорить разработку сценария китайской перестройки.

Как известно, Китай выступил против недавней агрессии НАТО против Ирака и осудил стремление США и их союзников разоружить Ирак под прикрытием ООН. Кроме того, Китай давно поддерживает идею создания международной экономико-политической организации всех стран «третьего мира», независимой от транснациональных корпораций и ООН. Авторитет КНР в Движении неприсоединения, китайская помощь многим развивающимся странам (в том числе Ливии, Ираку, Ирану, Алжиру, Йемену, Кубе, Лаосу, Бирме), постепенная нормализация китайско-индийских отношений, солидарность Китая с ООП и другими национально-освободительными движениями не могут не вступать в противоречие с политикой США и их союзников.

Директор ЦРУ Р. Гейтс заявил в комитете по разведке конгресса США следующее: «В связи с кончиной коммунизма в СССР становится очевидным, что нам следует подумать о вариантах будущего Китая. И этой деятельности надо уделять особое внимание, если оно недостаточно» (Правда, 19.9.1991). Гейтс отметил также, что главную опасность для США и НАТО представляют сегодня исламский, прежде всего арабский национализм и союз последнего с Китаем. Возможность такого союза вполне реальна в связи с развитием политических и экономических отношений Китая с Ираном, Ираком, Тунисом, Ливией, Алжиром, Йеменом, Мавританией, то есть с наименее зависимыми от Запада странами арабо-исламского мира

Согласно совместным «наработкам» ЦРУ и тайваньских спецслужб китайский перестрой должен содержать несколько взаимосвязанных этапов:

1. В связи с «открытой» внешнеэкономической политикой Китая, наличием многочисленных торгово-экономических и финансовых соглашений КНР с западными странами, развитием связей между Китаем и Тайванем, Южной Кореей необходимо ужесточить финансово-экономическую политику в отношении КНР, с тем чтобы заставить Пекин пойти на внутри- и внешнеполитические уступки (например, в Тибетском регионе, Тайваньском проливе). Такое ужесточение неизбежно снизит финансово-экономический потенциал Китая, что, в свою очередь, будет способствовать постепенной радикализации мелкой и средней буржуазии этой страны, а также состоятельных «хуацяо» (китайских эмигрантов). Если КНР не пойдет на уступки, это вызовет «бегство» капи-

талов, инвестиций Запада и «хуацяо» из Китая и, вероятно, будет способствовать массовой эмиграции из КНР, прежде всего мелкой и средней буржуазии, научно-технической интеллигенции. Эмигранты будут стремиться на Тайвань, в Южную Корею, Японию, Австралию, США. Конечно, эмиграция создаст определенные проблемы для этих стран, но «политический и пропагандистский резонанс эмиграции превалирует над ее издержками» (Chipas future alternative, Washington, Summary Papers, 1990—1991). По мнению Гейтса, «Пекин настолько увяз в совместных с Западом проектах, что китайская экономика вряд ли переживет последствия политико-идеологической неуступчивости компартии» (Jaipei News, 22.9.1991).

2. В связи с постарением руководства КПК необходимо оказать материальную и политическую поддержку тем членам компартии, которые связаны с совместными с Западом проектами и (или) имеют родственников на Тайване, в США, странах Юго-Восточной Азии. Особое внимание следует обратить на тех, кто задействован в китайско-тайваньском и китайско-гонконгском сотрудничестве. Именно эти люди смогут «деидеологизировать» КПК и содействовать либерализации внутренней политики правительства. Кроме того, как показали события в Пекине летом 1989 года, целесообразно усилить теле- и радиопропаганду Тайваня (то есть гоминьдана), нацеленную на молодежь континентального Китая, и увеличить тиражи тайваньских и гонконгских изданий, адресованных молодежи, бизнесменам и научно-технической интеллигенции КНР. Это будет формировать общественное мнение в Китае в направлении демократизации и содействовать сплочению оппозиции.

3. Необходимо создать такие условия, при которых гоминьдановская (тайваньская) доктрина будет сплачивать китайцев на платформе антикоммунизма и неограниченного свободного предпринимательства, то есть будет поддерживаться современная тайваньская (или южнокорейская) модель общественно-экономического развития. Таким образом, мечта Чан Кайши о возвращении гоминьдана в континентальный Китай может быть реализована, но не военными, а экономическими и пропагандистскими способами. Именно гоминьдан ввиду известных социально-экономических успехов Тайваня является альтернативной всекитайской партией, которая сможет консолидировать оппозицию в КНР и, возможно, расколоть компартию после кончины Дэн Сяопина и его соратников. С помощью гоминьдана в КНР должны создаваться соответствующие общественно-политические организации. Кроме того, тайваньская разведка должна использовать имеющееся на Тайване досье на многих руководителей КПК — КНР в целях компрометации сторонников Дэн Сяопина в пекинском руководстве, в местных (провинциальных) органах власти, в других государственных структурах.

4. Необходимо увеличить помощь сепаратистским движениям в Тибете и во Внутренней Монголии — наиболее крупных автономных районах КНР. Тибетское движение, возглавляемое далай-ламой, должно привести к независимости Тибета от Пекина. В связи с возрождением панмонгольского национализма в демократической Монголии (пропаганда империи Чингисхана, его завоеваний в северном Китае и т. п.) в этой стране усиливается кампания в защиту прав монголов в Китае, которую целесообразно трансформировать в движение за воссоединение независимой и китайской (автономной) Монголии. В случае, если перестройка в Китае пойдет быстрыми темпами, можно ограничиться превращением КНР в плюралистическое конфедеративное государство и на какое-то время отложить вопрос об отторжении от Китая Тибета и Внутренней Монголии. Однако в любом случае эти районы должны иметь максимальную автономию как первооснову их последующей независимости. Кроме того, необходимо убедить Тайвань (гоминьдан) и реформаторов в КПК в целесообразности уступок по вопросам Тибета, Внутренней Монголии и, возможно, заставить китайских демократов отказаться от претензий на острова Сенкаку (Восточно-Китайское море), Парасельские и Спратли (Южно-Китайское море). В качестве компенсации за эти уступки следует поощрять реанимацию территориальных претензий Мао Цзэдуна и Чан Кайши к Казахстану, Киргизии, российскому Дальнему Востоку и Забайкалью, а также к Бирме, Лаосу, Вьетнаму, Непалу и Бутану в зависимости от конкретной внутриполитической ситуации в этих странах.

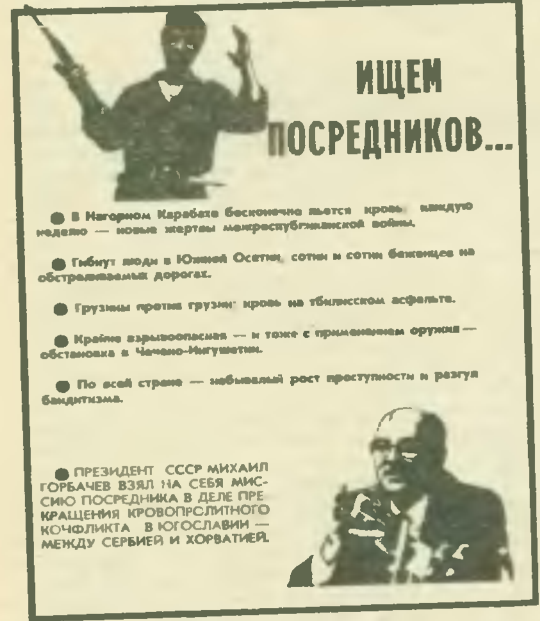
5. Посткоммунистический Китай не должен иметь абсолютный суверенитет в Гонконге и Макао — крупнейших торгово-финансовых и промышленных центрах Азии. Их превращение в свободные города с международным статусом является наиболее предпочтительным вариантом для Запада. Гонконг, Макао, острова Тайвань и Хайнань должны получить максимальную автономию от центрального правительства. В случае, если лидеры китайской перестройки после прихода к власти будут привержены идее неделимого Китая (которую поддерживают и компартия, и гоминьдан), следует усилить поддержку сепаратистов на Тайване, давно выступающих за создание независимой от Китая тайваньской республики, ибо экономический и научно-технический потенциал Тайваня имеет общемировое значение. Военная значимость Тайваня для США, НАТО и Японии бесспорна. Соответственно потребуется ускорить отделение от Китая вышеупомянутых районов (см. п. 4) и, вероятно, увеличить помощь сепаратистским движениям народов Синьцзян-Уйгурии (северо-западный Китай).

6. Станции американской, японской и тайваньской телерадиоразведки должны уточнить расположение основных военных предприятий и ядерных объектов на территории КНР, а также ударных частей китайских ВВС и радарных установок. Особое внимание в этом контексте следует обратить на районы, граничащие с Монголией, СССР, КНДР, Бирмой, Индией, на центральные (Сычуань, Цинхай), южные (Гуандун, Хайнань, Юньнань) и юго-восточные провинции (Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянси), на объекты и войска в Тайваньском проливе и вблизи Гонконга, Макао, Шанхая и Пекина. Кроме того, необходимо знать политические настроения командного состава войск, стараться налаживать контакты с комсоставом. По мере развития событий в Китае может оказаться целесообразным готовить группы коммандос из тибетцев и китайских монголов; подготовку этих групп нужно проводить оперативно. Посткоммунистический Китай не должен обладать ядерным оружием или, по крайней мере, обязан ограничить свой военно-ядерный потенциал и поставить его под жесткий контроль ООН.

Итак, согласно приведенным материалам из китайских «анналов» ЦРУ, Китай уже на прицеле «всемирной демократии». С 1989 года в США и других странах Запада усиливается кампания всевозможных нападок на самостоятельный внутри- и внешнеполитический курс КНР. Примечательно, что в Тайбэе (столице Тайваня) с октября 1991 года, после 10-летнего перерыва, вновь вывешены огромные плакаты: «Мы (то есть гоминьдан.— А. Б.) вернемся на континент!» Существование независимой КНР, располагающей колоссальными запасами разнообразных природных ресурсов, не устраивает США и их союзников, которым к началу XXI века необходимо превратить весь мир в аграрно-сырьевую полуколонию.

А. БАЛИЕВ

ВОЙНА В ЮГОСЛАВИИ — ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ ДЛЯ РОССИИ

Виктор АНТОНОВ,
Санкт-Петербург

Рис. из еженедельника «Литературная Россия», № 42, 1991 г.

Из-за тревожно-напряженной обстановки в нашей стране внимание к событиям в Югославии нельзя назвать должным, да и средства массовой информации сознательно подают их «смягченно». Но и простаку понятно, что эти события заслуживают большего внимания, так как с ними в определенной степени связаны судьбы и нашего Отечества. Скажем точнее: в Югославии на практике отрабатывается модель грядущих «перестроечных» процессов в бывшем Советском Союзе, а именно: как, избежав крупного кровопролития, локализовать конфликт, не дать ему распространиться на соседние государства и придать разделу страны «мирное» течение в желательном для Запада направлении.

Направление принято одно — «тихий» раздел Югославии. Ведь все официальные заявления западных руководителей о сохранении ее целостности делались ими в период некоторых колебаний или для успокоения общественного мнения, которое помнит, что Балканы долго были «пороховым погребом» Европы, и первая мировая война началась с сараевского убийства. Президент Буш наконец-то откровенно признался: «США не будут возражать против распада Югославии, если этот распад осуществится мирным путем», хотя всего за две недели до конфликта Бейкер говорил прямо противоположное. Канцлер Коль сперва маневрировал, хотя желание приобрести в лице Словении и Хорватии возможных сателлитов заставляет его втихомолку поощрять сепаратистов. Ну а теперь дипломатия отброшена, и Германия прямо грозит Сербии санкциями, если та не «отпустит» две республики. Европарламент также предупредил, что если армия Югославии возобновит свои действия в Хорватии и начнет их в Словении, то страны ЕЭС могут порвать с ней дипломатические отношения. Это вдобавок к прежнему недвусмысленному экономическому и финансовому давлению, которое надо расценивать как наглое и агрессивное вмешательство во внутренние дела независимого государства.

Итак, маски сброшены — Европа жаждет и ждет распада страны, созданной ею в Версале в 1919 году для устранения очага возможных религиозных и этнических конфликтов на своей периферии. Сегодня она более не заинтересована в единой славянской державе на Балканах, ибо ее роль на международной арене (вспомним Движение неприсоединения) и в своем регионе не вписывается в новый мировой порядок. Кроме того, традиционная ориентация сербов на Россию, которая пережила идеологические споры послевоенного времени, и в связи с этим — устойчивое влияние Москвы в Белграде толкает Европу — в условиях нашего добровольного из нее отката — на ослабление южного форпоста славянства.

Наша страна после войны — даже во время идеологических разногласий — постоянно выступала гарантом стабильности Югославии, отнесенной к «серой зоне» влияния сверхдержав; она и сейчас выступает за это, но кто будет слушать страну, доведенную преступной политикой до саморазвала? Югославский кризис — еще один хороший пример, как рушится с трудом достигнутое после войны геополитическое равновесие. Как и в Ираке, Запад не замедлил воспользоваться этим дисбалансом в собственных интересах, но на сей раз даже решил не тратить времени на «идейное» обоснование своего нового натиска на славянский мир.

Забыты и отброшены Хельсинкские соглашения, в которых западные державы, в страхе перед советской мощью, обязались не перекраивать карту Европы и сохранить в ней статус-кво. Но если сперва в Югославии, а затем в Советском Союзе отсечением Прибалтики статус-кво нарушен, то кто воспрепятствует некоторое время спустя самой сильной державе Западной Европы тоже «мирным путем» присоединить свои «исконные земли» на Востоке? Беспомощная конфедерация под названием СССР? Утратившие давно былое могущество Англия и Франция? США, которые к концу века уже переживут свой апогей? Так что, поддерживая сепаратистов Хорватии и Словении, западные политики действуют крайне близоруко и потому, выиграв сегодня, крупно проиграют завтра, ибо разрушительный процесс, начатый в одной части континента, рано или поздно отзовется в другой.

Одобряя распад Югославии, Запад примеривается к нашей стране, тоже многонациональной (хотя гораздо в большей степени), тоже раз-

ноконфессиональной и тоже со становым хребтом из одного народа,
хотя опыт нашей государственности гораздо богаче и органичнее юго-
славского. Как и русские, сербы несут главные государственные тяготы
и расходы и тоже живут хуже многих своих соседей. И им, так же как и
русским, на долю выпало не только хранить единство страны, но и ради
этого поддерживать, увы, коммунистический режим. С возвышением
Милошевича, который стал опираться на национальные чувства сербов,
многим из них приходится переживать соблазн, знакомый и нам, будто
компартия будет бороться до конца с распадом, вдохновляемым сна-
ружи и изнутри, а посему, как и русские, сербы и состоящая главным
образом из них и черногорцев армия выглядят в глазах своих соседей
сторонниками тоталитарного строя и его структур, хотя на деле — буду-
чи нацией, построившей и держащей государство,— они стали неволь-
ными заложниками партии, захватившей государственную власть.

Сербов унижают сегодня так же, как и русских, их клеймят импе-
риалистами, шовинистами, сторонниками тоталитаризма, а армию поно-
сят как оккупантов. А сепаратизм, как и у нас среди демократов, про-
славляется как национально-освободительное движение угнетенных на-
родов, которое вдохновляется прежде всего «демократическими» идея-
ми. Католический напор противопоставляется православной пассивнос-
ти, западный индивидуализм словенцев — патриархальному коллекти-
визму сербов. И знакомые разговоры о рабской психологии, только у
сербов — от турецкого, а не татарского ига. И та же панацея — западная
модель эгалитарного усредняющего прогресса.

Запад в Югославии, однако, выступает и наступает не только под
демократическим (сербы-де тормозят демократизацию) и экономиче-
ским (подражайте нам — будете жить богато) флагами, но и с католи-
ческой хоругвью, ибо идейной базой сепаратистов, по сути дела, являет-
ся католичество. Оно решило воспользоваться благоприятной возмож-
ностью для расширения и укрепления сферы своего влияния. Первая
такая попытка в годы минувшей войны обернулась истреблением полу-
миллиона православных сербов в Хорватии, но кончилась неудачей —
марионеточное государство усташей было ликвидировано.

Теперь же Ватикан, которому Горбачев своей сделкой с папой дал
огромные шансы на Украине и в России, почувствовал, что Право-
славие оказалось в трудном положении, и активизировал свою тради-
ционную экспансию в православном мире. Судьбу сербо-хорватов —
одиого народа, разделенного религией на две части, можно перенести
на украинцев, западная часть которых, тоже вдохновляемая Ватиканом,
силится подчинить себе православных собратьев. Тут и там католичество
подается как «прогрессивная» западная форма христианства, обеспе-
чивающая материальное благополучие. Духовное обоснование хорват-
ского, галицийского и литовского сепаратизма имеет давнюю антипра-
вославную традицию.

Поскольку у Югославии нет длительной истории, то единственным
гарантом ее целостности стала армия, и об этом уже в декабре
прошлого года заявил ее министр обороны. Но армия, к сожалению,
сильнейшим образом связана в своих действиях маневрами и интри-
гами политиков, которые ведутся под огромным давлением Запада,
обращающегося с Югославией как со страной «третьаго мира», угрожая
санкциями за неуступчивость. Так как все переговоры, очевидно, закон-
чатся ничем, то возможны лишь два выхода: капитуляция перед
западными требованиями о «мирном самораспаде» или применение
силы. Посладнего Европа боится более всего — свой Ливан или новый
Ольстер под боком ей не нужан, ибо осложнений ие избежать. По этой
причине главная задача европейских дипломатов — это избежать воен-
ного решения и гражданских войн, а если не удастся, то, спасая своих
подопечных, остановить эскалацию на половине и перевести решение
конфликта на компромиссный путь — поэтапного отделения через кон-
федерацию и психологическую обработку патриотов, дабы они свык-
лись с мыслью, что распад их «мини-империи» — величайшее и же-
ланное благо. Такой вариант даже удобнее, потому что позволит из-
бежать взрыва мусульманского и албанского сепаратизма, который
тоже раздувается врагами Югославии.

Сегодня Запад шантажирует Югославию, ставя свою экономиче-
скую помощь в зависимость от уступок сепаратистам Хорватии и
Словении. Аналогия с Прибалтикой почти полная, особенно после лон-
донской встречи Горбачева. Кредиты в обмен на политические уступ-
ки — известное оружие «тихой дипломатии», и кто от него добровольно
откажется? Кроме того, Москва давно готовилась к сдаче Прибалтики,
тогда как югославское правительство, опираясь на сербский патрио-
тизм, хочет противостоять запланированному распаду страны.

Сдерживая законное применение силы, Запад и под его нажимом
югославское правительство могут только отсрочить вооруженный кон-
фликт и перевести его в неуправляемое, партизанское состояние,
которое затянет его на долгие годы и приведет к еще большим
жертвам. А партизанить в Югославии умеют хорошо. Чем быстрее
правительством будет проявлена решимость к твердым действиям, тем
лучше будет не только для самой Югославии. Запад станет осмотри-
тельнее и в проведении операции «Россия».

Еще раз судьба связала сербов и русских, и потому в наших нацио-
нальных интересах оказать всемерную моральную поддержку своим
братьям на Балканах, как оказывали мы ее уже не раз.

А КАК ВЫ ДУМАЕТЕ?

Однажды меня, как сотрудницу журнала «Человек и собака», спросили:

— Почему вы не рекламируете свой журнал?

— Вопрос, конечно, интересный,— быстро отреагировала я штампом, который запустил в обиход Ефим Шифрин.— Но...— и я таинственно замолчала.

— Надеюсь, вы не собираетесь повторять опыт фирмы «Кока-кола»?

— О, нет,— рассмеялась я,— думаю, нам более повезет, так как в нашей стране теперь скороспелый рост преступности, а следовательно, собака — животное самое популярное и необходимое

Л. ШОНИНА

* * *

А если без шуток, первый номер ежемесячного научно-популярного и литературно-художественного журнала «Человек и собака» выйдет в начале года. Приобрести его можно в киосках «Союзпечати». Будет на него и подписка. Цели журнала: развитие служебного и любительского собаководства, возрождение отечественной кинологии как науки, информация читателей о применении собак в Вооруженных Силах и различных отраслях народного хозяйства, помощь в организации школ для подготовки собак — поводырей слепых и помощников глухонемых, расширение спасательной кинологической службы при Обществе Красного Креста и Красного Полумесяца.

Геннадий ВОРОБЬЕВ

«Пушкина нельзя рассматривать как отдельную личность,— сказал мне один скрытый до времени пророк Е.,— это гребень волны русской нации. Поэтому убить Пушкина было легче не в его личный слабый 1836 год, ибо год этот совпадал с силой русской нации, а именно в январе 1837 года, когда нация «промолчит», не заступится. В 1841 году, в такой же год слабости нации (повторяемый через четыре года на пятый), был убит русский поэтический гений М. Лермонтов».

Оба поэта пали жертвами тайных сил. Слишком высокий дух обоих исключает случайность в их судьбах.

СОЛОВЕЙ — ПУШКИН И... ДЬЯВОЛ ГОРИЗОНТАЛИЗМА

В детстве среди елецкой природы и старины я вполне познал, что такое душевное чувство, солнце и Родина. Я жил в Ельце в монархическом строении с крышей треуголочкой — вечного знака рода, любви, знака жизни, монархии и божественного триединства. С ранней поры меня отводили в Вознесенский храм, стоявший на самом высоком месте у речек Ельчика и Сосны. Там когда-то молились Иван Бунин, Василий Розанов, Михаил Пришвин, там молился и я, впервые познавая восторг литургии через то, что душа моя воспаряла во время службы; но и придя домой, уже во сне, душа все время искала небо, как бы исторический путь к Богу, чтобы оттуда увидеть себя и целостный мир. Человеку отчего-то хочется узнать сразу все, увидеть сразу целое. Отчего это? Тогда я не знал. А дом дедушки Николая Ивановича окружен был садами и был впору напротив собора, но через речку, в кустах которой всю ночь с каким-то шальным и удальным филилюканьем пели среднерусские соловьи. Вот тогда-то, слыша их через окно, я начинал летать во сне, желая увидеть, о чем и для кого они поют и что есть этот мир в своем целом виде. Так однажды, летая над церковью, речкой и домом, я вдруг ощутил, что никак я не могу покинуть эти дорогие мне места, душа моя все время как бы строго держала меня среди двух земных точек: между церковью и нашим монархическим домиком. Я это хорошо помню, как душа была вверху, все видела, и я летал только между этими храмами, отражаясь порой в реке, как это бывает у птиц. И это был мой первый кругозор души.

Я впервые тогда открыл, что не только крыша нашего родового дома имела треуголочку, но и кругозор души под ней имел ту же форму, но невидимую и очертанную одними лучами духовного единства с домом и с церковью, куда меня водили для молитв. На Руси испокон веков так, наверное, начинали свое детство все русские мальчики, которые входили затем в лоно монархического государства.

Тогда невидимая плоть духовного кругозора во мне обнималась с самой монархической твердью природы, с которой они нашли полное сходство и полное взаимное удовлетворение. Таким образом природа вела меня, а не те лживые законы государства, которое поставило во главу угла своей политики — уничтожение природы как спорящего с государством оппонента. Поэтому доставалось не только моей бедной природе, но и мне, взявшему все от нее, доставалось так, что всюду я считался в государственной системе изгоем и одиночкой-бунтарем. В природе пели соловьи. Слушая их в черемухах, я был своим среди них. Там во всем была сама нежность, искренность и любовь.

Не показывая своего явного отношения к государству, я вел с ним беспощадную войну, хотя бы уже тем, что любил русскую землю, природу моего деда, культуру Бунина, нацию Есенина и религию Серафима Саровского. А если я любил и люблю это все как целое, то в системе горизонтализма я опасный враг. Вертикальное мое умозрение и столь же вертикальное пока стояние в мире государство вместе с мировым правительством постарается превратить в горизонтальный фокус гробового лежания. И это будет их долгом перед сатаной.

Поясню мысль о горизонтализме и вертикализме. Известный географ Ф. Мильков впервые разработал плоскую классификацию антропогенных ландшафтов. Я же разделил ландшафты по объемным признакам: на атеистические и православные. На графике одной оси — по горизонтали — были атеистические ландшафты, а по вертикали — православные. На каждой оси были формы высочайшей выраженности. Для горизонтализма — это свалка. Для вертикализма — церковь и монархия. В православных ландшафтах мы видим и орлов, и соловьев. Тут рай, райские запахи, тут красота, кислород в браке с красотой и их дети — озоновые пары! И даже социалисты и коммунисты, заблудившись в своих идеях, грехах, живя в социалистических ландшафтах, насильно воспевающие социализм, отчего-то стремятся поближе к соловьям, бросаются в саму монархию, ибо природа — это высшая форма монархии,— от этого она так чужда и ненавистна людям антисистемы и социалистам.

Продолжая свой прошлый сказ, замечу, что скоро природа вертикализма дала рабу своему такие знания, о каких горизонталистские профессора и академики, копающиеся в разрозненных частицах мира, не имели и понятия. Это было как раз то, что Лейбниц называл самым совершенным знанием, знанием чувства и озарения.

Изучая птиц, их связи с землей и природой, с человеком, я проявлял интерес к их взаимоотношениям с культурой и религией.

Как же влияет культура и религия на птиц? И как птицы, в свою очередь, влияют на человеческую культуру и религию? Свалка, как идеологическая выраженность горизонтализма, натолкнула меня на мысль: а как человек будет выглядеть в мире, если на него посмотреть через птиц? И уже скоро я так и смотрел. Вывод был ошеломляющим. Господи! да человек и птица отражаются друг в друге как две капли воды. Оказывалось, что все в природе и государстве от-

ражалось, выказывало схожие явления. Подумав так, я стал лихорадочно и скрупулезно изучать эти отражения. Нечаянно как-то попался на глаза портрет А. С. Пушкина. Всмотрелся в него: «Кого напоминает он мне?» Я просмотрел сквозь лицо Пушкина всех птиц и остановился на соловье. Соловей? Смотрел анимательней. Да! Значит, в природе тот же дух находится в проявлении соловья? А в государстве он в Пушкине? Поначалу выходило просто фантастично. Неужели нашел новый путь к разгадке премудростей Божиих? И снова я проверял себя: чертил графики, изучал, сравнивал, искал закономерности истории, развития природы и общества, происхождения религий, языков, культур. И чем больше изучал, тем больше верил: да! Господь нам снова открывает глаза на правду церкви и природы! Может, это и есть главный и ближайший закон познания Бога? Разве они сочиняются? Разве монтируются?

И вот всматриваюсь я во времена Пушкина. Расцвет вертикализма! На троне Николай I. Горизонталисты прошедшей эпохи, как и современники, все долдонят нам о том, что в эту пору царила деспотия, тирания, рабство. Какая гнуснейшая ложь во всех этих упреках...

Вот смотрю я на Николая I и вижу в нем сокола-балобана. Хищник. Для эгоцентристов и атеистов — он злодей. А соловей поет, да еще как. Земля плачет от чувств. Вот как поет! Вверху сокол — а под ним соловей! Вот вам и тирания. Напротив, замолкать они стали как раз перед революцией и почти перестали вдохновенно петь в социалистическое время, когда после царя Николая II в России государством управляла врань, ложно-хищные, куриные, водоплавающие, сорокопуты.

И напротив того, я напомню читателю, как этот сокол, подавив бунт масонов-бунтарей, которых назвали потом декабристами, спрашивал Пушкина: где бы был Пушкин, окажись он в Петербурге? Читатель помнит ответ. И мы видим национальный и соборный диалог национального хищника и национального певца. Это истинное отношение самого православия затем выльется в похвалу соловья соколу-балобану. Сокол генетически через Святую Землю связан с соловьем, и он никогда не позволит, чтобы на Святой Руси замолчали бы соловьи. Нет, ими движет соборное начало, но никак не то, о каком говорят революционеры.

Это было все в государстве. Но в природе русской я видел то же самое. Где соловьи теперь остались и поют? Вы думаете, там, где бал правят интернациональные птицы? Нет! Соловьи поют там, где пышно благоухает природа вертикализма. Вверху сокол, внизу в черемухах поет соловей! Кому же мешает соловей? Кому мешает эта чудная музыка, воскрешающая в памяти всю историю и русских предков?

Снова разбираюсь. Пушкин умирает от тяжелого ранения Дантеса. Есть ли тут какие тайные силы? Кто такой барон Геккерен? Какая связь с масонством? Стреляла ли сама Франция в Пушкина через усыновленного Дантеса? А если — да? То кто те, зарядившие пистолет и направившие это орудие на высшую мелодию Святого Духа России, какая воскрешает предков и память? Так надо ставить вопросы и искать на них ответы. И еще... франкмасонство, революции, евреи, атеистический Запад — что это? Разрозненные звенья или цепь, которую протянули через тайные ложи в Россию, чтобы задушить ее этими цепями?

Обращаюсь к Франции. Каково отношение там в XIX—XX столетиях к среднерусским соловьям? По И. Шамову и другим источникам, к концу XIX столетия соловьи в России попримолкли, стали вяло и худо петь, куда-то подевали свои драгоценные колена, которых у лучших из них было по нескольку десятков. И тут я узнаю, что в пору жизни Пушкина в России наших лучших среднерусских соловьев отлавливали сетями французские птицеловы-торговцы, отлавливали на пролетах, когда они летели в Африку. Во Франции из языков наших соловьев политические гурманы делали и делают паштеты. В Святой Руси такого варварского обычая борьбы с самим духом православия и русизма не случалось. В Руси его звали соловушкой. Но Западу, больше всего кричащему о свободе, из соловья или из другой какой певчей птицы нужен паштет. Для этого ими и производятся революции — они являются своего рода желудочным соком, переваривающим саму природу, а с природой и себя самих.

Рис. М. Шумовского

Как же теперь русским детям изучать Пушкина в домах с плоскими крышами и плоским видением мира, без познания духа природы с соловьиным напевом? Как изучать то, что им, в общем-то, стало уже чуждо и непонятно? Но пока жива поэзия поэта, у русской души будет вечное и необоримое стремление к соловьям. А коль звучит их песня, значит, где-то витает и живет дух Пушкина.

Когда евангелист Иоанн писал свое Евангелие, поодаль от распущенных крыльев орла сидел Дьявол, облепленный воронами, дующими на свечу, при которой Иоанн писал Евангелие. Орел защищал свечу как символ света солнца и свет правды. Но когда его над государством не стало, вместе с ним не стало и ста десяти миллионов россиян, о которых упоминал Достоевский, умученных в дикой темноте от враньих крыл. И это при том, что их голоса кричали о свете прогресса. Как они кричали и тогда, когда терзали соловьиные гнезда, уже, видать, за то, что пение соловьев посчиталось опасным монархизмом и проявлением самой религии.

Нынешний социалист, или демократ, что, впрочем, одно и то же, устав от атеистического города, бросился в монархию — в природу, ставя там второй дом и дачу. Так русский атеист растопырился, стал духовным наследником еврея, живущего в диаспоре. Где же истинный твой дом? Что одухотворять ты станешь, о, мой бедный дачный русич? Пора, пора обретать истинную жизнь и истинный дом, а истинный он там, где лучше всего ты его выразишь собой, одухотворишь и возвысишь потомством этого дома,— там и будет твой дом. Только тогда у твоего дома запоют соловьи, а дети твои начнут по-настоящему понимать поэзию Пушкина. Только тогда у твоего дома появятся орлы и ястребы, прогоняющие черноперую врань. А до тех пор, пока русская общественность будет преклоняться перед Западом и горизонтализмом, на ней будет лежать грех изгнания живых Пушкиных, самой памяти о лучшей выраженности Святой Руси. И разве это не диаспорная ложь и глупость, над которой потешается сам Дьявол: мы еще любим природу и... помогаем горизонтализму в государственных и в политических делах. Это ли не противоречие ума и души? И мы боимся признать, что если мы любим свою Родину и природу, то мы — отцы и матери ее, мы просто монархисты, как и наш Пушкин.

В России среднерусский соловей поет, вьет гнездо, а на зимовку летит в Африку, где некогда в Абиссинии родился дед поэта Абрам Ганнибал, взятый в Россию и воспитанный в лучших патриотических традициях. Среднерусский соловей летит в Африку через Францию и Италию, летит через такие страны, которые уже давно ощетинились против Света Пресвятаго. Поэтому А. Пушкин, занимаясь историей и воспеванием России, являлся и духовным, и идейным препятствием на пути тайных и темных сил духовного птицеловства, задача коих заключается в прерывании преемственности славянских традиций, расколе самой их исторической империи и расстановке в ней силков. И Франция во имя «свободы, равенства и братства» подняла руку на само выражение Святого и Пречистого духа. Читатель, еще во многом не знакомый с сегодняшними гениями и пророками русскими, мог бы услышать, как это предстало услышать мне, что... «прошлое столетие ничем не отличалось от нынешнего, только Духом оно сильнее было наполнено, и в нем также были слабые годы русской нации. Пушкина нельзя рассматривать как отдельную личность — это гребень волны русской нации. Поэтому убить Пушкина можно было не в его личный слабый 1836 год, ибо год этот совпал с силой русской нации, а можно попытаться это сделать именно в январе 1837 года, когда нация «промолчит», «не заступится». В совершенно подобный год слабости нации, который повторяется через четыре года на пятый, на Кавказе был убит М. Лермонтов, чье лицо и душа мне говорят о выраженности дрозда-белобровика.

Современник Пушкина В. Даль писал в то время, что сам Пушкин «говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих нет, по-видимому, ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смысла, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать».

Пусть не подумают, что хранимые драгоценные камни в людском ларчике и надеваемые хозяевами по большим праздникам и событиям являются чем-то единственным и исключительным в бытии мирового порядка. В мире большой талант и гений также предопределен с самого начала, и показывается он по своим праздникам и по своим

великим событиям мирового свершения. Так, однажды знаменитая гадалка А. Кирхгоф раскрыла судьбу поэта словами: «Может быть, ты проживешь долго, но на 37-м году берегись белого человека, белой лошади или белой головы». Тот, на берегу зимней речки, кто ранил Пушкина, имел белую голову. Что это за видение и какие расчеты велись гадалкой, мне, право, никогда не узреть и не выяснить. Но расчеты гениальных людей по их духу в понимании их судьбы, я думаю, вещь возможная. Речь идет о коэффициенте души, четвертом измерении, которого касается Святой Дух, исходящий от Великой Троицы. Как-то я невольно обратил внимание на то, что птица измеряется во времени и по долгожительству в третьем измерении духа, полученного у самой земли. Я выяснил, сколько раньше мог жить в природе соловей. Срок этот колебался в рамках 8—9 (до десяти) лет. «Если третий коэффициент стремится к четвертому,— так размышлял я,— а это по духу именно так, то ничего не остается другого, как возраст жизни соловья перемножить на коэффициент души поэта (это 4!)». $9 \times 4 = 36$ лет — цифра, переходящая в самый критический момент жизни поэта, о чем и поведала гадалка. Видение гадалки, а также мои скромные расчеты позволяют думать, что все в нас от Бога, все от природы и все от предков, ушедших в Святой Дух. Но если при Пушкине в природе соловей мог максимально дожить до десяти лет, то сегодняшним среднерусским и северным соловьям не дают дожить до двух-трех или четырех лет. Экспансия революционных ворон, самой атеистической и техногенной цивилизации просто не дает соловьям выжить, поставить голос и запеть во всю мощь, как это было при Пушкине и до него. Но главное: что же в России станет с будущими Пушкиными, если сама цивилизация подготовила им творческую и физическую смерть и невозможность выразить себя? Если мы два или три года жизни соловья в нашей жизни и условиях помножим на коэффициент души русского мальчика — будущего поэта, то получится, что уже в 8—12 лет мальчик, вкушая шумосферу цивилизации, гибнет как будущий поэтический соловей Российского государства. Это ли не горе национальное, это ли не печаль?

И вот выходит так, что если мы еще не имеем православного умонастроения и душенастроения, то любить, понимать, изучать Пушкина невозможно.

Ирина **ВОЛЬНОВА**

* * *

Вчера еще — вьюги кружили.
Теперь — ледоходы поют.
И птицы садятся чужие
на землю.
Когда-то мою.

Довольные черные птицы.
Вороны? Грачи? Какаду?
Мне хочется в щелку забиться,
когда по Тверской я иду.

Они меня терпят покуда.
Их окрик хозяйский далек.
Ах, птички... Откуда?
Оттуда!
Молчанье. Гурчанье. Полет.

Посадка.
И — гомон весенний.
Вороны. Грачи. Какаду.

...Мне хочется броситься в Сену,
когда по Тверской я иду.

НА РОДИНЕ ФЕДОРА АБРАМОВА

«Увы, мы только временная плесень на земле. ...Вся человеческая история — только миг в жизни Вселенной. Но как хорош этот миг! Воздух, тишина, красота... Веркола моя ненаглядная...»

Эти строки взяты из дневниковых записей Федора Абрамова. В Верколе, где они написаны, любят и помнят своего земляка. В центре села стоит мемориальный музей писателя. Его хранитель — вдова Ф. Абрамова Ирина Александровна. Рядом дом, построенный самим писателем. Из его окна открывается прекрасный вид на заливные луга, красавицу Пинегу, купола монастыря Артемия Веркольского.

Веркола — родина писателя. Что бы он ни писал, прежде всего думал о том, как поймут его земляки. Отсюда он начал свой жизненный путь, здесь просил похоронить его на высоком угоре, у родного дома.

Фото С. Ростегаева

М. ПОСПЕЛОВ

ДИВНЫЙ ПЮХТИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Лет десять назад, когда я впервые побывал в Пюхтицком Успенском женском монастыре (тогда православных монастырей всего-то было около двадцати), мои друзья и знакомые все спрашивали: «Как там, в монастыре? Как живут монахини?» В диковинку была сама монастырская жизнь. Сейчас монастырей стало более ста двадцати. (До революции их было более тысячи.) И вопросы изменились: «Ну как там НАШИ (!) монахини в Прибалтике?»

Что ответить на этот вопрос? Слава Богу! Пока все хорошо. В прошлом году отпраздновали столетие монастыря.

Дивный монастырь! Так в чем же диво его? Что так радостно удивляет сердце?

Многое: и чудесное явление в XVI веке Пресвятой Божией Матери у древнего дуба (он жив и поныне), и обретение здесь затем Чудотворной иконы Успения Пресвятой Богородицы, и целительный источник вблизи того места, где явилась крестьянам Божия Матерь, и изумительные пейзажи вокруг монастыря на Пюхтицкой (что по-эстонски означает Святой) горе, и замечательная архитектура пятиглавого Успенского собора, построенного архитектором А. А. Полещуком в 1910 году, и другие уютные, добротные строения, окруженные великолепными монастырскими стенами с островерхими башнями, и прекрасноголосый хор монахинь, и образцовое подсобное хозяйство...

...Многое дивно, но главное — добрые, открытые лица. Это диво стало особенно ощутимым сейчас, когда в перестроечном хаотическом миру резко проступают на лицах раздражение, озлобленность, лукавство, уныние, а порою просто отчаяние. А здесь, в монастыре, лики монахинь и священнослужителей остаются прежними — благолепными, удивительными.

«Блаженны живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя» (Пс. 83. 5).

Еще в 1873 году по благим устремлениям княгини Елизаветы Дмитриевны, супруги рьяного защитника и покровителя Православия губернатора Эстляндии князя С. В. Шаховского, было учреждено в местечке Иевве (сейчас город Йыхви вблизи Кохтла-Ярве) Отделение Православного Прибалтийского Братства. При нем для нужд местных жителей были созданы: бесплатная лечебница, аптека и приют для детей. Вскоре для оказания помощи в благотворительном служении в Отделение Братства из Костромского Богоявленского монастыря были посланы монахиня Варвара (Блохина) с несколькими насельницами и сестрами милосердия для ухода за больными и обучения приютских детей грамоте и рукоделиям. Так началась монашеская община, которую в 1891 году вместе с приютом и лечебницей перевели на Пюхтицкую гору, а 15 (28) августа того же года, в праздник Успения Божией Матери, состоялось ее торжественное открытие. В 1892 году Община была переименована в Пюхтицкий Успенский женский монастырь, а монахиня Варвара была возведена в сан игуменьи и стала первой настоятельницей монастыря.

Устроению обители благословением своим, священым служением и любовию во Христе много помогал святой праведный Иоанн Кронштадтский. Он часто бывал в Пюхтицком монастыре, освятил место обители и первые храмы.

Тяжелы были для монахинь Пюхтицкой обители, как и для всего нашего народа, годы русско-японской, первой мировой войны, революционного варварства. Столь же страшным испытанием нагрянула Великая Отечественная война. Но беды монахинь не прекратились после ее победоносного для нас окончания. Очень сложный период в истории Русской Православной Церкви наступил в период так называемой «оттепели». Углядев где-то черты коммунизма и легкомысленно возвестив на весь мир, что через двадцать лет все советские люди победной поступью непременно туда, в коммунизм, войдут, Н. Хрущев, как верный ленинец, решил весьма «демократично» избавиться от никоим образом не нужного в коммунизме «контингента». Начался новый крутой виток гонений на церковь, на религию. Массовых убийств и заточений не было, но тяжко было священникам и монашествующим, ибо храмы закрывались один за другим. Пюхтицкий монастырь также надлежало ликвидировать.

В 1961 году на Таллиннскую и Эстонскую кафедру был назначен епископ Алексий (Ридигер), ныне Святейший Патриарх Московский и Всея Руси. И первой же сложнейшей задачей Владыки Алексия была защита Пюхтицкой обители. В результате его мудрых действий было обеспечено не только ее дальнейшее существование, но и всяческое развитие.

С января 1968 года обителью управляет седьмая настоятельница игуменья Варвара (Трофимова), ревностные усилия которой также направлены на благоустройство и процветание монастыря, на духовное укрепление его, развитие хозяйства, достижение согласия с местными властями.

В июне 1990 года Пюхтицкий Успенский женский монастырь получил звание ставропигиального, то есть перешел в непосредственное подчинение Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию.

А 5 сентября 1991 года торжественным богослужением множества высоких иерархов Русской Православной Церкви во главе с Его Святейшеством Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием в Успенском соборе Пюхтицкого Успенского женского монастыря было отмечено столетие этой дивной обители. Радостно было видеть и слышать священнослужителей монастыря, ставших духовно такими близкими за последние несколько лет батюшек и дьяконов.

После богослужения, прошедшего при большом стечении паломников и местных жителей, с крестным ходом с патриаршим окроплением собравшихся святой водой,— среди монастырских цветов, в зелени, в ярких солнечных лучах, во благости и в ликовании всеобщем,— после этого священного торжества состоялась праздничная трапеза. Затем в конференц-зале под председательством Святейшего Патриарха священнослужители и гости почтили монастырь, его настоятельницу игумению Варвару и клир храмов Пюхтицких добрыми словами. Его Святейшество Святейший Патриарх наградил игумению и монастырь церковными орденами Святой благоверной равноапостольной княгини Ольги. Тепло встретили собравшиеся духовные песнопения, исполненные хором пюхтицких монахинь. Надо отметить, что хор этот давно широко известен своей слаженностью, волнующим сердца многоголосьем, духовной возвышенностью.

На торжествах присутствовали: президент Эстонской республики господин Рюйтель, другие руководители и представители правительства и местных властей, высокие священнослужители Лютеранской церкви.

Фото А. Викторова

Трогательным чистосердечной своей доброжелательностью было выступление отца Дмитрия из Соединенных Штатов Америки. Он сообщил, в частности, о намерении Пресвитерианской церкви учредить в США монашество.

От Российской республики в Пюхтицу прибыл вице-мэр Санкт-Петербурга В. Щербаков.

Традиционную трапезу и торжественный акт в конференц-зале многократно прерывали общим пением на русском и эстонском языках с пожеланиями «Многая лета» Святейшему Патриарху, высоким иерархам, игуменьи монастыря, всем монашествующим и священнослужителям дивной Пюхтицы.

Вслед за этим хором и голосами тысяч и тысяч паломников и мы с вами, дорогие читатели, повторим: «Многая, многая лета!»

Да хранит дивную Пюхтицу и весь российский люд Пресвятая Пречистая Божия Матерь, явившаяся на горе, где ныне расположен Пюхтицкий монастырь. В тяжелейшем нашем духовном разладе, в бедах и нуждах наших молим Ее о предстательстве перед Господом Богом, молим Всевышнего о даровании нам утишения страстей, согласия, единства и мира.

МАСКИ

Просматривая старые газеты, предшествующие государственному перевороту 25 октября 1917 года, я наткнулся на статью «Маски», опубликованную в «Биржевых ведомостях» того смутного времени. В этой статье упоминается «герой» февральской революции 1917 года Ю. М. Стеклов. Но он оказался и «героем» октябрьского переворота.

Но мало кто знает, что этот человек не Юрий Михайлович Стеклов, а Овший Моисеевич Нахамкес, недоучившийся студент университета Святого Владимира, одесский мещанин иудейского вероисповедания. О нем есть обширная справка в книге «Большевики» (документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения), изданной в Москве в 1918 году. В этой книге сказано, что, «поселившись за границей, Нахамкес занял вскоре выдающееся положение среди членов РСДРП и принял деятельное участие в создании органа названной партии «Искра». И еще там сказано, что в ноябре 1905 года в Париже, на одном публичном митинге Нахамкес «произнес речь, в которой настаивал на необходимости совершения ряда террористических актов в отношении членов царствующего дома».

Имя этого авантюриста и провокатора увековечено и в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (изд. «Советская энциклопедия», 1977 г.). Там говорится, что Стеклов — «участник Октябрьской революции в Петрограде, публицист, член Коммунистической партии с 1893 года... После Октябрьской революции редактор газеты «Известия».

Но советские энциклопедисты часто утаивают от читателей некоторые важные детали из революционного прошлого таких «пламенных революционеров», как Стеклов-Нахамкес. Дело в том, что это в полном смысле перевертыш, как и многие другие большевики, причислившие себя потом к ленинской гвардии. Нахамкес то сионист, присутствующий на сионистских сборищах; в феврале 1917 года он меньшевик, а в октябре он уже марширует в рядах боевиков Троцкого. Будучи редактором «Известий», призывал к террору не только над русскими, но и над евреями, не пожелавшими примкнуть к большевикам. Достаточно просмотреть газеты, которые редактировались Нахамкесом. В своих революционных биографиях он неизменно указывал, что он Юрий Михайлович Стеклов, и притом русский. В 1937 году Нахамкес был разоблачен как враг народа, маска с него была снята, и он был расстрелян.

Но дело не в одном Стеклове-Нахамкесе. Это пример. Дело в том, что нахамкесы и бронштейны, апфельбаумы и розенфельды существуют и сегодня. Они снова в масках. На арену новой «революционной борьбы» вышли А. Н. Яковлев, Шеварднадзе, Собчак, Попов, Арбатов, Заславская и т.д.

Бедная Россия! Неужто и сейчас народы многострадальной России не видят, кто скрывается под демократическими масками! Маски долой!

И. РАБИНОВИЧ

«Петроградский листок» печатается сегодня факсимиле с рекламной карточки «Института красоты» некой С. Я. Стекловой. На карточке значатся следующие обычные рекламные объявления: «Косметический массаж», «Уход за кожей лица и шеи», «Удаление лишних волос «физическим» методом по системе профессоров Аршамбо и Жакэ». Парижские дипломы. С. Я. Стеклова. Литейный, 31, кв. 28. Тел.: 266-81.

Заглянув в телефонную книжку, мы видим следующее: 266-81 Стеклов Ю. М., литератор, и Стеклова С. Я., зубной врач. Литейный, 31.

Недавно мы задавали вопрос: распространяется ли литературный псевдоним г-на Нахамкеса и на промышленно-косметическое предприятие его супруги. Теперь мы имеем ответ: да, распространяется.

Убегая от Нахамкеса, литератор и политический деятель Стеклов вовлек в это бегство и «институт красоты». Телефонная книжка — старая, 1916 года, дореволюционная. Относится к тому периоду, когда г-ну Нахамкесу пришлось в его страстном желании скрыть следы своего еврейского происхождения. Он производит сложные вероисповедные эволюции и безуспешно, но верноподданнейше умоляет Николая II изменить его фамилию. Тогда еще революционного правительства не существовало. Революционного влияния Нахамкес не имел. И фамилия Стеклова была только его литературным псевдонимом. Не нелегальной фамилией. Отнюдь не нелегальной. Ибо, как мы знаем из телефонной книжки, проживал он прочно и оседло в Петрограде, даже при налаженном торговом деле, хотя и пользовал русское общество по «методам Маркса и Лассаля», мирно уживавшимся с методами «Аршамбо и Жакэ». Проживал настолько легально, что не как Стеклов, а как Нахамкес подавал всеподданнейшие ходатайства.

Г-н Стеклов — человек небольшой, и интересовать нас он особенно не может. Нас интересует в его «случае» только злоупотребление псевдонимом и интересует главным образом потому, что это явление сделалось в последние месяцы слишком распространенным. В стекловской же истории оно особенно пахуче.

Действительно, развертывая газетный лист, мы имеем ежедневно дело с людьми, считающими себя вправе творить разного рода эксперименты над Россией, эксперименты далеко не безобидные, не шуточные, не домашние, так сказать, и в то же время действующими в качестве каких-то таинственных инкогнито.

Никто никогда не мог, да и не думал отрицать за Лениным права выступать в печати и прежде и в общественной жизни под этим псевдонимом. Но теперь он хочет куда-то вести Россию. Он требует власти.

Он говорит, что готов хоть и сегодня взять руль государственности и пустить наш корабль туда, куда ему желательно. Такое же место в нашей мятущейся жизни занимает г-н Троцкий. Весьма оригинальное место занял с недавнего времени г-н Солнцев.

Мы можем представить себе во главе русского правительства кого угодно теперь. Ибо фантастика нашей действительности беспредельна. Но, г-н Ленин, но, г-н Троцкий, но, г-н Солнцев, нельзя же стать правителями, хотя бы и большевистскими и интернационалистскими или анархо-коммунистическими под псевдонимами. Как государственные или противогосударственные деятели, работающие при свете дня и гласности, вы, господа, не Ленин, не Троцкий, не Солнцев, а Ульянов, а Бронштейн, а Блейхман. Вы не хотите впадать в смехотворную анекдотичность, подобно литературно-социально-косметическому Нахамкесу-Стеклову. Но не то же ли вы делаете? Почему же?

Думаете ли вы, что имя Троцкого больше говорит русскому народу, чем имя Бронштейна, ибо прошлое ваше изукрашено разными деяниями в Австрии и в Америке?

Если вы думаете так, то ошибаетесь. Массы сегодня, слушающие вас, вчера еще не знали вашего прошлого и не знают его сегодня, хотя их приводили на Финляндский вокзал встречать вас почти так же торжественно, как Роберта Гримма.

Вас слушают не как Троцкого или Бронштейна, не как человека с прошлым или без истории и историй, а как глашатая лозунгов, подобранных для массового потребления на сегодняшний вкус. Вас слушают массы, потому что вы потрафляете им.

Не думаете ли вы, что для вашего политического престижа полезно прикрывать ваше еврейское имя русским? Какого же вы в таком случае мнения о русском народе? Какого мнения о вас тогда будет русский народ?

А еврейский народ? Впрочем, еврейский народ свое мнение о вас составил уже определенно. Для евреев явление это знакомо, знакомо давно и хорошо, господа интернационалисты, отрицающие народность вообще, но стыдящиеся на людях одной народности, той, к которой вы принадлежите. Неужели вы не понимаете, что еврей, хотя бы и интернационалист, не может быть убегающим от себя самого Нахамкесом, чтобы не выказать этим мелкого и дрянного, но, к сожалению, слишком обычного, почти бытового ложного стыда.

Во избежание всяких недоразумений оговариваюсь, что пишу эти строки именно потому, что принадлежу к той народности, от которой — благоразумия ради, но ради одного ли только благозвучия? — отгораживают себя в общественной деятельности литературными псевдонимами все эти господа, от Стеклова-Нахамкеса начиная, через Троцкого-Бронштейна и Мартова-Цедербаума, Каменева-Розенфельда и Зиновьева-Радомысльского-Апфельбаума до налетчика Солнцева-Блейхмана включительно.

Бедная Россия! Люди, идущие с открытым забралом, заслонены темной толпой масок. В узкие прорези глядят шмыгающие глаза... Видны крепкие, хищные, белые зубы... Маски долой! Во всех смыслах маски долой!

«Биржевые ведомости»,
26 мая 1917 года

Л. ГАЛЬБЕРШТАДТ (Л. ЛИГИН)

ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Этот снимок, сделанный в июне прошлого года на презентации газеты «Память», во многом стал для Игоря Талькова роковым.

Его травили давно, незаметно для широкой публики, но методично и настойчиво. Создавая образ «чистопрудного» лирика и наложив табу на патриотические и гражданские песни, которые составляли основу репертуара Талькова.

В чем-то его творческая судьба схожа с судьбой В. Высоцкого: та же фильтрация произведений и та же погоня поклонников за подцензурными записями. Но Высоцкий жил в эпоху «застоя», а Тальков — гласности и плюрализма. Высоцкому хотя бы после смерти воздали должное. Талькова, как и при жизни, замалчивают. И дело здесь не в разнице талантов, как это может кому-то показаться. Сравнивать таланты сложно. Они или есть, или нет. В талантливости обоих певцов вряд ли кто будет сомневаться. Все дело в позиции Игоря, которая не устраивала наших «господ демократов». Участие Талькова в мероприятии «Памяти» дало им в руки мощный «компромат» на певца. Ведь «Памятью» в отличие от «Мемориала» (что в переводе с латинского — та же память) какой год мажут, словно дегтем, русских патриотов. (Хотя, если разобраться, что такого чудовищного сотворила «Память», чтобы ею, как СПИДом, пугать и детей, и взрослых?)

Напрасно оправдывался Игорь, доказывая свою непричастность к «Памяти». В обществе не состоял, но песни его были созвучны патриотическим идеям современной России. В этом суть. На его концертах молодежь, оболваненная ПОПСО-молками, прозревала, начинала понимать, что с нами случилось за 70 лет и что происходит сейчас. Вот это и было страшней всего для идеологов перестройки. Ведь неизвестно, на какой стороне баррикад окажутся завтра поклонники Талькова...

Механизм удушения певца заработал. Обвинения в прессе, срыв летних гастролей, затягивание выпуска пластинок, тишина в телефонной трубке... Выстрел в «Юбилейном» — логическое завершение этой кампании.

Правду об убийстве Талькова, как, впрочем, и о гибели Е. Евсеева, К. Осташвили, А. Цикунова (Кузьмича), А. Меня (он погиб от руки тех же темных сил), мы вряд ли узнаем. С первых минут после случившегося «Радио России», ТВ, пресса взахлеб принялись доказывать, что ЭТО НЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО. Переборщили. Народ, сытый по горло демократической болтовней, сделал свой вывод.

Как ни тяжело это писать, но, может, хоть гибель Игоря Талькова пробудит в нашем народе, особенно у молодежи, национальное сознание, которое Игорь так стремился воскресить своими песнями.

Вячеслав ЕРОХИН

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

Злодейски убит известный русский певец-патриот Игорь Тальков. У меня лично нет сомнения, что это политическое убийство. Почему?

1 октября 1991 года я смотрел утреннюю программу. Выступал бывший работник телевидения, теперешний экстрасенс Виктор Иванович Балашов. И вот во время его выступления была включена песня Игоря Талькова, где есть слова: «...быть может, через сто веков вернусь в страну не дураков, а гениев...»

Сразу же после записи Балашов резко и громко ни с того ни с сего сказал: «Уберите». И через четыре дня Игоря не стало... Новоиспеченный экстрасенс словно в воду глядел...

В. МЕХЕЕВ,
г. Гродно

* * *

Нет сомнения, что убийство Игоря Талькова политическое и сделали это темные силы. Как ножом по горлу для них песня в исполнении Игоря «Россия». Кто теперь ее споет?!

Пишу, а по радио Алма-Ата передает песню Игоря «Маленький город»! Вечная ему память!

А убийцу искать уже бесполезно. Он, видимо, уже имел билет на зарубежный авиарейс. Прикрытие ему обеспечили те, кто тут же поднял панику.

Н. МОИСЕЕВ,
Каз. ССР

* * *

У меня, нерусской по национальности, в душе возникает крик: Русские! До чего же вы дошли, если вашему же соотечественнику — русскому нет места на своей земле?! Как вы допустили это?! Где же вы, настоящие русские?

Рита СЕЛИМОВА,
Лиепая,
Латвийская республика

Памяти Игоря Талькова

Россия по-прежнему в бездне
Террора коварных жрецов.
Погиб Цикунов, и Евсеев,
Застрелен Игорь Тальков...

Эпоха развала, крушенья
Надежд, идеалов, добра,
Трагедий и слез наважденье.
Безверием гибнет страна...

Забыты усилия предков,
Творивших державу для нас.
И, нам помогая, объедки
Везет со стола папуас...

Сменяются флаги, эмблемы,
Вожди ублажают народ,
Иуда слагает поэмы —
Иуда теперь патриот.

А мы все молчим, дозволяя
Позорить и рушить наш дом.
Как медленно мы запрягаем?!
Но быстро поедем потом!

А. ЛЕОНОВ

ПЕСНИ НАД ТУРГОЯКОМ

Озеро Тургояк, что на Южном Урале, стало традиционным местом слетов патриотических объединений. В минувшем году здесь встречались профессиональные и самодеятельные коллективы, пропагандирующие русское народное творчество.

Организовала праздник Всероссийская ассоциация любителей отечественной словесности и культуры «Единение», в частности, его челябинское отделение, которое возглавляет поэт Геннадий Суздалев.

Фото. Е. ЛУГОВОГО

ТОВАРИЩ

Ринат МУХАМАДИЕВ

ЛЬВЫ И КАНАРЕЙКИ, ИЛИ НЕВИННЫЕ ЗАБАВЫ МАФИИ

Продолжение. Начало на 74 стр.

— Фидаиль, никак ты! — обрадовалась хозяйка неожиданному гостю.

— Здравствуй, Сания-апа! Зачем звала, дело какое-нибудь? — ответил мужской голос.

— Ой, смотри-ка, совсем запамятовала!..

— Ты же это... В среду велела прийти... — парень стеснительный очень, даже по голосу чувствуется. Стоит в дверях, все никак через порог не решается перешагнуть.

— Неужели в среду? — удивилась Сания-апа. — Давай, Фидаиль, заходи, не стой за дверью...

Так зазывая гостя, хозяйка допятилась до кухни. Широко открыла дверь. Следом за ней, перемицаясь от смущения, с зажатой под мышкой шапкой вошел парень. Ася только взгляд один исподлобья бросила и успела все разглядеть: крепкий, чуть выше среднего роста, круглое лицо с зарумянившимися на морозе щеками, крутые скулы придают лицу мужскую твердость. Но самое забавное — уши торчат, как два локатора. Редкие светлые брови и ресницы, всклокоченные волосы, тоже светлые, как лен. В общем, что парень особо тонкой выделки, не сказал бы никто. Брюки на нем военные, должно быть, недавно из армии вернулся, теперь донашивает.

На все это Асии хватило одного взгляда — не из тех парень, чтобы захватить ее внимание.

Наконец Сания-апа чуть не за рукав подтащила застенчивого гостя к столу и усадила. Конечно, не от застолья с самоваром заробел он, а от сидевшей рядом девушки.

Асия не выдержала, опять глянула на эти удивительные уши

Миг — и они стали красными, как два клеиовых листа по осени. Кажется, парень и сам смекнул, благодаря чему он удостоился еще одного взгляда.

— Вот и гостья у меня сидит, — сказала Сания-апа. — По соседству живет... Асией зовут.

Девушка кивнула благонравно: я самая, дескать. И не потому так сдержанна была, что и, в свою очередь, смутилась, просто чутье подсказало: подожми губки, опусти глазки и сиди тихо.

— А это — Фидаиль, — довершила хозяйка обряд знакомства. — Из нашего аула. Мы с его матерью неразлучные подруги были. Отслужил армию, теперь в городе живет. Большого начальника возит, директора строительного треста.

«Вот, значит, как!» — сыграла глазками интерес Асия. Улыбнулась в самую меру и в то же время каким-то неуловимым образом успела сообщить несказанную свою радость от такого приятного знакомства. Манера эта от бесчисленных встреч да знакомств в кафе-ресторанах уже вошла ей в кровь, привычкой стала. Но никто, разумеется, этого не понял.

Нет, не годится парню так робеть перед девушкой, тут уж весь соберись, но виду не подавай. Потому что женщина силу любит, ей подчиняется и таких, слишком стеснительных, не признает. А почует твою растерянность — своего превосходства отныне не упустит. Парень поспешил взять себя в руки.

Пока чаевничали, гости попривыкли друг к другу. Неспешно лилась беседа.

С видом человека, которого вдруг озаботила какая-то мысль, Сания-апа сказала Фидаилю:

— Думала, в сад с тобой съездим, но вот голова закружилась. А съездить очень нужно было. Варенье хотела привезти.

— Ладно тогда, — сказал уже поднявшийся с места Фидаиль, зашагал в прихожую. — Зайду в другой раз.

— Да ведь неловко, Фидаиль, все время дергать тебя.

— А что привезти нужно?

— Огурцов, помидоров бы пару баночек.

— Может, я сам найду?

— Ты ведь Казани еще толком не знаешь. Нет, боюсь, не найдешь.

Сания-апа пригорюнилась, но глаза ее быстро юркнули в сторону Асии.

Только в прошлое воскресенье ездили они туда.

— Так давайте, я провожу, — сказала Асия.

Из дома парень вышел расхрабрившийся, но как-то очень скоро увял и в электричке уже замолчал накрепко. Даже глянуть в сторону девушки не решался. А поговорить с ней, хотя бы парой

слов обмолвиться, хотелось очень. Мучился, не мог придумать, с чего начать. Девушка же оказалась куда шустрее, заметила терзания своего спутника — надо сказать, прежде она с такими ребятами не встречалась — и, наслаждаясь тем, в какую оторопь вогнала его, что придет на ум, то и болтала. Когда сошли с электрички, завела разговор о своих действительных и мнимых поклонниках, как они, потеряв всякий рассудок, бегают за ней.

Не заметили, как дошли. Остановились перед железными воротами садового товарищества. Дальше через сугробы, след и след.

— Смотри-ка, Фидаиль! — воскликнула она, когда вошли в темный, холодный, как погреб, домик. — Тут и кровать есть, как раз на двоих! — и, словно не знавший узды жеребенок, с разбега запрыгнула на железную пружинистую кровать.

Ошеломленный парень застыл в дверях. В голове не умещалось: как можно девушке так шутить!.. Взял топор и пошел на улицу открывать ставни. Нарочно провозился долго. Когда вернулся, девушка все еще была на кровати. Уселась посередине и, как невинный ребенок, раскачивается во весь дух. Фидаиль открыл лаз в погреб. Асия знай качается, кровать ходуном ходит.

— Фидаиль, ты уже, наверное, человек женатый, да?

— Почему так решила, Асия?

— Сквозь зубы со мной разговариваешь. Шуток не понимаешь.

— Почему же... да нет, вовсе нет, Асия.

— А я подумала, жена у него сердитая, вот и молчит, слово боится сказать.

— Нет, я не женат, — просто ответил он. Шутить, смеяться с ней ему не хотелось.

— Зато девушек, наверное, много? Каждый вечер небось провожаешь?

— Доводилось.

— Это как понять?

— Была до армии девушка, а вернулся в аул — нет ее.

— Забавно.

— Это уж кому как, Асия.

Девушка — хоть бы что, снова запустила свои качели. Парень сунул голову в лаз и присвистнул:

— Будет еще работенка!..

Асия — свое. Остановила качели и мягонько так спросила:

— Фидаиль, я тебе нравлюсь?

Скажешь «да» — смешно. Скажешь «нет» — неправдой будет. Лучше всего промолчать. К тому же он делом занят, как раз в погреб спускается, только шуршание и стук доносятся из подполья. Немного прошло, и он, посвистывая, заходил вверх-вниз по

лестнице, начал одну за другой выставлять заказанные Санией-апой банки. Асия принимала и ставила их в ровный ряд возле двери.

— Ответа не слышала, Фидаиль, — улучив момент, напомнила она.

Парень опять сделал вид, что не расслышал, согнувшись, ходил по погребу и насвистывал.

Наконец все, что нужно, из погреба достали, Фидаиль разогнулся, поднял голову. Сидевшая у лаза на корточках девушка в упор посмотрела на него:

— Коли не нравлюсь, так и скажи, я не обижусь.

— Кто?

— Я!

— Но я тебя совсем не знаю, Асия.

— А с первого взгляда?

— Я в любовь с первого взгляда не верю.

— А я верю!

— Что, может, и я с первого взгляда тебе приглянулся? — взял и сказал на это парень.

— Все может быть! — брызнула смехом девушка и кончиками пальцев стряхнула пыль и соринки с его волос.

— Оказывается, погреб тебе очень к лицу, Фидаиль...

И в самом деле, выдержка и покладистость Фидаиля успели понравиться ей. Видно, что и с работой не считается.

Парень аккуратно уложил доски лаза на место, взял веник и вымел мусор. Потом украдкой бросил на нее взгляд.

— Сания-апа хвалила тебя, хорошая, говорит, девушка.

Асия давно уже поняла всю бесхитростность Фидаиля.

— А ты, милый паренек, иначе думаешь?

Вспомнив, что Сания-апа еще просила привезти банных веников, Фидаиль по узкой лестнице полез на чердак.

Такой оборот дела ей пришелся совсем не по душе. Хотела какой-нибудь грубостью остановить его, но не нашла подходящего слова, пришлось промолчать. Парень тем временем скрылся на чердаке и скоро там затих. Прошел в дальний угол чердака, снял подвешенные веники и уселся на опилки, которыми был засыпан чердак. Хотелось передохнуть немножко, побыть наедине со своими мыслями.

А все же крепко приглянулась ему Асия. Хоть и сказал, что в любовь с первого взгляда не верит, в первую же минуту прикипела она к его сердцу.

— Э-эй, ты куда пропал? Может, дочки домового унесли тебя? — послышался рядом бойкий голосок.

От яркого взгляда синих глаз Фидаиль невольно прищурился.

Асия подошла к Фидаилю. Села на охапку березовых веников.

— Смотри-ка, а здесь тепло, — будто самой себе сказала она. Осторожно сняла сухой листик с его волос. — Наверное, думаю, скучно там ему одному.

Вдруг груда веников под ней рухнула, рассыпалась, и Асия, неловко завалившись, упала прямо Фидаилю в объятия. Парень поймал ее, хотел поднять. Глаза их встретились. Как пальцы двух рук, переплелись взгляды. Губы задрожали. Нет, хоть убей, но отодвинуться друг от друга, расцепиться они не могли. Бес попутал или, как у нас говорят, шайтан подстрекнул, но какая-то тайная сила связала их... Запах близкого леса, шум березы, шорох сухих листьев... Как жизнь хороша, как мир прекрасен, с ума сойдешь...

14

— Который час? — спросил Арслан. Только было отвернулся к стене и заснул, а тут вдруг время понадобилось. Видно, тревожит, грызет что-то, спать не дает.

Щедрая, круглая луна лила свет в незашторенное окно. Застеснявшись его, Асия натянула на грудь покрывало. Долго водила ладонью по столу, наконец нащупала мужские часы. Повернув на лунный свет, всматривалась в циферблат.

— Кого стесняешься?

— Луны.

— Нашла чего...

— Если хочешь знать, луна и звезды больше нашего видят.

— Не сочиняй, Асия. Что там часы говорят?

— Не знаю, счастливые часов не наблюдают.

— А ты счастливая?

— Когда мы вместе, мы оба счастливые, правда, Арслан?

— Ну, ладно, ладно... Я время у тебя спрашиваю.

— Часы говорят: половина двенадцатого!..

— Уф-ф, сморило меня. Черт знает что, глаза слипаются, а душа не спит, — подвинувшись к ней, Арслан положил руку на ее голое плечо. — Минут через пятнадцать одеваться пора. Тут порядок железный. В двенадцать откроют ворота. А еще через десять минут Янтимер спустит своих овчарок с цепи. Работает, как часы. И хоть кол ему на голове теши, он человеческой речи не понимает.

Асия повернулась на живот, оперлась на локти и стала смотреть, какой он могучий, ее лев. Давно уже на пятый десяток пошло, а на крутом широком лбу — хоть бы одна морщинка, и курчавых иссиня-черных волосах — хоть бы один серебряный

волос. Остаться бы вот так вдвоем и так свой век прожить, на часы не смотреть, день ли, ночь ли — все время вместе. Мужа, работу она забыла бы, ни разу не вспомнила, даже в памяти не затлилось. Впрочем, когда с Арсланом, она и так о них не вспоминает. Только бы Арслан был жив-здоров, ее могучий лев.

— Может, шампанского немного выпьем? — не открывая глаз, сказал Арслан.

— Если на ночь останемся, согласна, — откликнулась женщина, радуясь: милый, любимый думает о ней!..

— Что, мужа дома нет?

— А хоть бы и дома!

— Уши надерет.

— Не надерет... Он не такой злой, как ты, — и, словно смягчая шутку, легонько чмокнула своего льва в подбородок.

— Не ревнует, значит.

— Не ревнует — верит.

— Крепко, выходит, уверила. Ловко же врешь...

— Наверное, иначе нельзя.

Арслан отвернулся к стене, натянул на себя одеяло.

— Никакой веры вашему брату нет.

— А ты разве не поверил бы?

— Я бы повесил тебя.

— Что-о?

— Повесил бы на первом же суку, — зевнул Арслан. — Твое счастье, не моя ты жена.

— И не пожалел бы?

— Сначала повесил, а потом пожалел, — усмехнулся он. — Не знаю... я ведь в шкуре твоего мужа не бывал.

— Не любишь ты меня. Потому и не веришь.

— Люблю, но не верю.

— А когда вместе жить начнем, поверишь?

Арслан, дремавший, как бухарский кот на припеке, лениво открыл глаза, покосился на Асию: «Это как понять? Неужели всерьез в голову вбила?» И, будто утешая разобиженного ребенка, погладил Асию по волосам, по голому плечу:

— Ты как в сказке: лошадь не куплена, жеребенок не родился, а уже: «Не садись, сынок, хребет ему сломаешь!»

Помолчали...

Юлия тоже сейчас в какой-то из комнат. О чем она с этим плосконосым может говорить?

Разумеется, на этот очень-очень интересующий ее вопрос Асия ответа не получит. Но мы с тобой, дорогой читатель, если ты не против, все же заглянем и туда — на минуточку, краешком глаза только.

Итак, гнездышко любви Капкаева с Юлией. За столом, закинув голую ногу на ногу, сидит и курит Юлия. Капкаев растянулся на кровати, тоже дым пускает... Юлия, похоже, чем-то недовольна.

ЮЛИЯ. Мы, Капкаев, так не договаривались. Где любишь, там и долги не влазят! А нет, так запомни: ты — меня, я — тебя и знать не знаем.

КАПКАЕВ. Ну, Юлия, я же шубу тебе подарил, недавно только.

ЮЛИЯ. Может, ты и цветы записываешь, с которыми ко мне приходишь, а, Капкаев?!

КАПКАЕВ. Так ведь, Юля, весь магазин на одну тебя работает. Что добуду, все на тебя уходит. . и на друзей.

ЮЛИЯ. До твоих друзей, Капкаев, мне дела нет. И заруби на своем приплюснутом носу: со мной богатства не наживешь, хочешь богатеньким быть, про меня забудь.

КАПКАЕВ. Подожди, не спеши. Юлия, ну кто такие деньги с собой носит? Ты ведь ого-го сколько загнула!.. Такие тыщи, какие я выкладываю, еще никто не выкладывал. На что Лев Белялович, и тот...

ЮЛИЯ. Тьфу! (Плюет на сигарету и отбрасывает ее в сторону.) Коли денег жалко, сиди, как он, воблу грызи и сухие корки обсасывай. Воля твоя, Капкаев!

КАПКАЕВ. Юлия... ну, Юлия... (Тянет руку, хочет погладить ее полные ноги.)

Та, быстро отсев, плюет ему на руку.

ЮЛИЯ. Вот видишь? (Показывает на вешалку, где висит ее платье.) Или сейчас же положишь в карман, сколько договорились, или пальцем больше меня не коснешься. Так-то, красавчик мой.

Молчание. Капкаев пускает дым сквозь редкие зубы, глубоко вздыхает.

...Ничего, Капкаев, не вздыхай, долго будешь жить — в эту самую минуту Асия спросила о тебе:

— Этот самый Капкаев, он кем работает?

— Директор гастронома.

Асия оттопырила губы, кивнула: понятненько, Юлия даром времени терять не будет.

— А этот, Борис?

— Народный контроль, — лениво ответил Арслан.

— А Колобочек? Кругленький лев?

— Попридержи язык, Асия! Думай, что говоришь! — вздрогнул Арслан, сведя брови.

— Что, очень большая шишка?

— Хватит, Асия! — перешел на шепот Арслан. — Одно скажу, любопытство свое умерь.

Видно, сон оставил Арслана. Он сел на кровать и хмурым внимательным взглядом уставился на нее.

— Асия, мы сюда не затем приехали, чтобы выяснять, кто где работает, мы сюда отдыхать приехали. Слышишь, еще раз повторяю: отдыхать!

За воротами в темноте угадывалась машина. Та самая, что привезла их.

— А как остальные уедут? Им тоже машина будет?

— Если другой заботы нет, успокойся.

Только открылась задняя дверца, Асия юркнула первой, следом сел Арслан. «Волга» с ревом взяла с места. Только тут Асия заметила в сторонке, под соснами, кого-то, кто следил за ними, и теперь мигнул фонариком, должно быть, дал сигнал следующей машине. Поверив, что наконец живой-здоровой вырвалась из этого грозного леса, Асия глубоко вздохнула.

На большой скорости, как гоночная машина, понеслась «Волга» по крутым изгибам лесной дороги. Надсадный рев мотора, скрип тормозов, рывок, подскок, вправо, влево, казалось, вот-вот, и машина встанет на дыбы — скорость, шум, напряжение, если Асия и видела подобное, так разве только в детективах. Обхватив руками, она всем телом прильнула к Арслану. Асия и всегда-то быстрой езды не любила, даже в такси садилась лишь в крайнем случае. А здесь...

— Куда он гонит? Он, случайно, не выпил? — так, чтобы только Арслану было слышно, прошептала она.

— Шофер сам знает...

Не мешало бы ей и осторожней быть, поберечься немного — у нее сын. Когда она с Арсланом, то как-то легко забывает о нем, а сегодня то и дело вспоминала, нет-нет да и кольнет сердце. Не только для самой себя, а прежде всего для сына должна быть она живой и невредимой. Впрочем, если подумать, чего ей бояться — рядом Арслан. Пока рядом. Дороги этой самое большее на полчаса, потом будет город, и разъедутся они оба в разные стороны. И даже знать не будут, когда встретятся в следующий раз...

Выехав на шоссе, «Волга» затерялась среди множества других попутных и встречных машин. Шофер сбросил скорость, и Асия наконец-то вздохнула с облегчением. Арслан отпустил висевшую над головой ременную петлю, вспомнил, что рядом с ним едет женщина. Одна его рука осторожно пролезла за спину и обняла

ее за талию, другая скользнула по четко обозначившемуся под шелковым платьем упругому бедру.

Тут послышался раздраженный голос шофера. Как-то даже забыли, что он здесь.

— Вконец ошалели! — сказал тот и бормотнул какое-то ругательство.

Осмелевшая рука Арслана прянула обратно, Асия шарахнулась в сторону, недоуменно уставясь на своего единственного: что это он, кому? Арслан тоже растерялся: и в самом деле, что это он себе позволяет, может, бредить начал?

Но тут шофер, высунувшись в левое окошко, погрозил кому-то кулаком. Стало быть, гневное «ошалели!» было не по их адресу. Снова прильнув к Арслану, Асия бросила взгляд на машину, которой грозил шофер.

— Юлия... Капкаев, — оживилась она. Расхрабрившись, тоже выглянула и послала несущейся рядом машине воздушный поцелуй. В мелькавшем свете придорожных фонарей были ясно видны лица Капкаева и Юлии: оба счастливые, оба довольные, сладились, слава тебе господи!

— Что они, с ума сошли? — буркнул Арслан. И впрямь машина шла рядом, как пришитая, не обгоняет и не отстает, только все ближе и ближе поджимается к ним. И лишь когда показался встречный КамАЗ с прицепом, пришлось ей отстать. Арслан, которого игра эта раздражала все больше, бросил шоферу:

— Давай газуй!

«Волга» рванула в обгон. Но и та, видно, уступать не хочет, словно играющий с матерью жеребенок, нагнала и снова понеслась рядом. Веселая парочка, улыбаясь еще шире, в азарте гонки возбужденно колотила кулаками в боковое стекло.

— Притормози, пусть проедут, — сказал Арслан. Эта игра уже порядком надоела ему.

Но и те, дескать, мы тоже не спешим, сбавили скорость. Так две «Волги», словно под ручку взявшись, неслись по ночному шоссе.

— Торгаш! Дубина! — с ненавистью глядя на блаженное лицо Капкаева, обложил его Арслан.

— Ладно тебе, Арслан, балуются просто. Не расстраивайся зря, — поспешила успокоить его Асия. Ей и самой понравилась эта гонка. — Пусть резвятся...

— Резвятся! Пусть на теплой лежанке резвятся. А это дорога!

Чтобы усмирить разбушевавшегося льва, она крепко поцеловала его.

— Смешной человек Капкаев... Ты, Арслан, не сердись на него.

«Черт с ними, — подумал Арслан, — сделаем вид, что не замечаем их, может, тогда отвяжутся. Или отстанут, или уедут вперед...» Решил так и обеими руками обнял Асию. Но...

Конечно же, читатель слышал поговорку: человек предполагает, а бог располагает — и даже, возможно, не раз испытал на себе. Так случилось и в этот раз. Предположил Арслан, но все вышло иначе. Вдруг шофер резко бросил руль в сторону, скрежетнули тормоза. Асия с Арсланом, так, в обнимку, и полетели вперед, врезались в переднее сиденье. Все четыре остановившихся колеса с пронзительным воем продрали асфальт. Накренившаяся машина встала на краю кювета.

— Шакалы! — крикнул побледневший Арслан, руки, обнимавшие Асию, бессильно обвисли.

— А в уже с этим миром простился... — сказал шофер. — На счастье, как раз скинул скорость. Еще бы немного, и кувыркнулись бы вверх колесами, — кивнул он на черневшую справа огромную яму, похожую на карьер.

Асия сидела ни жива ни мертва.

За миг до того скрежета и толчка, в львиных еще объятиях, когда та машина резко пошла на обгон, отжимая их к краю, потом выскочила прямо перед ними и, вильнув хвостом, умчалась вперед, она ясно рассмотрела ее всю, черную эту «Волгу». Словно вспыхнула рядом молния. «Ах!» — и... не могла вымолвить ни слова. Она увидела номер. Фидаиль! Номер машины, которую водит Фидаиль. Так, значит, за рулем был он! Как он здесь, откуда? В голове не умещается... Капкаев, Юлия... Какая тут связь? Вот вам встреча так встреча!..

15

Всю ночь не мог заснуть Фидаиль. Вернувшись домой, он даже света не зажег, прошел и сел в кресло. Асии дома не было. Впрочем, откуда ей быть, если он сам все видел. Разве что уже собственные глаза врут? Еще и сейчас его била крупная дрожь. Сердце в грудной клетке не умещалось — будто сваю заколачивают, дуп-дуп, дуп-дуп. Пытаясь взять себя в руки, он двумя ладонями сжал виски и так застыл.

Неужто явь все это? А может, только сон? Виски давит. Как осознать это, как охватить разумом? Нет, такое в голове не умещается. Фидаиль попытался вспомнить все, что видел собственными глазами, разложить по порядку, начало найти, конец, хоть какой-то смысл.

«Вспомнить!» Тоже сказал! Захочет избавиться, из памяти выкинуть — голову себе расколет, а не сможет. И по порядку, од-

но за другим такое не нанижешь. Мысли в голове рвутся, тормошатся, налезают друг на друга.

Ища избавления, чтобы отвлечься хоть как-то, нажал на кнопку стоявшего перед ним телевизора. Тусклый неживой свет залил тихую комнату, шипенье, будто водой плеснули на раскаленное железо, расползалось, становясь сильней и сильней. Нет, ничего по телевизору не будет — время позднее. Какой телевизор далеко за полночь? Выключил. Синий мертвый свет исчез.

В этой их комнате, если в кресло сядешь, до любого закоулка дотянешься. Протянул руку, открыл холодильник. Думал найти какое-нибудь питье, хоть немного залить жажду и унять душу. Но, кроме завернутой в целлофан мясной кости, нескольких яиц и бутылки с остатками подсолнечного масла на дне, ничего не было. Словно и их такой нескладной жизни был виноват холодильник — он пинком захлопнул его.

Откинулся в кресле, потянулся и, запрокинув голову, сжал виски. Почему?.. Как же это случилось? Ничего не мог понять Фидаиль...

...Уже не первый день знает Фидаиль Капкаева, с его хозяином они старинные приятели, как говорится, сват да брат. Чуть что — один бежит к другому, а другой уж в помощи не откажет. Вот, скажем, директор гастронома. Конечно, есть фигуры и поважней, на демонстрациях его портреты не носят, но случись какая нужда, ты не к тому побежишь, что на портрете, а к нему, к директору гастронома. Гости ли ожидаются, праздник ли приближается, все яства начальник Фидаиля берет у своего приятеля. Немало перетаскал Фидаиль из кабинета Капкаева коробок с дорогой колбасой, марочными винами, копченой рыбой, банок икры, как черной, так и красной. Когда же строительные материалы нужны, уже Капкаев, в свою очередь, является к его хозяину. Магазин отделать надо? Надо. А где взять? Никто нигде хороших материалов тебе не приготовит, навстречу не вынесет, «изволь, дорогой» не скажет. А Капкаеву найдут, потому что у него копченая рыба и черная икра имеются. Дом отремонтировать нужно! Дачу обставить! Но если у тебя дефицит есть, значит, и для тебя дефицит найдется.

А если Капкаеву, в свою очередь, что-нибудь нужно, он что, пешком должен идти? Или, как фабрично-заводской гегемон, в трамваях-троллейбусах мяться и толкаться?

Особенно стыдно было Капкаеву ходить пешком в торг на совещания. Он сам как-то рассказывал об этом Фидаилю:

— Директора, если он пешком ходит, нигде в грош не ставят.

Верно, Капкаева не один только Фидаиль возит. Есть еще доцент с собственной машиной и еще таксист один. А почему во-

зят? А потому, что доцент с таксистом сами каждый день привыкли есть, да и дети их в родителей пошли. Даже в наше время есть еще любители вкусно поесть, наверное, не скоро еще переведутся. Но в ответственных случаях, особенно в тех, когда нужно ехать к красивым барышням или дамам — «туташ или ханум», как говорит сам Капкаев, он обращается к хозяину Фидаиля. «Такси — всего лишь такси, на нем любой за рупь двадцать приехать может. У доцента машина неприглядная, старый «Москвич». К тому же интеллигент он, а интеллигентам никакой веры нет. Они, когда сытые, не то что директора гастронома, родную мать продадут», — говорит Капкаев. Фидаиль не интеллигенция, ему верить можно.

Вот и сегодня хозяин еще с утра наказал Фидаилю:

— После обеда к Капкаеву поедешь.

Хозяин сказал — шофер исполнил. Как говорится, чашка да чайник, шофер да начальник.

После обеда, как велел начальник, Фидаиль поехал к Капкаеву в магазин. Тот дал ему в руки листок с адресом: «Поедешь туда-то, а там тебя будет ждать канареечка-пташечка, из себя такая-то и такая-то». Съездил, забрал канареечку, вернулся в магазин. Грузчики целыми коробками загрузили в багажник еду и выпивку. Поехал на полуостров, что на озере Лебяжьем, дорога знакомая, не впервой, изъездил ее немало. На обратном пути завернул в детский сад за сыном Алмазом, завез его бабушке с дедушкой. Когда Асия во вторую смену, ребенка всегда забирает он. По пути заехал к Асии на работу, там сказали, что Асия на совещании профсоюза. В последнее время она частенько вот так, на всяких собраниях, стала пропадать, что поделаешь, теперь женщины к общественной жизни тянутся. Фидаиль догадался оставить тетушке Сании для нее записку, предупредил, что сегодня вернется поздно. До двенадцати ночи времени еще много, решил «прочесать город». Выражение это, «прочесать город», он слышал от знакомого шофера, по-иному говоря, в извоз пошел, навару снять.

А без этого как на сто десять рублей жить прикажете? Семью кормить надо, сына растить надо и жену приодеть — тоже надо.

...Тут, очнувшись от дум, он в отчаянии дернул себя за волосы, вспомнил, как, стараясь не попасть на глаза ГАИ, рыскал по городу и, словно милостыню, сшибал рублевки и трояки. Сунулся в карман — те самые деньги, целый ворох. Взять бы их, скомкать в кулаке и швырнуть в окно, пусть бы разлетелись на все стороны света...

Без четверти двенадцать он был в назначенном месте. Тут же следом одна за другой подъехали еще три машины. Шоферы

меж собой не знакомы, из машин не вышли, за руку не поздоровались, сидели, словно бы и не замечали друг друга. Частенько приходилось Фидаилю вот так, в укромном местечке на берегу озера, вместе с незнакомыми шоферами, ожидать сигнала Яптимера.

Полуночные пассажиры, как и положено, были изрядно навеселе. Впрочем, Фидаилю до них дела нет — он сам по себе, они сами по себе. Его дело маленькое — привез, увез, и вассалям! Капкаевская канарейка сегодня была весела больше обычного. На месте ей не сидится, изъерзалась вся. Через лес, как всегда, гнали во весь дух. Это приказ Яптимера. «Чтобы грибники всякие, что возле дороги слоняются, номеров не заметили». Прежние капкаевские канарейки в такие минуты от страха в угол забивались, а этой скорости не хватает, такая резвая попалась, все быстрей и быстрей надо. Даже когда на большую дорогу выскочили, все погоняла, хотела, чтобы нагнали переднюю машину. Раза два в нетерпении за воротник Фидаиля подергала: «Скорей же, ну, скорей!»

И Капкаев разошелся, вытянулся, как борзая, и тоже понукает: «Ну же, ну, канареек надо слушаться, догони эту складскую крысу!» Фидаилю тоже задерживаться не с руки, дома его, наверное, жена с сыном заждались. И догнали бы, еще бы и с ветерком перегнали. В чужие машины Фидаиль не заглядывает, нет такой привычки, его дело сторона. Но уже поравнялись с машиной, в которой ехал директор базы, уже на обгон пошли, как целовавшаяся с Капкаевым канарейка, состроив гримасу, отлепилась от него и приникла к окну.

— Гляди-ка, целуются! — фыркнула она и постучала в стекло: — Ася! Асенька! Что ты себе позволяешь!

Вроде бы канарейки с таким именем у директора базы прежде не было. Имя тоже не такое, чтоб мимо ушей пропустить. Нет, к такому имени Фидаиль равнодушным не остался, с любопытством посмотрел направо, на мчавшуюся рядом машину.

Посмотрел... и глазам своим не поверил. Всего лишь в двух метрах от него, в объятиях чужого мужчины, ехала и махала рукой... Асия! Его Асия! Вот она — ясно, отчетливо, целиком, до каждой черточки — и не она. Он смотрел, не отрываясь, и не мог поверить, что это наяву. Она же, Асия, его единственная... Пусть бы сто человек сказали — он бы не поверил... Голова пошла кругом, он чуть не выпустил руль. С ревом, заслонив все впереди, прямо на них мчался КамАЗ. Как на тормоз успел нажать, как вывернул вправо, и сейчас удивляется.

Теперь они ехали сзади, он подумал: «Нет, не может быть, привиделось только, сказала эта срамница «Асенька» — и пока-

залось. Еще своими исцелованными, измусоленными губами такое имя произносит!» Он с такой яростью уставился в зеркало па канарейку, что она, хоть и не видела, по птичьим своим чутьем почуяла отрикошетивший от зеркальца взгляд и встревоженно огляделась по сторонам. Фидаиль отвел глаза. Ведь сказали же, Асия на кустовом профсоюзном собрании, у нее вторая смена, она сейчас на работе. «Нет, не она! — и, чтобы убедиться в той мысли, снова нагнал ехавшую впереди машину. Нет, его Асии среди канареек делать нечего. Его соловушка себя не запачкает.

Но... это была Асия. Она самая. Едет, смеется и ручкой машет. И кажется, что узнала она сидевшего за рулем мужа и не Капкаеву с канарейкой, а ему улыбается, ручкой машет, вот — послала ему воздушный поцелуй. А сама в объятиях чужого мужчины. И платье на ней то самое, которое он, Фидаиль, в прошлом только месяце подарил ей на день рождения. Одной женщине, которая в центральном универмаге работает, пришлось заплатить двойную цену.

...Что было дальше, Фидаиль не помнит. Как до города доехал? Как пассажиров своих довез? Где машину оставил? Как пришел домой? Так и сидел, не в силах выйти из оцепенения.

Наконец встал, включил лампу. Подошел к висевшей на стене книжной полке и долго стоял, не мог вспомнить, что притянуло его сюда. Наконец понял: за стеклом была заткнута фотография, она, видно, привлекла внимание.. Цветное фото... Алмазу три года, снято в день его рождения. Была суббота, середина мая, уже вовсю кипела зелень на деревьях, ветер нес вдоль улиц запах цветущих яблонь и вишен. Они взяли сына с двух сторон за руки и пошли фотографироваться. Справа шла мама, слева шагал отец. Малыш то на маму глянет — улыбается, то отца сиянием глаз обдаст...

...Рядом другая фотография. Свадебная. Фидаиль с Асией во Дворце бракосочетания. Асия вся в белом, как белый лебедь. Опустив смущенный взгляд, стоит перед ним. Фидаиль очень занят, надевает кольцо ей на палец. И сейчас помнит: тряслись все жилочки в тот миг, чуть-чуть не выронил колечко из рук. До самой последней минуты не верил он ее словам: «Выйду. Согласна...»

...Подошел к окну, лбом уперся в стекло. Очень красив бывает порою ночной город, а сейчас он был угрюм и неуютен...

Вон показался бродячий пес. Опустил голову и трусит по краю грязного захламленного тротуара. Фидаиль глубоко вздохнул. Он ведь тоже с сегодняшней ночи одинок, весь одинок, дотла.

«Собачья жизнь», — подумал Фидаиль и вздрогнул. Словно не этому лохматому псу сказал эти слова, а самому себе.

С детских лет судьба преследует его и унижает. Будто одной целью задалась: не дать ему пожить по-человечески. Так подумал Фидаиль и словно в короткий миг оглядел всю свою прошлую жизнь.

Был конец марта или начало апреля, еще лежал на улице рассыпчатый, как сахар, снег.

Прошла большая перемена. Мальчик по имени Фаяз, влетев в класс, не посмотрел, что урок, даже учительницы не постеснялся, закричал:

— Ребята, в аул собачники приехали! Подчистую бьют! — и выбежал.

Урок прервался. Растолкав ринувшихся к двери мальчишек, Фидаиль выскочил следом.

— Где? На какой улице стреляют? — крикнул он, догнав в коридоре Фаяза.

— К вашему дому уже подходят!

...Кто такие собачники, в те годы мальчишкам объяснять было не надо. Каждый год — нагрянут в аул вот так неожиданно в начале весны и за час-другой перебьют всех собак. А перед этим распускается слух, что, мол, набежало откуда-то в аул бродячих собак, среди них и бешеные. Повод есть, и, не слушая ничьей ругани, ничьих стенаний, палят вовсю на улицах, потом забросят трупы в розвальни и уедут в райцентр.

«К вашему дому подходят!» Есть у Фидаиля Юлдаш, любимый его пес. Бежал Фидаиль, мчался, света белого не видел. Ноги в шерстяных носках и в галошах скользили и разъезжались. Бил ветер в распахнутую грудь, концы новенького галстука трепетали, били в лицо, прилипали к глазам.

Не сбавляя скорости, со Школьной улицы Фидаиль свернул к себе в проулок. Увидел: с того конца проулка катили двое запряженных лошадьми саней, должно быть, тяжело груженные, лошади фыркают, с силой налегают на постромки. По двум сторонам саней в надетых поверх телогреек одинаковых брезентовых кожанках шагают двое. Высокие ростом, грузные телом, в руках винтовки. А третий, проваливаясь в снегу на обочине, нагоняет их сзади. Тычет пальцем в сторону дома Фидаиля, что-то втолковывает этим двум.

Лошади остановились. Эти двое переговорили о чем-то между собой, а тот, третий, принялся дергать калитку. Калитка почему-то оказалась запертой, рванул еще, постучал палкой по забору, потом принялся тыкать ею в подворотню. Раза два с досадой пнул ворота.

— Не трогайте Юлдаша! Не смейте! Юлдаша не трогайте! — закричал Фидаиль.

Так вот что замыслил этот, с палкой: он Юлдаша дразнит, хочет выманить его на улицу!

Бежит Фидаиль, кричит изо всей мочи. Но голос почему-то выходит слабый, хриплый, уже успел надсадить.

— Не троньте! Не тро-оньте! Не троньте Юлдаша!

Один из кожанов обошел лошадь спереди, спустил винтовку с плеча и переложил ее с руки на руку. Юлдаша на улице пока не видно, но нацеленное на ворота дуло напугало Фидаиля еще больше. Может, Юлдаш лает из подворотни на того, который дразнит его палкой?

— Юлдаш! Юлда-аш! Не троньте Юлдаша!

Человечек, усердно тыкавший палкой в подворотню, разогнулся, и визгливый его голосок донесся до Фидаиля:

— Здесь она! Здесь, окаянная! Сейчас выскочит... Держи ружье наготове!

По голосу узнал Фидаиль этого писклю, который так старался выманить пса на улицу. Куштан * Закир, рассыльный в сельсовете. Только он, который из-за оторванного в детстве пальца не пошел на фронт, но потом выхлопотал себе инвалидность, мог задумать такую пакость.

— Не дразни пса! Не тронь!.. Не тронь, Куштан, сволочь! — закричал Фидаиль.

И не уберегся, поехала нога, он поскользнулся и с разбега сел в размякшие под весенним солнцем конские яблоки.

— Юлдаш! Юлдаш-аш... — жалобно вскрикнул он.

Юлдаш, бросившийся на голос друга, показался под забором. Только потом узнал Фидаиль: мама, которая готовила в амбаре семена для сева, услышав, что в аул приехали собачники, сбегала домой и заперла ворота. Юлдаша загнала в конуру, дверцу конуры приперла черенком лопаты. Вот какие преграды одолел Юлдаш, услышав горький возглас Фидаиля — вышиб дверцу и прыгнул через высокий забор!

— Вот он, вот, стреляй! Сбежит ведь, сбежит! Стреляй скорее! — закричал, заверещал Куштан Закир.

Фидаиль вскочил, побежал снова. На галоши, разлетевшиеся по сторонам, даже не оглянулся, так и бежал, без шапки, в одних носках. На шее трепещет красный галстук. Навстречу, весь вытянувшись, в полный мах несется Юлдаш. Уже близко, шагов десять-пятнадцать между ними. Что для них, Юлдаша и Фидаиля, пятнадцать-то шагов! — один короткий миг!

---

* Куштан (коштан) — лизоблюд, захребетник.

Но между ними — человек в желтом брезентовом кожане, в сдвинутой набок шапке. Опустился на колено, замер.

— Не стреляйте! Не стреляйте в Юлдаша! Не стреляйте-те-е! — в последний раз в отчаянии прокричал мальчик, еще не понимая, какую непоправимую ошибку совершил он, когда позвал запертую во дворе собаку. Он же на помощь спешил...

Уже доносится дыхание Юлдаша, еще чуть-чуть, еще один только рывок каждому. И тогда уже никому ни за что не отдаст он Юлдаша.

Грохнул выстрел. Казалось, треснула пополам улица, разломилась надвое. Весеннее солнце вздрогнуло над головой. Дома, надворные постройки, даже телеграфные столбы, качаясь, поплыли в глубь туманного омута. Птицей летел, сказочным конем тулпаром мчался Юлдаш в объятия к другу, к хозяину своему — и будто в стену ударился, взметнулся всем телом вверх. Но не упал, так, на задних лапах, и пошел вперед. Один шаг, другой... Тот, с винтовкой, видно, испугался, что прыгнет на него, вскочил с колена и отбежал, укрылся за лошадью, стукнувшись об развод саней, чуть не упал.

Но Юлдаш его и не видел. Он к другу стремился. Ноги, подпружинившиеся для последнего прыжка, ослабли, и, словно ком рыхлого снега, рухнул Юлдаш. Будто в проточную воду вбежал, разрезал он белый снег, зацарапался когтями, его медленно, словно затягивая в омут, развернуло, и он затих.

Куштан Закир, прятавшийся за лошадьми, размахивая палкой, выскочил на середину дороги.

— Ишь, ока-ян-ный!.. — сказал он и осторожно потыкал палкой в ощетинившийся загривок пса: уж точно ли мертв? Повернувшись к желтым кожанам, осклабился во всю пасть: — Какой? Тридцать шестой уже? Говорил я вам, мы здесь план выполним и перевыполним!

Желтые кожаны даже не глянули на него, молча подошли, молча ухватили пса за задние ноги и потащили к саням, где уже лежали тридцать пять таких же бедолаг.

Как грянул выстрел — Фидаиль встал как вкопанный. Прошел ветерок, и ожил, трепыхнулся на груди красный галстук. Только и смог Фидаиль — потянул носом слезы и крепко вытер рукавом глаза. Сирота, живущий с матерью, без помощи, без защиты, что еще оставалось ему?

...Отчего же вдруг вспомнилось Фидаилю давнее то событие? Зачем же снова растравлять уже затянувшуюся сердечную рану? Мало ему сегодняшней боли?

Не раздеваясь, рухнул на аккуратно застеленную кровать. Закрыл глаза. «А их машина... в которой сидели они... что с

ней? Где же все это произошло?» Не только каждый ухаб, каждый поворот на той дороге — каждый фонарь на обочине ему знаком. Да, уже к самому городу подъезжали. Поворот перед последним подъемом, там еще знак ограничения скорости висит. Похолодело сердце — там же внизу овраг! С какой скоростью ехали, почему он задел их? Удар, кажется, был несильный, его «Волга» пошла немного юзом, и вроде бы все, больше он ничего не заметил. При таком-то ударе опытный шофер, если, конечно, трезвый, машину удержать сумеет... И все же... нет, должен машину удержать!

Погоди-ка, над чем он голову ломает? Кого пожалел? Изменницу, которая на весь город его ославила, перед всем светом выставила на посмешище? «У него жена гуляет... У него жена потаскуха... он рогатый...» — есть для мужчины позор грязней? Есть ли боль страшнее этой?

Нет, как бы сильно ни любил он, как бы ни страдал, но ее, что жизнь, честь, семью, всю прошлую и будущую судьбу его так легко, одним махом, разбила на мелкие осколочки, он жалеть не сможет. Век не простит он этого!

«Значит, Арслан Сахипович... Арслан Сахипович...» Фидаиль несколько раз повторил это имя. «Арслан Сахипович...» То ли затем повторял, чтобы отринуть, выбросить из памяти, то ли — запомнить навсегда. «Арслан Сахипович». Больше года знает его Фидаиль. И с первого взгляда невзлюбил его. Заносчивый, ходит надувшись, разговаривает свысока. И хвастун. Всяких начальников возил Фидаиль, были — и чином куда повыше, так что знает, они тоже разные бывают. Один, скажем, сразу с людьми общий язык находит, себя с собеседником вровень держит. А другой еще рта не раскрыл, а уже свое превосходство установить хочет, всем видом заявляет: «Знай, с кем говоришь! Кто ты — и кто я!» «Сахипыч» — из этих.

Черт с ним, в спеси ли дело! Фидаиль видел, сколько у этого резвого Сахипыча только за год канареек перебывало. Он их часто меняет. Вот в какую стайку залетела его Асия!

...С силой зажмурил глаза. Заснуть бы... Закрыть глаза и забыться... И не думать, не думать, не думать...

Но разве под силу ему такое?

...Наверное, ему было лет тринадцать-четырнадцать. Их, деревенских мальчишек, повезли из аула в райвоенкомат. С утра до вечера водили их из кабинета в кабинет, проверяли здоровье.

А после медкомиссии повели в подвал военкомата, где расположился тир. Мальчишки, кроме самодельных деревянных винтовок, другого оружия и в руках не держали, это для них настоящий праздник. Встали в очередь и — трах-бах! — подняли радостную пальбу.

Высокий мужчина, который раздал по пять патронов на брата, показал, как надо заряжать, как наводить, как спускать курок, сразу встревожил внимание Фидаиля. Казалось, он уже встречал этого спокойного размеренного в движениях человека. Но где, когда? Теперь мучился, не мог вспомнить. Черты лица, фигура, походка и частое это помаргивание...

...А не один ли из тех двоих, в желтых кожанках? Которые стрелять собак приезжали в аул? Взяли тогда Юлдаша за задние ноги и потащили к саням? До сих пор нет-нет да видит Фидаиль это во сне.

Он! Пригляделся еще раз и уверился: он! Разве можно... такого... спутать с кем-нибудь еще? Принимая пять патронов и винтовку, Фидаиль зло покосился на него.

Собачник тоже почуял что-то.

— Что, никогда еще из винтовки не стрелял? Боязно маленько? — с улыбкой спросил он.

«Не нужна мне твоя винтовка... ни тебя, ни винтовки твоей видеть не хочу!» — хотел сказать мальчик. И добавить: «Зачем мне винтовка, я собак не стреляю!» Не сказал. Промолчал.

А когда Фидаиль, отстрелявшись, осторожно положил винтовку и направился к выходу, тот сам остановил его.

— Хорошо стрелял, — похлопал его по спине.

И положил на ладонь еще три патрона. Такую же премию получили еще два самых метких стрелка.

Эти три Фидаиль выпалил не целясь, куда попало. На хозяина тира даже не посмотрел. А тот, оказывается, следил за каждым его движением. Уже все, думал Фидаиль, наконец избавился, повернулся идти, но тот зацепил его за локоть.

— Почему так смотришь, словно съесть меня хочешь?

— Потому, — сказал Фидаиль, откидывая руку. Однако на прямой вопрос и ответ должен быть прямой. — Ты моего Юлдаша убил!

— Ну, погоди... ну... нельзя быть таким злым, — он замолчал, не зная, что сказать еще. — Из какого аула?

— Из Лучистой Елани.

— Выходит, мы и твою собаку застрелили?

— Ты застрелил! Ты убил моего Юлдаша... Взял за ноги и бросил в сани.

— Подожди-ка... и с тех пор все помнишь? Забыть не можешь меня?

— Видеть тебя не могу. Вы... Ты самый плохой человек на свете. Хуже фашиста!

Мягко, сдержанно разговаривавший мужчина от этих слов отпрянул и быстро огляделся вокруг: не видит ли, не слышит ли кто? Но на мальчика не рассердился.

— Браток, — растерянно сказал он, — вот ты.. ты так говоришь. Но ведь и я не своей охотой. Работа у меня такая. Вот и приходится стрелять.

— Собачий убийца!

— Ладно, будь по-твоему! Ты думаешь, я их по своей воле стрелял? Людям теплые сапоги нужны, летчикам унты.

— Дикари вон босиком ходили, но собак не трогали!

— Молод ты еще, — вздохнул собачник.

— Бывали времена, и людей почище собак стреляли, — сказал он самому себе. И — ступай, мол, куда хочешь, делай что хочешь, махнул рукой.

Тогда Фидаиль последние его фразы пропустил мимо ушей. Но все же в памяти что-то зацепилось... Хлопнул дверью подвала и выбежал на улицу.

Вот бы и сейчас хлопнуть дверью и убежать, спастись от всего.. Многие беды, многие напасти может избыть человек! А измена — она забывается? Может ли человек пережить измену? Скажите же, ответьте, кто может ответить, ну, придумайте что-нибудь, помогите Фидаилю!

А Фидаиль, вконец утомленный, забылся на миг. И тут же вскочил с кровати. А шофер? Там же еще шофер был! Что с ним? Он-то за какие грехи должен был пострадать?!

16

В эти же самые минуты на другом конце города маялась еще одна душа. Страдалица эта — Асия.

Вернуться домой, к мужу, у нее не хватало духу. Сколько они прожили, не то что руку поднять или слово обидное сказать, Фидаиль ни разу даже не нахмурился при ней. Как, с какими глазами предстанет она перед ним?.. Машина, как обычно, высадила ее метров за двести от дома родителей. Она прошла квартал пешком, завернула за угол. Вот и дом, где она выросла. Все окна темные, повсюду спят... Только в одном горит свет. И одинокое светлое окошко уронило лучик в ее душу: там же Сания-апа, как хорошо, что она не спит! Асия встрепенулась — совсем как летящий на свет мотылек.

Только щелкнула по дверной ручке — тут же подбежала Сания-апа.

— Кто там?

— Это я, Асия.

И тут же в испуге закусила палец: что она, с ума сошла?

Ведь Сания-апа начнет расспрашивать, как дома, как Фидаиль, Алмаз, с каким лицом Асия будет разговаривать с ней? Муж-то муж, но и перед ней виновата Асия, ведь Сания-апа познакомила, сосватала их. Но было уже поздно, дверь открылась.

— А-а, поздняя гостья! — улыбнулась Сания-апа. — Заходи, заходи, очень кстати, как раз письмо от Равиля получила, еще раз вместе почитаем.

Младший ее сын, тот самый бледненький математик, служил в Афганистане, скоро должен был вернуться, уже последние месяцы шли.

Знает Асия, есть какой-то Афганистан, там наши ребята с душманами воюют. Ну и что? Они там уже чуть ли не десять лет воюют. Если бы не Сания-апа, она бы и думать не думала об этой войне. Но уже два года, как со второго курса забрали в армию младшего сына бывшей соседки, и он попал в Афганистан. Сания-апа нет-нет да скажет вдруг посреди разговора совсем вроде бы некстати: «Значит, стране так нужно, ничего не поделаешь. Начальство-то больше нашего знает. Только бы живой-здоровый вернулся...» Видно, все время младшенький в мыслях.

Асия, чтобы угодить ей, спрашивала иногда: «Как он там, письма пишет?» Но только Сания-апа, обрадованная такой участливостью, разворачивала письмо, ей сразу как-то становилось скучно. И пока Сания-апа читала, Асия с внимательным видом думала о чем-нибудь своем.

— Вот и карточку прислал, — сказала Сания-апа, — с другом сфотографировались. Русский парень, Володя, я тебе говорила про него. Из Куйбышевской области, из деревни. Деревенские ребята надежнее, хорошему-дурному лучше цену знают. Ох, только бы живые-здоровые вернулись! Два ведь года, целых два года! Он там мучился, я здесь изводилась. Ничего не поделаешь, значит, стране так нужно. Как вернусь, пишет, сразу за математику возьмусь. Очень, говорит, по математике соскучился. Как там, говорит, мои тетради, в целости-сохранности? Здесь они, здесь, в этой вот тумбочке!..

Коли Сания-апа о своем Равиле начала, скоро не остановится. Асия тем временем разглядывала фотографию. Один — крепкий, круглощекий, другой с худым лицом и вопросительным взглядом, но в одинаковых фуражках, кителях, они похожи, как два близнеца, как два инкубаторских цыпленка.

— Видишь, и медаль у них одинаковая, — сказала Сания-апа. — А за что получили, я не поняла, Равиль толком и не написал.

«Господи, — безнадежно подумала Асия, — бросить бы все

и уехать в этот самый Афганистан! Может, тоже медаль какую дали...»

— Э-э, да ты не слушаешь, спишь уже совсем, — сказала Сания-апа. — Ладно, ступай. Как там Фидаиль? Что-то давно его не видела, привет ему передай.

— Фидаиль? — Асия помолчала, словно пыталась что-то вспомнить. — Фидаиль.

— Ну, ладно, иди, иди, совсем уже спишь.

Выйдя на площадку, Асия постаралась собраться с мыслями. «И чего, спрашивается, заходила?» Потом махнула рукой и полезла в сумочку за ключами.

Отец не проснулся, мама тут же подбежала к двери. Увидев дочь на пороге, встревожилась:

— Почему одна, дочка? А Фидаиль где? Может, случилось что?

Асия покачала головой: ничего не случилось. Молча прошла в комнату, которая когда-то считалась ее. Вошла и замерла, как затаившаяся под половицей мышка.

Мама засеменила на кухню, принялась накрывать на стол.

Наконец и чайник закипел. На какое-то время в квартире установилась тишина. Поняв, что дочь выходить не собирается, мать осторожными шагами подошла к ее двери, прислушалась. Когда же решилась, то не прямо к столу позвала, а начала обиняком.

— Алмаз тоже у нас, дочка.

Ответа не было. Не задремала же?

— А где же зятек, Асия? — снова тем же вкрадчивым шепотом спросила она.

Асия скривила губы: «Зятек...» Разделась, принялась стелить постель.

Казалось, мама сквозь дверь видела каждое движение дочери.

— Ладно, спи тогда, — не стала упорствовать она и тихими шагами отошла от двери.

«Может, с мужем поругалась?» — подумала мать. В таком случае самое лучшее — в душу к дитятке не лезть, пусть спит спокойно, глядишь, к утру все на душе уляжется, печаль забудется.

Асия лежала, уставясь в потолок, и как человек, который ищет, ищет конец перепутанного клубка, но не может найти, раздражалась на саму себя: «Ну, что случилось? Вконец размякла! Что, беда непоправимая? Ничего, бровь, как отец говорит, не треснула, глаз не вытек».

Четыре года, как она замужем. Не по любви пошла. «Какая

там любовь! Разве я когда-нибудь кого-нибудь полюблю?» — думала она тогда, просто испугалась, что останется в девах, будет оставшийся век возле отца с матерью куковать. Вот чего она боялась в неполные двадцать два!

В ту самую пору и встретилась ей Сания-апа. А потом Фидаиль... Смешное было знакомство, вдоволь она потешилась тогда.

Фидаиля она не полюбила и не полюбит никогда. Не такая уж она простофиля, чтоб самой себе цену не знать! Думаете, она слепая, не замечает, с каким восхищением — на улице ли, на работе ли — смотрят ей вслед?

О чем думала она, когда выходила замуж? Не думала — вот и весь ответ. Фидаиль сделал предложение, она приняла. Потому что никто еще до этого всерьез руки и сердца ей не предлагал.

Что ж, вот и пожила семейной жизнью, поняла, что значит замужней женщиной быть. Четыре года отдала. Четыре года на ветер бросила... И годы-то какие! Ну, и что же она заимела за эти четыре года? Живет в закутке, Юлия же обронила небрежно, что у нее — четырехкомнатная. А ведь Асия всю жизнь в этом городе прожила, но какая она бывает, четырехкомнатная квартира, и в глаза не видела. Будет жить, за Фидаиля цепляясь, и никогда не увидит.

Попробуй поживи на казенную зарплату! Шикуй на все сто двадцать, сдачи не надо, ешь, пей, одевайся, ребенка расти, воспитывай. За общежитие плати, хозяйством обзаводись.

Арслан... Из другого мира явился он к ней. Как он живет! А как живут, как одеваются, как держат себя его жена и дочь! Если бы тогда в ателье не увидела его жену, не поразилась ей, еще неизвестно, вот так, вмиг, растаяла ли бы перед ним Асия.

Любовь, которую искала и не находила, и найти уже отчаялась, нашла она в Арслане. Асия любит. Она даже представить не может жизни без него. И Арслан любит ее. Не любил бы, так по гостям ее не возил бы, самым близким, заветным друзьям не показывал. Рано или поздно они будут вместе, и тогда уже навсегда. Потому что жить друг без друга они не могут. Конечно, Арслан сдержан и, подобно ей, своих чувств не выплескивает. Он гордый. Настоящий мужчина. Сильная личность. Такой от любви не раскиселится, нет, только тверже становится. Он себе цену знает, от чувств головы не потеряет, надо — и на самые буйные свои чувства наденет железные удила.

Теперь, когда заживут вместе, одной семьей, все пойдет по-

другому. Квартиру получат хорошую, в самом престижном месте, одеваться будут во все лучшее, а как лето — на юг поедут или за границу. Все-все — в их будущем!

У Арслана слово твердое, он не из тех, кто даст обещание, а потом собственными ногами растопчет его.

Фидаиля с Арсланом даже рядом не поставишь — небо и земля. С какой стороны ни глянешь, совершенно разные. Арслан — ее мечта, ее сегодняшнее и будущее. А Фидаиль? А Фидаиль — ее ошибка...

Нет, ни зла, ни обиды Асия на Фидаиля не держит. От Фидаиля тоже ничего плохого не видела. Он вообще сердиться не умеет. Расстраиваться умеет, самого себя ругать — это пожалуйста, а кого другого в чем-то винить — нет, не может...

Разведутся. Что они, первые, что ли?

Закроет глаза — и сразу встает перед ней могучая фигура Арслана...

Но сын Алмаз почему-то не вспомнился ни разу. Только под утро, когда уже комнату заполнил рассвет и из соседней комнаты послышалось сонное бормотанье ребенка, вспомнила она про своего сыночка. У нее ведь еще сын есть... Но разве это причина отказываться от счастья? Будет расти и горя не знать, дедушка с бабушкой в нем души не чают. Арслану она пока ничего не скажет, что, мол, есть такой Алмаз на свете. Зачем эти дополнительные осложнения? Потом само собой утрясется, как-то уладится, и все встанет на свое место.

И, может, в ту самую секунду, когда при мысли о шофере Фидаиль вскочил с кровати, Асия тоже подумала о том, что случилось на ночном шоссе. Вот номер так номер отколол муженек! В голове не умещается. И что, спрашивается, остервенел? Налетел, как осенний петушок, чуть в яму их не сшиб. Ну, увидел, ну, узнал — пришли бы домой, объяснились... Заварил кашу, теперь долго будет расхлебывать. Львы-арсланы такого не спустят.

Понятно, что на Асию взъярился. Но другие-то чем виноваты?

Короче, что случилось — то случилось. Фидаиль не маленький, года подходящие, за свои выходки сам может отвечать. Отчего Асия за него должна думать? Ее дело сторона. Вот так. Решено — и точка.

17

В предыдущих главах мы уже говорили, что Фидаиль — деревенский парень. Километрах в ста пятидесяти от Казани

схоронился меж холмов татарский аул Лучистая Елань, где он родился и вырос.

Дорогами здесь не похвастаешь, туда захочешь — не доберешься, оттуда захочешь — не выберешься, но леса, поля, воды такой красоты, что ни на какие другие земли не променяешь. Поднимешься на холм, что вытянулся вдоль аула, глянешь окрест, и как войдет в душу Лучистая Елань, так и останется там на всю жизнь. Быстрой паутиной разбежавшиеся улицы и проулки, картофельные огороды, что, надев зеленые фартуки, спускаются к речке, козы, сбежавшие из стада и теперь по-хозяйски расхаживающие в зарослях крапивы и репейника вдоль плетней, гуси-утки, с гоготом бьющие крыльями на лугу возле запруды, женщины, с ведрами-коромыслами спешащие к роднику, малыши, что бегут следом за матерями и все же успевают на бегу подобрать оброненные птичьи перья, — не знаю, можно ли забыть такой аул! Издавна здешние джигиты были на окрестных сабантуях первыми борцами. А девушкам — по их ли серебряным личикам, по их ли золотым рукам! — во всей округе достойных соперниц нет. Как же так, скажете вы, бросить такую красивую деревню и про нее забыть?.. Ну что, скажете, хорошего: уехал парень из аула и теперь в городе мыкается, в лучшие свои годы, когда здоров и силен, как говорится, от железа отщипнет, пусть не в собачьей конуре, но на самой окраине, по временной прописке ютится в тесной комнатенке рабочего общежития. Или в Лучистой Елани шоферы и механизаторы больше не нужны? Захотел бы жениться — разве в родном ауле девушки перевелись?

Лучистая Елань... Услышит Фидаиль это имя, словно из сказки вышедшее, сожмется сердце, и словно муравьи по телу разбегутся. Самые лучшие, самые отрадные в жизни воспоминания связаны у него с родным аулом. И самые безотрадные... Но все же в душу он старается пускать только хорошее; лишь самые добрые, самые светлые воспоминания об ауле и своих земляках.

Но все равно, что бы ни случилось, он туда не вернется. Теперь лишь в памяти живет для него Лучистая Елань. Детские мечты за луговыми туманами остались, юношеские помыслы разлетелись вдребезги. Даже родственников нет, чтобы приехать к ним, о житье-бытье разузнать, кроме каких-то самых дальних, неизвестно с какого конца. На месте их дома теперь репейник да чертополох растут. Хоть бы могила матери в Елани была! Но мама — из другого аула, и, когда погиб-

ла она, отвезли на кладбище в Верхнюю Сунь и похоронили рядом с ее родителями.

Оборвалась его возвратная тропа, давно полынью поросла, но забыть родной аул он не может. Родники, из которых он в детстве пил, казалось Фидаилю, осиротели без него. Склоны холмов, где бегал он босиком, тропинки на дне высохшей старицы тоскуют по нему. Где, в каких гнездах теперь выводят птенцов те скворцы, что каждую весну искали скворечники, сколоченные его рукой? И рябины, которые он посадил вместе с мамой, наверное, давно уже большие. Как наступит осень, поклевать огнем пылающие гроздья слетаются к ним птицы. А тонкий березняк, где бегали они с Юлдашем взапуски, играли в прятки, уже стал большим лесом.

Юлдаш... Опять он вспомнил про него. Сколько тропок, сколько дорог прошли-пробежали они с этим псом! То вперед забежит, то отстанет немножко... казалось, он и сейчас трусит где-то рядышком. Природу Лучистой Елани, его реки, родники, озера, леса, урочища, дороги он и представить не мог без Юлдаша. Вот они на рыбалку идут, на тот край Малого поля, а вот, продираясь сквозь сугробы, поднимаются к ольховнику на холме, лыжные палки себе срезать. Пришли в лес, а здесь снег еще глубже, Юлдашу по самую шею, но он не сдается, бегает, хвостом машет, ищет тетеревиные гнезда. Белая спина, черные торчком стоящие уши в заснеженном лесу кажутся особенно красивыми.

— Мама, а собаки долго живут? — спрашивал он маму. Тем же вопросом и кузнецу Мухаметкану-абзы надоедал, и у охотника Тухвата-абзый допытывался. Но ничей ответ почему-то в памяти не остался. Разные, наверное, сроки называли они, но у каждого получалось, что собачий век много короче человеческого. А Фидаилю такой ответ не нужен.

Приятно вспоминать Юлдаша, но конец у этих воспоминаний всегда один и тот же... А вот — другое воспоминание.

...Школа. Урок географии. Фидаиль считал, что нет предмета важнее этого. Ее преподавал сам директор школы, ветеран войны Махмут-абый. Впрочем, в те годы слова «ветеран» в татарском ауле еще не знали. На войне был — и все. А мужчины, кто постарше, — никто фронта не миновал.

Уберет Махмут-абый седеющие волосы со лба, чуть откинет голову и, тыча указкой по карте, начнет рассказывать:

— Есть такие горы, Карпаты называются... Когда мы вошли в Карпаты, было лето. Вот уж где лето!.. — и, чтобы передать всю прелесть карпатского лета, учитель таинственно щурит глаза и качает головой. — По склонам гор кустарниками изюм

растет, а в садах — черешни. Над забором сливы висят, тебе подмигивают: сейчас, мол, упадем, ты только рот пошире открой!

На этом месте Махмут-абый опять замолкает и держит минутную паузу. Даже по увлажнившимся его губам видно, какие эти сливы-черешни вкусные. Вытерев губы, он продолжает:

— А гранаты, абрикосы, скажу я вам!.. Что хочешь — срывай и ешь...

В татарском ауле еще в шестидесятых годах, кроме картошки, лука, моркови и свеклы, сажать ничего не умели. Дети в мечтах срывают эти сказочные фрукты, пробуют их волшебный вкус... и дружный глубокий вздох проходит по классу — будто филин ухнул. Где уж им сливы, абрикосы отведать, они и названия-то впервые слышат. А Махмут-абый продолжает рассказ, самое вкусное, оказывается, еще впереди.

Один из слушателей, мальчик по имени Заки, не выдерживает, сглотнув слюну, спрашивает:

— Абый, а эти сливы, черешни ты сам пробовал? Расскажи еще, а?

Взгляд учителя изображает глубокое удивление таким вопросом. Он нарочно облизывает губы и говорит:

— Странный ты, Фатыхов... Сам подумай, если бы не пробовал, откуда бы знал, какой у них вкус? По рублю ведро шли эти фрукты.

— Теперь еще, наверное, дешевле, да, абый?

— Не знаю, Фатыхов, вот съезжу, узнаю, потом скажу, ладно?

— Эх, хоть бы немножко попробовать...

— Ладно, хватит, Фатыхов, надо своему аппетиту хозяином быть. Продолжаем урок, — и концом указки он чешет у замечтавшегося мальчика глубокую ложбинку на шее. — Теперь от Карпат поедем дальше...

На прошлом уроке про Кавказ рассказывал Махмут-абый, тамошними диковинами удивлял. Про апельсины, мандарины, хурму рассказывал. Астраханские арбузы и бухарские дыни мальчики и девочки Лучистой Елани тоже на уроке географии впервые собственными своими ушами отведали. Как же такого учителя не будешь слушать с разинутым ртом! Сколько лет учил их Махмут-абый, но слов «там не был», «сам этого не видел» перед классом не произнес. И на полюс собственными ногами поднимался Махмут-абый, и на самых дальних в океане островах побывал. И ни один из благодарных слушателей не усомнился, не подумал даже, что для всех этих путешествий не то что одной, пяти жизней не хватит.

Бывало, заболеет какой-нибудь учитель, и тогда уроки за него тоже ведет директор школы. Криком «Ур-ра!» встречал его класс.

Обычно на уроках истории мальчишки пускали бумажных голубей, девочки играли в почту. Разве можно деревенских ребятишек Древним Римом или египетскими фараонами увлечь?

— В Древнем Египте я не бывал, — сухо признался в тот раз Махмут-абый. — Но Каир весь исходил, вдоль и поперек. Возле Нила на корточки садился, горстями нильскую воду пил. Когда мы вошли в столицу Египта Каир...

Тетрадные листы, приготовленные для голубей, прячутся обратно, карандаши, выскользнув у девочек из рук, катятся по полу. Даже мухи боятся лететь через класс, такая наступает тишина. Как и на географии, учитель и в сады на берегах Нила заглядывает, и по банановым-ананасовым плантациям проходит. Тридцать пар глаз следят за скользящей по карте мира указкой, а когда речь о фруктовых плантациях заходит, в разных концах класса слышатся завистливые вздохи.

Изнывает весь класс, но первым терпение опять истощается у Заки.

— Абый, в этом Египте что, коммунизм уже? — спрашивает он.

«Коммунизм» слово серьезное. Его без внимания оставлять нельзя. Неспешными шагами учитель подходит к ученику и дружески щелкает его по уху.

— Там рабовладельческий строй, Фатыхов, — строгим голосом говорит он. — Смотри-ка, Фатыхов, оказывается, совсем ты истории не знаешь.

— Почему не знаю... Знаю, абый!

— Разве можно коммунизм с рабовладельческим строем путать? — В глазах учителя вспыхивают искры. Он возвращается к карте и задумчиво смотрит в дальний угол класса. — Доживу я или нет, не знаю, а вот ты, Фатыхов, непременно будешь жить при коммунизме.

— «Алла боерса» скажи, абый!

Дружный смех сотрясает класс, над Заки смеются: язык у него беспривязный, ведь это слово только дома можно говорить!

— Бабушкины присказки пора забыть, Фатыхов, — выговаривает ему директор школы. Но сердится не очень, сразу видно, глаза и краешки губ совсем не сердитые. — А сам ты, Фатыхов, наверное, и не знаешь, когда коммунизм наступит.

— Знаю, абый, знаю! Я ведь «алла боерса» затем лишь говорю, чтобы коммунизм скорей наступил.

— А коли знаешь, скажи: когда наступит коммунизм?

Радуясь случаю показать свои знания во всем блеске, мальчик начинает издалека.

— Через пять лет по производству мяса, молока, шерсти и яиц на душу населения мы догоним и перегоним Америку, абый!

— Так-так-так! — подбадривает учитель.

— А еще лет через десять и коммунизм, абый!

Но учителю этого уже мало, чувствует он, позванин ученика еще глубже.

— Точней, Фатыхов, точней говорить надо!

— Ну, абый, через десять лет «минимум», через двадцать «максимум». Во всю длину клуба так написано.

— На воротах школы тоже есть, — вносят дополнение с последней парты.

«Верно», — кивает головой Фатыхов и звучно тянет носом.

— Выходит, знаешь, Фатыхов, — говорит довольный учитель и делает знак садиться.

Теперь внимание его переходит на мальчишек с задней парты, которые, прячась за спиной Заки, шепчутся о чем-то.

— Да, да, тебе говорю, Мухтасипов... Сюда, к карте выходи. Тебя, Файзуллин, тоже касается.

Мальчики, словно телята, которых тянут на аркане, с великой неохотой тащатся к доске. Но, оказавшись за спиной учителя, улыбаются с независимым видом. Это для девочек: вот, дескать, какие мы храбрые, сам директор школы сердится, а нам все нипочем. Думают, не видит он. А Махмут-абый все видит, краешком глаза, украдкой поглядывает на них.

— Мы тут, понимаете ли, с Фатыховым о грядущем заботимся, а вы? Что вы тем временем делаете? Как вам не стыдно?!

— Ничего не делаем, абый...

— Хлебом клянусь, абый, сидели и слушали.

Махмут-абый недоуменно смотрит на класс, потом на мальчишек: можно ли этому верить, мыслимо ли, дескать, такое?

— Ну как, Файзуллин, с тебя начнем? Скажи-ка мне, что у тебя вон в том кармане? Покажи нам, Файзуллин!

— Нет ведь, абый...

— А я говорю — есть. Не стесняйся, показывай, Файзуллин. Давай, ты же храбрый парень!

Ничего не попишешь, из того самого кармана Расих достает рогатку и выкладывает на стол.

— А твоя...

Директор школы ко второму и повернуться не успел, как

тот мигом выворачивает оба кармана брюк, дескать, нет ничего, но Махмут-абый на его карманы и не смотрит.

— ...Рогатка под партой осталась, так ведь, Мухтасипов? Запираться бесполезно. Наиль опускает голову.

— Откуда знаете, абый? — и бежит за рогаткой.

— Эх, Мухтасипов, чтобы наш Махмут-абый даже этого не знал! Не первый же год он сорванцов вроде вас уму-разуму учит, — разрешает себе маленько похвальбы директор школы.

— А вот с теми, кто на уроках рогатки себе мастерит, можно коммунизм построить?

— Можно, абый! А то бы на клубе не написали!

— И на воротах школы тоже... — вносит дополнение Расих, который до этого лишь молча сопел носом.

Но Махмут-абый с ними дальше разговаривать не желает, о чем можно говорить с людьми, которые рогатки строгают?

— Помню, когда мы входили в Париж...

Махмут-абый и Фидаиль жили на одной улице. С его сыном Ильдусом, который учился на класс ниже Фидаиля, они каждое лето на кукурузном поле за гумном рвали траву. Не знаю, как сейчас, а в те годы, начиная с сабантуя и до самой черной осени, у деревенского жителя, старого и малого, была одна забота: как бы сеном запастись? Все луга-поляны распаханы-перепаханы, а возле реки и даже малых речушек бродит колхозное стадо. Если с караульным дружбу не водишь, в лес и не суйся. На трудодень в те годы больше килограмма не давали. Даже солому брать не разрешали, вот уже чем изводили! И не потому, что соломы нет, скирдами на полях оставалась гнить, весною жгли ее. А крестьянину скотину держать хочется, с мясом, с молоком быть, с шерстью и кожей. Хоть, как говорится, кровь из носа, корову держать надо, без коровы и жизнь не в благость.

Может, еще помнит кто: в те самые годы широкую известность получили стихи об одной вороватой старушке. В лютую зиму, буранной ночью, отправилась она в поле, чтобы из колхозного стога утянуть охапку сена для своей козы. Старушка была одинокая, старик, должно быть, а, может, и сыновья погибли на войне.

С голодухи блеют козы...
Взять бы сено у колхоза! —

такими строчками начиналась та незабываемая история. Ничего не оставалось старушке, уговорила соседского мальчишку, взяли они салазки и темной ночью потащились через сугробы на дальнее поле, искать колхозные стога. Фидаилю это знакомо, он и сам не раз ходил в опасное это путешествие. Он и строчки помнит:

Пощиплю колхозный стог —
Ты поглядывай, сынок!

Ну, точно о женщинах Лучистой Елани написано это! Как же забыть эти строки? И вот, когда посреди буранной ночи два злоумышленника выщипывали из колхозного стога сено, вдруг наехал на них конный объездчик. И что же дальше? А дальше — самая суть, кульминация этой поучительной истории, в двух строчках — весь смысл. Талантливый все же народ, эти стихотворцы!

Крикнул сторож: «Руки вверх!»
Тут случился с бабкой грех.

Забавная история поначалу увидела свет в областной газете. Потом ее перепечатали все районки. Выходящий в Казани численник на татарском языке тоже печатал несколько лет подряд — каждый раз в последних числах февраля. Ни один концерт заезжих самодеятельных или профессиональных артистов не обходился без этой старушки. А народ, он-то как? Полный душевный отклик. Забавно же! До слез, схватившись за животы, смеялись оставшиеся вдовами одинокие тетеньки, мы, ребятня, катались по полу. «Смотри-ка, ну, в точности как в нашем ауле!» — говорили все.

Перевод с татарского Ильгиза КАРИМОВА

Окончание следует.

Наши публикации

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И ПОЭТ

Сейчас, когда эфир напоминает Содом и Гоморру, когда выкрикиваемые беснующимися тексты лишены смысла и беспредельно далеки от настоящей поэзии, лишь изредка можно услышать по радио трогательное и прекрасное:

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...

Слова эти написаны в Палермо 5 марта 1882 года великим князем Константином Константиновичем Романовым, более известным любителям поэзии с 1882 по 1917 год по инициалам «К. Р.». Он был очень популярен в России после выхода сборников стихов в 1886—1900 годах. Выдающийся успех имели книги августейшего автора в Германии, переведенные на немецкий язык профессором, доктором Юлиусом Гроссе.

В 1899 году великий князь Константин был избран президентом Академии наук и, возглавляя Пушкинский юбилейный комитет, все силы положил на подготовку торжеств. Ему активно помогал сын гения русской литературы Александр Александрович Пушкин, генерал-лейтенант, герой освободительной войны в Болгарии.

Константин Константинович ратовал за воссоздание Российской Академии наук по «разряду изящной словесности» и 8 января 1900 года наряду с Л. Н. Толстым, В. С. Соловьевым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко стал действительным членом Российской Академии А. С. Пушкина.

Неоднократно удостаивался Константин Романов высшей литературной премии России — Пушкинской.

По силе патриотизма и счастливому сочетанию национального и общечеловеческого, единению души и природы в лирических стихах, удивительному милосердию и любви к детям ему нет равных среди русских поэтов конца прошлого — начала нынешнего веков.

Константин РОМАНОВ

ЧЕРНОГОРИЯ

Посвящается князю Николаю I

О, Черногория! Чьи взоры
Не очаруют, не пленят

Твои заоблачные горы
И бездны пропастей? Чей взгляд
Не залюбуется красою
Сынов воинственных твоих,
Лиц загорелых прямотою
И одеяньем дней былых?
Вы, откровенные улыбки,
И чернота правдивых глаз,
И стан осанистый и гибкий,
Кто не засмотрится на вас?
Какая стройность, что за плечи!
Как поступь гордая легка!
Как русский слух ласкают речи
Полуродного языка!
О, Черногория! Невольно
Благоговеешь пред тобой,
И сердцу сладостно и больно
С твоей знакомиться судьбой.
Со дня, как средь Коссова поля
В честном бою схоронена
Славян утраченная воля,
Три целых века ты одна
Блюла на изумленье света
Свободу родины своей;
Противу полчищ Магомета
Держалась горсть богатырей.
Дож и Калиф забыли споры;
Сковав кольцо несметных сил,
Они твои сдавили горы;
Тебе конец уж приходил.
Венецианский Лев лукавый
Занес уж лапу над тобой,
Тебе готовил пир кровавый
Стамбул, увенчанный луной.
Но мощною тебя десницей
Великий Петр оборонил
И царственною багряницей
От злых насильников прикрыл.
Шли годы... Как в былое время
За волю бились с Чалмой
Юнаков доблестное племя...
И пал над бездною морской
Крылатый Лев святого Марка.
Уж твой, казалось, к морю путь
И свежесть волн лазури яркой
Вдохнет израненная грудь.
В ту пору чуждые народы
Русь избавляла от цепей,
Мы блага мира и свободы
Им расточали все щедрей;
И только братьи соплеменной
Единоверная страна
Державе алчной и надменной
В угоду нами ж отдана...
Где кровь твои лилась ручьями,

В сердца твоих прибрежных сел
Вцепился жадными когтями
Двуглавый Австрии Орел...

Но близок день освобожденья:
Сознав грехи былых годов,
Их промахи, их заблужденья,
Мы сбросим гнет твоих оков.
Недаром с высоты Престола
Был голос Белаго Царя,
И грому вещаго глагола
Внимали суша и моря.
Недаром голос Государя
Вещал грядущему в завет,
Что черногорцев Господари
Для нас вернее друга нет.
Свети же нам во мрак сознанья
Все ярче, царственный глагол.
Лишь на вершинах гор сиянье,
Еще во тьме глубокий дол.
О, запылай и над равниной
Объединения заря!
Славинство, слейся воедино,
Любовью братскою горя!

23 июля 1899
Цетинье — Петербург

* * *

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышало дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи — дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемлют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют —
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури
И — всепрощения привет —
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

Стрельна, 21 августа 1907 г.

* * *

Когда, предвидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостно порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

С.-Петербург, 7 января 1886

НА ИМАТРЕ

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.

На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно зараз;
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.

И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуя,
Кипят в вековечной борьбе.

Автор предисловия и составитель
Валентин СУХОВСКИЙ

10 мая 1890

Трибуна публициста

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

ДИКТАТУРА ЛАКЕЕВ

Смута... Это слово мы теперь произносим уже в полном его, историческом смысле, коренящемся в глуби нашего прошлого. Без всяких условностей и скидок. То, что произошло в начале XVII столетия, то, что в еще большем масштабе стряслось с государством Российским в 1917-м и в последующие несколько лет — то сотрясает страну и сегодня. Иные приметы у нынешней трагедии, совершенно другое обличье, социально-экономические движения и шаги ее — совсем не те, что несколько веков и семьдесят лет назад, но сущность — та же: Смута.

То есть — разрушение государства.

...Слышу голоса, преисполненные триумфальной сладости: нет, идет разрушение Империи! «Коммунистической» империи, империи зла и так далее...

Согласен: разрушается — уже разрушилась — Империя. Согласен и с тем, что создана она была на костях и на крови миллионов людей (а иначе империи не создаются, даже если они зовутся самыми демократическими республиками). И с тем, что в ее устройстве, укладе, общественной атмосфере последних семидесяти лет — а в некоторые периоды и раньше — попиралось достоинство человека и целых народов, воцарялась безнравственность, правление было тоталитарным, правители — людьми, далекими от совершенства, подчас безграмотными и еще чаще — чуждыми нации, не знающими и не понимающими ее. Об этом русские писатели говорили всегда — и в недавние годы, и в давние, даже тогда, когда это было для них гибельно.

И все же — не в словах дело. Государство, охваченное сегодня сотрясениями, можно называть какой угодно империей, но оно было прежде всего — Государством. Великой Державой. А державы строятся, подчеркиваю, с т р о я т с я, возводятся, собираются, созидаются не за десятки лет, а веками, за тысячелетие — как наша. И утверждаются они прежде всего т р у д о м, на труде, на созидании, на творческой воле, они рождаются, мужают, зреют и крепнут как плоды истовой и неистовой, постоянной, ни на день не прекращающейся работы народа. Вот — основа державы. Без такой основы ей не быть при самых совершенных правителях и при самых человечных государственных законах. Трудами многих миллионов славян и других наций и племен была создана держава, именовавшаяся Российской Империей. И — при всех страшных катаклизмах и кровавых бурях, произошедших после Смуты Октября, новое государство, до недавнего времени именовавшееся СССР (опять-таки как его ни зови — «сталинской империей», «Страной Советов», «социалистической общностью республик»), было действительно правопреемником тысячелетней Российской Державы. Лишь безнравственные или безграмотные люди могли утверждать обратное. И все семь десятилетий — жутких, пронизанных геноцидом против народа русского и других народов — она тем не менее оставалась Державой, чье существование было основано на созидании, на труде, а не на захвате чужих богатств и ценностей, материальных и духовных.

Не моя, не современников — грядущих историков задача: выяснить, определить, когда началась Смута? В 1985-м? Или в 1991-м? Или посередине? Одно ясно: ее «архитекторы» и действующие лица, новоявленные герострата, камуфлирующиеся российским «триколором» и другими атрибутами дооктябрьской системы, не «империю» разрушают, не «сталинскую машину подавления», но прежде всего — плоды труда миллионов людей. Они уничтожают громадный материальный, духовный и государственно-интеллектуальный потенциал страны. Разрушается физическое и нравственное достояние и достоинство ее народов, прежде всего — русского. Промышленно-экономические, аграрные и культурные связи меж республиками, несмотря на все издержки, дававшие людям хоть какой-то минимум устойчивого существования, после Августа 1991 года рухнули за несколько недель. Под угрозой близкого распада оказалась военная мощь страны: гарант ее независимости. Наполеон некогда сказал: русского воина мало убить, его еще надо повалить. Сегодня наше воинство именно «повалено», хотя еще не погибло. Армия и флот не «департизированы», не «деполитизированы», они — деморализованы! Деструкции и уничтожению подвергается все, что имеет отношение к понятию «держава» (да, по существу, и к понятию «Отечество»). Словом — СМУТА!..

Она, назревавшая последние пять-шесть лет, прорвалась, словно подземное пламя из торфяника наружу — и заполыхала повсюду после событий 19—23 августа 1991 года, охватила собой все и вся.

...Мне не хотелось бы как впадать в газетно-информационный тон, говоря об августовском катаклизме, так и вообще давать сколь-либо конкретный анализ ему. И не в том дело, что на газетно-журнальных страницах и в эфире сказано уже многое — напротив, как мне кажется, п о с у т и, по правде — сказано очень мало, почти ничего. 9 из 10 журналистов, политологов и людей любых профессий, говорящих о «путче», «перевороте», «хунте» и т. д., уподобляются незабвенным «пикейным жилетам». Как вокруг всякого державного потрясения, вокруг событий Августа уже наворочено черт-те сколько словесного мусора, лжи, вымыслов. Создан и продолжает создаваться некий новый «миф», многоликая и многообразная легенда, разные ипостаси которой порой начисто противоречат друг другу. Создается и своя «иконография», позволю заметить, не менее лживая, нежели «октябрьская». Грязью житейской, Эверестами тщеславия и ам-

биций уже закрыты реальные факты самопожертвования и мужества. «Мы на баррикадах были!» — эта фраза уже стала чем-то вроде: «Я Зимний штурмовал!» Не успели разобрать эти баррикады, как уже стали разгораться скандалы из-за «талонов» и прочих льгот и благ за «оборону «Белого дома». Одним словом — революция!

«Вторая революция» — так всерьез величают августовский коллапс журналисты и политические комментаторы: стало быть, не было ни 1905 года, ни Февраля. Но и те, что пограмотней, настаивают именно на этом определении: революция...

...А я, по своей дурной профессиональной привычке филолога, вновь обращаюсь к семантике, к корневым значениям слов. Так вот: «революция» по-латыни и означает «переворот»... Это во-первых. А во-вторых: господа, товарищи, граждане — да неужели кому-то из нас, из россиян по крайней мере, еще не ясно — неужели нем еще нужны эти революции? Что, не наелись за 73 года, не нахлебались горя и кровавой каши?! И тут, как всегда в тяжкие часы истории, не обойтись без обращения к пророчествам и выстраданным творениям самых трагических созидателей отечественной мудрости. Они-то знали цену этим революциям. Прислушаемся к Василию Васильевичу Розанову:

«Революция всегда будет с мýкою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». . .«Собака на цепи», сплетенной из своих же гнилых чувств.

В революции нет радости. И *не будет*. Радость — слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея».

Понимаю, в определениях, которые сейчас прозвучат, есть, быть может, преувеличенное, огрубленное обобщение, — но автор этих заметок выстрадал их и за последние годы, — и особенно — за последние недели. Так вот: по моему убеждению, «революционеры», приходившие к власти в конце 80-х, в 90-м и 91-м годах и «сосредоточившие ее в своих руках» после Августа, — в основном, за очень небольшим исключением — люди с *лакейской*, неистребимо, непоправимо лакейской психологией, воспитанной в них всей их предыдущей карьерой, внедренной в них системой тоталитаризма, верными лакеями которой они были.

К рычагам управления Россией, Москвой, да нередко и республиками пришли прежде всего те, кто в былые времена больше всего холуйствовал перед «синклитом звездоносных старцев», перед верхушкой КПСС, перед брежневским аппаратом, кто был вернейшей опорой системы подавления. Кто при всяком удобном случае апеллировал к Старой площади, к «марксистско-ленинской идеологии». Кто десятилетиями либо прославлял достоинства «социалистической экономики» на страницах учебников и с вузовских кафедр, либо топтал и давил всяческое свободомыслие, тем более национальную духовность в литературе и искусстве. Пришли и сели (еще садятся, еще и уже дерутся из-за них) в высокоруководящие кресла те, кто всегда обещал нам «светлое завтра» и не давал радости в дне идущем. В этом смысле В. В. Розанов прав абсолютно: такова сущность российских «революционеров» была прежде, такой она осталась и поныне. Радость — чувство созидателей, тружеников, твердо стоящих на

земле. «В объятиях лакеев», «революционеров», «разрушителей» — ненависть, злоба, зуд мщения. И, конечно же, стремление всласть покомандовать.

Вот почему сии новые властители, столпы и рекруты «демократического правления» с самых первых дней стали душить всяческое инакомыслие. Вот почему их лакейская психология сразу же плеснула на множество их оппонентов поток самых «имперских» методов воздействия, среди которых первейшие и главные — репрессирование, «закрытие», «приостановление», «опечатывание», доносительство и, конечно же, обвинение в «поддержке заговора».

Заговор, путч, переворот... Повторяю: не хочу вдаваться в его анализ. Равно как не хочу называть его «опереточным», «карамельным», «поддельным», уподобляясь легковесным комментаторам. Убежден в одном: никакого совершенно объективного расследования августовских событий сейчас быть не может — по тысяче причин, не зависящих от его участников. Не докопаются ныне до истинных корней заговора «восьмерки» даже самые совестливые следователи. Правду — полную правду — мы еще долго не узнаем.

Подтверждение тому — хотя бы во множестве версий и свидетельств, начисто опровергающих победно-фанфарный «миф», уже сложившуюся каноническую легенду о «героической защите народом завоеваний демократии» 19—22 августа: читайте самую что ни на есть «независимую» печать. Не заговор, не организованная попытка взять всю полноту власти в стране, а какая-то гигантская, неестественная провокация. Не надо быть ни опытным политиком, ни специалистом в области военного искусства, чтобы понять: всерьез воспринимать действия ГКЧП как реальный шаг по контролю над государством невозможно. Невозможно поверить и в то, что высшее военное командование «не отважилось», а офицерство не выполнило бы приказы сверху, если б таковые поступили... Наивно все это. Наивно думать, например, что спецподразделение «Альфа» (которое, как известно, в 1979 году, штурмуя в Афганистане дворец свергаемого Амина, своих немало перебило) саботировало приказ о захвате «Белого дома». Не менее наивно предполагать, что руководители заговора не знали простейшего и первого условия захвата власти: немедленного, мгновенного ареста главных политических противников...

Словом, очень много тут неясного, сугубо провокационного (вроде щедрого, невесть откуда взявшегося подвоза спиртных напитков на баррикады, равно как и миллионного «денежного дождя»), вплоть до гибели трех парней — ведь бронеколонна уже не на штурм шла, а *уходила* из Москвы: кто повел ребят воевать с уходящими машинами?.. Нет, не верю я ни единому слову официально принятой трактовки путча — и не поверю, а потому и хватит о нем.

...Слов нет, кое в чем с «революционерами» можно согласиться — в том хотя бы, что путчисты заслуживают искренней благодарности. Нет худа без добра: многим и многим осточертевшая марксистско-ленинская «косметика» государственного лица, державной фактуры сметена сразу и начисто. Автор этих заметок, не расставшийся с партбилетом, ничуть не жалеет о том, что развеялся пресловутый «призрак коммунизма», что лишился власти аппаратный многоглавый монстр на Старой площади. Тем бо-

лее радостно, что на площадях столицы и других городов не будет более памятников палачам России. Тем более — что исчезают с улиц, из парков и дворов сотни уродливых «лукичей», в различные ядовитые цвета окрашенных: как ни относись к В. Ульянову, эти «лукичи» были просто издевательством над ним...

Но (если памятников и имен касаться), господа «триумфанты», вспомните: и год, и два, и три года назад, когда многие русские литераторы и патриотически настроенные деятели культуры требовали убрать (именно убрать, не сбросить с помощью взъяренной толпы) изваяния Свердлова, Дзержинского и других большевистских лиходеев, вернуть российским городам их прежние имена — не из вашего ли стана неслись возмущенные возгласы, обвинения в шовинизме, черносотенстве, кое от кого — и в антикоммунизме. Теперь — сбылось, истуканы пали, фирма «М. Шатров и сыновья» что-то не спешит встать грудью за «верных ленинцев» и за самого вождя — но те же русские писатели снова у вас виноваты...

И опять-таки: «Смотрите, кто пришел!» Нет радости от этой «революции», ибо прежние «призраки» сменились не менее ужасающими. «Коммунистическая» бюрократия сменилась «демократической», и последняя переплюнула и общеголяла первую по всем статьям за невероятно краткий срок, по всем параметрам самодурства, неумения хозяйствовать, неумения понимать даже «сочувствующих», но зато большого умения «разрушать до основанья», железной рукой подавлять инакомыслие. И — конечно же, «хапать», делить кресла, делить и захватывать «сферы влияния». «Комчванство» сменилось «демчванством»: что тут удивительного: ведь «нынешние» в большинстве своем вышли из «бывших», из второго и третьего (а кое-кто и из первого) эшелона партократии и ее «верного молодого помощника». Складывается, например, впечатление, что Г. Х. Попов «и его команда» просто времени не имеют для налаживания жизни в Москве, некогда: то в футбол играют, то по ТВ выступают как политобозреватели, то в зарубежных вояжах пребывают, то маячат на приемах и банкетах.

Добро бы еще столичный городничий лишь писательскую организацию наказывал (вновь вспоминается В. Розанов: «Вообще драть за волосы писателей — очень подходящая вещь»), но он восстановил против себя и новый слой «деловых людей», коммерсантов, биржевиков, задавив их драконовскими налогами почище незабвенного премьер-путчиста Павлова. Состояние с управлением столицей — да и всей Россией — напоминает некий «театр абсурда», где сплелись и протекционизм, и раздача «высокоруководящих кресел» и привилегий согласно политическим пристрастиям, и все, чем прежде отличался «аппарат» любых уровней, да только это «все» — в кубе и в квадрате...

Если б это было только мое, завзятого «антидемократа» мнение! «Демократический» экономист А. Аганбегян в телевизионном интервью называет своего коллегу-мэра, отбросив академическую благопристойность... словцом, выражающим недоверие к умственным способностям последнего. Еще бы! Ведь градоначальник широким эллинским жестом выгнал на улицу Академию народного хозяйства, руководимую Аганбегяном, дабы вселить туда другую, советско-американскую, уже им, Поповым, руководимую. А вселился хоть в одно из «приватизированных» зданий КПСС детский дом? Школа? Дом престарелых? Куда там! — всюду поселяется «новый», столичный или республиканский аппарат. И даже детские клубы изгоняются из прежних помещений — освобождается «площадь для бизнеса», коим занимаются все те же новоявленные «революционеры»... Мудрено ли, что в печати появилось письмо американского миллионера, обращенное к нашим соотечественникам, содержащее такое утверждение: «К власти приходят негодяи, попирающие само понятие «демократия».

И еще одно высказывание. «Вижу взлет местечковых амбиций на московском, республиканском и других уровнях. Вместо того, чтоб страну спасать, грызутся за теплые местечки». Что это за консерватор и шовинист вещает по радио? Н. Шмелев, удрученный тем, что ни одно его радикальное экономическое рацпредложение не принимается его соратниками по демократии, дорвавшимися до власти... Вот тебе и «Авансы и долги»...

«Вакханалия бесправия! Вакханалия назначений!» — в отчаянии восклицает в радиоэфире отнюдь не консервативный экономист и политолог Татьяна Корягина (вспомним, именно она впервые более года назад произнесла слово «заговор» — и открытым текстом указала, что он кроется в недрах «теневой» экономики, фактически уже тогда шедшей к государственной власти).

Вот одна из самых красноречивых примет этой вакханалии: сентябрьская битва меж Моссоветом и мэром столицы из-за назначения последним на пост начальника московской милиции А. Мурашева — функционера «Дем. России», ни сном ни духом не причастного своей прежней деятельностью к охране общественного порядка. Как известно, моссоветовские депутаты, протестуя против такого неразумного шага, держали голодовку — но Г. Попов с эллинской твердостью стоял на своем. А его заместитель В. Боксер так оправдывал действия своего шефа, выступая по радио: «Да, мы назначили Мурашева, потому что он — проверенный демократ» (разрядка моя. — С. З.).

Вот так логика! До боли знакомая, не правда ли? Еще совсем недавно при утверждении на руководящие посты слышалось: «Он проверенный, убежденный коммунист!» Теперь — «убежденный демократ» — невелика разница... Когда же «рулевые» поймут, что единственным определяющим качеством должен быть здесь лишь профессионализм человека, его рабочие качества. А до тех пор, пока лесников будут назначать руководителями тяжелой индустрии, а журналистов — шефами государственной внешней политики, в стране будет продолжаться вакханалия хаоса...

У «партийности» демократических боксеров есть, впрочем, одно точное, нашей горькой историей проверенное имя — большевизм. Или — необольшевизм, если хотите, суть не меняется...

И еще несколько слов о партийности — в прежнем смысле...

Президент Горбачев отрекся (в кратчайший срок!) от «коммунизма» — его право. Но генсек Горбачев предал ту организацию, которая сделала его своим лидером и Президентом. И Президент Горбачев поломал через колено все конституционные акты и законы, фактически разогнав ее (или согласившись с разгоном) через формальное приостановление деятельности КПСС.

А она, эта организация была не столько партией, сколько государственной структурой. Она была, можно сказать, арматурой в

корпусе государственного здания. В нее вступали — помимо, конечно, отъявленных карьеристов, конформистов, бездарей и приспособленцев, кроме всяческой нечисти (которая и побежала из нее в годы «перестройки»), наиболее деловые и мыслящие, наиболее личностно яркие, неординарные люди: иначе было невозможно работать «на полную катушку», проявлять весь свой потенциал — иначе было не пробить никакие дурацко-бюрократические препоны.

Действительность последних полутора лет показала: в большинстве краев и областей страны минимальный порядок и экономика держались все-таки не на новоизбранных Советах — в силу «вышеуказанных причин» или просто из-за их слабости, но, по «застойной» традиции, на тех партработниках, что еще не потеряли голову в наступающей крутоверти безвластия и анархии, что делали дело в любые времена. На той самой «арматуре» государственного корпуса. Теперь она распалась: что получается — мы видим «с глубоким прискорбием».

М. С. Горбачев, быть может, думал на своих постах «об интересах народа», но вот о людях, об их душах, об их личностном бытии — об этом он не думал никогда, не мог заботиться в силу своей хотя бы психологии «секретаря обкома». И после своего краткого «заточения» в Форосе, тоже весьма загадочного, он попросту плюнул на миллионы людей с партийными билетами. А ведь не они его предали, а те, кого он сам к себе, в ЦК, в Политбюро приближал.

...Сегодня, в эти дни, множество пожилых людей уходит из жизни: инфаркты, инсульты... Не могут ветераны перенести ударов, посыпавшихся на них после Августа. Мы можем не соглашаться с этими людьми, спорить с ними, не принимать их взглядов — но мы не можем не признать, что на их плечах десятилетиями держалась страна. Генсек плюнул на них. Городничий Москвы — прикрыл Комитет ветеранов (комитет 50 миллионов старейшин войны и труда). Такова логика власти в «демократической» стране.

Но вместо прежних партийцев, в массе своей не имевших никакого отношения к ленинскому «большевизму», пришли и уселись в «руководящие кресла» настоящие большевики. Крепкие, выдержанные. Проверенные. И, как бы они себя ни называли, как бы ни отделяли себя от «большевизма», сколько бы ни сбрасывали статуй недавних своих кумиров — они плоть от плоти их верные преемники. Не только что Троцкого и Свердлова духовные (хотя кое-кто и в кровном родстве с ними состоит) потомки, но еще и тех революционеров, которые были изображены в гениальном творении Достоевского. Творении, ставшем предупреждением всему XX веку — да мало кто прислушался...

Отличительная черта б е с о в — многоликость, умение менять маски. Но сущность остается неизменной. Прислушаемся же к тому, что сказал автор «Бесов» об этой сущности в своем «Дневнике»: предупреждение донельзя актуальное:

«...Вообще тип русского революционера, во все наше столетие, представляет собою лишь наияснейшее указание, до какой степени наше передовое, интеллигентное общество **разорвано с народом, забыло его истинные нужды и потребности, не хочет даже и знать их** и вместо того, чтоб действительно озаботиться облегчением народа, предлагает ему средства, в высшей степени несогласные с его духом и с естественным складом его жизни и которых он совсем не может принять, если бы даже и понял их... Эта каша может кончиться лишь сама собою, но тогда только, **когда восполнится и заключится цикл нашего европейничанья и мы все воротимся на родную почву всецело»** (выделено мной. — С. З.).

Пророки наши мыслили категориями веков и тысячелетий, а не категориями «пятилеток» или «500 дней». И потому, когда я слышу или читаю, — мол, что ж не сбываются предсказания классиков и духовных пастырей, — то отвечаю: умерьте ваш скепсис! «Цикл нашего европейничанья», обезьянничанья по отношению к государственным и административным структурам западных стран («мэры», «префекты» и пр.), лишь разгоравшийся в прошлом веке, ныне — на гребне, а стало быть, близок к спаду по всем законам природы. Прорицания наших ясновидцев сбываются всегда — да не вдруг. Вспомним: почти век прошел, прежде чем в явь воплотилась та жуткая картина бедствий и разбоя, что была создана Лермонтовым в его «Предсказании» — но как воплотилась! Во всех подробностях, вплоть до появления «мощного человека», булатным кавказским ножом исполосовавшего страну... А пророчество Серафима Саровского о том, в какую грядущую годину народ вновь обретет его святые останки?! «Живем столетьем — не одним мгновеньем» — сказано русским поэтом-подвижником нашего века.

А мы, как и прежде, хотим «всё сразу» — через год, через пять лет: никак не отойдем от злой магии «контрольных цифр» вроде «коммунизма в 1981 году». Отбито само чувство Истории в наших душах и умах, способность воспринимать ее как космос, ее творцов духовных и пророков — как подлинных вершителей судеб мира, в отличие от всевозможных «партийно-государственных деятелей»... Определение, которое Достоевский дал «нашим революционерам», потому столь актуально сегодня, потому относится именно к «н а ш и м» разрушителям отечественности, что писатель узрел самую устойчивую черту этих людей: их чужеродность природе земной и народной, — отсюда и их устойчивое впадание в бесовщину террора. Ту, что и творится теперь опять, на наших глазах. Вот, если хотите, первейшее доказательство того, что пророчество мученика «Мертвого дома» уже сбывается...

И красота спасет мир — но только если мы сами ее, красоту, спасем: об этом, естественно разумеющемся условии пророчества Достоевского мы тоже забываем.

Но пока — пока мы видим уничтожение красоты, а не спасение, разрушение ее новыми «революционерами», ее удушение «в объятиях лакеев»... Видим новую волну тоталитарного варварства. Жизнь отечественной культуры, и без того обескровленная «остаточным принципом», теперь близка к исчезновению — и не только под прессом коммерциализации. Об отношении «демократической» власти к литераторам — несколько позже; но и все прочие сферы духовно-интеллектуального бытия в стране, все, что не дает немедленно барышей, обрекается на вымирание планированием «революционных» экономистов. Начисто прекращаются государственные дотации множеству учреждений культуры (что самое страшное — с детьми и подростками работающих). К нулю сводится финансирование большого ряда гуманитарных программ. Фактически разгоняются существующие под эгидой Академии наук научно-исследовательские комплексы, институты и группы, работающие над проблемами философии, филологии, истории и теории искусства;

«срезаны» и без того ничтожные расходы государства на реставрацию памятников старины. Список этих варварских решений, постановлений и действий нового руководства Москвы и России можно длить и длить, после Августа они вообще посыпались горохом из дырявого мешка.

Что же это, как не «необольшевизм»? А если добавить к сему целый ряд самых «крутых» готовящихся мер по искоренению в самое ближайшее время коллективных сельских хозяйств (что однозначно в нынешней ситуации может привести лишь к голоду), если добавить, что уже во многих российских землях воля избранных местных Советов попирается президентскими «наместниками» (в Древнем Риме такая должность называлась — «сатрап»), если... Если еще не забывать о том, что в марте 91-го — не без настойчивых усилий генсека-Президента — был проведен референдум, в результате которого «квалифицированное большинство» населения страны проголосовало за сохранение Союза республик,— а в начале сентября союзный парламент под мудрым руководством того же М. С. Горбачева перечеркивает волю этого большинства, фактически распуская союзное государство, если вспомнить все это, то...

То невозможно уйти от вполне определенного вывода: переворот произошел, государственный переворот все-таки успешно состоялся и вовсю разворачивается.

В результате этого переворота к власти в России, в сохранившихся еще структурах Центра и в республиках пришли те, кого можно назвать только «большевиками» (или «необольшевиками»), под какими бы личинами они ни действовали — «демороссов», «самостийников», сторонников религиозно-фундаменталистского управления или «социалистов парламентского толка». И они вновь, как в 1917-м их духовные предки, начали свой гигантский, антигуманный, антинациональный, антикультурный эксперимент над страной и ее народами. Совпадения в развитии событий 17-го и 91-го порой просто поражают (не мной одним — многими «независимыми» замечено). Вот тут и задумаешься поневоле: так ли уж случаен был этот самый ГКЧП? Не была ли глубоко продумана его «бездумность», действительно напоминающая рисунок из школьного учебника: «движения собачки с удаленным мозжечком»... Уж если кому и были нужны всерьез такие «хунтисты», так это тем, кто давно и всерьез стремился к разрушению государства. Янаевско-павловский «заговор» и его донельзя идиотское «осуществление» действительно послужили своего рода «детонатором» для взрыва, «необольшевиками» свершенного...

Так что же изменилось к лучшему в нашей общественной жизни с «победой демократии»? Мне кажется, нравственно-социальная атмосфера общества становится по-настоящему «застойной», являет худшие черты как официозной помпезности, «захлеба», так и враждебности по отношению к какому бы то ни было разномыслию. Тут не обойтись без цитат из радиоэфира, из телепередач. Я аж вздрогнул, услышав из уст ведущего «обновленной» программы «Время» в середине сентября следующее торжественное утверждение: «Наша страна уверенно идет по пути демократических перемен!» Другой ведущий заявляет: «Наша страна уверенно, хотя и с трудностями, идет к рынку!» Боже мой, челюсти ломит от тоски: сколько же раз (сотен, тысяч раз!) мы уже слышали подобное в былые десятилетия, сколько раз нас уверяли

боевитые дикторы и бойкие комментаторы в этом же с той лишь разницей, что вместо «рынка» и «демократии» звучали в эфире «развитой социализм» и «экономная экономика»... Так и видится плакат с улыбающимся вождем: верной дорогой идете, товарищи!

«Мы все живем итогами съезда!», «Мы все с нетерпением ждём съезда!» — с придыханием провозглашают начавшие свой путь в «комсомольском» эфире журналистки... Милые мои, позвольте спросить, кто эти самые «мы»? Если «мы» — это «вы», то прежним, стандартно-официозным остался не только стиль ваших изречений, но и мышление ваше. Ибо людям трудовой России, как бы ни были они настроены по отношению к новой власти, осточертели эти фанфарно-победоносные сентенции, эти восхваления тому или иному съезду и упования на него — неважно, «коммунистический» он или же «съезд народных избранников»: как прежние душу не грели, так и от новых толку нет.

...И экс-генсек (похоже, на все согласный, лишь бы не стать экс-Президентом), раньше возмущавшийся «парадом суверенитетов», теперь с одобрительным спокойствием относится к «параду независимостей». Несомненно, лавинообразное движение распада, им начатое, само уже не остановится: речь идет лишь о том, чтобы оно принесло наименьшие страдания народам республик бывшего СССР — всем народам, каждому человеку, даже самой малочисленной народности. Но очевидно: для этого либо ничего не делается (как несколько лет кряду — в ситуации с Карабахом), либо... Пусть меня еще раз обвинят в злословии, но не сказать не могу: делается обратное.

Год с лишним назад А. И. Солженицын в своих «Посильных размышлениях» говорил о том, какие опасности таит в себе «азиатское подбрюшье» — особенно нахождение в составе Казахстана огромной территории, искони населенной славянами, в основном потомками казаков. И вот уже экстремисты из «коренного населения» (составляющего менее 40 процентов республики) устраивают антиказацкие погромы, вздымают новую волну вражды к русским и украинцам — это, дескать, земля лишь для казахов. А президент Назарбаев — в отличие от своих украинского и белорусского коллег — уже требует и «ядерной» независимости для республики: всем ли ясно, какой катастрофой могут обернуться такие притязания? Так с какой стати 6 миллионов славян должны становиться подданными чужой страны, где попирается их национальное и культурное достоинство, да не просто подданными — а, по существу, заложниками атомной мощи, которая окажется в руках дилетантов от политики...

И с какого, простите, перепугу полтора миллиона русских и украинцев, в Приднестровье живущих, должны стать гражданами «Великой Румынии» (то же можно сказать и о болгарах и о гагаузах — тюркоязычных христианах, чьи предки не в Молдову, не в Румынию некогда бежали от султанского ига, но именно под власть российской короны!)? Что уж говорить о тех «некоренных», кто в Прибалтийских республиках будет вообще лишен всех прав (а то и жилья, и работы — как многие из них уже сегодня), — да и вообще обо всех почти 70 миллионах россиян, живущих сегодня за пределами России, — я не спрашиваю, подумал ли о них, об их судьбах М. С. Горбачев, ибо тут вопрос давно звучит риторически, но думает ли о них Президент России? Его поклонники ответствуют: конечно, ведь в соответствующих договорах с этими

республиками есть слова о защите прав русскоязычного населения... Но, Боже мой, мы уже сегодня видим, что и высшие, и средние чиновники новых «независимых» государств обращаются со страницами, на которых запечатлены эти договоренности, как, простите, с туалетной бумагой: «некоренных» уже репрессируют морально, а во многих (и множащихся) случаях и физически.. И в памяти моей опять оживают весенне-летние встречи с прибалтийскими россиянами, с беженцами из других краев, опять звучат их полные отчаяния слова: «Нас все предали, и Ельцин, и Горбачев».

Таковы «издержки» новой, образца 1991 года «революции». А если быть более точным: таковы ее самые реальные плоды. И случайно ли «независимая» печать, нехотя обращаясь к ним, изрекает нечто, близкое к присловью сталинских времен: «Лес рубят — щепки летят». Но лесов и в буквальном смысле у нас мало остается, да и сколько ж можно народ уподоблять лесу — проводить на нем очередной эксперимент, все более схожий с откровенным геноцидом..

Как говорят ныне, «эксклюзивное» высказывание, потрясающее откровение вырвалось у М. Ростроповича: «Когда мы услышали, что в России переворот, подумали, что к власти пришли такие, как Собчак, Яковлев, достойные люди. А потом показали пресс-конференцию этих из ГКЧП с трясущимися руками»...

Лихо! А если б переворот совершили «такие», «достойные» — значит, он был бы законным, оправданным? Судя по умонастроениям многих нынешних «революционеров», можно сказать, что они именно так и считают. Логика беззакония, логика необольшевиков воцарилась ныне во «влиятельных сферах»...

Что доброго для населения сделали «триумфанты Августа» в высших эшелонах власти, что? Ведь теперь им невозможно стало списывать беды и прорехи на «происки консерваторов», значит, за дело надо приниматься. Где оно, дело? Ладно, нововведения надо продумывать, но ведь есть необходимость в шагах безотлагательных, которая и ребенку ясна. Кстати, о детях: почему бы было законодателям-победителям не отменить драконовские постановления имени экс-премьера Павлова хотя бы в той части, что касается цен на одежду и питание для детей? Вернуть на уровень «до 2 апреля» цены на транспорт, ликвидировать нововведенные сумасшедшие налоги, в результате которых гибнут учреждения культуры, — да сколько еще можно бы было сделать! Нет! В парламентах успешно идет и разгорается лишь партийно-политическая грызня, сведение счетов. Вот что говорит об этом наш зарубежный соотечественник-писатель, пострадавший в былые времена много больше прославленного виолончелиста:

«Диву даешься, как по-европейски одетые и упитанные мужчины и принаряженные, словно на вечерний прием, женщины из числа народных избранников целыми днями горячо и заинтересованно обсуждают, кто и где был в ночь переворота? Да оглянитесь вокруг себя, милые!.. Под вами же земля горит!»

Горит! Не могу не согласиться с Владимиром Максимовым — только оглядываются эти революционные «дамы и господа» во гневе, в жажде мщения, никакой реальности не видя и не желая видеть, опять-таки подобно их предшественникам в 17-м году. И еще одна мысль русского парижанина из его эссе, опубликованного у нас в сентябре, представляется мне наиболее точно

относящейся к происходящему: «...до сих пор тоталитаризм приходил в мир только слева. Например, из недр итальянской социалистической партии и рабочей партии Германии».

Подводя некоторые итоги, пора сказать и о том, что даже сугубо внешние, «обрядовые» приметы отношения к лидерам новых властей, их «культовое» обожествление не могут не пугать своим разительным сходством с временами минувшими. Речь не только о России: в «независимых и демократических республиках» всюду — в каждой на свой манер — прошли и идут различные «коронации». Реки елея уже вылиты на голову бывшего скромного профессора музыки, ставшего диктатором Литвы, уже вышло собрание его сочинений, написаны книги о его «славном пути». На юге — соответственно темпераменту — хвалы еще медовее, лавры еще пышнее: «отцом Молдовы» именуется в печати кишиневский президент. В Средней Азии все идет по давно накатанному пути, однако есть и новые ноты: «Отец нашей нации президент Каримов будет добиваться желанного для нас поворота северных рек!» — восклицает в узбекской прессе вроде бы серьезный ученый — вот вам, русские писатели, сувенир от восточных «социалистов»...

Мне не хотелось бы стать пророком, но очень боюсь, что эти «внешние приметы» обернутся опасным сходством развития событий для России. «Я прахом готов лечь у ваших ног» — не кто-нибудь, министр культуры Грузии так клялся в верности своему президенту, «герою нации», бывшему диссиденту (в отличие от своих товарищей по борьбе «расколовшемуся» в 70-е и тоже клявшемуся в верности тогдашнему грузинскому правителю Э. Шеварднадзе). На руках ведь носили Звиада Гамсахурдиа восторженные толпы еще несколько месяцев назад; чем обернулось? Кровавой баней, резней на проспекте Руставели (и, что интересно, в «большом» Верховном Совете никто не требует создать комиссию по расследованию)... Кровь в Приднестровье, кровавые столкновения в Средней Азии...

Но я не вижу большой разницы между обожествлением республиканских «отцов наций» и между возлаганием различных лавров на главу Президента России. Чего стоит одно лишь предложение распаленного мэра Москвы: помните, тот предложил увенчать Бориса Николаевича Золотой Звездой; слава Богу, у Ельцина хватило здравомыслия разгневаться на такой испытанный акт подхалимажа — но ведь продолжают литься реки елея... Не дай Бог, чтоб эти потоки принесли российскую высшую власть к повторению событий на проспекте Руставели: масштабы-то у нас не грузинские...

Руставели... Памятник великому грузину стоит в маленьком сквере на Пресне, неподалеку от моего дома. Выхожу туда отдышаться... Все, как обычно: направо шумит Тишинский рынок, где властвуют те или иные южные мафии, сменяя друг друга, но постоянно потрясая москвичей ценами; налево — германское посольство, вокруг которого толпятся «наши» немцы, жаждущие вернуться на родину предков. Наша повседневная жизнь... Сурово смотрит на нее автор «Витязя в тигровой шкуре», и на постаменте памятника даже ночью светятся его строки: «Зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно».

Тяжко, тошно... Смута... Но — верю Поэту!

Иван ИЛЬИН

БЕЛАЯ ИДЕЯ

Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Но силою исторических судеб нам пришлось поднять ныне его знамя в России, и мы несем это знамя с чувством величайшей духовной ответственности. Не мы создали его: оно древне, как Русь; мы только стали под него, опять как бывало, в час смуты и разложения <...>

Движущая идея белой борьбы проста, как сердце честного патриота; сильна, как его воля; глубока, как его молитва о родине. Она вела белых с самого начала; и тогда, когда их сознание еще не могло формулировать ее; она поведет их и далее, после того, как она будет до конца осознана и выговорена. Без нее вооруженная белая борьба была бы обычной гражданской войною; с нею и через нее — она возрождала древнюю русскую патриотическую традицию и знаменовала зарождение новой, государственно здоровой России... В то время, когда вооруженная борьба только еще начиналась, бывало так, что борющиеся вливались в нее по отрицательному признаку: по признаку неприятия коммунистической революции. Однако бороться с коммунистами можно было по разным побуждениям и мотивам — и личным, и партийным, и имущественным, и мстительным; и те, кто боролся по этим, не белым побуждениям, бывали, конечно, драгоценны и полезны в сражении, но бывали и опасны для белого дела вне боя... Но и тогда уже многие, очень многие, именно те, кто составляп основное, неутомимое ядро борцов, носили в своем сердце то положительное, простое, сильное и глубокое, что образует природу белого сердца и белой воли. С тех пор неудачи и испытания, соблазны слева и справа отметали и отвоевали все шаткое и небелое от крепкого и белого. Время шло. Те, кто выдержал горнило боя и разоруженного лагеря, вступили затем в горнило черной работы и рассеянного изгнанничества. Это горнило еще не изжито нами. Но, может быть, не за горами и его конец, и тогда круг подготовительных испытаний будет нами пройден. И сквозь весь этот круг мы пронесли и пронесем наше знамя, нашу идею, простую, сильную и глубокую.

Эта идея выношена нами в военной борьбе с революцией и коммунизмом; но белое дело не исчерпывается этой борьбой и не сводится к ней. Вот уже шесть лет, как белая армия лишена

оружия и не сражается с коммунистами; ее дух не поколеблен, ее цели не померкли, ее бытие не потеряло смысла. И дух ее, и смысл ее будут жить неумаленными и в том случае, если исторические судьбы не приведут ее в дальнейшем к возобновлению прервавшейся вооруженной борьбы. Белое дело по необходимости велось и, может быть, будет вестись и далее — мечом; но меч совсем не есть его единственное оружие. Белый дух будет верен себе и в гражданском служении, и в созидающем труде, и в воспитании народа. Пройдут определенные сроки, исчезнут коммунисты, революция отойдет в прошлое; а белое дело, возродившееся в этой борьбе, не исчезнет и не отойдет в прошлое: дух его сохранится и органически войдет в бытие и строительство новой России. Ибо, возродившееся в отрицании, белое дело отнюдь не исчерпывается отрицанием; собрав свои силы в гражданской войне, оно отнюдь не питается гражданскою войною, не зовет к ней во что бы то ни стало и не угасает вместе с нею; пробужденное революцией, оно отнюдь не сводится к «контрреволюции»; борясь против гибельной химеры коммунизма, оно совсем не выдыхается вместе с этой химерой; восставая против интернационала и его предательства, оно имеет свой положительный идеал родины. Поэтому не правы все те, кто думает или говорит, что белое дело есть то же самое, что «вооруженная контрреволюция»...

Эта неправда связана с другою такою же неправдою, будто белое дело есть дело «сословное» и «классовое», дело «реставрации» и «реакции». Мы знаем, что есть «сословия» и «классы», особенно сильно пострадавшие от революции. Но ряды белых борцов всегда пополнялись и будут пополняться совершенно независимо от личного и сословного ущерба, от имущественного и социального убытка. И в наши ряды с самого начала становились и те, кто все потерял, и те, кто ничего не потерял и все мог спасти. И в наших рядах с самого начала были и будут до конца люди самых разных сословий и классов, положений и состояний; и притом потому, что белый дух определяется не этими вторичными качествами человека, а первичным и основным — преданностью родине. Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства... И сама белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патриотическом и государственном. И понятно, что те, кто неспособен к этому, — не выдерживают соблазнов и обсыпаются налево или направо.

Подобно этому, белое дело никогда не было и не будет делом «реставрации» и «реакции». Быть может, есть люди, которые желали бы механически поставить все на старое место, но среди нас нет таких людей. Мы не политическая партия и не обязаны иметь выработанную политическую программу; среди нас есть место людям различных уклонов, оценок и влечений. Но суровая борьба научила нас всех глубже всматриваться в исторические события и трезво учитывать условия реальной жизни. И потому мы свободны и от революционных и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России — это исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому негодующему состоянию,

из которого выросла революция со всем ее позором и унижением.

Придет время, когда белое движение примет форму патриотического ордена и породит национальную политическую партию. Сейчас это время еще не пришло: белая организация еще оторвана от своего государственного лона; она еще не освободила Россию. И потому она имеет и должна иметь ныне форму невооруженной армии, облеченной в ризу «Общевоинского Союза». Эта организация не завершила еще своего исторического испытания. И задача ее ныне состоит в том, чтобы углубить, очистить и укрепить свой дух, соблюсти личные силы и свою организацию, особенно знать свою идею и пребыть до конца в верности своему знамени.

Белое дело требует прежде всего белого духа. Утратить дух — значило бы утратить все; соблюсти и укрепить его — значит спасти главное и выполнить нашу историческую миссию. Дух может и не иметь политической программы; но он имеет свои основоположения, свои неоспоримые аксиомы. Формулировать эти аксиомы — значит выговорить нашу идею. Эта идея редко нами выговаривается; но живет она во всех нас, в нашем чувстве, в нашей воле, в наших поступках. Это значит, мы живем ею. И вот эта жизнь — вера в нее, борьба за нее, смерть за нее — и составляет наше белое дело. И нашей главной заботой должно быть ныне то, чтобы белое дело, жившее и до нас, но не раз затеривавшееся в истории России, сохранилось после нас и творчески вошло в жизнь нашей родины. Ибо мы должны быть уверены, что если бы Россию вела белая идея, то не было бы вовсе революционного крушения; и если бы белые девизы владели русскими сердцами, то Россия и ныне цвела бы во всей своей духовной красоте и во всем своем государственном величии.

По глубокому смыслу своему белая идея, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея религиозная. Но именно потому она доступна всем русским — и православному, и протестанту, и магометанину, и внеисповедному мыслителю. Это есть идея борьбы за дело Божие на земле; идея борьбы с сатанинским началом, в его личной и в его общественной форме; борьбы, в которой человек, мужаясь, ищет опоры в своем религиозном опыте. Именно такова наша белая борьба. Ее девиз: Господь зовет, сатаны убоюсь ли?

Поэтому если белые берутся за оружие, то не ради личного и частного дела и не во имя свое: они обороняют дело Духа на земле и считают себя в этом правыми перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы; она направлена против сатанинского начала и несет ему меч; но внутренне она обращается к Богу и возносит к нему молитву. Господь не вкладывает нам в руки меч; мы берем его сами. Но берем мы его не ради себя и сами готовы погибнуть от взятого меча. И из глубины этой духовной трагедии мы обращаем к нему наш взор и нашу волю. И в жизни наша борьба и наша молитва являются единым делом. Девиз его: моя молитва, как меч, мой меч, как молитва.

Это означает, что белая идея есть идея волевая. Пассивный мечтатель, колеблющийся, сентиментальный, робкий — не шли и не пойдут в белые ряды. Белый — человек решения и поступка, человек терпения, усилия и свершения. Жизнь есть для него действие, а не состояние; акт, а не стечение обстоятельств. Ему свойственно двигаться по линии наибольшего, а не наименьшего сопротивления. Ему свойственно не созерцать свою цель и не мечтать о ней, а пробиваться к ней и осуществлять ее. Поэтому его девиз: умей желать, умей дерзать, умей терпеть. И еще: в борьбе закаляюсь, в лишениях крепну.

И все это во имя идеала, которому белое сердце предано, во имя которого белая воля напряжена. Жизнь без идеала, жизнь безыдейного авантюриста и карьериста непонятна и отвратительна белой душе. Белый живет чем-то таким, чем поистине стоит жить, стоит потому, что за это стоит и умереть. Этот идеал для него не мечта, а волевая задача; не предмет пассивного воображения, а предмет живых усилий. Он любит его огнем своей души, и любовь эта может стать грозою. И потому девиз его: грозная любовь, честная борьба.

Это значит, что белый дух покоится прежде всего на силе личного характера. Люди слабохарактерные и бесхарактерные, ни в чем на смерть не убежденные, с двоящимися мыслями и нецельными желаниями — или не шли в ряды белых, или скоро уходили из них. Напротив, человек с характером всегда находил себе здесь братьев по духу. Характер белого состоит в том, что он предан своей святыне; из нее вырастает его жизненное слово; а за словом его следует его дело. Он верит в то, что исповедует; и делает то, что говорит. От этой цельности — его сила; от этой силы — его самообладание. От цельности и самообладания — его жизненная прямота и его презрение ко всяческим нашептам, ко всякой лжи, кривизне и интриге. И потому его девизы гласят: моя святыня, мое слово, мое дело. И еще: владею собою. И наконец: с поднятым забралом

Но всюду, где живет и дышит сила подлинного характера, она несет человеку свои драгоценные дары: достоинство, свободу и дисциплину. И по этим дарам каждый из нас может и должен всегда проверять, насколько его характер уже развился и окреп.

Наше достоинство в том, что мы блюдем в себе нашу святыню. Она наш духовный Кремль; в служении ей слагается наша жизнь; к ней мы обращаемся в трудные минуты нашей жизни; она дает нам уверенность и силу. Она дает нам способность быть, а не казаться; и этому девизу мы должны быть верны до конца. Святыня веры и родины — вот наше достоинство и наша честь. И тот, кто имеет ее, тот блюдет себя и свое уважение к себе, тот сохраняет свое благородство во всех жизненных положениях: и в изгнании, и в черной работе, и в нищете, и в опасности. Ему дорога его честь, а не почести; таков его девиз, и искушения честолюбия не уведут его на кривые пути.

Наша свобода в том, что мы согласно великим заветам нашей церкви сами любим и сами видим то, во что мы верим, как в святыню. Наша святыня живет в нас; мы преданы ей без всяких приказов и понуждений, без всяких разрешений и запретов. Мы духом не рабы; мы свободны духом — свободны верою, чувством и волей. Потому мы и не приняли с самого начала ига революционной черни и коммунистического рабства; но восстали за свободу, которая стала нашим девизом, за священное право молиться, любить, творить и умереть в свободе. И это право мы утвердим в России навсегда.

Отсюда, именно отсюда сила нашей белой организации: ибо нет более крепкой, более выдержанной, более неразрушимой

дисциплины, чем та, которая рождена свободной убежденностью и силой характера. Этой дисциплине не страшны никакие трудности, никакие искушения, никакие страхи и соблазны. Потому что она питается свободною верою и свободною волей самого дисциплинированного борца. Она родит не слепую покорность, пассивную и двусмысленную, и не послушание за страх, рабское и лукавое, — а свободное повиновение за совесть. И такое повиновение покоится на преданности и становится творчеством. Что может превзойти его по силе? И отсюда наш девиз: силен свободным повиновением.

И весь этот душевный уклад, живущий с большей или меньшей зрелостью в каждом белом борце, сообщает ему то уверенное спокойствие, которое необходимо ему в борьбе и в неудачах. Он знает всей силою своей веры и своей воли, что победит то Божие дело, которому он служит; и потому «неудача» есть для него не более, чем отсрочка победы; и видимость «поражения» не может его поколебать. Победа есть для него вопрос правоты, правоты перед лицом Божиим; а молитва, воля и время довершат дело и рассеют призрак вражьего успеха. Он следует девизу: в правоте моя победа — и уверенно предвкушает победу в самой своей смерти. Ибо он всегда помнит другой белый девиз, утверждающий, что свободный в жизни силен в смерти.

Именно такова наша белая борьба за родину. Россия для нас не просто «территория», и не просто «люди», и не только «быт», «уклад» и «мощь»... Но это прежде всего национальный сосуд Духа Божия; это наш родной алтарь и храм; и освященный им, кровный, дедовский очаг. И потому «родина» есть для нас не предмет бытового пристрастия, а подлинная религиозная святыня. Борясь за родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу русского духа; а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь. И потому — не бытовой, а религиозный смысл имел для нас всегда наш кличущий девиз: все за родину, все за родину.

России-родине и были даны с самого начала наши молчаливые, наши грозные клятвы, когда поколебались основы ее бытия и ее быта. Они были даны там, в донских степях, и в северных снегах, и в сибирской тайге, и в первых одиночках Москвы. Мы ни в чем не изменили с тех пор этим клятвам: они помогли нам найти друг друга; они закалили нас; они сделали нашу армию органом национального достоинства и спасения. И ныне, обертываясь на пройденный путь, мы знаем, сколь верен и мудр наш девиз, утверждающий, что блаженство в верности.

Могли ли, могли мы, должны ли мы были действовать иначе, чем мы действовали? В час величайшей беды, в час национального крушения и унижения могли ли мы не встáть и не принять на свои плечи бремя, свалившееся на нашу родину? Разве патриот отделим от своего отечества? Разве есть для него жизнь, и солнце, и радость, когда гибнет его родина? Или он может делить с ней годы расцвета и отступаться от нее в часы гибели? Слабы были наши плечи; скудны были наши силы; неясны были наши пути... Но нас вел наш святой, добровольческий девиз: подъемлю доброю волею — и родина оценит наше белое дело.

Мы верим в это и будем верить до конца: ибо дух народа и совесть народа произносят свой суд тогда, когда действовавшее поколение уходит из жизни и стихает кипение личных страстей,

тщеславий и честолюбий; когда беспристрастная история вскрывает архивы, освещает поступки намерениями и вычитывает сокровенный смысл событий. Тогда обнаружится во всей своей полноте наша историческая и идейная правда и Россия не забудет тех, кто пошел за Алексеевым и Корниловым, не ища для себя ничего и отдавая все, что человеку бывает дорого в личной жизни. Ибо их девиз гласил: любовию ведом, жертвою очищаюсь. Что нам отзывы современных недругов, зоилов и клеветников? Что знают они о наших подлинных побуждениях и целях? Что нам суждения непротивленцев и ханжей, полупредателей и лицемеров? Что знают они о нашей «сухости» и «жестокости», о нашем «бессердечии» и «злобствовании»? Не им дадим мы ответ; не их суда мы ждем. Наш девиз учить иному; он говорит: служу России, отвечаю Богу.

Богу и судьбе было угодно так, чтобы жизнь наша была настигнута великою русскою смутою, имя которой «революция», «гражданская война» и «коммунизм». Не мы вызвали эту смуту; не мы хотели революции; не мы начали гражданскую войну; не мы губили Россию коммунизмом. И, может быть, многие из нас мечтали бы родиться в другую эпоху и служить России иначе. Но жребий был брошен, и притом не нами; предотвратить трагедию было не в наших силах. Мы могли только мужественно принять ее и честно изжить ее в борьбе.

Весь дух этой смуты был тягостен и отвратителен нам. Ибо это был дух жадности и посягательства, зависти и злобы. А наш дух иной, обратный смуте: жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую. Перед нами было одно задание, один исход: надо было спасать Россию; надо было избавить ее от духовной заразы; надо было остановить ее распадение. И гражданская война стала для нас духовной неизбежностью. Жалок тот народ, который при таких условиях не нашел бы в себе сил для военного сопротивления... И Россия нашла их в нашем лице. И если бы история вернулась вспять, мы совершили бы опять то же самое... Но не личная ненависть водила нáс в бой и не личная злоба; и не мести искали мы. И ныне, предвидя возможное возобновление борьбы, свидетельствуем: не месть, не месть, а отрезвление, очищение и примирение принесем мы в Россию. Ибо наш девиз: побеждаю, но не мщу. Мы не одержимы духом гражданской войны; мы знаем ее гибельность и ее безумие. И никто из нас не прольет в России ни одной лишней капли крови.

Да, белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая; утверждая народное спасение и народное достояние, но не домогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнения и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имуществ, в правоту социализма, в спасительность коммунизма. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и приумножать; приумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необходимость частной собственности и видим в ней не «грех» и не «стыд», а личное и общественное духовное

задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам единою, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам великою — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам примиренною — установившею мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам возрожденною — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем искочном девизе: единая, великая, примиренная, возрожденная.

Мы не сомневаемся в том, что это грядет и осуществится. Россия была духовно больна перед смутой; революция явилась как обострение и развитие этой болезни. И вот в страданиях и лишениях открываются глаза у наших братьев, несших доселе иго коммунистов, идет отрезвление и оздоровление; выдыхается ненависть и истощается зависть; в душах пробуждается патриотизм и гражданственность. Русский в русском опять научается видеть брата по крови и по духу, а в России единую и общую мать. Близится тот час, когда все поймут, что у родины нет и не может быть пасынков; что у нее не должно быть обездоленных, бесправных, беззащитных и угнетенных; что русским становится всякий, кто огнем своей любви и своей воли говорит: «Я — русский!» И когда придет этот час, тогда все почувствуют и поймут, что в единстве русского лона — все остальные деления второстепенны и несущественны; что все «классы» и все «партии» — для России, но что Россия существует не для классов и не для партий. И тогда победят наши девизы: первый — сыны и братья; второй — один за всех, все за одного.

Вне этих основ нет здоровой государственности; и на них будет стоять наша Россия. Знаем, что для этого русские души по обе стороны родного рубежа должны очиститься от предреволюционных недугов и революционных страстей; что они должны погасить в себе старый дух и зажечь новый; что они должны принять по-новому родину, как целое, и восчувствовать по-новому государственное дело России. И прежде всего усвоить дух качества и дух служения.

Не худшему, а лучшему должен быть открыт путь вверх. Всякий государственный строй, не соблюдающий этого, обречен на гибель. Путь вверх должен быть открыт не тому, кто одержим похотью властвования, а тому, в ком государственная воля и разумные цели соединяются с обостренным чувством ответственности; не бесчестному демагогу и не бездарному интригану, а мужу служения и совета; не тому, кто ранее кем-то был, а тому, кто ныне способен к несению государственного бремени. Тому — кто умеет обретать свое достоинство в служении; кто словом и делом исповедует, что власть есть бремя и что верность долгу есть утешение. Мы верим, что править Россией и вести ее должны ее лучшие сыны. Отсюда наши девизы: дорогу честности и таланту; и еще: нами правит лучший.

Будет ли это русский Государь? Доживем ли мы до этого счастья, чтобы его благая и сильная воля всех примирила и объединила, всем дала справедливость, законность и благоденствие, всем бы дала и ото всех бы приняла любовь и доверие?.. Будет ли это?.. Будет, но не ранее, чем русский народ возродит в себе свое древнее умение иметь Царя... А до тех пор мы примем волю и закон от того русского патриота, который поведет Россию к спасению, кто бы он ни был и откуда бы он ни пришел: ему наша сила, ему наша верность, ему наше свободное повиновение за совесть. Ибо он будет живым органом России, орудием ее национального самоспасения.

Пусть в этом деле не проснется дух раздора, тягания, отмщения, требовательности и местничества... Пусть личная жертвенность и государственная амнистия совместно погасят обиды и несправедливости смутного времени. Пусть раскаяние и личная годность дадут исход тому, что позволит революции увлечь себя; пусть только бывшие «красные» солдаты и офицеры поймут, кому они служат, вспомнят свой долг перед Россией и братски, да, братски, воссоединятся с нами; пусть, наконец, всякий русский, живший за рубежом, свободно вернется и найдет свое место в возрождающейся родине. России нужны все ее национальные силы, все ее верные сыны, все, кто несет ей преданность, а не предательство. Все они составляют ее живое достояние; все они должны быть признаны и соблюдены; все должны быть допущены к новому творчеству и строительству. И наш девиз выговаривает это в словах: творю и соблюдаю. Ибо в жизни человека и народа — новое всегда создается и вырастает из соблюденного старого; и отвергающий свое историческое достояние обессиливает себя самого...

В верном предвидении этого, в крепкой уверенности живут и подготовляют это возрождение России люди белой идеи. Они знают друг друга, и доверяют другу другу, и доверяют своим вождям. Их основной и последний девиз — любовью и кровью спаянные — останется до конца их утешением и опорою. Что бы ни случилось еще, какие бы удары ни были ему еще нанесены, белому делу, и откуда бы они ни последовали — эта спайка переживет все и сохранится до конца. Ибо она необходима России. Так, как мы спаялись друг с другом, — любовью к родине и кровью на полях чести, — так да спаяемся мы в будущем с нашими братьями, офицерами и солдатами, ныне имеющими несчастье числиться в Красной Армии! Так, как мы нашли друг друга в добровольном служении России, в жертвенной борьбе за нее и в свободном повиновении нашим вождям — так должны найти себя и объединиться все русские люди от земледельца до ученого, от рабочего до художника! Белая идея больше нас: она велика, как Россия, и она должна охватить ее всю. Белое дело не нами началось: оно коренится в исконных русских традициях, и оно доступно всем русским сердцам без исключения. Белый дух не нами кончится: он будет вести и строить Россию и тогда, когда нас не будет в живых...

Ибо этот дух не дух части, а дух целого. Это дух русского национального всеединства. И дело это есть правое дело. И идея эта есть верная идея.

И именно потому — за ними будущее...

●

Очерк и публицистика

Алексей ВИНОГРАДОВ

СТАТЬ РОССИЕЙ!

Свершилось! «Советская империя» под аккомпанемент гусениц покидающих ее столицу танков, заглушаемый радостным гвалтом всемирной «демократии», пала. Ее бренное 73-летнее тело, измученное марксистским владычеством, войнами, чернобылями и карабахами, с грохотом, отдающимся по всему земному шару, распадается на суверенные куски, мечтающие в независимом состоянии обрести вторую молодость, а с нею силу и «международное признание». Седовласые романтики из ГКЧП, пытавшиеся рыцарски спасти пошатнувшуюся статую империи, просчитались: почтенная дама «федерация» выпала из их дрожащих рук и разлетелась на осколки...

Но где истоки этого злосчастного финала? Да океаны крови, пролитой в период террора и коллективизации, подточили «глиняные ноги» колосса; да, социализм как экономическая система оказался волюнтаристской утопией, но почему «не в лепешку, а на осколки»?

Для этого надо вспомнить, как и из чего лепилась статуя — колосс. Ведь история создания этого шедевра так запутана, причем как вралями — авторами пресловутых «кирпичей», так в не меньшей степени и теперешними демократическими мифотворцами.

Все, наверное, еще помнят эйфорию 1-го Съезда народных депутатов СССР. Горячие речи с трибуны: «обновленная федерация», «новый союз», которому клялись в верности особенно прибалтийские депутаты (давно ли...). Но вот простейший вопрос В. Алксниса к более ученым депутатам: пояснить значение мудреных слов, в переизбытке ими употребляемых: что есть федерация, что есть конфедерация и какая между ними разница — не находит ответа. Мелочь? Едва ли. Никто из ученых и полуученых мужей — строителей новой федерации не рискнул бы тогда объяснять, на чем был замешен раствор старой. Слишком это было невыгодно.

Для этого пришлось бы тревожить прах создателя Союза... К 3-летней годовщине его смерти «Правда» опубликовала стихотворение С. Обрадовича «О Каменщике», где дело Каменщика (Ленина) было названо «Великой Стройкой». Посмотрим же на ее чертежи, писанные великим Каменщиком, благо они у нас под рукой, в длинной веренице томов в синей обложке, которыми так любили еще недавно размахивать наши демократы, борясь с их весомой помощью против «великодержавного шовинизма». Вчерашний кумир демократов, ныне оплеванный, выдвигал, как известно, несколько иные проекты и не уставал повторять вслед за Марксом и Энгельсом собственную принципиальную враждебность к «мещанскому идеалу федеративных отношений» (ПСС, т. 26, с. 109, также т. 33, с. 72 и т. д.).

Но не будем забывать, что проблема государственного устройства для Ленина и его соратников всегда была вторичной по отношению к «мировой пролетарской революции». Национальные движения «мелких народиков» (ПСС, т. 54, с. 466) интересовали будущего кремлевского диктатора лишь как союзники в деле свержения пролетариатом «мирового капитала», и, с этой точки зрения, он считал полезным поддерживать развал капиталистических держав на мелкие национальные «квартирки». Именно этот холодный расчет политика, а не критерии «справедливости и гуманизма» определял его подход в национальном вопросе, хотя в теории и он признавал при капитализме «выгоды крупных государств» (ПСС, т. 27, с. 260).

Призрак федерации же выплывает у Ленина в известной работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.). Но в каком виде? «Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом...» (ПСС, т. 26, с. 351). Федерацию Ленин, таким образом, считал формой объединения не какого-то отдельного государства победившего социализм, а лишь всемирного государственного социалистического союза.

Веря все еще в предсказанную Марксом и Энгельсом возможность быстрой победы мировой революции, Ленин, однако, подразделяет стадиально этот процесс, когда победивший пролетариат одной страны «встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств... Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами».

В этих словах Ленина особенно рельефно виден образ первого государства победившего социализма — такое государство не мыслилось Лениным, в сущности, как национальное, а представлялось чем-то типа военной базы мировой пролетарской революции. Последняя виделась большевистскому теоретику довольно быстрым актом, подразделявшимся лишь на небольшие стадии образования «Соединенных Штатов мира», которые он связывал с социализмом. Однако и после революции в России позиция ее вождя, почти до последних дней своих ожидавшего «мировой пожар»*, не претерпела в этом вопросе существенных изменений.

Линия же на военно-союзные Соединенные Штаты мира осталась. Сказалось это, конечно, на позиции Ленина по вопросу образования СССР в 1922 году. В противовес Сталину, который выступал за сохранение в революционной форме традиционного государства — России и организацию самоуправления ее народов на началах автономии, председатель Совнаркома в полном соответствии со своим планом военно-союзных «Соединенных Штатов

* Напр., ПСС, т. 45, с. 219.

Европы (или, точнее, мира)» выступил с проектом создания «Союза Советских республик Европы и Азии» (так в первоначальном проекте — письме к Каменеву) *, обоснованном на федеративных началах.

«Мы защищаем не великодержавность, — утверждал Ленин в 1918 году, — от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — **не национальные интересы** (подчеркнуто мною. — А. В.). Мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма, выше интересов национальных, выше интересов государства» **. (В этом докладе Ленин называл Советскую Россию «оазисом», «социалистическим островом посреди бушующей бури» и т. д.)

В декабре 1919 года Ленин писал: «Теперь нашей Советской республике (т. е. РСФСР. — А. В.) предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма» ***. В декабре 1922 года замысел этой «группировки» окончательно выкристаллизовался в идею федерации. Тогда вождь разъяснял соратникам, что союз-федерация нужен «всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией».

Вождь революции ставит в прямую зависимость советскую федерацию и международную обстановку, в которой ему виделся призрак следующей фазы мирового пожара — на сей раз на Востоке (в 1922 году уже стало очевидным, что с передовой ролью Запада слегка ошиблись). К такой точке зрения Ленина подталкивали и события на «своем» Востоке, где существовавшие с 1917—1918 годов и признанные Советским правительством закавказские «национально-буржуазные» режимы были низвергнуты в полном соответствии с логикой «классовой помощи» статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы».

Нетрудно, впрочем, увидеть общность этих событий с последующими: присоединение к СССР Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 году с помощью военного давления и «интернационалистическая помощь» закавказским народам в 1920—1921 годах — явления совершенно одного порядка.

Это и есть мировая революция на практике. И так в гражданскую войну была бы присоединена и Прибалтика, да тогда сил не хватило. Как не хватило на Венгрию и Румынию в 1919-м, Польшу в 1920-м, на Германию и на весь «европейский революционный пролетариат» в 1918—1923 годах ****. Хотя именно туда нацеливалась конница Буденного и полки Тухачевского, туда десятками миллионов рублей лилось золото на «революционные нужды». А хватило бы сил и средств и окажись чуть более «сознательными» польские и иные рабочие — тогда бы, как мечтательно писал П. Коган, «от Японии до Англии сияла родина моя».

Но этих «сил и средств» мировой революции хватило на завоевание коренной России. Да-да, ведь и здесь революция утверждалась точно так же — международным золотом, силой, террором и т. д. Причем особенно деятельную роль в этом завоевании сыграли доблестные части интернационалистов, среди которых выделялись численностью и усердием ныне злополучные прибалты. С. П. Мельгунов в своем весьма объективном труде «Красный террор в России» выделяет в советских органах роль латышей, которые «вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами коммунистического строя...» (Нью-Йорк, 1979, с. 177).

* Там же, с. 211.
** См.: «Новый мир», 1988, № 8, с. 242—243.
*** ПСС, т. 39, с. 329.
**** А позже на Китай, Финляндию и т. д. и т. п.

«Гибкость» (можно сказать и по-другому) Советской власти по отношению к «самоопределившимся окраинам» сыграла огромную роль в победе этой самой власти *. Революционное правительство признало независимость кавказских республик в 1919-м — начале 1920 года, когда «было не до них», и те перестали оказывать помощь белым. Ну а через год-другой «обстановка изменилась» и .. «братская интернациональная помощь» не заставила себя ждать. То же самое и с Прибалтикой (и с Финляндией, да только ее не одолели в 1939—1940 годах).

Тот же факт, что вновь присоединенные к Советскому государству регионы являлись бывшими окраинами Российской империи, нисколько не говорит о специфически великодержавных поползновениях. Просто эти регионы лежали ближе всех к «очагу», и, поскольку отпали от благодатного для них экономического древа России, сохли на корню, да и вдобавок были просто мелки, а посему — и хуже всех лежали. А когда завершился разгром гитлеровской Германии, разве не с решающей «помощью» СССР «мировая революция» продвинулась в Среднюю Европу? А что образовали новоявленные социалистические страны СЭВ и Варшавского Договора с Советским Союзом — разве не социалистическую конфедерацию? Точнее, даже без «кон» — поскольку и внешняя, и внутренняя их политика контролировалась «большим братом», а попытки выйти из этого объединения (Венгрия в 1956 г., Чехословакия в 1968-м) оканчивались трагически... Причем если значительная часть окраинных республик СССР усиленно подпитывалась за счет Российской Федерации, то «социалистическое содружество» кормилось (поддерживалось) за счет Советского Союза, то есть фактически опять же РСФСР, оказавшейся, таким образом, под двойным гнетом.

Но ведь эта ситуация зарождалась еще в 1918 году, когда в пораженной страшным голодом, терзаемой гражданской войной стране по указанию ЦК и Совнаркома у крестьян насильственно отбирался хлеб и ссыпался в хранилища, «для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение» **.

Само создание СССР уже предполагало жертвование национальным ради интернационального (подчеркиваем — именно всемирно-интернационального, поскольку, хотя основную часть дров для мирового пожара должны были давать русские, со временем участь поставщиков должны были разделить и пока «поставленные на откорм» те же Среднеазиатские регионы). Бухарин откровенничал в письме к И. А. Британу в 1924 году: «Нас интересует не Советский Союз и не его части, а... мировая революция, для

* А вот «белые» правительства были «негибки», они твердо (для кого-то, конечно, — твердолобо) стояли на позиции «единой, великой и неделимой». Но это особая тема.
** Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 99. Двумя месяцами ранее вождь пишет о «мучительно голодных жителях в Петрограде и Москве» (т. 37, с. 12).

которой мы жертвовали и будем жертвовать и страной, и собою» (цит. по: «Наш современник», 1990, № 8, с. 157).

На этих установках строилось (а с учетом нынешних атавизмов донорской роли РСФСР в союзном бюджете — и теперь строится) все — экономика, пятилетка, идеология, даже педагогика. Агитационное пособие «Педагогика переходного периода» (1927 г.) наставляло советских учителей (цит. по: «Огонек», 1989, № 32, с. 14.): «Мы не призваны воспитывать русского ребенка, ребенка русского (выделено мной. — А. В.) государства, а гражданина мира, интернационалиста, ребенка, который полностью понимает интересы рабочего класса и способен драться за мировую революцию». Обратите внимание, что «мировой революции» (то есть ее «оазису» — СССР) противопоставляется здесь именно «русское государство», то есть государство, имеющее национальный облик, традиции и заботящееся прежде всего о своих внутренних интересах.

Ленин прекрасно понимал, что с точки зрения мировой революции (и антиунитарные голоса некоторых республиканских парторганизаций это подтверждали) Федеративный проект значительно выгоднее сталинского унитарного. Впрочем, Сталин, как известно, снял свой проект «автономизации» очень быстро и уже на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года провозглашал ленинскую идею: «...мы должны здесь, в России, в нашей федерации, национальный вопрос разрешить правильно, образцово, чтобы дать пример Востоку, представляющему тяжелые резервы нашей революции (цит. по: «Наш современник», 1989, № 7, с. 140).

Главным было на Западе тоже, по мысли Ленина, отринув пока вопрос о государственных границах, признать независимость Прибалтийских республик, Финляндии и т. д., чтобы «завоевать доверие... трудящихся масс соседних маленьких государств», ведя их к «полному доверию, к будущей единой международной Советской республике», «показать трудящимся всего мира пример действительно прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за... всемирную Федеративную Советскую Республику» (ПСС, т. 40, с. 44—47).

Ленинский расчет строился и в 1922 году на присоединении к «социалистическому отечеству всех трудящихся» все новых восставших против капитализма территорий. И на этот расчет никак не работал проект «единой и неделимой» (хотя бы и с «автономизацией»). России трудно было бы представить примыкание к ней разнонациональных трудящихся масс Запада и Востока — все их национальные «предрассудки» восстали бы против этого. Совсем другое дело, по мнению Ленина, — абстрактно-внетерриториально-вненациональный Союз Европы и Азии с «правом выхода» из этого союза. И хотя Ленин уже в это время считает, что «мировая революция будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов», он мыслил такую федерацию, как явление временное — созданное на случай войны с мировым капитализмом. Конечно, пресловутое «право выхода» и тогда было чисто декларативным, что четко видно на позиции Ленина по отношению к требованиям украинских эсеров (см., напр., ПСС, т. 50, с. 291).

И преамбула Конституции СССР 1924 года четко зафиксировала цель создания федерации: «Новое советское государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику».

Федералистическая утопия была, конечно, не главной и не единственной причиной того кровавого ужаса, который унес за 1917—1953 годы шестьдесят миллионов жизней на территории бывшей великой России. Но она была плоть от плоти этого ужаса и шла с ним рука об руку. Потому что геноцид народов и растаскивание России по федеральным вотчинам имели общий источник — ненависть к русскому государству, его истории и его идее, заключавшейся в мирном и равноправном сосуществовании народов.

Говорят, что федерация была эфемерной, а было «унитарное государство». Да, действительно, еще в 20-е годы дело Мдивани, резкий рост национализма среди украинских большевиков и т. д. создавали у Сталина и его окружения впечатление, что федерация-то держится на волоске. И это при том, что упования на скорую мировую революцию, в надежде на которую Ленин и создал СССР, таяли как дым. И если Ленин думал главным образом о наступлении «очага мировой революции» (и для этого была нужна «свободная федерация»), то Сталину уже приходилось больше думать о его обороне. Для обороны, естественно, была нужна не кавалерийская удаль, а железная внутренняя дисциплина. Поэтому в рамках «командно-административной системы» происходило неизбежное по любой логике свертывание реальных прав республик. Но и при Сталине 30-е годы дали наивысший расцвет республиканско-национального строительства, да и позже из всех федеральных структур было уничтожено лишь считанное число автономий. А на словах и в теории вообще царствовал союз «республик свободных» и пр. — Сталин не мог уже вынуть краеугольного камня, не рискуя подвергнуть разрушению все послеоктябрьское построение. Созданное, как временный военный союз, новое государство, как только перспектива мировой революции, с оставлением Афганистана, Эфиопии, Восточной Европы окончательно растаяла, потеряло свой единственный внутренний стимул к существованию. В нем не могли не пробудиться Ферганы и Карабахи, не мог не начаться распад. В нем это было заложено генетически.

Пора протрезветь после ленинского похмелья и нам. Революция 1917 года прошла в нашей стране под знаком всемирных сил и всемирных идей. «Старый мир» должен был пасть, по замыслу большевистских иллюминатов — в мировом же масштабе. Они хотели научить всех, как надо жить, противопоставив уже тогда «советское» всему остальному — идею, выродившуюся в своеобразный космополитический шовинизм.

Но сейчас, когда эти идеи оказались бредом, стоившим нам неисчислимого экономического, политического и даже генетического ущерба, десятков миллионов жизней и сейчас, когда — справедливо как будто «прогрессисты» говорят об «общечеловеческих ценностях» и «приобщении к мировому опыту», по какой-то странной логике эти же люди цепляются, в сущности, за базис всего нашего «консерватизма»: «Федерации, подобной СССР, больше нет нигде в мире. Это совершенно уникальное для нашей планеты государственное образование. Сохранить бы и упрочить нашу федерацию!» (Иодковский Э. «Огонек», 1990, № 4).

Чуть ранее в этой же статье автор призывает «вернуть страну... в русло общечеловеческой цивилизации».

Но так давайте же действительно вернемся в «общечеловеческую цивилизацию» без всяких там «уникальностей». Ведь, оглянувшись вокруг незашоренными цитатами глазами, мы увидим, что мир и в самом деле живет по-иному. Именно унитарную форму, а не федервцию, избрали для себя в особенности крупные развитые государствв (заметьте, демократические — ибо кто теперь посмеет упрекнуть, скажем, Францию в недемократичности?). Даже и те страны, в названии котоых значится — скорее в знак традиции — что-то «федеративное», даже БСЭ определяет в действительности, как унитарные. Действительно, ведь в законодательстве и этих стран нет пресловутого «права выхода» каких-то своих территорий из состава державы. Эти страны не революционные самоубийцы. Дааайте наконец протрезвимся. Унитарное государство, единый государственный язык — вещи не только совершенно нормальные, но и прогрессивные.

Нынешний пожар в Югославии, чье федеративное счастье держалось долгие годы лишь благодаря диктатуре СКЮ (и которая сама как держава появилась на свет божий в 1919 году благодаря только соглашению сербских и хорватских масонских лож) высветило лишним светом простой факт: федерация по крайней мере для крупных государств — утопия. При столкновении с малейшими трудностями ее составляющие части начинают двигаться врозь, пока счастливый «союз народов» не разваливается окончательно. Еще в начале века, полемизируя с национал-либералами, которым в своих целях иногда подыгрывали и большевики, похваливавшие «счастливую Швейцарию», даже Роза Люксембург верно указывала, что само существование этой федерации есть плод интриг «европейского дипломатического концерта». Швейцария, в самом деле зажатая между трех крупных государств и сама населенная французами, немцами и итальянцами, и не могла представлять никакой другой формы, кроме как широкой федерации — иначе бы любая из трех ее национальностей, почувствовав свои культурные, языковые и прочие права ущемленными, благополучно «отпала» бы к соответствующему «большому патрону» и Швейцария перестала бы существовать. Немудрено, что сейчас эта страна всерьез обсуждает проблему упразднения собственной армии. Это маленькая страна в типичном положении соседки крупных держав, и ее пример для решения проблем больших держав решительно не годился.

Наши пламенные борцы с «империей» — демократы зачастую привыкли мешать революционную агрессию социалистического «очага» с политикой царской монархии, не ведая, что до 1917 года Россия развивалась как раз по вожделенным «общечеловеческим законам». Франция и Англия, уничтожив или сохранив лишь символически остатки былых вольностей графств и герцогств, соединенных поколениями королей под свою державную руку, не допускали суверенных поблажек для бретонцев, провансальцев, валлийцев и т. д. В результате большинство этих нацменьшинств стало и по языку французами и англичанами и национальные проблемы этих стран, если не считать иммигрантов и заморских колоний, ограничиваются бомбами в Белфасте или на Корсике. Участь Карабаха или тем более Югославии им не грозит.

Обсуждая национальный вопрос на пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 года, тогдашний генсек тогдашней партии с оттенком осуждения напомнил «товарищам» о прошлом: «...в царской России не было ни Украины, Белоруссии, Грузии, а были губернии Российской империи. Их народы не рассматривались как целостные нации». А, собственно, справедливо не рассматривались. С точки зрения, скажем, марксистов, это было невозможно, так как одним из главенствующих для формирования нации факторов они считали экономический, то есть достаточно развитый капиталистический рынок. А таковой и к 1917 году напрочь отсутствовал на огромных пространствах империи, где господствовали самые отсталые из перечисленных товарищем Лениным пяти укладов. Пожалуй, только Польша и Финляндия в силу их особых условий и в рамках России складывались как «национальные государства», а на одной шестой части суши образование нации могло идти лишь в развитых районах Великороссии.

С точек зрения ставящих во главу угла нации языковые, религиозные и пр. факторы такое рассмотрение было также невозможно. Соотношение православных к представителям прочих вероисповеданий составляло накануне революции, за вычетом Польши, 4 к 1, и разрыв продолжал увеличиваться. Но и внутри главной конфессии происходило другое сплочение — языковое. И Ленин ссылался в 1906 году на Соколовского и Лукашевича, писавших, что украинский пролетариат совершенно «обрусел». С другой стороны, хорошо знакомый с положением дел в Малороссии великий князь Александр Михайлович вспоминал: «99% населения «Украины» говорило, читало и писало по-русски, и лишь небольшая группа фанатиков, получавших материальную поддержку из Галиции, вела пропаганду на украинском языке в пользу отторжения Украины» (великий князь добавлял, что до войны и революции «самостийность» казалась «невинной шуткой», но благодаря массированной германской помощи и близорукости Временного правительства, разрешившего под давлением большевиков формирование украинских национальных частей, шутка стала реальностью. См. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1934, т. 3, с. 312).

Уже перепись 1897 года зафиксировала весьма далеко зашедший процесс ассимиляции русскими особенно народов, давно живущих в их окружении: мордвы, башкир и т. д. Процесс проникал потихоньку вместе с русским капиталом, железными дорогами и школами и на окраины, что отметила в своих воспоминаниях известная русская (армянского происхождения) писательница-эмигрантка Н. Н. Берберова: «...в мое время в России (и потом в эмиграции) главным фактором, которым определялась национальность человека, был язык. Не религия, как в Индии, не происхождение, как в США, а язык, и ни европейски образованные балтийские бароны, ни евреи, праздновавшие свои праздники, ни армяне, ходившие в свою церковь... ни другие «меньшинства», как их называют в Западном мире, родившиеся в России, не сомневались, что они прежде всего русские».

Историки считают вполне реальным, что при условии отсутствия революций Россия к середине XX столетия решила бы аграрный вопрос. Можно не сомневаться, что при том же условии к концу того же столетия, при вероятном «отпадении» Польши и Финляндии, для подавляющей части России был бы решен и вопрос национальный. По крайней мере, как писал эмигрантский публицист

Н. Потоцкий, тогда бы «все народности», жившие под скипетром Русских Царей, перестали быть механическим соединением», а окончательно превратились бы в «Единую Великую Нацию, прочно спаянную органическими связями» (Потоцкий Н. Спутник пропагандиста народной монархии. Буэнос-Айрес, 1954, с. 62).

До 1917 года магистральный путь России был путем к единству. Россия до революции помогала своим «колониям». Даже большевик А. И. Рыков на 13-й партконференции в 1922 году признавал разницу между российским и британским «колониализмом»: в Британии метрополия жила «за счет колоний, а у нас колонии — за счет метрополии». Но это была поддержка, от которой не страдал никто. И в данном случае был прав Н. А. Бердяев, когда писал, хотя и в более широком смысле: «Русский империализм тогда лишь будет иметь право на существование, если он будет дарящим **от избытка** (выделено мной.— А. В.)». От избытка, пусть и не слишком великого, и давали.

А вот после Октября, который, как не без удовольствия написал в «Нью-Йорк таймс» диссидент-сионист М. Агурский, был «победой окраин над коренной Россией», началось другое. Началось ежегодное выдаивание из хиреющей и так полуистребленной ленинско-сталинскими экспериментами Великороссии по 70 млрд * рублей как на поддержание «очага» мировой революции, так и миллиардов на поддержание и возжигание его искр на всех континентах.

Линия на слияние народностей России в единую нацию сменилась сотней, увы, расходящихся национальных векторов, говоря словами Горбачева на указанном пленуме, пошли «сложные процессы консолидации наций, формирования их социалистической государственности» («Правда», 1989, 20 сент.). За счет все тех же беспрерывных дотаций средствами, ресурсами, кадрами и т. д.

Поэтому, когда недавно В. В. Жириновский поверг в шок наших демократов и суверенных «нацменов» пунктом своей программы: «Единая и неделимая Россия в границах СССР», его можно было поблагодарить за честную и прямую формулировку тезиса, который многие из наших патриотов одобряли в душе, но высказать вслух, рискуя попасть под бешеный огонь обвинений в «шовинизме», боялись и боятся до сих пор. Но, увы, такое романтическое возвращение к благословенным временам Российской империи, даже если теоретически допустить его возможность, теперь пусть приятно и щекотало бы русское самолюбие, но как раз с русской точки зрения было бы лишено смысла. Главная миссия империи, в лоне которой протекало формирование единой нации, была бы невозможной сейчас в границах СССР 1991 года. В условиях, когда средний прирост мусульманских народов у нас в пять раз превышает средний прирост русского населения на 100 человек, через тридцать лет мы бы имели полностью мусульманскую страну, которая лишь по какой-то иронии называлась бы Россией.

Другой выход «обустройства» России, который предлагает

* Это обычные оценки, видимо, прикидочные, трехлетней давности, которые повторяли до сих пор. Но вот недавно Н. Шмелев сослался на оценки Комиссии европейских сообществ, которые говорят, что 14 республик бывшего СССР и до сих пор получают за счет деформированных цен скрытую дотацию в .. 50 млрд. долл.! («Известия», 1991, 18 окт.). Если направить эти сказочные средства в собственные руки, за год-два можно было бы воскресить все Нечерноземье!

А. И. Солженицын, явно более реалистичен. Избавление великорусского ядра от разбухших национальных регионов, в особенности от среднеазиатского «подбрюшья» — задача вынужденная, но необходимая. Но выходом ли — по крайней мере окончательным — будет предлагаемая писателем восточнославянская федерация, даже если она имеет шансы осуществиться?

Нетрудно заметить, что и «единое экономическое пространство», и создаваемый «союз суверенных республик» (даже если в нем останутся лишь славянские республики, что, впрочем, маловероятно) — это попытки сохранения под демократическим флагом советской имперской политики, внутренняя суть которой состояла в тезисе «раздеть центр, одеть окраины». Ибо кому нужно «единое пространстао»? Окраинным республикам, чтобы и далее качать из России скрытые дотации. Какие вопли поднялись в республиках накануне подписания в октябре экономического соглашения, стоило лишь пройти слуху, что Россия собирается перейти в поставках нефти на мировые цены! Причем это вопли о «шовинизме», «имперских замашках», стремлении дать подножку неокрепшему суверенитету!

Кому нужен «суверенный союз»? Да десяткам тысяч «тюбетеек и кепок», дабы беспрепятственно достигать покоренных ими рынков Центральной России, где они уже в ускоренном темпе скупают и земли, дабы сесть на них, обезлюдевших, новыми феодалами.

Но у советской империи, помимо внутренних целей, была и главная, внешняя, ради которой империя и создавалась, и держалась ради нее. Призрак мировой революции исчез, но держит ли что-либо, кроме неуемных аппетитов «окраин», федералистические иллюзии?

Ведь ленинская мина замедленного действия, заложенная в основу советского здания, взрывает на части уже не только Союз, но и республики, особенно Российскую Федерацию, где разве что какие-нибудь ижорцы, которых всего две сотни душ, не провозгласили суверенитет, а то и «независимость». Но вот что удивительно — ныне дорвавшиеся до власти «демократы», наперебой старающиеся кинуть лишний комок грязи в Ленина (еще недавно столь ими обожаемого), нисколько не торопятся выбросить запал этой ленинской мины. Наоборот, запал, это «право наций на самоопределение», активно используется в планах расчленения и РСФСР на десятки племенных «княжений», которыми нас собираются облагодетельствовать мудрецы типа Вл. Соколова и Г. Старовойтовой.

Но если ранее федерацию на месте бывшей Российской империи создавал «орден меченосцев» Ленина — Сталина, подчиненный всемирным целям Коминтерна, то ныне конфедеративное «болото» нового Союза, похоже, выгодно уже другим «орденам» и другим всемирным силам. Не об этом ли пишет и грузинский патриот З. Ушверидзе, утверждающий, что наш Союз выгоден Западу, «потому что в таком государстве вся физическая, интеллектуальная и экономическая мощь России будет поглощена умиротворением центробежных сил... Независимая Россия Западу не нужна, она очень быстро станет его опасным конкурентом на мировом рынке». («Известия», 22 окт. 1991). Еще в 1919 году правительство США, выполняя волю финансово-промышленного лобби, представило на Парижскую мирную конференцию такой план: «Всю Россию разделить на большие естественные области, каждую

со своей особой экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство» (Цит. по: Большаков В. Агрессия против разума. М., 1984, с. 21). Последующие планы Бжезинского ничуть не отступали от этих установок, властные всемирные силы как нельзя заинтересованы в появлении на месте погибшей империи «союза» слабых полуколониальных образований. В этих планах им видится зародыш нового мирового порядка, при котором «всемирная федерация» лишь прикрывала бы диктатуру тайных и темных сил. Конвент французских масонов, которые всегда шли в авангарде всемирного «братства вольных каменщиков», еще в 1922 году моделировал конструкцию такого порядка так: «Федеративная организация народов предполагает учреждение сверхгосударства, или сверхнационального государства (чем не «Союз Европы и Азии», кстати? — А. В.) ...Интернациональная власть должна быть санкционирована армией или международной полицией. Обезоруживать неприсоединившиеся государства и вооружать федерацию государств — это две фазы одного и того же процесса» (Bull Off. Grand Loge 1922, oct., p. 225).

Россия, русские выживут лишь в случае осознания своей великой имперской миссии. А для ее исполнения империя должна сейчас сжаться, как шагреневая кожа, хотя бы в границы РСФСР, дабы, как та же кожа, не исчезнуть совсем в тюрко-мусульманском море. Но при этом она должна решительно обрубить разрезающие ее тело бикфордовы шнуры всяческих «суверенных образований», для которых уже сейчас уготованы очередные, только уже не ленинские, а «демократические» мины. Еще в 1887 году известный славянофильский публицист М. О. Коялович как бы отвечал «национал-либералам»: «Никакое сознающее себя государство не может допустить, чтобы в его инородческих областях полагались преграды ассимилирующей силе главной, господствующей массы его народа. Никакое сознающее себя государство не может дозволить, чтобы в его инородческих окраинах развивались сепаратизмы, да еще при этом прикреплялись к иноземным пунктам, то есть чтобы делались дела, угрожающие в более или менее близком будущем целости этого государства». Государственные люди России прекрасно понимали, что любая национальная автономия в государстве — уже зародыш его будущих потрясений. И П. А. Столыпин отвечал в Думе депутатам от национальных меньшинств: «Децентрализация может идти только от избытка сил... если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет!.. Та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной (имеется в виду русской. — А. В.)».

В любом случае сейчас Россия должна твердо обрести и внутреннюю целостность, и государственную самостоятельность. Перейти в расчете с бывшими республиками СССР на торговлю по мировым ценам. Оградить свои рынки от засилья инородцев с тех же бывших «окраин», помочь встать на ноги действительно русским предпринимателям — ибо кому, как не им, вместе со свободным крестьянством, также нуждающимся в защите и помощи, возрождать Россию? Не просить кабальных заемов у Запада, которые, впрочем, все равно уходят, как вода в песок, а работать, засучив рукава...

Выдающийся публицист русской эмиграции и, кстати, белорус по происхождению, И. Л. Солоневич, разбирая вопрос будущего России, высмеивал «федералистические утопии», ибо, как он писал, «всякий истинный федералист проповедует всякую самостийность только пока он слаб. Когда же он становится силен — он начинает вести себя так, что конфузятся даже самые застарелые империалисты» (примеров тому из сегодняшней ситуации не счесть. — А. В.), а в итоге такая политика «означала бы ряд войн между разными «петлюрами» за обладание разными уездами. Если бы все территориальные вожделения всех наших сепаратистов сложить вместе, то для них не хватило бы и двух Российских империй. Столкновения всех этих вожделений решались бы войнами — и хозяйственными и огнестрельными. Империя вернулась бы к положению удельного периода — со всеми соответственными культурными, хозяйственными и политическими последствиями — вплоть до завоевания ее новыми гитлеровскими ордами».

Остановить этот хаос хотя бы в границах, очерченных для России некогда безжалостной рукой великого Каменщика, — единственная пока возможная задача. Хотя больно смотреть на старинные казачьи земли, схваченные мусульманской пятерней, тем более на «мать городов русских», которым командует Львов, из-за которого уже выглядывают сутаны Ватикана, но...

Все это уже было в нашей истории, когда русскую землю делили по частям и поляки, и литовцы, и татары, и феодальные усобицы терзали ее. Но проходило все это, пройдет и сейчас.

Пожар мировой революции затух, оставя нам смрадный дым и российское пепелище. Время восстанавливать некогда величественное здание. Но чертежи должны быть выверены по старым и оправдавшим себя. Шаткие и зыбкие воздушные федеративные замки не для наших почв. Нам не нужен карточный домик — источник «великих потрясений». Нам нужно стать Великой Россией.

Павел ТУЛАЕВ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС И СССР: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Прежде всего окинем взглядом современную действительность в целом и попытаемся определить общую атмосферу, в которой разворачиваются интересующие нас процессы. Что бросается в глаза в первую очередь? Мы видим, что человеческая цивилизация переживает глубочайший кризис. Во всех странах, больших и малых, люди обеспокоены не только своими частными проблемами, но и вопросами глобального, планетарного порядка. Удастся ли избежать мирового атомного катаклизма? Как избавиться от ужасающих последствий сверхиндустриального развития? Как сохранить землю чистой, пригодной для нормального обитания че-

ловека и животного мира? Выйдя за пределы ближнего космоса, люди почувствовали, что их планета не такая уж и большая, как казалось прежде, что ее богатства, особенно материальные, не такие уж неисчерпаемые. Познакомившись поближе друг с другом, представители разных стран убедились, что культурное наследие их народов отлично не только от дальних, но и ближних соседей, а следовательно, ничем не заменимо, самоценно.

Общие проблемы и ставший неизбежным диалог культур помогли сорвать маску лжи с наиболее коварного врага свободной личности — атеизма. На Западе это привело к беспощадной критике уродств буржуазной цивилизации, на Востоке — к падению лжеимперии безбожников.

Пока Россия участвовала в навязанной ей бессмысленной и изматывающей борьбе против Бога, частной собственности и неравенства, другие страны не стояли на месте, развивались, накапливали силы, находили новых союзников, и когда, оказавшись у разбитого корыта, наши стратеги посмотрели вокруг, они обнаружили, что наряду с прежними «цитаделями мирового империализма» один за другим быстро выросли новые центры силы.

Еще недавно политические обозреватели не без иронии и высокомерия говорили о «медленно пробуждающейся Азии». Теперь только и слышишь об «опасности с Востока». Пробудившаяся Азия прочно встала на ноги и заставляет беспокоиться конкурентов на Западе. Япония своими технологическими достижениями и поразительной способностью отвечать новейшим запросам мирового рынка оставила позади по ряду показателей даже США. Китай, чье население составляет четвертую часть человечества, успешно модернизирует промышленность и входит в перспективный союз с преуспевшими в экономике восточными соседями: Тайванем, Южной Кореей, Сингапуром. Арабский мир показывает, что он тоже готов постоять за себя не на жизнь, а на смерть. Ни на день не прекращающееся сопротивление израильским оккупантам, стремящимся к гегемонии не только на Ближнем Востоке, победа ислама в Иране и Афганистане, наступление «фундаменталистов» в Средней Азии (в том числе советской) и недавний вызов Ирака говорят сами за себя. На первые роли в мировой экономике и политике выходят и такие страны, как Бразилия, ЮАР, Индия, Пакистан.

Крах коммунистической системы и превращение значительной части так называемого «третьего мира» во «второй» способствовали росту консервативных настроений на Западе. Впервые со времен Французской буржуазной революции можно определенно утверждать, что дух времени нынче веет не «слева», а «справа». Международное социал-демократическое движение, хотя и добилось власти в ряде стран, в целом явно пошло на спад. Зато быстро растут и набирают силу самые различные организации правого толка. Европа, почувствовав себя одновременно и более уязвимой, и более ответственной за свою судьбу, боится полностью доверять дело обеспечения своей безопасности кому бы то ни было. Она стала изыскивать возможности для создания прочного Европейского союза, вплоть до создания единого государства.

Каким образом разворачивается этот качественно новый процесс?

Прежде всего европейские мыслители и политики обратились к «идее Европы», они стали целенаправленно осмысливать истоки

той культуры, что сделала возможной существование западной общности. Этими истоками, по общему мнению, признаются: греческое мышление, христианская вера и римское право (по-другому — «интеллектуализм», «персонализм» и «легализм»). Глубоко дифференцированное и индивидуализированное западное сознание позволило создать европейцам гибкую, подвижную структуру взаимоотношений между человеком и Богом, человеком и государством, человеком и наукой.

В зависимости от того, откуда именно исходит инициатива по объединению Европы, делаются и разные идеологические акценты. Скажем, деятели Германии, наиболее глубоко разработавшие проблему «самоидентичности» («самобытности»), на первый план выдвигают культурные и расовые корни европейской общности. А вот Италия ставит во главу угла католическую церковь и религиозное лидерство папы римского. Общепризнано, что именно христианский мессианизм стимулировал первых энтузиастов идеи единой Европы. Иоанн Павел II, унаследовавший Святейший престол от Пия XII, дал лишь новый импульс развитию сложившейся традиции. Евангелизация низко павшего и запутавшегося в своих грехах современного общества, создание единого фронта против атеизма, марксизма и коммунизма, создание единой всемирной христианской церкви с единым пастором во главе и единым центром в Ватикане — все эти задачи уже не первый десяток лет решают хорошо организованные католические структуры: орден иезуитов, деятели «Opus Dei», «PAX ROMANA» и других организаций. Несомненно новое в политической линии первого папы-славянина — это усиленное внимание к христианам, живущим к востоку от Варшавы. В осуществлении плана построения «единой Европы от Атлантики до Урала» поляку Каролу Войтыле нельзя отказать в последовательности. В 1986 году он провозгласил святых Кирилла и Мефодия совместно со святым Бенедиктом патронами Европы, в 1985 году посвятил просветителям славян специальную энциклику («SLAVORUM APOSTOLI»), выразив надежду, что именно восточноевропейские страны, испытавшие на себе ярмо коммунизма, станут основой духовного возрождения Европы. Иоанн Павел II в подтверждение своих слов стал назначать кардиналами одного за другим епископов Будапешта, Варшавы, Вроцлава, Загреба, Праги, Кракова, Вильнюса и Риги. Когда иерархи Русской православной церкви оторвались от своей экуменической деятельности во Всемирном совете церквей, чтобы разобраться что к чему, они были уже поставлены перед фактом возродившейся Унии на Украине, в Белоруссии и в Молдавии!

Другой важнейшей предпосылкой для объединения Европы стали общие экономические проблемы. Технологическая, компьютерная, микроэлектронная, информационная и другие революции в области производства поставили перед европейцами задачу структурной перестройки всей промышленности, включая военные отрасли. Началась новая, «кондратьевская волна» развития (названная так по имени недавно признанного в СССР русского экономиста Кондратьева, обосновавшего теорию больших производственных циклов продолжительностью в 45—60 лет). Использование модели государственного регулирования рынка, на которую уповали социал-демократы, не принесло ожидаемых результатов. Европейские страны стали все больше и больше отставать по основным показателям от Японии и США. Тут-то и зазвучали набатом лозунги

экономистов-консерваторов: «Назад — к рынку! Даешь реприватизацию и транснационализацию!» По одиночке реализовать неолиберальные программы европейские страны оказались не в состоянии. Возникла необходимость сначала подписать договор об организации экономического сообщества, потом разработать европейскую валютную систему, затем принять программы фундаментальных научных исследований и разработки передовой технологии; наконец, создать собственную информационную структуру, инфраструктуру, европейское космическое агентство. По расчетам специалистов, эти и другие меры уже к 2002 году должны привести к созданию прочной экономической базы для дальнейшего развития единой Европы.

С политической стороной дела проблем оказалось много больше, чем могли предположить отцы объединения. Во-первых, с самого начала не было единодушия в понимании идеи Европы. Если одним кажется возможным соединение усилий всех конструктивных сил от Португалии до Сибири и от Исландии до Мальты, то другие не забывают подчеркнуть, что СССР, будучи евразийской державой, ни в понятие Европы, ни в новую политическую общность включен быть не может. Во-вторых, дают о себе знать партийные столкновения. Единства нет ни в левом, ни в правом лагере. Европейский парламент, созданный пока как консультативный орган, стал местом сопоставления трудносовместимых программ. В-третьих, у Европы нет крупного политического лидера, подобно, скажем, де Голлю. Ни Г. Колль, ни Ф. Миттеран, ни М. Тэтчер, несмотря на свою популярность, не могут претендовать на уникальную роль. Отнюдь не последними по значению остаются противоречия между государствами. Некоторые страны так и не определились по отношению к вопросу о вступлении в Европейское сообщество. Члены Северного Совета по-прежнему сохраняют дистанцию по отношению к своим западным и южным соседям. Великобритания — одной ногой на континенте, а остальным телом в проблемах обновленного Commonwealth, где она не хочет терять своего влияния. Наконец, весьма косо смотрят на европейский процесс США. Краткий период восхищения американцами, поставившими благодаря своим миллиардным вкладам послевоенную Европу на ноги, кончился. Аристократы старого континента, воспитанные на тысячелетних ценностях, не приняли ковбойский дух янки. Американскому прагматизму и экономическому оппортунизму они противопоставили новый, динамичный и подвижный консерватизм. Жесткости американских лоббистов они предпочли конструктивный диалог с русскими. Даже в области военной стратегии, где, казалось, роль США определена на десятилетия вперед, мнения настолько разошлись, что в вооруженных силах сформировались два ясно выраженных крыла: «атлантистов» и «евроголлистов».

Разногласия в рамках НАТО возрастают с каждым скачком в развитии военной технологии. Европейцам есть о чем беспокоиться, так как новейшие образцы оружия в США для самих производителей становились стимулом научно-технического прогресса, а для стран предполагаемого театра военных действий — смертельной опасностью! Уже вокруг ракет с ядерными головками развернулись острые дискуссии, подогреваемые демонстрациями пацифистов. А когда США предложили своим союзникам войти в XXI век с программой СОИ (Стратегическо-оборонной инициативы), она встретила, помимо публичных эмоций, другую, альтернативную программу ЭВРИКА, ориентированную на формирование европейского оборонного сообщества. Конечно, преждевременно было бы утверждать, что европейцы совсем отказываются от военного сотрудничества с США и собираются распустить НАТО. Последовательные «атлантисты» имеют пока большинство в руководстве вооруженными силами. Да и нынешние «евроголлисты» предлагают лишь перераспределить роли: усилить в совместной обороне европейский элемент за счет американского. Но жизнь полна неожиданностей. То, что еще вчера казалось невозможным, завтра может стать реальностью.

Кто бы, например, у нас еще пять-шесть лет назад мог предположить, что два немецких государства «с противоположными экономическими и социально-политическими системами», разделенные Берлинской стеной, в течение считанных месяцев сольются в единую Германию. А ее появление, согласитесь, в корне меняет расстановку сил. Возникает совершенно новая геополитическая ситуация. ФРГ, и до воссоединения с ГДР бывшая наиболее развитым государством Европы, теперь становится ее бесспорным лидером. Прочный союз ее с Францией, обладающей, помимо мощного научно-производственного потенциала, космическим и ядерным оружием, позволит Европе гораздо меньше оглядываться на США. И хотя в Германии военное руководство публично клянется в верности атлантическому союзу и даже объявляет о частичном сокращении своих вооружений (главным образом за счет войск и устарелой техники ГДР), американцы прекрасно понимают, что раньше или позже может настать момент, когда НАТО заменит новый договор. Соединение Западной Германии с Восточной поставило немецкое государство более чем в выгодное положение. С одной стороны, есть огромный потенциал и опыт капиталистической державы с мировыми связями, с другой — опыт социалистического государства, с выходом на весь рынок СЭВ. Не забывают немцы и про своих единомышленников из бывшей империи в Центральной Европе. Австрия, Венгрия, Чехо-Словакия с удовольствием сотрудничают с экономически развитым партнером, чья валюта начинает уверенно теснить американский доллар. Стратеги из-за океана не без оснований опасаются, что положение Германии, обретшей второе дыхание, уже через несколько лет может оказаться настолько прочным, что она сможет заменить США в роли сверхдержавы № 1. Еще более они боятся того, что Берлин, став центром Европы и западного мира (некоторые политики уже сейчас предлагают перенести сюда резиденцию ООН), вступит в долгосрочный союз с «евразийской империей». Политика США и Великобритании всегда была направлена на то, чтобы вбить клин между Германией и Россией. Только разделение и войны между двумя крупнейшими континентальными державами могли позволить англо-саксам и их союзникам удерживать гегемонию в мировой политике. Поэтому нет сомнения в том, что они впредь будут делать все возможное, чтобы не допустить возникновения нового «Священного Союза».

Грандиозные по масштабам перемены происходят и будут происходить еще долгое время в Восточной Европе. Конец противостояния государств по классовому признаку привел к тому, что все страны стали возвращаться в проторенную веками историко-культурную колею. Эстония, Латвия и Литва, аннексированные

Сталиным по военно-политическим соображениям, последовали примеру Финляндии. И сколько бы ни бились сторонники советской власти в Прибалтике за свои права, можно с достоверностью на 99 процентов прогнозировать долговременный переход этих трех стран в северное сообщество с ориентацией на Швецию. Финскую модель в необратимом процессе десоветизации западные болельщики рекомендуют всем нынешним республикам Советского Союза, включая РСФСР. Но это уже утопия, такая же, как, скажем, раздел США на 50 независимых государств. Конечно, в пылу антикоммунизма и соблазна во всем следовать широко разрекламированному западному стилю жизни не только поляки, венгры и румыны, но даже наши ближайшие братья по крови и вере — украинцы и белорусы — требуют государственной независимости. Однако пройдет время, все встанет на свои места, и эти народы на собственном опыте убедятся в необходимости прочного, стратегического, действительно взаимовыгодного сотрудничества с Россией.

Возникнуть новый, прочный государственный союз может только в случае качественных перемен в нашей собственной стране, развал которой и стал главной причиной оживления сепаратистских настроений. Первое, что необходимо, это создание стабильного и сильного центра. Что сейчас мы видим в СССР? Москва формально остается столицей, но функции она выполняет с большим трудом. Политика «перестройки», продолжающая традицию бескультурного интернационализма и безграмотного социализма, не могла не привести к общему кризису, восстанию окраин и вакууму власти. Создание российского парламента — это робкая попытка сформировать национальный орган власти, без которого немыслимы нормальные отношения с союзными республиками. Коммунисты, какие бы титулы они себе ни присваивали, не имеют ни морального, ни юридического права представлять интересы России, так как коммунистические и советские структуры фактически уже потеряли свой смысл. Решить возникшее противоречие может только Всероссийский Земский Собор или временно, на худой конец, всеобщий референдум, который решит, какую власть избрать России, чтобы, исходя из новых реалий, строить союзные отношения.

Земскому Собору должен предшествовать Собор Русской Православной Церкви, ибо только он имеет право решить такие важнейшие вопросы, как воссоединение расколотой церкви, ее десоветизации, а также избрания и благословения нового царя, главы императорского престола. Садистское, а по ряду свидетельств — ритуальное убийство Николая II и его семьи обернулось их канонизацией, приобщением к Собору святых новомучеников. Вопреки стремлению врагов России оно не могло покончить с империей, ибо таковая существует прежде всего как мистическая традиция, а уже потом как политическая реальность.

В области экономики Россия сталкивается с самыми трудными для нее задачами. Ведь в последние десятилетия СССР превратился в одну из отсталых в промышленном развитии стран мира. О лозунге «догоним и перегоним Америку» теперь не вспоминают даже в шутку. И что самое опасное: современная политика не позволяет нам выбраться из тупика. Используя нашу неопытность и наши трудности, западные страны под шумок о «перестройке», «дружбе СССР с США» и «создании общеевропейского дома» взяли курс на постепенную экономическую колонизацию России.

То, что мы все время твердили о положении «третьего мира», теперь происходит с нами. Наиболее горячие головы, испугавшись нового закабаления, стали осуждать любые договоры с Западом. Они либо вовсе отвергают необходимость развития старой цивилизации, либо надеются, что модернизацию промышленности можно будет осуществить в условиях автаркии. Однако в экономике чудес не бывает. Мы вынуждены решаться на риск выхода в стихию свободного рынка, пусть сначала через так называемые «открытые зоны», а потом уже на полную мощность. Участие в мировой экономике для нормальной жизни нашей страны такое же необходимое условие, как и духовное возрождение. То, что одно с другим совместимо, подтверждает опыт той же Германии.

Возникновение объединенного немецкого государства, превращающегося в нашего главного экономического партнера, очевидный развал СЭВ и Варшавского Договора ставят СССР перед необходимостью выработки и новой военно-оборонительной структуры. Не углубляясь в эту область, наиболее сложную для неспециалиста, отмечу, что здесь возможны два основных пути. Первый направлен на укрепление «евразийской структуры», включающей договоры с Индией, КНР и исламскими странами. Он обеспечивает баланс между Западом и Востоком, но уводит нас все дальше и дальше от исконных славянских земель. Второй предусматривает создание новой системы европейской безопасности, призванной заменить НАТО. То, что этот путь для нас наиболее желателен, совершенно очевидно. Очевидно, однако, и другое. Пока что европейская оборона укрепляется за счет сил, отходящих от СССР.

Итак, если мы будем исходить не из принципов «реального социализма» и не из ложной задачи сохранить во что бы то ни стало Советский Союз, с его ставкой на международное и рабочее движение и псевдодемократические, марионеточные государства, а из прерванной тысячелетней традиции, благодаря которой Московская Русь выросла в мощнейшую православную империю; если мы поменьше будем слушать наших «доброжелателей» среди западных дипломатов, ведущих весьма тонкую политическую игру, а повнимательнее вдумаемся в наиболее продуманные советы наших соотечественников, особенно тех, что имели возможность познакомиться с Западом не во время «турпоездки» или «загранкомандировки», а по опыту многолетней эмиграции; если мы будем думать не только о политической и экономической конъюнктуре, не только о том, как бы залатать «тришкин кафтан», а о жизни долгосрочной, о полном выздоровлении и возрождении, мы не можем не прийти к выводу о необходимости создания новой Российской империи, империи в самом прямом и глубоком смысле этого слова с идеалом Святой Руси в основе, с монархической властью, с прочными государствами-союзниками, как православными, так и иноверными.

В качестве проекта взаимоотношений обновленной Российской империи с европейскими странами я предлагаю следующую геополитическую модель.

1. Москва, возрожденная как духовный центр России, как «третий Рим», остается до лучших времен сердцем империи, ее столицей. Ближайшее кольцо городов, охватывающее Ярославскую, Ивановскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Тверскую области, образует исторический и политический центр.

2. Главный экономический центр переносится в Санкт-Петербург. Это обусловлено и мощным научно-производственным потенциалом района, и близостью сильных партнеров на севере и западе. Новгород, став важнейшим перевалочным пунктом складывающегося «мегаполиса», вновь сможет превратиться в город мирового масштаба.

3. Религиозный центр Русской православной церкви идеально было бы передвинуть на юг страны, в Киев. Троице-Сергиева лавра не потеряла бы своего значения, оставшись крупнейшей школой богословия и монашества, зато в целом это способствовало бы укреплению позиций православия и на Украине, где крестились первые русские князья и где ныне сосредоточено более половины всех российских храмов, и в соседних странах, где пока еще немало единоверцев. Если же оставить все, как было в последнее время, есть реальная опасность превращения Киево-Печерской лавры в столицу греко-католической Унии.

Проект будет неполным, если мы не предусмотрим для каждой из зон ближайшие внешнеполитические полюса притяжения. Определив их, мы получаем своеобразный «европейский щит» из трех треугольников. Концы верхнего треугольника упираются в Берлин и Хельсинки, что означает неизбежность тесного сотрудничества с Германией и странами Северного Сообщества. Центральный треугольник указывает своим западным лучом на Прагу, Вену и Будапешт, столицы не только характерно европейские, но и политически нейтральные по отношению к России. Третий треугольник обращен своими внешними углами к Белграду и Софии, центрам сугубо православным и наиболее близким к нашим общим святыням в Греции и Константинополе, в союзе с которыми нам предстоит воссоздать хорошо организованную в международном отношении всеправославную церковь.

Только в таком триедином: религиозном, политическом и экономическом — союзе Россия сможет встать на ноги, решить свои собственные проблемы и способствовать решению вопросов общеевропейских и мировых, ибо мы, русские, не собираемся отказываться ни от нашей исторической миссии, ни от сотрудничества с неевропейскими народами.

Александр ГЕРАСИМЕНКО

ЗАГАДКИ МАЛЕНЬКОЙ ЗАПИСКИ

Среди большого эпистолярного наследия В. И. Ленина есть немало работ, которые представляют настоящую тайну и загадку для читателя. Несмотря на поистине огромную Лениниану, созданную за годы Советской власти, рассматривающую личность Ленина с самых разных сторон, многолетняя государственная политика его обожествления дала нам, по существу, лишь весьма однобокую и нередко далекую от истины панораму возглавляемых его идеями деяний. Настало время, когда без раскрытия истинных намерений и действий вождя и его ближайшего окружения невозможно разобраться с тем, что же произошло с нами за годы большевистского правления. Без полной ясности в этом вопросе трудно выработать правильные подходы к решению множества охвативших сегодня наше общество проблем.

Мое внимание привлекла маленькая записка Ленина Л. М. Каменеву от 6 октября 1922 года, помещенная в 45-м томе ПСС Ленина на 214-й странице. Резанули слух содержащиеся в ней выпады против великороссов.

«Т. Каменев! — пишет Ленин. — Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами».

И дальше: «Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский
украинец
грузин и т. д.

Абсолютно!»

Чем вызваны столь резкие выражения? Что скрывается за ними? Как сказалось это слово вождя на деятельности государства?

Что касается второй части записки, то содержащееся в ней требование нашло реализацию в п. 8 Договора об образовании Союза ССР от 30 декабря 1922 года. Он предусматривал созыв Съездов Советов и сессии ЦИК СССР в столицах союзных республик в порядке, устанавливаемом Президиумом ЦИК СССР. Однако на практике это положение, по-видимому из-за своей явной нерациональности, не было применено и в принятой через год с небольшим первой Конституции СССР, в которую вошел исправленный вариант Договора, этот пункт мы не встречаем.

Отчетливо видных последствий установок первой части записки не обнаруживается. Не нашел я и рассмотрения связанных с ней вопросов в нашей литературе. Складывается впечатление, что она «стесняется» разбора этой записки Ленина.

Между тем записка отражает весьма неординарный этап эволюции ленинской мысли, сыграла весьма немаловажную роль в последующей политике большевистского государства. Попробуем разобраться в этом.

То, что Ленин к так называемому великодержавному шовинизму относился воинственно, видно из многих его работ. Такую его позицию вполне объясняет тот «империалистический угол зрения», с которого он рассматривал всю политику ведущих государств того времени. Известно также и то, что в этой своей критической позиции Ленин всегда проводил четкую грань между властью великодержавных наций и самим народом. Первая традиционно рассматривалась им как эксплуататор и угнетатель; для второго, как и для народов малых наций, он всегда требовал защиты и освобождения.

В рассматриваемой записке проявляется принципиально новая, по существу, для Ленина позиция. В ней нападкам подвергаются не великодержавные власти, буржуазия, как таковые, а сама великодержавная нация. В ней он объявляет бой «великорусскому шовинизму». В чем проявляется этот шовинизм великороссов, ни в записке, ни в других работах Ленина установить сколько-нибудь определенно не удается. Однако запущенный Лениным ярлык «великорусского шовиниста» широко использовался впоследствии партийными функционерами по самым разным поводам, для самых разных целей.

В поисках причин и последствий ленинской записки обращаешь внимание на дату ее написания. Записка была написана в день, когда на пленуме ЦК РКП(б) решался вопрос о дальнейших взаимоотношениях РСФСР с образовавшимися в результате ленинской национальной политики независимыми республиками. Ленин из-за болезни не участвовал в нем, хотя принял самое активное участие в подготовке документов к пленуму.

Замечание Ленина о союзном ЦИКе свидетельствует, как видится, о том, что записка написана была после принятия решений и после того, как они стали известны Ленину: он говорит о союзном ЦИКе, решение о создании которого было принято на пленуме, как о деле уже решенном.

Однако этот факт пока мало что объясняет и о причинах появления записки и ее смысле. Из него следует лишь то, что борьба с так называемым великорусским шовинизмом каким-то образом связывается Лениным с образованием «нового этажа» власти — Союза Советских Социалистических Республик Европы и Азии (тогда он назывался еще так).

Содержание записки указывает на еще одну нить исследования. Очевидна ее идейная связь с теми мыслями, которые высказал Ленин около трех месяцев позднее — 30 и 31 декабря 1922 года. Они известны под названием «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (т. 45, с. 356—362).

Известно, что эти записки появились как реакция Ленина на так называемый «грузинский инцидент». В их первоначальном варианте на это прямо указывалось (см. т. 45, с. 596).

Суть «грузинского инцидента» заключалась в том, что Г. К. Орджоникидзе, возглавлявший Закавказский краевой комитет РКП(б), стоя на принципиальных позициях равноправия наций, выступил против шовинистической политики, проводимой в Грузии группой П. Г. Мдивани. Противостояние между ними дошло до случая рукоприкладства. Спекулируя на нем, последние затеяли интригу в борьбе с Орджоникидзе. Когда же их не поддержала созданная Политбюро комиссия во главе с Дзержинским, они обратились с демагогическими жалобами на «держимордовское поведение Орджоникидзе» лично к Ленину, находящемуся на излечении в Горках. Ленин, ранее критиковавший позицию группы Мдивани, теперь поддержал их. Эта поддержка и нашла отражение в его записках от 30—31 декабря 1922 года. Продолжая свою политику, П. К. Мдивани на XII съезде ВКП(б) попробовал использовать записки для защиты своих позиций. Однако и участники съезда не поддержали их, согласившись с Енукидзе, заявившим, что «т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации. Когда к человеку, по болезни не имеющему возможности следить за повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и таких-то товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и т. д., он, конечно, должен был написать такое резкое письмо». (Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. — М.: Политиздат, 1968, с. 590.)

Записки от 30—31 декабря 1922 года Ленин начинает с извинений перед рабочими России за то, что «не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик» (т. 45, с. 527).

Эти обвинения не могут быть признаны справедливыми. Известно, что вмешательство Ленина в вопрос об СССР было решающим. Об этом безусловно говорит, например, сопоставление его письма от 26 сентября 1922 года с проектом и окончательным текстом решения пленума ЦК РКП(б) 6 октября 1922 года (см.: т. 45, с. 557—559).

Странными выглядят и слова Ленина о том, что ему не совсем известно о принятой терминологии по национально-государственному устройству страны. Он говорит: «*кажется* (выделено мной. — А. Г.), вопросом о союзе советских социалистических республик».

Эти факты, на мой взгляд, говорят о болезненном состоянии ленинского ума в период написания записки от 30 декабря 1922 года. Ведь не мог же он, если бы был вполне здоров, не помнить того, что именно такое название за союзом, и не без его участия, было принято в резолюции пленума ЦК РКП(б), состоявшегося меньше двух месяцев тому назад (6 октября).

На болезненное состояние ума Ленина в этот момент указывает и нехарактерная для него неровность мыслей заметки. После непонятного извинения он переходит к «грузинскому инциденту», связывая каким-то образом этот, в общем-то, вполне бытовой случай с теорией «автономизации», признавая, по существу, без всяких аргументов, ее «в корне неверной и несвоевременной». Приводя дальше аргументы, которые высказывались в пользу «автономизации» — необходимости единства аппарата, он в резких (если не сказать большего) выражениях относительно русских высказывает свои опасения о способности создаваемого аппарата «действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды» (с. 529). Затем, опять обращаясь к «инциденту», делает неожиданный вывод о его (или всего сказанного выше) связи с «важным принципиальным вопросом: как понимать интернационализм» (с. 530).

В записях его слов от 31 декабря уже больше последовательности и логичности. В первой его части он излагает теорию двух национализмов — «национализма нации угнетающей и национализма нации угнетенной, национализма большой нации и национализма нации маленькой» (с. 530). Во второй их части рассматривает вопрос: «Какие же практические меры следует принять при создавшемся положении?» (с. 531). Здесь, помимо отдельных конкретных указаний, как-то: «примерно наказать т. Орджоникидзе», «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка», содержится поддержка позиции Сталина по «автономизации» и аргументация тех изменений, в конечный вариант резолюции, которые были высказаны Лениным в письме от 26 сентября. Этим самым в последней части записок Ленин фактически отрицает то, что он сказал в начале их о своей пассивной роли в решении вопроса об «автономизации».

Однако объяснить всю необычность рассматриваемых записок лишь болезненным состоянием ума Ленина (то, что он сам был действительно болен и диктовал записи 30—31 декабря парализованным, общеизвестно) вряд ли было бы верным.

Для правильного понимания записок от 30—31 декабря важно, как видится, учесть те обстоятельства, которые вскрылись относительно их на XII съезде ВКП(б). То, что вокруг диктаторов всегда вьются разные силы, стремящиеся либо склонить их на свою сторону, либо использовать их влияние, вещь не новая в истории. Здесь же мы имеем свидетельства того, что имели место попытки, во-первых, прямо использовать Ленина и, во-вторых, что они были успешными. Учитывая личность Ленина — это немаловажный факт

для правильного понимания его высказываний, особенно последних лет жизни. Несомненно, что вскрывшийся на XII съезде факт с «грузинским инцидентом» был не единичным. И мы вполне можем допустить, что и записка от 6 октября 1922 года появилась в результате какого-то алияния.

Но в чем же заключалось это влияние и какие преследовало цели? Частично это прямо видно из самой записки — борьба с великорусским шовинизмом. Однако как понимать этот «великорусский шовинизм»?

Лексика Ленина, как известно, весьма своеобразна. Употребляемые им слова и выражения часто отличаются от общераспространенных и общепонятных. Таковы, например, его употребления терминов «капитализм», «империализм», «демократия», «национализм» и многих других.

Поэтому к пониманию его выражения «великорусский шовинизм», содержащегося в этой записке, надо подходить так же, как и ко многим другим его выражениям, лишь выяснив контекст, в котором оно применяется. Контекст позволяют составить отмеченные записи от 30—31 декабря 1922 года. Из них видно, что под именем «великорусского шовинизма» Ленин шельмует не что иное, как созданный за годы большевистской власти государственный аппарат. Мы, говорит он, «называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину» (т. 45, с. 357). Необычность этого заявления становится ясной, если учесть то, что оно делается в конце 1922 года, то есть после крупномасштабных акций большевикоа по разрушению прежнего государственного аппарата. Известно, что ленинская революционная теория одной из важнейших своих задач, которая пунктуально воплощалась в жизнь после Октября, видела как раз то, чтобы «немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом» (т. 33, с. 100—101).

Такое признание после грандиозной разрушительной работы по переустройству аппарата свидетельствует не о чем другом, как о крахе проводившейся политики переустройства госаппарата. Ленин, конечно, не может допустить мысли о несостоятельности находящейся у него на вооружении теории. Он ищет виновных на стороне и находит их в исполнителях, в кадрах созданного им партийно-советского аппарата.

Он обрушивается с бранью на абстрактного «великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» (там же). «Нет сомнения, — говорит он, — что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» (там же).

Постоянное перескакивание мысли Ленина с одного предмета на другой, отсутствие в записке какой-либо аргументации затрудняют понимание сути ленинской критики, той связи, которая в его рассуждениях устанавливается между претензиями к государственному аппарату и великороссам. Наиболее отчетливо эта связь видна в той части записки, где он ссылается на другую свою записку: «О придании законодательных функций Госплану». Из нее следует, что Ленин, принижая масштабы произведенного его пра-

вительством насилия над прежним хозяйственным и государственным аппаратом, представляет дело так, будто и в 1922 году Россией правит прежний аппарат. Вопреки реальному положению дел он заявляет, что существующий аппарат «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром» (т. 45, с. 357). Далее, по-видимому, его мысль идет к тому факту, что в бывшем царском аппарате преобладали великороссы. Отсюда вывод: раз плох аппарат, значит, плохи великороссы. В том, что созданный большевиками хозяйственно-партийный аппарат был плох, вряд ли есть основания сомневаться. Чего стоят только «вооруженные рабочие», из которых он формировался, те цели, которые перед ним ставились, — не производить и управлять, а контролировать и учитывать.

Однако в этом обвинении великороссов, которые, по-видимому, в то время еще составляли большинство правящего аппарата (позднее мы точно знаем, что это было не так), есть и более серьезные основания.

Начало 20-х годов — время глубоких раздумий Ленина о причинах неудач в реализации тех целей, которые первоначально связывались с революцией. Одно отступление от коммунистических принципов уже сделано. Ленин пошел на временное возвращение к буржуазным порядкам, на так называемую новую экономическую политику. Что еще требуется для успеха дела? Кто виноват в неудаче? Конечно, Ленин не мог допустить и мысли об ошибочности самой цели. Буржуазию, рассуждал он, экспроприировали, контрреволюционеров и белогвардейцев разгромили. Какой враг еще мешает нашим целям? Конечно же, неразумный русский народ. Пришла очередь браться за его воспитание в духе коммунизма.

Так, оказавшись неспособным осознать всю изначальную утопичность своих планов по коммунистическому переустройству общества, со всей очевидностью вскрывшихся в ходе практической деятельности, Ленин начинает еще одно направление «новой пятилетки». Ее ключевым словом объявляется «великорусский шовинист». Абсурдность и надуманность этого ярлыка видны уже в самой этой записке, где он приклеивается к поляку Дзержинскому и всем «обрусевшим инородцам». «Известно, — диктует Ленин, — что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения» (т. 45, с. 358). Грузин Орджоникидзе обвиняется им в каком-то «русском рукоприкладстве» (там же).

По всему видно, что из-за постоянно проявляющейся несостоятельности всех основных его теоретических выкладок Ленин сильно озлобился на русский народ. В его сознании были дурны не проповедуемые им коммунистические теории, а русский народ, не воспринимавший, как ему казалось, всей их глубокой истинности и полезности. В этот период Лениным делается много разных оскорбительных для русского человека высказываний. Многие из них, подкрепленные авторитетом обожествленной личности, служили надежным хлыстом в последующей идеологической борьбе разных групп и группировок. Кое-кто пытается реанимировать их и в наше время, не отягощая себя трудом разобраться в их истинном смысле.

Выпады Ленина против так называемого великорусского шовинизма есть не что иное, как первая редакция знаменитых сталинских «врагов народа», «вредителей», теорий «обострения классовой

борьбы в ходе строительства социализма» и т. п. История показывает, что такого рода ярлыки возникают всегда, когда к власти приходят утопические догматики. Сталин применил и другие термины лишь потому, что ленинский «великорусский шовинист» уже не мог в дальнейшем покрывать все случаи проявления несостоятельности проводимых социалистических преобразований.

Отмеченные умонастроения Ленина побудили его вместо «неразумных великорусских шовинистов», неисправимо зараженных «буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками», искать тех, кто был способен «перейти на точку зрения социализма» (т. 45, с. 352). Здесь мы встречаемся с весьма важной, равной по своей значимости той, что была во времена введения нэпа, эволюцией взглядов Ленина. Записками от 6 октября и 30—31 декабря 1922 года, по существу, объявляется смена государственной кадровой политики. Вместо прежнего классового получает поддержку особый национальный подход. Собственно говоря, этот процесс наметился гораздо раньше. Уже в самом начале осуществления «прекрасных идей Октябрьской революции» все большее число русских людей, поверивших первоначально большевистской демагогии, отходили от них. В ответ большевики зачисляли последних в разряд кулаков, разного рода контрреволюционеров. Все большее и большее число ответственных государственных должностей замещалось лицами «до конца преданных революции». Такими в основном оказывались люди еврейской национальности. По этой, вероятно, причине в стране в рамках новой пролетарской национальной политики уже давно велась активная работа по выдвижению еврейских кадров во все органы власти и хозяйствования. В отличие от других национальных меньшинств для евреев, по существу, создавалось особое, самостоятельное, дававшее им преимущества, законодательство. Так, за ноябрь 1920 года было издано три специальные директивы ВКП(б) по еврейским делам (см.: Известия ЦИК, 1920, № 25, 11 ноября). Одной из них оговаривался особый порядок создания при комитетах РКП еврейских секций, призванных «выполнять специальные задания партийных органов». В другой предписывалось «переводить еврейских рабочих и ремесленников из отсталых форм ремесла и кустарничества в ударные отрасли производства и ударные работы». Особое внимание уделялось вступлению евреев в Красную Армию. В специальной директиве по этому вопросу «всем евсекциям РКП и евотделам КПУ» предлагалось «усилить агитацию за вступление еврейских рабочих и трудящихся в ряды Красной Армии. Этой работе, — говорилось в директиве, — необходимо уделить максимум сил и энергии».

Записка Ленина от 6 октября 1922 года давала пока конфиденциальное, а от 30—31 декабря 1922 года — уже официальное одобрение этой политики.

Был официально взят курс на то, чтобы коммунистические порядки в бывшей России, а теперь СССР, устанавливать теми, кто оказался способным «перейти на точку зрения социализма». О том, что именно евреи главным образом обладали такими способностями, недвусмысленно говорит состав руководящих органов государственной власти, господствовавший в СССР вплоть до известного периода борьбы с безродными космополитами.

Отмечаемая смена вех Ленина в государственной кадровой политике, в общем-то, как отмечалось, вписывается в общую логику его деятельности. Она была обусловлена как неизбежным для любой ложной теории извращением первоначально провозглашаемых ею принципов при соприкосновении их с реальной жизнью, так и непревзойденной уверенностью Ленина в правоте своих идей и наличием в обществе большой группы людей, не страдающих особой принципиальностью в достижении своих амбициозных целей. Однако, как видится, вряд ли эта смена произошла без помощи определенных советников, хотя вопросы об имени сил, оказывавших давление на Ленина, их более-менее полных целях и задачах, конкретных исполнителях, остаются не ясными. В этой связи нельзя не обратить внимания на еще один аспект рассматриваемой записки — ее весьма специфический характер. Бросается в глаза то, что в ней содержится не обычное, традиционное для Ленина обращение к кому-то из своих соратников, каких полно в его эпистолярном наследии, а нечто совершенно иное. В этой записке Ленин как бы оповещает своего корреспондента о принятом им (по-видимому, не сразу) решении по обговаривавшемуся ранее вопросу. В ней он как бы оглашает одно из важных направлений своей дальнейшей деятельности, как бы дает клятву-присягу на согласие определенным в ней принципам.

Почему такого рода записку с объявлением боя «не на жизнь, а на смерть великорусскому шовинизму» Ленин направил именно и единолично Л. Б. Каменеву? Известно, что Каменев не входил в состав комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б), образованной для решения национально-государственного устройства страны, и потому официально не участвовал в его разработке. Однако почему-то Ленин именно ему направляет первоначально и другие свои принципиально важные мысли по этому вопросу (письмо от 26 сентября 1922 г.).

Хотя Каменев практически не участвует в дискуссиях, шедших в это время в партии по национальному вопросу и образованию СССР, именно ему почему-то собирался Ленин 14 декабря 1922 года диктовать еще одно письмо по национально-государственной политике — «О Союзе Социалистических республик» (см.: Ленин В. И. Биографическая хроника, т. 12, с. 534).

Исходя из существовавших официальных отношений, Ленину по всем этим поводам полагалось бы обращаться не к Каменеву, а к Сталину — председателю Наркомнаца, руководителю комиссии, признанному авторитету партии в национальном вопросе. По-видимому, между Лениным и Каменевым существовали какие-то личные, скрываемые от других взаимоотношения по этим вопросам. Можно предположить, что они как-то связаны с изложенным здесь пониманием рассматриваемой записки Ленина от 6 октября 1922 года.

В этой связи возникает еще несколько предположений. Возможно, в неожиданном для многих, в том числе и членов комиссии, объявлении Лениным (в записке от 26 сентября) идеи о создании Союза республик вместо прежней о их вхождении в РСФСР, немаловажную роль сыграло созревшее в его голове и впервые открыто выраженное в записке от 6 октября решение о начале новой кадровой политики.

В числе разыскиваемых до сих пор писем Ленина числится письмо, ответ на которое Ленин хотел получить от Каменева через телефонный звонок Н. К. Крупской 16 октября 1922 г. (Библ. хроника, т. 12, с. 416). Думается, что этим письмом является рассматриваемая нами записка от 6 октября.

Эдуард ВОЛОДИН

«РУССКОЯЗЫЧНЫЕ»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ *

В стране происходит то, что было разве что на временно оккупированной немцами территории. На русскую землю с благословения ее властей вторгаются отряды террористов, ищут неугодных им людей и вывозят для наказания в метрополию, то есть в суверенные прибалтийские государства. Вывозят омоновца из Тюмени, чтобы затем по заготовленному списку начать отлов еще 40 человек в России, на Украине, в Приднестровье. В Тюмени за два часа на улице патриоты собрали подписи полутора тысяч граждан, возмущенных действиями прибалтийских демократов-террористов, и — никакой реакции властей предержащих.

На положение нелегалов переходят в своей стране люди, опасающиеся за свою жизнь и жизнь близких только потому, что были верны присяге, когда служили в Прибалтике. Что же происходит? Почему в России русский человек не чувствует себя защищенным от зарубежных террористов?

Это не риторические и не праздные вопросы. Чем больше межнациональные конфликты затрагивают народы и территории, тем яснее становится вся провокационная сущность изобретенного понятия «русскоязычные», тем глубже проясняется политический смысл этого термина в самой России.

В дореволюционной России и в бывшем СССР в силу исторических, государственно-политических, экономических, культурных и научных причин, каждая из которых имеет объективные основания в содержании жизни русского народа и его взаимоотношениях с другими этносами, русский язык был и остается языком межнационального общения. Именно поэтому при миграции людей на территорию компактного проживания другой этнической общности было удобнее и оправданнее использовать для общения и деятельности русский язык, а не язык так называемой «коренной» нации. «Так называемой» я пишу совершенно сознательно. Россия исторически создавалась как единое многонациональное государство и на протяжении тысячелетия вбирала в себя территории моно- и полиэтнические, никогда не выделяя и не отдавая предпочтения какому-либо этносу, включая и русский народ. В национальном вопросе эта «тюрьма народов» была на самом деле школой межнациональной дружбы и сотрудничества, естественно, в соответствующих конкретно-исторических и экономических условиях.

В бывшем СССР эта традиция единства была нарушена, результаты чего мы пожинаем сейчас, а в ближайшее время ощутим и непосредственно в России — слова о вседозволенном суверенитете даром не проходят, за них приходится платить. Для меня же здесь важно отметить, что вплоть до 1985 года республиканские границы были условностью, единый хозяйственный механизм действовал, и выходец из любой области и республики в другой республике и областях осознавал себя гражданином общего государства.

* «Советская Россия», 13 ноября 1991 г.

Катастрофический распад СССР сразу обострил надуманную проблему коренной нации и некоренного населения, сделал ее средством политической борьбы и оружием, посредством которого и бывший Союз, а теперь и Россия превращаются из государства в экономико-географическое пространство.

При этом везде главным этническим врагом перестроечной революции и борьбы за демократию и суверенность становится русский народ, к которому подверстывались все «некоренные», чтобы довести национальные естественные чувства до степени истерии и бессознательного неприятия всего «чужого». Так, в Прибалтике в «русскоязычные» попали русские, поляки, белорусы, казахи, евреи, татары и представители еще около 100 народностей, по тем или иным причинам оказавшиеся на прибалтийском пороге Российской империи, а потом бывшего СССР. Но выгодно предъявлять счет только русским — локализуется образ врага. Выгодно не вспоминать, что в Латвии вместе с русскими людьми второго сорта становятся грузины и армяне, чтобы не втягивать Грузию и Армению в тяжбы по поводу национального достоинства. Выгодно в Эстонии не вспоминать о татарах или казахах, подвергающихся национальной и расовой дискриминации вместе с русскими.

Вот почему я утверждаю, что термин «русскоязычные» употребляется политиками и «демократической» пропагандистской машиной отнюдь не для лингвистического удобства, а как политическое прикрытие для осуществления двух целей: во-первых, чтобы раздуть давно легализованную борьбу против России и русского народа, во-вторых, чтобы за этим термином скрыть многонациональный состав населения, вдруг превратившегося в оккупантов, врагов нации, расово неполноценных.

Совсем иной смысл приобретает термин «русскоязычные» на современной территории России. Как это ни дико и трагично, но вместе с успешным ввержением страны в перестроечную катастрофу активно возрождалась та отъявленная русофобия, которая была характерна для первых двадцати послереволюционных лет. Издевательства над всем святым, что было в русском народе, в русской истории, духовности и культуре, теперь возрождены, усилены средствами массовой информации и превращаются в политическую доктрину.

Подлинные «русскоязычные» сидят в России и уже на протяжении десятилетий, а особенно в прошедшие шесть последних лет, делают все возможное и невозможное, чтобы оскопить русскую историческую память, лишить русский народ национальной воли, перечеркнуть и очернить национальные русские идеалы и приоритеты. Эти «русскоязычные» состоят из людей разных национальностей, велик среди них процент русских по происхождению, но все они, подстраиваясь под идеологию и психологию де Кюстина и Смердякова одновременно, свою «русскоязычность» пытаются сделать достоянием русской национальной жизни. Иными словами — превратить русский народ в народонаселение, чтобы править им по собственным меркам.

Любое проявление русского национального самосознания уже ненавистно российским русскоязычникам. В ход пускается все, чтобы мы, русские, не смели гордиться своей историей, своими тра-

дициями, своими выстраданными идеалами. Как и в годы «революционной законности», все это зачисляется по разделу черносотенства и шовинизма, и уже подключается законодательство и репрессивный аппарат, чтобы мы, русские, не посмели защищать свое национальное достоинство. В годы застоя о национальной политике и патриотизме русским писать не дозволялось. Теперь пришли «демократия» и «гласность», а ненависть к России и русским только возросла. Поистине революции в России с утомительной и ужасающей однообразностью провозглашают социальные идеи, а решают единственный вопрос — русский. И стремятся решить его окончательно...

А пока я могу сказать одно. Братья мои «русскоязычные», где бы вы ни проживали и какой бы нации ни принадлежали, Россия помнит о вас, что бы ни извергали телерадиовитии и газетные бесхребетники. Она никогда не продавала и не предавала своих детей, к какой бы нации, еще раз повторю, они ни принадлежали. И как бы нашей матери ни было тяжело, она знает и помнит о вас. Придет такое время, когда никому не позволено будет делать из «некоренных» россиян пешек в политических играх националистов и авантюристов, родства не помнящих.

Владимир ТРОФИМЕНКО

ВОРОН ВОРОНУ...?

(В ЗАЩИТУ ЕВРЕЕВ)

Настойчивое стремление отождествить сионизм и еврейство становится все более ощутимым. Эйфория и «стихийная сионизация» еврейского населения СССР — с одной стороны, и приписывание всем поголовно евреям сионистских тенденций — с другой. А между тем интересы евреев «страны проживания» и интересы мирового сионизма имеют не так уж много точек соприкосновения. Если же вспомнить историю, то выяснится, что высшее еврейское руководство и сионисты, в частности, не столь уж радеют о благополучии евреев в «странах проживания». Они для «истинных иудеев» всего лишь человеческий материал, солдаты, которыми можно и пожертвовать ради большой цели. И не существует пресловутого еврейского единства. (Разве только в кинематографе да журналистике.) Вспомним, что крупнейший еврейский погром в Александрии в 68 году после Рождества Христова был организован евреем — племянником знаменитого Филона Тибарием Александром. А разве не фашизм, произросший из проповедующего избранничество иудаизма, полностью смыкающийся с идеологией сионизма, стал тем инструментом, с помощью которого порабощались народы мира. Для тех, кому непривычно видеть рядом, казалось бы, взаимоисключающие понятия, приведем интересные сопоставления Ф. Алестина, сделанные в книге «Палестина в кольце сионизма».

Сионисты: «Богом избранная, разбросанная по всему миру еврейская нация обладает особой миссией» (Ахад Гаам). Фашисты: «Мы, национал-социалисты, являемся хранителями высших арийских ценностей на земле. Вот почему на нас лежат высшие обязательства». Сионисты: «История... наградила нас редкими этическими и интеллектуальными качествами, а это дает нам право и обязанность быть светочем среди других наций» (Бен Гурион). Фашисты: «Ариец является Прометеем человечества. Его ясная голова была одарена божьей искрой, ему было дано возжечь первый огонь человеческого разума». Сионисты: «Наши вожделения и наш идеал отличаются от вожделений и идеалов всего мира. Поэтому мы — иные. И я торжественно заявляю, что мы выше всех наций мира и ни одна не может быть сравнима с нами» (Раввин Гастер). Фашисты: «Попробуйте устранить роль арийской расы на будущие времена, быть может, уже через несколько тысячелетий земля опять будет погружена во мрак, человеческая культура погибнет и мир опустеет» (А. Гитлер). Сионисты: «Еврейский народ — это уникальное историческое явление». Фашисты: «Что касается немецкого народа, то надо сказать, что Германия может обеспечить свое будущее только в качестве мировой державы». Сионисты: «Палестина должна принадлежать евреям» (Вл. Жаботинский). «У нас не будет возможности для развития, пока мы не решим наши территориальные проблемы с позиции силы, вынудим арабов к полному послушанию» (М. Бегин). Фашисты: «Национал-социалистическое движение должно во что бы то ни стало устранить существующую диспропорцию между количеством нашего населения и объемом наших территорий... Конечно, никто не уступит нам земель добровольно» (А. Гитлер).

Как видите, будто бы одним человеком сказано, причем облечено в форму заботы о своем народе. Так ли это?

Как ни парадоксально, но значительной части евреев масонский центр со своими сионистскими придатками уготовили незавидную судьбу, подняли беспрецедентную в истории человечества волну антисемитизма. Существуют многочисленные свидетельства, раскрывающие факты сотрудничества сионистов и фашистов и их полного взаимопонимания даже тогда, когда гибли тысячи простых евреев. Острие же фашизма было направлено против СССР.

В 1934 году бывший штатный референт по еврейским делам министерства иностранных дел кайзаровской Германии Наум Гольдман встретился в Риме с фашистским диктатором Италии Бенито Муссолини. В теплой беседе Муссолини полностью одобрил идею создания Всемирного еврейского конгресса, обещал при этом любую помощь и поддаржку. С того времени по 1968 год (!) Гольдман был одновременно президентом и Всемирного еврейского конгресса и Всемирной сионистской организации.

Сионистские карательные отряды еврейских колонистов, называвшиеся «Хагана», в период подавления арабского вооруженного восстания в 1936—1938 годах тесно сотрудничали с немецкими фашистами. Так, одним из их руководителей был Фейфель Полкес, бывший в то же время начальником фашистской резидентуры в Палестине и Сирии. Об этом сообщил своим читателям западногерманский журнал «Шпигель» от 19 декабря 1968 года: «...Агент Райхерт из германского бюро информации в Палестине держал

связь с одним из ведущих деятелей тайной сионистской организации... В главном штабе этой законспирированной армии работал .. Фейфель Полкес».

Стоит упомянуть и о некоем докторе Носиге — сионистском лидере — писателе, скульпторе и политическом деятеле, в берлинском офисе которого работали известные сионисты Артур Руппин и Яков Топ. Этого масона-фанатика можно с полным правом назвать оголтелым антисемитом. Еврей по национальности, повинуясь приказам тайного братства, он активно участвовал в разработке нацистского плана массового уничтожения пожилых, больных и неимущих немецких евреев, так называемого «шлака нации». Дожив до восьмидесяти лет, он все же получил ему причитавшееся — был убит соплеменниками, пережившими варшавское гетто.

Немецкий журналист Ганс Хене так писал по этому поводу: «Сионисты восприняли утверждение нацистов в Германии не как национальную катастрофу, а как уникальную историческую возможность осуществления сионистских намерений... коль скоро сионисты и национал-социалисты возвели расу и нацию в масштаб всех вещей, то между ними неизбежно должен был возникнуть общий мост». Совершенно верное замечание, если только уточнить, что этот мост возник гораздо раньше и что он-то и способствовал возникновению фашизма. По крайней мере масонский центр через многочисленные ложи, сионистские организации и гойские националистические организации всемерно способствовал этому. Мы пока еще не имеем неопровержимых фактов, доказывающих масонскую принадлежность Гитлера, хотя сведения о его контактах с сионистами имеются, но будем надеяться, что время откроет истинное лицо Адольфа Шикльгрубера.

Об антисемитизме сионистов пишет американский обозреватель Моррис Когон: «Сионисты разделяют в ее основе идею антисемитов, делая при этом лишь иные выводы. Вместо тевтона у них еврей, представляющий наиболее чистую и высшую расу». Поэтому нет ничего удивительного в словах израильской журналистки Ханны Ардент: «Эйхман (один из лидеров германских фашистов. — В. Т.) презирал евреев-ассимилянтов, его раздражали евреи-ортодоксы, сионистов же Эйхман любил, так как они были такими же, как он, «идеалистами».

Но это слова, а вот и дела. В 30-е годы в Берлине работал Палестинский офис, который в тесном сотрудничестве со ставшим впоследствии премьер-министром Израиля Леви Эшколом сортировал евреев, отбирая физически крепких и здоровых молодых мужчин и женщин для отправки в Палестину. И уже упомянутый Ганс Хоне утверждает: «...начальник отдела по делам евреев... ставки разведки фон Миндельштайн всячески содействовал деятельности сионистских организаций по созданию лагерей перевоспитания, в которых молодых евреев подготавливали для использования в сельскохозяйственных киббуцах Палестины. Он внимательно следил за работой сионистов. В своем отделе он приказал создать специальные карты, на которых отмечалось продвижение сионизма в германском еврействе».

Совершенно откровенно определил отношение сионо-масонов к положению евреев в Германии лидер сионистов Хаим Вейцман, отвечая отрицательно на запрос Британской королевской комиссии о возможности спасти 6 миллионов европейских евреев, переправив их в Палестину: «Нет. Старые уйдут... Они — пыль, экономическая и моральная пыль большого света... Останется лишь ветвь». Не уступает ему по циничности признание другого сионистского деятеля Хаима Ландау, строго выполнившего в годы войны инструкции тайных лож: «Когда меня спросили, дашь ли ты из Карен хаешод (сионистский фонд. — В. Т.) деньги на спасение евреев в странах изгнания, я сказал «нет»! И сейчас я снова скажу «нет». Я считаю, что нужно противостоять этой волне, она может захлестнуть нас и отодвинуть нашу сионистскую деятельность на второй план». А ведь Ландау возглавлял «Комитет по спасению».

Кого же «спасал» его комитет, если ему не было дела до простых евреев, чьи интересы защищал этот якобы националист? Только масонская идеология космополитизма и маниакального стремления к мировому господству способна порождать чудовищ, пожирающих своих детей и себе подобных. В иудейских «Книге судей» и третьей «Книге царств» есть свидетельства о людоедстве их бога, о человеческих жертвоприношениях и каннибализме на религиозной почве. Так, пройдя через тысячелетия, древние ритуальные приношения проявились в фашизме и сионизме. Геноцид по отношению не только к «неполноценным», но и собственным «избранным» народам.

А разоблачение масонства в виде преступного единства сионизма и фашизма продолжалось, развеивая сомнения в том, что они представляют собой всего лишь два щупальца гигантского спрута, пытающегося проглотить человечество.

Так, в 1963 году в журнале «Морген-журнал» американский журналист Давид Флинкер писал: «Бен Гуриона обвинили в том, что он, будучи в 30-х годах главой Еврейского агентства в Иерусалиме, заключил с гитлеровским правительством так называемую «трансферсделку» для получения состояния выехавших евреев германскими товарами и тем самым сорвал бойкот нацистов».

Вновь обратимся к Гансу Хене, который писал, что некая просионистская организация «создала в Европе сеть доверенных людей, направлявших еврейских переселенцев тайком в Палестину. Люди Голоида (один из командующих «Хаганы». — В. Т.) были достаточно несентиментальны, чтобы пользоваться для переселения помощью СС». Этот же автор утверждает, что во время еврейского погрома, носившего кодовое название «Кристальная ночь», в рейх Адольфа Гитлера, точнее — Адольфа Шикльгрубера, прибыли представители Моссада (впоследствии ставшего израильской спецслужбой) Пино Гинцбург и Моше Авербах, которые «предложили ускорить сионистскую программу перевоспитания евреев, пожелавших выехать в Палестину». Руководила тайным вывозом «подходящего человеческого материала» на землю обетованную нацистская штаб-квартира Гейдриха.

Совершали сионисты и прямые преступления против своих соплеменников. Один из самых вопиющих фактов — организованное «Хаганой» уничтожение 25 ноября 1940 года в палестинском порту Хайфа пассажирского судна «Патрия», в результате чего погибли 50 человек команды и 202 пассажира-эмигранта. Произошло это, когда английские колониальные власти отказались принять эмигрантов, пригрозив отвести корабль на остров Маврикий. Взорвав корабль вместе с людьми, сионисты тут же запустили совершенно бредовую версию о массовом самоубийстве не желавших расставаться с родиной людей.

Появились сведения и о деятельности еще одного «Комитета спасения». На этот раз в Венгрии и под руководством Рудольфа Кастнера — друга нациста Эйхмана, с которым они договорились нелегально отправить в Палестину насколько тысяч евреев под защитой немецкой полиции. Взамен Кастнер обязался обеспечить «тишину и порядок» в венгерских концлагерях, из которых сотни тысяч заключенных были отправлены в Освенцим. Таким образом в целях спасения богатых евреев и членов сионистской молодежной организации была принесена еще одна, но далеко на последняя, жертва.

Другой сионистский лидер в Венгрии, Джоэл Брандт, также имел контакты с Эйхманом, которому помог в мае 1944 года доставить на Восточный фронт 10 тысяч грузовиков... Перечень обличающих фактов можно продолжить, но они не добавят ничего нового к общей неприглядной картине — еще несколько грязных мазков черной неотмывающейся краской. Завершить же эту тему можно откровенным заявлением Бен Гуриона, объясняющим кажущуюся парадоксальность сочетания в фашизме любви к сионизму и воинствующего антисемитизма: «Я не постесняюсь признаться, что если бы у меня было столько же власти, сколько желаний, я подобрал бы способных, развитых, порядочных, преданных нашему делу молодых людей... Я приказал бы замаскироваться под неевреев и преследовать евреев грубыми методами антисемитизма под такими лозунгами, как «грязные евреи!», «евреи, убирайтесь в Палестину!». Я уверяю вас, что результаты эмиграции... превысили бы в десять тысяч раз результаты, которых добиваются наши вояжеры...» И вновь — цель оправдывает средства. Кстати замечу, что очень глубоко и подробно эти и другие факты рассмотрены в книге Ю. Иванова «Осторожно: сионизм!».

Да, было бы неправильным умолчать о том, что «метод Бен Гуриона» всегда успешно применялся и применяется и по сей день. Так, в 1952 году был пойман за руку некий Аветис Богос Дарунян, активнейший «борец против антисемитизма». А попался он на том, что издавал откровенно... антисемитский листок «Защитник христианства». Более того, в ходе разбирательства всплыло, что действовал он по заданию Антидиффамационной сионистской лиги. А вспомним совсем недавний пример с Норинским. Этот еврей писал редактору журнала «Знамя» еврею же Бакланову гнусные письма от имени «Памяти». А сколько еще подобных фактов не раскрыто?

Итак, в родственности сионизма и фашизма перед лицом подобных свидетельств усомниться крайне трудно. Но, может быть, это было вчера, а сегодня старые друзья пошли каждый своей дорогой? Если бы. Любопытный случай рассказывает в своей книге «Сионизм: лицо и маски» М. Гольденберг: «В 1978 году в Лос-Анджелесе около 300 штурмовиков из «лиги защиты евреев» принялись зверски избивать группу людей, протестовавших против агрессивной политики Израиля. Неподалеку оказался отряд неонацистов в гитлеровской униформе со свастикой на нарукавных повязках, который присоединился к сионистским громилам. Классовый инстинкт сработал мгновенно и безошибочно, подсказав неофашистам, на чью сторону они должны стать: последыши фюрера примкнули к выкормышам раввина Кохане». Показательно, не правда ли? Только вот небольшая натяжка с «классовым инстинктом». Здесь не инстинкт, и не классовый, а осознанная и четко продуманная политика сотрудничества двух внешне вроде бы полярных направлений.

О современных связях сионистов и неонацистов шла речь и в 1984 году на пресс-конференции Антисионистского комитета советской общественности под председательством дважды Героя Советского Союза генерал-полковника Д. А. Драгунского. Советских людей волновали и волнуют совместные акции этих подонков. Однако, говоря о дне сегодняшнем, вновь вспомнили годы войны, когда сионисты возглавляли созданные нацистами юденраты и участвовали в уничтожении своих соплеменников, когда более 100 тысяч евреев, проживавших во Львове, погибли при активном содействии евреев-сионистов И. Парнаса, А. Ротфельда, Г. Ландесберга...

Так что восторги евреев и юдофильской интеллигенции по поводу расцвета сионизма в СССР, в частности по поводу проведения сионистского съезда и создания «Союза сионистов», мягко говоря, не оправданны. Поднятая же ими веха русофобии создаст для еврейского населения нашей страны ситуацию, в которой растет негативное к ним отношение со стороны коренных народов России (в ответ на антирусскую кампанию) и увеличивается зависимость простых евреев от сионистского центра. А уж там-то демократией и не пахнет. Не остаться бы ни с чем товарищам советским евреям.

●

В своих воспоминаниях «Бодался теленок с дубом» («Новый мир», 1991, № 6—8) А. Солженицын обвиняет многих современных ему писателей в неискренности и даже во лжи (среди них — и Шолохов, и Твардовский, и М. Алексеев, и Леонов). Например, о М. Алексееве он так говорит: «Конечно, выходя на люди, Алексеев строит только на лжи. Гибель собственных родителей от голода в коллективизацию он в автобиографическом «Вишневом омуте» скрыл как деталь незначительную» (выделено автором). Обвинение жуткое. Да только поторопился скорый на суд писатель с выводами, хотя, конечно, откуда ему было знать, что в то самое время (речь идет о 60-х годах) уже писался М. Алексеевым роман «Драчуны», где именно ета тема — гибель крестьян, в том числе и его родителей, — явится основной и направдивейшей темой произведения.

В своем сочинении А. Солженицын обрушивается чуть ли не на всех своих литературных современников в годы его жизни в России, на кого-то, впрочем, — на А. Г. Дементьева, Евтушенко, Чаковского, Вознесенского, Е. Шевелеву и т. п. — вполне заслуженно. И сквозь все повествование проходит собственная обида за несправедливые обвинения; автор остро реагирует на каждое малейшее по отношению к нему недоброе слово. Основная же мысль его обиды — в том, что его не уберегли, должным образом не оценили для советской литературы (вот и Ленинскую премию не дали), не откликнулись на горячие стремления стать лояльным к советской власти писателем, не пошли навстречу неоднократным порывам сблизиться с руководством страны (Хрущевым, Сусловым) и партаппаратной номенклатурой (В. С. Лебедевым, Демичевым, И. Т. Фроловым). А ведь как он стремился, как желал стать своим! Как добивался напечататься в «Правде» и в «Известиях»! И — сорвалось... («Если бы на полгода раньше...» — вздыхает он по поводу своего запоздалого знакомства с Хрущевым.)

И теперь, по прошествии многих лет, ознакомившись с его воспоминаниями, разве и мы не имеем права критически взглянуть на ту же, описываемую им действительность, на литературную жизнь тех лет, одним из персонажей которой был сам Солженицын? Не обнаружим ли и мы в его поступках, словах, в документальных свидетельствах других действующих лиц ничуть не меньше фактов приспособленчества, «лицемерия» и неправды?

Статья В. Бушина поднимает завесу над некоторыми затемненными страницами литературной жизни тех далеких лет.

Отдел литературной критики и искусства

Владимир БУШИН

МАСТЕР ПОЛУПРАВДЫ

Утром 19 мая 1967 года я получил по почте письмо — невзрачный бледно-желтенький конверт. Мой адрес сиял на нем великолепной точностью и исчерпывающей полнотой, как жемчужная нить на шее простушки: тут и буквенно-циферное обозначение почтового отделения (шестизначные индексы еще

не были введены), и «ул.», поставленное, как полагается, перед названием улицы, а не после; и мои имя-отчество — целиком, безо всяких усечений. Адрес был напечатан на машинке, и выразительные возможности машинки использованы до конца: слово «Москва» отстукано большими буквами и вразрядку, моя фамилия — тоже вразрядку, но обычными буквами, а два слова, составляющие имя-отчество, размещены немного ниже так точно, что левее фамилии выступало пять букв (Влади...), и правее — тоже ровно пять букв (...евичу).

Эта тщательная обдуманность, педантичность даже в написании адреса были мне хорошо знакомы, я уже знал, от кого письмо. Можно было и не смотреть на обратный адрес (он, конечно же, тут имелся, аккуратно отделенный от моего адреса темной чертой-отбивочкой), но я все-таки взглянул: «Рязань, 12, проезд Яблочкова, 1, кв. 11». Конечно, именно «проезд», а не «пр.», которое, чего доброго, кто-то примет за переулок или проспект.

Да, адрес именно тот, что я и ожидал. Он был мне известен уже несколько лет, еще с тех пор, когда проезд Яблочкова назывался Первым Касимовским переулком. В ответе на мое письмо, в котором я недоумевал по поводу этого еще одного среди столь обильных у нас и ненужных переименований, мой рязанский корреспондент тогда писал мне: «Да, переименование улицы и меня не порадовало, но есть надежда переехать в другую квартиру: три года просил в Рязани — не давали, тогда попросил в Москве — и кинулись давать в Рязани» *. Кинулись-то, может, и кинулись, да, видно, на пути что-то задержало: прошло уже больше года, а адрес — я видел теперь — оставался прежним. Это, естественно, вызывало сочувствие. Еще бы: человек, как сам он писал, прошел «всю войну», ни за что отсидел восемь лет в лагерях, стал известным писателем, а у него нет достойной квартиры!

Я хотел было уже вскрыть конверт, как вдруг заметил странную вещь: в обратном адресе имя адресата отсутствовало. Разве так случалось прежде? Никогда! Может, просто забыл? Ну! При его-то дотошности? Я пригляделся к почтовым штемпелям. Письмо отправлено вчера, 18 мая, в десять часов вечера, то есть чуть больше полсуток тому назад. И за это время оно пришло из Рязани? Темпы для нашей почты немыслимые. Впрочем... Письмо, оказывается, опущено здесь, в Москве, на Центральном почтамте — там, надо думать, письма сортируются быстрее, чем где-либо. Словом, как видно, все сделано для того, чтобы письмо я получил возможно скорее. Зачем? И почему все-таки не стоит там, где ему положено стоять, имя? Для конспирации? С какой целью?..

Я вскрыл конверт. В нем оказалось три листа, заполненных машинописным текстом, — два обыкновенных и один половинный. На этом половинном я прочитал:

«Уважаемый Владимир Сергеевич!

Наша прошлая переписка побуждает меня послать это письмо к Вам...»

---

* Здесь и далее — архив автора статьи. В дальнейшем на всем протяжении работы сноски с указанием источника даются лишь к цитатам, имеющим существенно-принципиальный смысл или требующим подтверждения своей достоверности.

Ах, вот оно что! Значит, это только «сопроводиловка» к основному тексту. Я нетерпеливо заглянул в самое начало этого текста, там стояло:

«ПИСЬМО IV-МУ ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

(вместо выступления)

В президиум съезда и делегатам —
Членам ССП — Бушину В. С.
Редакциям литературных газет и журналов — ...»

Ого, ничего себе размах! Сдерживая любопытство, я вернулся к «сопроводиловке»:

«Определю свое намерение искренне: пусть это письмо напомнит Вам, что и перед Вами в литературе (в жизни) стоит выбор и не бесконечно можно будет Вам его откладывать (как, мне кажется, вы пытаетесь).

Желаю Вам — лучшего.

Солженицын»

За машинописной подписью стояла хорошо знакомая короткая подпись, вся состоящая из острых углов и завитушек: «АСолж».

Письмецо в четыре с половиной строки вместило многое: и укор, и предостережения, и призыв, и упоминание о прошлом, и пожелание на будущее.

Меня прежде всего остановили слова «наша прошлая переписка».

Никогда раньше мне не приходило в голову окинуть ее единым взглядом и сделать из этого какой-нибудь вывод. Я задумался. Наша переписка...

Подобно многим, я впервые услышал об Александре Солженицыне осенью 1962 года. По литературной Москве ходили слухи, что в журнале «Новый мир» вот-вот появится повесть, написанная дотоле совершенно безвестным человеком, что повесть впервые затрагивает тему, о которой тогда так много и горячо говорили, — злоупотребления властью, нарушения законности во времена культа личности Сталина; что автор сам оказался жертвой этих злоупотреблений; что, наконец, небольшая вещь эта производит сильное впечатление. Повесть — она имела скучноватое название «Один день Ивана Денисовича» — действительно появилась в ноябрьской книжке журнала и вызвала наводнение хвалебных статей и рецензий.

У авторов этих статей и рецензий, как и у читателей, представление о А. Солженицыне складывалось тогда по его повести да по тому, что несколько позже он сам стал охотно говорить и писать о себе: боевой офицер-артиллерист, провоевавший всю войну командиром батареи; невинно пострадал за критику Сталина; был осужден, и срок заключения отбывал в тяжелейших условиях, подобных тем, что описаны в повести; выйдя на свободу, стал пером писателя разоблачать былые нарушения законности и бороться со всяческой несправедливостью, — можно сказать, идеальный героический образ страдальца за правду и ее радетеля. Ничего удивительного, что такой человек, такой писатель вызывал у многих и большой интерес, и искреннее сочувствие.

Все так. Однако нельзя сказать, что помянутое статейно-рецензионное наводнение было таким уж совершенно непредвиденным и необузданно-стихийным явлением. Правильнее бы назвать его отчасти плановым. И я оказался малой каплей в том гигантском наводнении: в мартовской книжке «Невы» за 1963 год появилась моя обширная статья о повести. Она была целиком в русле апологетических восторгов того времени. Журнал со статьей послал Солженицыну в Рязань. В его ответе 27 мая 1963 года между прочим говорилось: «О Вашей статье я слышал от Сергея Алексеевича Воронина * еще в феврале. Саму статью прочел в прошлом месяце. Нахожу ее весьма интересной и очень разнообразно, убедительно аргументированной» **. Я, конечно, порадовался похвале большой знаменитости, хотя сам не был в таком уж восторге от статьи и 4 февраля 1964 года писал Солженицыну, что в ней, «по-моему, преобладают эмоции», что она лишь «в какой-то степени удалась» мне.

Но находились люди, которые в отличие от автора повести и частично от меня самого считали мою статью вообще неудачной, даже вредной. Так, редакция «Невы» и я лично получили несколько писем-протестов. В одном из них говорилось, например:

«Я ничего не нашел в повести Солженицына. Ваша объемистая статья, при всем вашем желании хоть что-нибудь найти в Шухове (в главном герое. — В. Б.), тоже не помогла. Зачем из кожи вон лезть и доказывать то, чего на самом деле нет?

Не буду голословным. У меня есть брат. Он провоевал всю войну от первого до последнего дня войны стрелком-радистом, летал с известным Полбиным, ныне покойным ***. Он много видел и пережил. По ряду причин — судьба трагическая. Сейчас он в тюрьме. Но он остался даже там коммунистом — это я могу сказать с чистой совестью. Я сам коммунист. И вот почитайте, что он пишет, я передаю дословно: «Первым долгом отвечу на несколько твоих вопросов.

«Один день Ивана Денисовича» я, конечно, читал ****. Нашумевшей книгой разочарован донельзя. Что в ней полезного? Ничего. Солженицын показал своего Ивана Денисовича борющимся... за миску баланды и кусок хлеба. Безусловно, дума о хлебе насущном в таких условиях вполне закономерна, и показать, рассказать о ней нужно, но разве в этом суть дела...»

Я не виню Солженицына, человек написал как смог и то, что видел со своей колокольни, но зачем же шуметь об этом. Не стоит.

---

* С. А. Воронин был в ту пору главным редактором «Невы».

** От цитирования некоторых мест из писем Солженицына, в частности тех, где он хвалит меня, я воздержался бы, но после того, как о нашей переписке довольно подробно, со многими цитатами рассказала недавно в журнале «Дон» (1990, № 2) его бывшая жена Н. А. Решетовская, в этом, пожалуй, нет уже смысла. — В. Б.

*** Полбин Иван Семенович (1905—1945). Дважды Герой Советского Союза, генерал-майор, летчик.

**** Интересно сопоставить это с заявлением А. Солженицына, сделанным на заседании секретариата Союза писателей СССР 22 сентября 1967 года: «Моей книги («Один день Ивана Денисовича») не дают читать в лагерях, ее не пропускали в лагеря, изымали обысками». — В. Б.

С уважением — Ильин Станислав Сергеевич.
6.07.63. Киевская область, г. Борисполь, в/ч 10201».

Тогда я со многим не согласился в этом и других подобных письмах.

В издательстве «Художественная литература» о моей статье думали совсем иначе, чем С. С. Ильин. Там решили включить ее в ежегодный критический сборник о наиболее примечательных новинках советской литературы. Еще бы! Ведь она оказалась замеченной «Литературной газетой». В большой статье «Гражданином быть обязан...», опубликованной на ее страницах, критик Л. Иванова высветила и процитировала то место статьи, где у меня весьма критически говорилось о главном герое повести.

В «Новом мире» к тому времени появились другие произведения А. Солженицына, и в «Худлите» мне предложили дополнить мою «невскую» статью рассмотрением их, то есть сказать некое обобщенное критическое слово о творчестве писателя в целом. Я охотно согласился, и в итоге получилась весьма пространная работа. Но вскоре мой редактор А. Г. Коган сообщил мне, что директор издательства В. А. Косолапов выбросил ее из сборника. Что же мне было делать? Немного подумав, я послал статью в воронежский «Подъем», где тогда довольно часто печатался. В пятом номере за сентябрь—октябрь 1963 года она там наконец увидела свет.

И на сей раз мое выступление не оказалось незамеченным. В частности, та же «Литературная газета» в редакционной статье «Пафос утверждения, острота споров» опять поощрительно писала, что у меня «рассматриваются как сильные, так и слабые стороны творчества писателя. Критик, решительно споря с концепцией «праведничества», проявившейся в рассказе «Матренин двор», ратует за подлинных героев, героев-борцов, не склонных смиряться с несправедливостью и злом».

Увы, ратовать-то я ратовал, но мое выступление не было объективно-беспристрастным, логически-безупречным, взвешенным и безукоризненно-мудрым анализом, как это можно понять из статьи «Литературной газеты». Нет, хотя я и не мог сказать вместе с критиком В. Лакшиным, что «выдающийся талант автора был принят мной сразу, без оговорок, и целиком» *, хотя у меня даже имел место спор с писателем по некоторым вопросам, но в целом похвалы сильно преобладали над несогласием и критикой.

Сам Солженицын понял это лучше газеты. В его письме от 2 января 1964 года я читал: «Хвалить того критика, который хвалит тебя — это звучит как-то по-крыловски. Тем не менее должен сказать, что эта Ваша статья кажется мне очень глубокой и серьезной — именно на том уровне она написана, на котором только и имеет смысл критическая литература. Особенно интересен и содержит много меткого раздел о «Кречетовке» **. Жаль, что из-за тиража журнала его мало кто прочтет..

Много интересного и для нашей литературы полезного в том, что Вы пишете, противопоставляя «эстетику песчинок» и «эстетику самородков...» и т. д.

* Лакшин Владимир. Солженицын, Твардовский и «Новый мир». — Альманах «XX-й век». Лондон, 1976, с. 153. В дальнейшем — «XX век».
** Имеется в виду рассказ «Случай на станции Кречетовка».

Между тем в январе 1964 года газеты опубликовали список произведений, выдвинутых на Ленинскую премию. Список был довольно обширным. В нем красовалась и повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Вскоре я написал для агентства печати «Новости» обзорную статью о произведениях, выдвинутых на премию. Естественно, что о повести «Один день» в статье говорилось весьма одобрительно. О ее авторе там можно было прочитать, в частности, и такое: «Мне представляется чрезвычайно интересным и даже характерным (для литературы того времени. — В. Б.), что даже Александр Солженицын, который, казалось бы, прочнее, чем кто-либо другой зарекомендовал себя «поэтом будней», причем будней не «прекрасных и ясных», а трудных, сложных, мучительных, Солженицын отнюдь не считает это «амплуа» навсегда для себя предопределенным». В доказательство я ссылался на следующие его слова в одном из писем ко мне: «Нам надо учиться видеть красоту обыденного. Но если говорить совершенно общо, я бы заметил, что иногда материал подсказывает искать истину не через обыденное, а через самое яркое и даже ни на что не похожее, исключительное». Разумеется, это так. И я делал вывод: «Думается, в этом заявлении залог радостных неожиданностей, которые мы можем ожидать от интересного писателя». Неожиданности вскоре и последовали, правда — не шибко радостные. Вполне возможно, что, рассуждая об исключительном в литературе, мой корреспондент держал уже в уме повесть «Раковый корпус», над которой он тогда работал: там он действительно «искал истину» через совершенно исключительное — через палату обреченных на смерть раковых больных. Знать об этих «поисках» я, конечно, не мог.

Мою статью напечатали многие газеты — от «Правды Севера» (Архангельск) до «Новороссийского рабочего», от «Орловской правды» до «Правды Бурятии». И я опять получил несколько несогласных и даже протестующих писем. Вот одно из них с некоторыми сокращениями:

«МОСКВА, Информационное агентство АПН,
литературному критику Вл. Бушину.

Лично я и мои товарищи, любители русской литературы, уважающие ее за боевой и воспитательный характер, за персонажей и героев произведений, у которых можно поучиться нам, простым читателям, — не можем согласиться с такой высокой оценкой повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», включенной в число лучших произведений советской литературы 1963 года.

По простоте душевной нам думалось, что присуждение высшей награды — Ленинской премии — дается за действительно идейно и художественно самые зрелые и совершенные произведения, за такие, которые имеют большое воспитательное значение для нашего поколения — для молодежи, для которой и пишутся и печатаются все книги. Но разве повесть А. Солженицына является действительно таким произведением? Разве повесть эта обогащает нашу советскую литературу?.. Словом, у нас возникло много вопросов, связанных с неправомерным выдвижением повести А. Солженицына на высшую награду.

Мы никак не можем согласиться с таким «перехваливанием»

этой повести, имеющей разовое значение, нашумевшей именно в период увлечения нашей интеллигенцией критикой «культа Сталина». А люди, так или иначе обиженные и пострадавшие, кричали истошно: «Мы же говорили, что правды не было и теперь нет!» Повесть оживила антисоветские элементы и давала оправдание чуждых нам взглядов. Это было вначале именно так!

Но советские читатели самостоятельно разобрались в содержании этой «сенсационной» повести, теперь ее уже перестали читать, а перечитывать едва ли кто будет. Теперь в библиотеках повесть уже почти не спрашивают. Время «сенсации» на критике культа Сталина прошло или почти проходит. Ведь люди убедились, что нельзя же без конца сваливать все наши непорядки на «культ Сталина». Надо и самим отвечать. Вот почему никакое новое «восхваление» этой повести не возродит ее незаслуженную славу. Эта повесть носит случайный успех (так в тексте. — В. Б.) и не обогащает нашу литературу. Таково соображение и ряда писем от рабочих читателей этой повести. Но ведь попали в печать пока только единицы таких отрицательных отзывов: печатаются только положительные отзывы (вроде Вашего расхваливания повести). Мы от группы десятка читателей писали отзывы в несколько газет, но нам даже не отвечают. Почему? Мы отрицаем превращение повести в лучшее произведение, заслуживающее такой высокой награды, как Ленинская премия.

А между тем даже на симпозиуме в Ленинграде (судим по печати) непомерно расхваливали повесть и ставили ее в один ряд с трудами Льва Толстого. Критики не хотят считаться с большинством читателей, особенно из среды трудовой и рабочей. Прямо для нас удивительно! «Анна Каренина» и «Матренин двор» А. Солженицына! Как надо потерять всякую совесть — чтобы сравнивать такие произведения безо всякого учета их исторического значения. Весьма печально, что голоса читателей публикуются только те, в которых выражены похвальные отзывы, и не печатаются такие, которые идут вразрез с «авторитетами», например, с перехвалившим повесть поэтом Твардовским. Даже агентство АПН (Вы выступаете от его имени) не хочет дать нелицеприятную критику и оценку и без всякого учета настроений и оценок читателей — непомерно хвалит повесть! Уму непостижимо!!!

Может быть, Вы ответите нам? С уважением к Вам Н. Чебунин.

Архангельск...»

Как нетрудно видеть, главное в письме — протест против односторонней перехваливающей оценки повести и против невозможности высказать публично, в печати иной взгляд на нее. В этом мой корреспондент был совершенно прав. Странно допустить, что из критиков и писателей, хваливших повесть, я лишь один получал подобные письма. Конечно же, наверняка получали их и другие, но они долго не имели почти никакого выхода в печать.

А время шло. Мы с автором «Одного дня» продолжали иногда обмениваться письмами, делились разного рода литературными и житейскими впечатлениями. При этом не обходилось без взаимных похвал, поощрений. Так, в письме от 4 февраля 1964 года

он меня подбадривал: «Со статьями Вас, я вижу, немножко подзадерживают. Но ведь, Владимир Сергеевич, физика учит, что на тех путях, где нет сопротивления, — не совершается и работа». Это, конечно, воистину так, но о путях, которые тогда уже твердо запланировал себе мой корреспондент, и, разумеется, и не подозревал.

В другой раз я послал ему свою книженцию, он мне — «Один день». В декабре 1965 года решил поздравить его с наступающим Новым годом и высказать праздничные пожелания. Он ответил только 26 февраля 1966 года и, объяснив такую задержку долгим отсутствием в Рязани, писал: «Спасибо. Трудно надеяться, что пожелания Ваши сбудутся, однако потянем как-нибудь». В какую сторону он намерен был «тянуть», я об этом тоже, понятное дело, не догадывался.

В заключительных строках он снова подбадривал меня и поощрял: «Слышал о Вашем выступлении по ленинградскому телевидению. Вас хвалят. Рад за Вас» *.

Наконец 16 ноября 1966 года на обсуждении в Московской писательской организации солженицынского романа «Раковый корпус» мы познакомились и воочию. Позже встречались еще. И вот — 19 мая 1967 года я читаю и снова перечитываю: «...и перед Вами стоит выбор... и не бесконечно можно будет его откладывать...»

19 мая, как уже сказано, была пятница, а по пятницам в редакцию журнала «Дружба народов», где я тогда работал, мне дозволялось не ходить. Скорей всего в понедельник, 22 мая, ко мне зашел в мой редакционный кабинетик поэт Наум Коржавин, которого я знал с далеких литинститутских времен еще Эмкой Манделем, и предложил подписать коллективное письмо в адрес Президиума съезда писателей. В письме предлагалось обсудить то самое послание Солженицына, которое я уже получил с помянутой сопроводиловкой.

К этому посланию мы, возможно, еще не раз обратимся в ходе нашего повествования, а здесь я замечу лишь, что в нем много было всякого. Желая охарактеризовать духовную жизнь нашего общества, Солженицын утверждал, например, что «у нас одно время не печатали... делали недоступным для чтения» Достоевского. Это сказано было, конечно, без должного уважения к истине. Как известно, Достоевский являлся сторонником самодержавия, иные его взгляды и произведения, так сказать, не соответствуют идеям социализма. При этих условиях наивно было бы надеяться, что сразу после свержения самодержавия его стали бы печатать столь же охотно и широко, как, допустим, Горького или Маяковского, провозвестников этой революции. И тем не менее 23-томное Собрание сочинений Достоевского, начатое до революции петербургским издательством «Просвещение», после Октября не было ни прервано, ни заброшено, ни забыто, и последние тома беспрепятственно вышли уже в советское время. Вскоре после этого началась подготовка к изданию первого советского собрания сочинений писателя на научной основе, и

* Это было не мое личное выступление, а коллективная передача, состоявшаяся в один из самых первых дней января 1966 года. Вел ее академик Д. С. Лихачев, а участие принимали писатели Москвы и Ленинграда: покойный Л. В. Успенский, В. А. Солоухин, О. В. Волков, В. С. Вахтин, В. В. Иванов и к.

оно было осуществлено в 1926—1930 годах. Всего после революции, по данным на ноябрь 1981 года (160 лет со дня рождения писателя), вышло в нашей стране 34 миллиона 408 тысяч экземпляров его книг. Это получается в среднем около 540 тысяч ежегодно. Где ж тут «недоступный для чтения»? Надо ли упоминать еще и о целой научно-критической литературе о творчестве Достоевского, созданной в советское время?

Много странного и в его рассуждениях о советских писателях. Например, он гневно вопрошал: «Не был ли Маяковский «анархиствующим политическим хулиганом»? Слова-ярлык взяты в кавычки будто цитата откуда-то, но откуда — неведомо. Назвать Маяковского после революции «политическим хулиганом», то есть, в сущности, врагом революции, которую он сразу принял всей душой и поставил свое перо, по собственному признанию, «в услужение» ей, мог лишь человек, который отличается, по слову Достоевского, «совершенно обратным способом мышления, чем остальная часть человечества». Но какова при этом картина: Солженицын в роли защитника Маяковского!.. Тогда мы не могли ее оценить.

Нагнетая мрачные краски и характеристике духовной жизни нашего общества, Солженицын далее уверял: «Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад (т. е. в 1957 году? — В. Б.) было объявлено грубой политической ошибкой». Снова неизвестно, кем «было объявлено». С какого лобного места? Может, это приснилось? Похоже, что именно так, ибо с тем «объявлением» никто не посчитался, и вскоре издания произведений Цветаевой последовали одно за другим: 1961 год — «Избранное», 1965-й — «Избранные произведения» (большая серия «Библиотеки поэта»), 1967-й — «Мой Пушкин» (позже издан в более полном виде еще два раза)... А сколько этому сопутствовало журнальных публикаций: в «Москве», «Новом мире», «Звезде», «Просторе», в «Литературной Грузии», «Литературной Армении», в альманахах «День поэзии» и «Прометей»...

А дальше? В 1979 году вышли стихи и поэмы Цветаевой в малой серии «Библиотеки поэта» (576 страниц). 1980-й принес читателям ее двухтомник (том первый — стихотворные произведения, 575 с., том второй — проза, 543 с.), 1983-й — «Стихотворения», вышедшие в Казани 100-тысячным тиражом... И эти издания, эти публикации вызвали большое количество статей, рецензий в тех же упомянутых популярных журналах.

Но автор «Письма» все продолжал класть мрачнейшие мазки: он, допустим, божился, что совсем недавно «имя Пастернака нельзя было и произнести вслух». Имелась в виду злополучная история передачи писателем за границу и опубликования там в 1957 году романа «Доктор Живаго», а также присуждения ему в 1958 году Нобелевской премии. Это вызвало тогда резкую критику в советской печати (например, статья Д. Заславского от 26 октября 1958 года, в которой Пастернак был назван «литературным сорняком») и повлекло за собой исключение большого художника из Союза писателей. Увы, к нашему огорчению и стыду, это было. Но дело, однако же, не доходило до того, чтобы люди боялись произнести имя поэта вслух.

Да, у многих советских писателей жизненная и творческая судьба в годы так называемого «культа личности» оказалась

трудной, а порой и трагической, но Солженицын, внося смуту в вопрос, в котором необходимы абсолютная достоверность и точность, в своем письме еще более все это драматизировал, усугубляя, ухудшая, не останавливаясь перед прямым искажением фактов. К тому, что уже сказано, можно добавить, например, его утверждения (и, разумеется, чрезвычайно гневные!), будто для Николая Заболоцкого «преследование окончилось смертью», а Андрея Платонова «уничтожили». Заболоцкий действительно в 1938 году был незаконно репрессирован; но в 1945 году его полностью реабилитировали, он вернулся в Москву, а в 1948 году вышла его книга «Стихотворения». Умер Николай Заболоцкий своей смертью в Москве 14 октября 1958 года пятидесяти пяти лет от роду. Что же касается Платонова, то его литературная судьба была трудной, но он, слава Богу, не был репрессирован и никто его не «уничтожал», а умер он опять же своей смертью, в Москве.

Но все сказанное вовсе не означает, что у нас не имелось достаточно влиятельных людей, которые были чрезмерно осторожны, а то и враждебны по отношению к тем или иным из названных здесь писателей или к отдельным их произведениям. Так, в 1935 году издательство «Academia» выпустило роман Достоевского «Бесы». Это вызвало чрезвычайно резкий протест уже упоминавшегося Д. Заславского, весьма известного и деятельного в ту пору журналиста. Он выступил со статьей, которая была озаглавлена «Литературная гниль». Факт более чем прискорбный, но он не остался без достойного ответа. И ответил не кто-нибудь, а сам Максим Горький, отношение которого к Достоевскому, при всем восхищении его изобразительной силой, во многих аспектах было весьма критическим. Он писал: «Мое отношение к Достоевскому сложилось давно, измениться — не может, но в данном случае я решительно высказываюсь за издание «Академией» романа «Бесы»...

Да, скорбные тяжелые дела в нашей многоликой литературной жизни случались, их можно найти и назвать без труда, но в письме Солженицына плотным косяком шли главным образом вымыслы о ней. Мы видим, что доводы против них, как говорится, не лежали на поверхности, а требовали поиска, наведения справок, сопоставления фактов, размышлений. Одни проделать такую аналитическую работу были неспособны, другие просто не хотели. Тем более что ведь и в голову не могло прийти сомнение в правдивости человека, который тут же, в этом письме, называл себя «всю войну провоевавшим командиром батареи», о котором авторитетные люди писали как о невинной жертве произвола.

К тому же, с другой стороны, в письме встречались и утверждения, в правильности которых не мог усомниться никто. Так, автор с большим пафосом возмущался прискорбным фактом длительного неиздания у нас Мандельштама, Пильняка, Волошина, Клюева, Ремизова, Гумилева и уверенно заявлял, что они «неотвратимо стоят в череду». Время показало, какой сильный это был ход: в последующие годы действительно вышли сборники и Мандельштама (1973), и Пильняка (1976), и Волошина (1977), и Клюева (1977), и Ремизова (1978), и впервые после 1936 года издали «Петербург» Белого (1979), и скоро мы перестали пла-

тить по пятьсот рублей за парижские и вашингтонские издания Гумилева, который не выходил у нас с 1923 года.

Иные читатели солженицынского письма воспринимали его, вероятно, так: автор бесспорно прав в отношении Мандельштама, Гумилева и других, следовательно, столь храбрый и честный человек, он прав и во всем остальном. Эти люди не подозревали, что, конечно же, прекрасно знал автор письма: лучшие сорта лжи фабрикуются из полуправды. Я же считал, что обсудить письмо, как это предлагалось в том обращении к съезду, которое привез мне Коржавин, вовсе не значило принять все его идеи и требования. Главным у Солженицына было требование «добиться упразднения всякой цензуры». Ленинградский писатель Виктор Конецкий писал в адрес Президиума съезда, возражая на помянутое категорическое требование: «Во всех государствах, при всех режимах, во все века была и необходима еще будет и военная, и экономическая, и нравственная (порнография) цензура». Надо думать, среди делегатов съезда оказалось бы достаточно писателей, которые тоже нашли бы веские возражения как по этому, так и по другим пунктам письма. Словом, в ходе коллективного обсуждения обнаружились бы многие достопечальные свойства солженицынского публичного демарша. Увы, у руководства Союза писателей не хватило смелости и сообразительности пойти на это.

Но, к сожалению, многое тогда еще никак и не могло обнаружиться даже при самом активном обсуждении. Так, на съезде никто не мог знать, что за словами «всю войну провоевавший командир батареи» стояли, как позже выяснилось, факты, несколько отличные от смысла этих слов: во-первых, воевал Солженицын не «всю войну», то есть не четыре почти года, а менее двух последних лет, которые, как известно, кое-чем отличались от первых двух лет войны; во-вторых, командовал он не пушечной батареей, ведущей огонь по врагу, а неким вспомогательным подразделением, которое хотя и называлось действительно батареей, но ни одной пушки не имело и ни одного выстрела по врагу, естественно, сделать не могло.

Да, этих фактов мы тогда не знали, а ведь слова о «всей войне» и о командовании батареей больше всего внушали доверие к автору письма и будоражили чувства. Вон в какое возбужденное состояние привели они Георгия Владимова, который тоже получил письмо Солженицына и теперь писал съезду: «Гнусная клевета на боевого офицера, провоевавшего всю войну... Это происходит на 50-м году РЕВОЛЮЦИИ... Я хочу спросить полномочный съезд — нация ли мы подонков, шептунов и стукачей или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев?» Мне лично не было необходимости обращаться к съезду для разрешения вопроса о моей нации, но — зная, где гении, я далеко не достаточно был осведомлен о подонках, шептунах и стукачах. Именно поэтому-то главным образом я и подписал письмо, принесенное мне Коржавиным 22 мая 1967 года.

Письмо Солженицына к съезду, разосланное им, как потом он сам признавался, в 250 адресов, смутило двух литераторов и привело их в крайнее возбуждение. Так, сравнительно молодой тогда ленинградский литератор В. Соснора, будучи железно уверенный, что Солженицын — «пламенный борец с ненашей идеологией», с еще большей уверенностью предрекал в своем огненном послании Союзу писателей: «Через две недели не будет ни одного (!) человека в России, и не только (!) в России, который не прочитал бы это письмо» *. То есть, виделось ему, что все наше население, отложив самые срочные дела, остановив поезда и погасив домны, вот-вот засядет за чтение этих потрясающих страниц о том, как уничтожили Платонова и как Александр Исаевич Солженицын от первого до последнего дня войны бесстрашно командовал своей беспушечной батареей.

Молодой автор чистосердечно признавался: «Я имею смутное представление о сегодняшней цензуре», но тем не менее он вулканически протестовал против нее. Еще бы! Человек с шестнадцати лет пишет «ежедневно и профессионально», написал один роман и шесть повестей общим объемом в 40 печатных листов, три пьесы, множество литературоведческих эссе, 24 поэмы в среднем по 500 строк каждая (т. е. каждая больше «Медного всадника»), и «все предлагал чуть ли не всем журналам страны», но никто его «медными всадниками» не заинтересовался! И вот, почему-то не желая искать причину этого ни в себе, ни даже в журналах, которые столь единодушно с ходу отвергали его обильные сочинения, автор винит в своих неудачах цензуру, о которой — тут не было никакого преувеличения — у него действительно представление уж очень смутное.

Прошло еще полгода, и в июле 1968-го Лидия Чуковская все продолжала твердить: «Опровергнуть письмо нельзя ничем — и факты, и выводы неопровержимы». Помимо этого, она считала своим долгом гневно протестовать против всего, что ей не нравилось в появлявшихся публикациях о Солженицыне. Например, «Литгазета» в одной из статей заявила, что он командовал одной из зенитных батарей, которые, как правило, располагаются на фронте не вблизи линии обороны, а на более или менее значительном удалении от нее. «Клевета!» — возмутилась Л. Чуковская. Она дожила до шестидесяти с лишним лет в твердом убеждении, что зенитная батарея — это не артиллерийская батарея, а Солженицын — ей было известно, должно быть, с его собственных слов, ибо он некоторое время жил у нее на даче, — командовал именно артиллерийской!

Что стало бы с женщиной столь почтенных лет, если нашелся бы просвещенный человек и объяснил ей, что зенитная батарея все-таки тоже называется артиллерийской, но ее квартирант и зенитной батареей никогда не командовал? Как удивилась бы она, если кто-нибудь еще и растолковал бы ей, что квартирант командовал батареей артиллерийской инструментальной разведки (АИР). А это нечто совсем иное, чем пушечная батарея, ведущая огонь по врагу. Батарея АИР никаких орудий не имеет, это подразделение не боевое, а сугубо вспомогательное.

В те дни, когда Л. Чуковская кидалась грудью на защиту Солженицына, он сам писал: «Гласность, честная и полная, — вот первое условие здоровья всякого общества. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к отечеству». Очень верно! Но почему бы автору этого прекрасного афоризма в под-

* Все письма и телеграммы в этом фрагменте цитируются по Собр. соч. А. Солженицына, куда они неизвестно как и почему попали, — факт, вероятно, не имеющий прецедента в истории такого рода изданий.

тверждение своего неравнодушия к отечеству тогда же не показать пример уважительного отношения к помянутому «первому условию», почему бы не предать полной гласности, не осветить со всей полнотой факт своего командования несколько загадочной «артиллерийской батареей»?

Справедливости ради надо заметить, что несколько позже, после того, как солженицыноведы осветили в печати некоторые темные места фронтовой биографии писателя, расшифровали таинственную аббревиатуру АИР, Александр Исаевич — и это, разумеется, делает ему честь — уже никогда не говорил и не писал, что прошел «всю войну» и командовал всем известной артиллерийской батареей. Например, в автобиографии, написанной в 1970 году для Нобелевского комитета, он дал сильно смягченную версию своего героического военного прошлого: «С начала войны из-за ограничений по здоровью я попал ездовым обоза и в нем провел зиму 1941/42 года, потом был переведен в артиллерийское училище и кончил его к ноябрю 42-го года. С этого момента я был назначен командиром разведывательной артиллерийской батареи и в этой должности непрерывно провоевал, не уходя с передовой, до моего ареста в феврале 1945 года».

Как видим, тут уже нет «всей войны» и некоторых других героических красот. Но Солженицын не был бы самим собой, если и тут не постарался бы кое-что приукрасить. Поэтому требуются уточнения. Во-первых, в армию он попал не «с начала войны», то есть не в июне—июле, как большинство его сверстников, а только во второй половине октября, на исходе четвертого месяца войны. Во-вторых, ездовым попал не на фронт (не снаряды возил под огнем врага), а в Сталинградский военный округ, находившийся тогда в глубоком тылу. В-третьих, «непрерывно воевал» не с ноября 42-го, не с момента, когда назначили командиром батареи, а с мая 1943-го. В-четвертых, командовал опять же не «разведывательной артиллерийской батареей», а батареей артиллерийской инструментальной разведки. АИР может быть в определенном смысле уподоблена «кабинетному шпионажу», то есть сбору разведывательных данных из газет и иных публикаций, куда они иногда по чьей-то оплошности проникают. Понятно, что это совсем не та разведка, какую вел, например, в годы Великой Отечественной войны легендарный разведчик Николай Кузнецов. Ну, и в-пятых, командиру АИР говорить о передовой, с которой-де он не уходил два года, вообще не следовало бы, ибо он просто не знает, что это такое, подобно тому, как «кабинетный разведчик» не знает опасностей и риска, что выпадали на долю таких, как Николай Кузнецов.

...Прошло целых двадцать лет. И вот в «прогрессивном» «Книжном обозрении» появилась статья о Солженицыне еще одной Чуковской — Елены, видимо, представительницы новой генерации всем известного литературного рода. Движимая, надо полагать, фамильной любовью к героям инструментальной разведки, Е. Чуковская приводит в своей статье выдержки из одного весьма ответственного документа, в котором сказано, что «Солженицын с 1942 года до февраля 1945 года находился на фронте». Очень хорошо. Но нельзя не подосадовать на некоторую неопределенность этого заявления: вторая дата дана в нем с точностью до месяца, а в первом случае указан только год. Ведь это же огромная разница, попал ли человек на фронт в январе—феврале или

в ноябре—декабре. В то время, в той обстановке порой был важен не только месяц, но и день. Так вот, приходится напомнить, что Солженицын попал на фронт не в январе и даже не в декабре 1942 года, а весной 1943-го, в мае.

Еще читаем в ответственном документе: «Солженицын являлся командиром батареи...» Ну, это мы уже слышали и в отличие от членов семьи Чуковских знаем, что за батарея.

Дальше: «Солженицын участвовал в боях против немецко-фашистских войск...» Право, лучше бы сказать помягче, например, так: «принимал участие в боевых действиях». Однако накал документа повышается: «Храбро сражался за Родину, неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал». Так сказано, что, ей-ей, можно подумать, будто речь идет о штыковых атаках, о рукопашных схватках в окопах врага. А между тем, если Солженицын и увлекал своих подчиненных, то разве что только на то, чтобы расторопней работать с акустическими приборами да измерительными инструментами звуковой разведки.

Кстати сказать, в этом очень стремилась помогать Солженицыну его жена Наталья Алексеевна Решетовская, которую, должно быть, в награду за личный героизм начальство разрешило ему выписать из Ростова-на-Дону непосредственно на батарею, на аировскую передовую. Достоверно известно, что за время довольно длительного пребывания Натальи Алексеевны в этом кромешном пекле Александр Исаевич обучал ее стрельбе из пистолета (били по воробьям и воронам), но удалось ли молодой супруге еще и выказать вместе с мужем личный героизм, остается до сих пор пока невыясненным.

Однако что же это за ответственный документ, из которого мы узнали так много интересного о героях звуковой разведки? Как ни странно, сей документ — определение Верховного суда СССР о реабилитации А. И. Солженицына. Как видим, увы, и такие документы надо читать очень внимательно.

Но, пожалуй, еще большего внимания заслуживает уровень информированности рода Чуковских в области артиллерии. Поистине остается загадкой, каким образом в 1988 году он остался на том же уровне, что и в 1968-м?

Своей Главной Книгой, Книгой Жизни Солженицын считает «Архипелаг ГУЛАГ». Он говорит, что при ее появлении Ассоциация американских издателей предложила кому угодно опубликовать любые опровержения по ее тексту. Не знаю, почему это предложение не было в свое время принято. Может, действительно, сразу, с налету не нашлось мыслей и доводов. Известное дело, еще Бисмарк корил нас: «Русские медленно запрягают...» Но уж ныне-то, когда книга вышла и у нас, грешно было бы таить от читателей эти доводы, если они есть. Словом, пожалуй, настало время более пристального рассмотрения интереснейшей и характернейшей фигуры, может быть, всего нашего времени и его Книги Жизни.

●

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ

Юрий МЕШКОВ,
доктор филологических наук

СМОТРЕВШАЯ «В ГЛАЗА СУДЬБЫ»

На 54-м году своей жизни, 31 марта 1945 года, она приняла мученическую смерть в газовой камере так называемого «Молодежного лагеря», бывшего отделением концлагеря Равенсбрюк.

Месяц спустя французская газета «Темуаньяж кретьен» поместила рассказ двух узниц, вернувшихся из Равенсбрюка: «В нашем блоке была необыкновенная женщина, русская монахиня мать Мария. Однажды было намечено, как это происходило постоянно, некоторое количество больных женщин для газовой камеры. Приговоренные отчаивались, не хотели покориться и идти на смерть. Мать Мария пыталась увещевать их, объясняла им, что они ошиблись, что их переведут в другой лагерь. Но это не убедило их. Тогда она решилась и сказала им: «Вот доказательство, что я не верю в газовую камеру: я заступлю на место одной из вас». И, таким образом, мать Мария добровольно пошла на мученичество, чтобы помочь своим подругам умереть».

Иную версию гибели матери Марии мы встретили в книге воспоминаний А. Тверитиновой «Форт Роменвиль» («Звезда», 1960, № 4): «Утверждают, что в русском блоке поэтесса Кузьмина-Караваева уговорила назначенную к отправке в газовую камеру молодую советскую женщину обменяться с ней номерами и отправилась вместо этой молодой женщины на смерть».

Так оборвалась жизнь Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой. И хотя до сих пор не нашлось веских подтверждений тому, что все было именно так, в эту легенду веришь. Ведь в ней нет ничего, что противоречило бы характеру матери Марии.

В мае 1985 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Е. Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария) награждена посмертно орденом Отечественной войны.

А начало ее творческого пути связывают с романтической легендой-былью о встрече с Александром Блоком.

Лиза Пиленко (девичья фамилия Кузьминой-Караваевой) родилась 8 (21) декабря 1891 года в Риге. Но вскоре семья переехала на юг. В шести километрах от Анапы, в местечке Джамете, у отца был небольшой виноградник. Когда же отец умер, семья поселилась в Петербурге.

Лиза болезненно перенесла смерть отца. Ей не нравился Петербург. И в этот период чуть ли не полного разочарования в жизни, кажется, самой судьбой была уготована Лизе встреча с Александром Блоком. Она увидела его на одном из поэтических вечеров, и ее поразил облик поэта: «Очень прямой, немного надменный, голос медленный, усталый, металлический. Темно-медные волосы, лицо не современное, а будто со средневекового надгробного памятника, из камня высеченное, красивое и неподвижное». В стихах его Лиза услышала то, что так хотелось выразить ей самой: «...много тоски, безнадежности, много голосов страшного Петербурга, рыжий туман, городское удушье. Они не вне меня, они поют во мне, они как бы мои стихи».

Блок принял ее, внимательно выслушал — и понял. Лиза почувствовала, что он понял ее. Они стали встречаться, часами, до утра, разговаривать. Позднее Елизавета Юрьевна напишет, что это был «единый разговор, единая встреча, прерванная случайными внешними часами пребывания дома для сна, пищи, отдыха». Встречи эти будут тревожить Блока, и летом 1916 года он оборвет их. Правда, чуть раньше он скажет Лизе: «Я хотел бы знать, что часто, часто, почти каждый день вы проходите внизу под моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулит, ограждает. Пройдите, взгляните наверх. Это все». Сторонился ли он ее любви, о которой Елизавета Юрьевна в этот период открыто говорила и писала ему, или была тому иная причина, сегодня трудно судить. Да и надо ли? Главное ведь в другом. В том, что в судьбе поэтессы встречи с Блоком, общение с ним, влияние его личности и творчества, наконец, любовь к нему станут самой памятной страницей в жизни Кузьминой-Караваевой. Но осознание этого придет к ней позже.

А вскоре после знакомства и первого долгого разговора, бывшего в начале февраля 1908 года, Лиза Пиленко получит от поэта письмо и в нем стихи, обращенные к ней.

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?..

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

Александр Блок обратил к девушке заветную мысль о том, как губительно забвение и уход от того реального, что несет с собой жизнь. Он как бы оборонял ее от более близкого соприкосновения с миром, где «рифмованные и нерифмованные речи о земле и о небе» любят больше, чем саму землю и небо. Оборонял от мира слов, замещающих знание самого мира.

Но молодость не любит поучении. У нее свое понимание жизни. И Лиза считала, что искусство и призвано привнести в жизнь неведомое, постигаемое лишь в отрешении от бренной суеты сегодняшнего дня. И в блоковских стихах (а больше — в письме) она прочитала совет оставить стремление «посвятиться» в тайну тех, кому неумолимый ход жизни сулит возмездие за отрешение от нее.

В 1910 году Елизавета Юрьевна стала женой Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева, юриста и историка, близкого к творческим кругам, а затем и члена созданного Н. Гумилевым «Цеха поэтов». Вместе с мужем она погрузилась именно в тот мир, от которого и хотел оградить ее Блок.

«Ритм нашей жизни нелеп, — вспоминала Е. Ю. Кузьмина-Караваева. — Встаем около трех дня, ложимся на рассвете...

В этот период смешалось все. Апатия, уныние, упадничество — и чаяние новых катастроф и сдвигов. Мы жили среди огромной страны словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура: цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями культурного музея человечества. Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции — так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее. И вместе с тем эта глубина и смелость сочетались с избывным тлением, с духом умирания, призрачности, эфемерности. Мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции. За нами простиралась всероссийская снежная пустыня, скованная страна, не знающая ни наших восторгов, ни наших мук, не заражающая нас своими восторгами и муками».

Восторги и муки, способные вернуть современнику утраченный им вкус к жизни, ее яркость и цельность, Кузьмина-Караваева попыталась искать в обращении к темам и образам давно ушедшего.

Воскрешение прошлого как образца, того живого вчера, что противостоит мертвому сегодня отсутствием затхлого быта, психологией стихийничества, жизнеутверждающим пантеизмом и волевым началом, в русской поэзии начала XX века стало целым направлением. Оно ярко было представлено в творчестве редко вспоминаемого ныне поэта И. Коневского, слышавшего в далеком прошлом «тихую свирель» памяти. Древняя история и культура глубоко интересовали В. Брюсова. Своеобразную теорию мифотворчества исповедовал Вяч. Иванов. Многие в этот период стали активно обращаться к фольклору. Своей стилизацией старины возбуждали немалый интерес сборники стихов С. Городецкого «Перун», «Дикая воля», «Ярь».

Именно С. Городецкий имел прямое отношение к выпуску в «Цехе поэтов» в начале 1912 года первой книги стихов Кузьминой-Караваевой «Скифские черепки»: он рисовал обложку.

Поэтизируя языческую древность, Кузьмина-Караваева уходила не столько от скуки сегодняшнего дня, сколько от самой себя. Она еще не самоопределилась в исканиях, лишь выходила к тому, чтобы видеть мир своими глазами и найти себя в нем. Ее страстная натура не могла успокоиться на том, что отстоялось и жило лишь как археологическая память или музейный экспонат. И потому, открывая в книге увлекавшее ее, Елизавета Юрьевна не открывала самою себя. Правда, о «Скифских черепках» появились печатные отзывы, которые Д. Максимов назвал «умеренно сочувственными». Характерна и реакция А. Блока. Кузьмина-Караваева послала ему книгу вскоре после ее выхода, но он отозвался только через полтора года: «Скифские черепки» мне мало нравятся — это самое точное выражение; я знаю, что все меняются, а Вы — молоды очень. Но все-таки, не знаю почему, мне кажется, что Ваши стихи — не для печати. Вероятно, «Скифские черепки» звучали бы иначе, если бы они не были напечатаны».

В ответ Кузьмина-Караваева отправила Блоку большую подборку новых произведении. Он внимательно их прочел, сделал на полях рукописи замечания. Она учла только те, которые касались техники стиха. Но там, где речь шла о направленности стихотворений, Кузьмина-Караваева сохранила верность себе.

В 1916 году выходит вторая книга ее стихов — «Руфь», которую она послала Блоку с надеждой: «Если бы этот язык мог стать совсем понятным для Вас, я была бы обрадована».

Характер поэтессы определился. Определилось и главное в ее творческих исканиях — мотив духовного пути, христианского долга. Блок звал ее в мир реальностей. Теперь она принимает его. Но предметная действительность намеренно отодвигалась ею на второй план. Она принимала жизнь как данность, в которой ей суждено пройти свой и только свой путь. Совсем по-блоковски поэтесса восклицает: «Я смотрю в глаза судьбы в упор».

Отвратила снова-неудачу,
Отвратила тяжкую беду,
Нет, я в этой жизни не заплачу, —
Как назначено, так и пойду.

Называя себя «вестницей слова Господня», Кузьмина-Караваева стремится донести до людей «священную весть», обратить к ним «призывное слово». Смысл и радость земного своего бытия она видит в том, чтобы быть со страждущими, с ними делить беды.

Взлетая в небо, к звездным млечным рекам
Одним размахом сильных белых крыл,
Так хорошо остаться человеком,
Каким веками каждый брат мой был.

Поэтическая речь Кузьминой-Караваевой становится речью проповедницы. Ее лирическая героиня стремится проповедовать добро, нести добро, делать добро. Свое предназначение Кузьми-

на-Караваева видит в том, чтобы сказать «да» тому единственному и извечному, что заключено в слове Бога. В постижении этого слова и открывает она высший смысл земной жизни.

На этом рубеже в жизненную судьбу Кузьминой-Караваевой вмешивается злая сила исторических обстоятельств. Они круто изменили и ускорили само течение жизни. И в этот драматический круговорот событий оказались втянутыми те, кто еще недавно так жаждал изменений.

Поэтесса увидела в революции начало перемен, почувствовала тот блоковский ветер, который, по замыслу, призван был разорвать устоявшийся, окаменевший и опостылевший своей размеренностью уклад жизни. Так мыслилось. И проповедническая речь Кузьминой-Караваевой на какое-то время становится публицистически страстным монологом современницы, смело шагнувшей навстречу тому, чего не миновать.

Посты и куличи. Добротный быт.
Ложиться в полночь, подниматься в девять.
Размеренность во всем — в любви и гневе.
Нет, этим дух уже по горло сыт.
Не только надо этот быт сломать,
Но и себя сломать и искалечить,
И непомерность всю поднять на плечи,
И вихрями чужой покой взорвать.

Покой был взорван. Но взрывная волна вышла из повиновения направлявших ее. Она вызвала к жизни сатанинские силы, борьба с которыми оказалась безысходной.

В 1920 году Е. Кузьмина-Караваева покидает Россию.

Течет и уносит река,
Родным берегам — простите!
И режет моя рука
Прошедшего прочные нити, —

с тоской писала она в момент отъезда.

С Д. Е. Скобцовым, учителем-словесником, впоследствии казачьим офицером, женой которого Кузьмина-Караваева стала накануне революции, и с дочерью от первого брака Гайяной она отплыла в Константинополь. Потом была Югославия, с 1923 года — Париж. Здесь родился сын Юрий, которому суждено было погибнуть в фашистском лагере как участнику французского движения Сопротивления, здесь же родилась и дочь Настенька, в раннем возрасте умершая от менингита.

В этот период эмиграции под фамилией Е. Скобцова Елизавета Юрьевна издает биографические книги о Хомякове, Достоевском, Вл. Соловьеве, ряд статей религиозно-философского содержания. Но главное — она ищет утраченное в событиях века «представление о должном, о понятном и приемлемом ходе жизни».

Хлебнув в достатке эмигрантской жизни, она нашла в себе силы заново обрести смысл своего бытия. Кузьмина-Караваева находит его в том, чтобы отдать себя людям, лишившимся Родины и близких. Так стремление делать добро приобретает реальную драматическую почву.

В 1931 году она принимает монашество, становится матерью Марией.

Все пересмотрено. Готов мой инвентарь,
О колокол, в последний раз ударь.
В последний раз звучи последнему уходу.
Все пересмотрено, ничто не держит тут,
И из тумана голоса зовут.
О, голоса зовут в надежду и свободу...

За решением пришло успокоение. Найден смысл существования, тот единственный путь, которым она и пойдет, то место в людском общежитии, на котором быть ей и только ей, ибо не кто-то, а сама она избрала его себе.

Самое вместительное в мире сердце.
Всех людей себе усыновило сердце.
Понесло все тяжести и гири милых.
И немилое для сердца мило в милых.
Господи, там в самой сердцевине нежность.
В самой сердцевине к милым детям нежность.
Подарила мне покров свой синий Матерь,
Чтоб была я и на этом свете Матерь.

Оставаясь в миру, мать Мария полной мерой испытывала лишения, муки и нужду своих соотечественников. И принадлежала она теперь им безраздельно.

К концу 20-х годов русским, вынужденно ставшим эмигрантами, пришлось прийти к горестному выводу, что на Родину им уже не вернуться. Не вернуться победителями в ту Россию, которой они жили. С осознанием этого уходило и своеобразное «баррикадное» мышление. И тогда одни, чисто по-русски решившие для себя — чему быть, того не миновать, потянулись в советские посольства за визой на возвращение. Но даже те, которые клеймили их предателями, понимали: они ехали умереть на Родине, дома. Такова судьба А. Куприна. Такова судьба и старшей дочери Кузьминой-Караваевой, вместе с мужем-коммунистом в 1935 году вернувшейся в Россию и через два года умершей от болезни.

Но и те, кто не мог вернуться по той или иной причине, были в основе своей людьми национально мыслящими. Если раньше любое негативное известие о России они расценивали как подтверждение своей правоты, то теперь их все больше интересовали вести, пробуждавшие чувство гордости за далекую Родину. Они в отличие от эмигрантов «третьей волны» и в мыслях допустить не могли, что кто-либо в каком угодно контексте мог бы обмолвиться о «России-суке».

Но чувство тоски, неприкаянности не покидало их. Оно усугублялось для многих еще и бедственным материальным положением. И вот на улице Лурмель матерью Марией было приобретено здание, где некогда размещалась конюшни. Здесь и устроили общежитие и столовую для бедных и обездоленных русских эмигрантов.

В общежитии на улице Лурмель и пришло к ней нравственное успокоение. Елизавета Юрьевна делала то, к чему лежала душа, она дарила людям надежду на покой. Она утешала, лечила, пробуждала в сердцах добро и свет. Излечивая души соотечественников от тоски, мать Мария обретала в этом себя. Таков был теперь ее крест, и нести его было радостно.

В ее стихах 30-х годов отсутствуют личные, интимные мотивы. В них — биение открытого людям сердца, полного тревоги и заботы о них. Стихи трагичны. Но нет сетования на неудачи и тяготы, есть принятие долгого пути здесь, на Земле:

Какая тяжесть в каждом шаге,
Дорога круче, одиноче.
Совсем не о нетленном благе -
Все дни кричат мне и пророчат.

Стихи ее исполнены особой веры и правильность избранного ею пути. В них нет и тени монашеского смирения, нет ухода от мира боли и страданий современников. Они представляют нам мать Марию не просто деятельной натурой, а борцом.

Не буду числить ни грехов, ни боли.
Другой исчислит. Мне же только в бой.

С началом фашистской оккупации Парижа и тем более после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз мирная обитель наших соотечественников на улице Лурмель превращается в один из центров французского движения Сопротивления, как писал в автобиографическом повествовании «На чужбине» Лев Любимов, — «в антигитлеровский центр эмигрантов, которым руководила эта полная энергии, всегда веселая, жизнерадостная, всем своим обликом непохожая на монахиню, крепкая духом русская женщина. Русские люди собирались там у радиоприемника, чтобы услышать голос Москвы, или перед огромной картой СССР, на которой мать Мария каждый день передвигала флажки согласно последней советской сводке; там же устраивала она бежавших из лагеря советских военнопленных...».

В феврале 1943 года мать Мария была арестована.

Борьба с фашизмом действительно сплотила народы. И мать Мария, утешая в заключении своих подруг по несчастью, не делила их по национальностям. Но святоотеческая традиция придавала ей в неволе силу. Одна из тех, кто выжил и помнил подвиг матери Марии, приводит ее слова: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет «русский период истории». России предстоит великое будущее. Но какой океан крови...».

Господи, сколько здесь правды! И сколько святоотеческой веры в судьбу Родины, которой нам сегодня недостает. Потому нам так нужна память о судьбе матери Марии — поэтессе Елизавете Юрьевне Кузьминой-Караваевой.

●

Дмитрий ЖУКОВ

РОССИЯ НА ГОЛГОФЕ

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего...

А. БЛОК

...Александр Блок умирал.

Умирал мучительно летом 1921 года в разоренном и обезлюдевшем Петрограде от воспаления сердечных клапанов, цинги и нервного истощения. Он умирал вместе с миллионами русских людей, оставшихся в живых после войн и расстрелов, обобранных, лишенных последнего куска хлеба, пухших от голода, евших лебеду и пожиравших в безумии собственных детей, бесплотных настолько, что буграми выпирали все суставы, а обвисшие животы казались громадными...

Так надо было «вождям пролетариата», которые бредили мировой революцией, не имея никакого отношения к пролетариату, действовали от имени его, разжигали междоусобную кровавую рознь, доверяя охрану своих особ лишь китайцам, венграм, латышам, чужим России и не знавшим ни слова по-русски.

Остатки русской интеллигенции, так ликовавшей некогда по поводу российских неудач, расстреливались и вымирали от истощения и отчаяния, несмотря на то, что некоторые получали подачки — «академические» пайки. Еще в 1919 году, когда от населения Петрограда осталась треть, Троцкий похвалялся: «Мы так сильны, что если заявим завтра в декрете требование, чтобы все мужское население Петрограда явилось в такой-то день и такой-то час на Марсово поле, чтобы каждый получил 25 ударов розог, то 75 процентов тотчас бы явилось и стало бы в хвост и только 25 процентов более предусмотрительных подумали бы запастись медицинскими свидетельствами, освобождающими их от телесного наказания».

Но больше всего новые властители ненавидели православное духовенство и крестьянство, дальновидно считая, что именно там могут остаться корни возрождения России.

По секретному письму Ленина священников и монахов распинали на крестах, топили и просто расстреливали. Церковное и монастырское имущество изымали. Иконы и церковная утварь вместе с изъятыми у дворян и купцов ценностями шли потоком за границу, пополняя личные миллионные счета большевистских властителей в швейцарских банках. Они жили и роскошных особняках и поместьях. Петроградский диктатор Зиновьев-Апфель-

баум подарил своей «сотруднице» Аделаиде Ганзен жемчужное ожерелье, стоившее 250 тысяч золотых рублей. Оно одно могло спасти целую волость умирающих крестьян, но это значило бы поддержать «мелкобуржуазную стихию».

Властители и их приближенные свободно разъезжали по заграницам, снимая для себя и свиты целые этажи в лучших отелях, устраивали там роскошные приемы в годовщины переворота, а умирающего Блока не выпускали даже на месяц для лечения в санатории, все заставляли заново заполнять анкеты, которые терялись, кочуя по кабинетам равнодушных чиновников, олицетворявших пролетарскую власть. Его жена Любовь Дмитриевна Блок в письмах сообщала, что продает «книги и хлам», последние золотые вещицы ради покупки больному «старорежимных» булочек, а у него усиливались отеки, рвота, боли, медальное лицо распухло, стало пепельно-серым, кудри развились...

Приехавший в Петроград Горький получил от Любови Дмитриевны еще одну анкету в двух экземплярах, с ответами на 22 вопроса, и телеграфировал чрезвычайно занятому организацией «пролетарской культуры» Луначарскому (Хаимову) о состоянии Блока; разрешение выехать на лечение было получено лишь за несколько дней до смерти, в начале августа.

В одной из своих последних записей в дневнике Блок вспоминал декабрь 1917 года, романтическое увлечение революцией, «тусклые глаза большевиков... потом ясно — глаза убийц», заметку в «Известиях» о том, что «несколько выдающихся представителей интеллигенции признало необходимым работать под руководством Советской власти». И Блок в том числе. Вспоминал свое имя на афише рядом с именами Луначарского и Коллонтай... И обрывал себя: «Впрочем, неужели хватит места на перечисление мелких гадостей, которые делали в жизни? И зачем? Мне трудно дышать, сердце заняло полгруди».

Во всех публикациях, полных и неполных собраниях сочинений Блока, кроме последней фразы о сердце, ничего нет. Из дневников и записных книжек все годы владычества коммунистов беспощадно выбрасывалось все, что не было угодно. Но архивы, слава Богу, сохранились, и теперь, цитируя Блока, я постараюсь приводить его записи полностью.

Жаль только, что в тот самый июньский день 1921 года, когда была сделана приведенная мною запись, Блок, разбирая бумаги, вспоминая короткую свою, насыщенную поэтическими прозрениями жизнь, рвал на мелкие кусочки страницы, которые не хотелось ему оставлять для чужих глаз. Была его воля, что оставить, а чего не оставить, но чужие распорядились за него...

Они угнетали его при жизни, они преследовали его после смерти. Это о них он сделал запись еще 7 марта 1915 года: «Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск. — Жиды, жиды, жиды» *.

Было два Блока. Один — вдохновенный поэт-пророк. Второй — аккуратист и педант, записывавший во множество записных

* Цитируется по недавней статье С. Небольсина «Искаженный и запрещенный Александр Блок» («Наш современник», 1991, № 8). Там же есть примечание: «Орлов В. Н. (псевд.; наст. фамилия Шапиро) — ленинградский литературовед, фактический главный редактор восьмитомника А. А. Блока 60-х годов, полный монополист всего послевоенного «блоковедения».

книжечек, каждая из которых вынималась из определенного кармана, важное и неважное. Поэт и пророк мучился от опустошенности. Педант в часы, когда отпускала болезнь, разбирал и уничтожал некоторые записи из записных книжек. И еще — правил корректуру книги «Последние дни императорской власти». Она вышла после его смерти, и у нее была своя история.

Еще 5 марта 1917 года в самом первом номере «Вестника Временного Правительства» появился указ, а потом и положение о «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров...» и иных сановников, подписанное министром-председателем князем Львовым и скрепленное министром юстиции Керенским. К работе комиссии привлекалось множество юристов, историков и общественных деятелей. Часть допрашиваемых содержалась под стражей, но тогда тоже процветала гласность и много говорили о демократизации. Даже Чрезвычайная следственная комиссия в глазах интеллигенции была «скандальным учреждением» — а вдруг повесят людей юридически невинных? Она твердо придерживалась правовых норм, в отличие от Чрезвычайной Комиссии (Чека), которая придет на ее место, унаследовав два слова из названия...

Прежде чем скончаться вместе с демократией, комиссия произвела 88 опросов и 59 допросов, которые проходили в торжественной обстановке в парадном зале Зимнего дворца или в канцелярии Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Обычно процедурой руководил председатель комиссии присяжный поверенный Н. К. Муравьев или его два товарища (заместителя).

Любопытно деление опрашиваемых и допрашиваемых на четыре группы: 1) Бывшие министры, товарищи министров и генералы. 2) Бывшие директора Департамента полиции и жандармские генералы. 3) Общественные деятели, среди которых были В. Л. Бурцев, А. И. Гучков, Н. Е. Марков 2-й, П. Н. Милюков, Н. С. Чхеидзе... 4) Проходимцы, включая князя М. М. Андроникова, дворцового коменданта В. Н. Воейкова, А. А. Вырубову, И. Ф. Манасевича-Мануйлова...

Лишь в 1924 году появился первый том протоколов допросов под названием «Падение царского режима», отредактированный, как и последующие, редакторской коллегией, которую возглавлял Александр Блок. Заняться стенограммами допросов ему предложили в мае 1917 года, когда казалось, что судьбу России решит Учредительное собрание, которое с подачи большевиков превратилось в «учредилку», когда всерьез размышляли о демократии и даже Ленин говорил о России как о самой демократической стране в мире, подгоняя своих к перевороту и диктатуре.

Блок, получивший отсрочку от военной службы по ходатайству Муравьева, отнесся к своей работе в комиссии весьма серьезно. 8 июля 1917 года он записал в дневнике:

«Нельзя оскорблять никакой народ приспособлением, популяризацией. Вульгаризация не есть демократизация. Со временем народ все оценит и произнесет свой суд, жестокий и холодный, над всеми, кто считал его ниже его, кто не только из личной корысти, но и из своего еврейско-интеллигентского недомыслия

хотел к нему «спуститься». Народ — наверху: кто спускается, тот проваливается».

Он пророчил провал такому мышлению — «дело только во времени».

Одно дело — поэзия, другое — проза. Ритм и рифма завораживают. Проза ближе к жизни. Ей не положено быть если не глуповатой, то наивной. Умирая, Блок уже знал, что суд и гнев народный использован политическими проходимцами, заставившими людей погибать в распрях, в самоуничтожении. И в сумятице тех лет стихи Блока помнила лишь истреблявшаяся интеллигенция, которой поэт еще недавно сочувственно противопоставлял народ.

Блок познакомился с Николаем Константиновичем Муравьевым в Зимнем дворце, большая часть которого была занята под лазарет, и самое сильное впечатление на него произвел тронный зал, откуда убрали трон, и даже материя с возвышения была содрана. Потом была Петропавловская крепость и в ней — та самая комната, где когда-то допрашивали декабристов. После теперешних допросов ему было «странно и жутко», а вечером он бродил по Петербургу, «мрачной и одинокой бездне», спрашивал: «Куда несешься, жизнь?»

Солдаты, охранявшие подследственных, отказывались давать больным и старым молоко.

— Посиди на нашей солдатской пище, — говорили они, и Блок видел в этом «глубокую русскую правду», «бездну русского духа» и возмездие, которое заслужила интеллигенция.

«Никто не понимает, что никогда не было такого образцового порядка и что этот порядок величаво и спокойно *оберегается* ВСЕМ революционным народом». И тут же: «Нет, я не удивлюсь еще раз, если нас перережут, «во имя порядка» (19 июня).

Он посетил Совет солдатских и рабочих депутатов, заседавший на 1-й линии Васильевского острова в здании кадетского корпуса. «На эстраде Чхеидзе, Зиновьев (отвратительный), Каменев, Луначарский... Мельканье, масса женщин, еврейских лиц и жидовских тоже» (16 июня). Был доклад о ходе следствия, и собравшиеся рукоплескали, когда член комиссии сказал:

— Мы не желаем применять к заключенным тех мер, которые они к нам применяли.

Отчет комиссии по-прежнему занимает его мысли. Стеногрвммы допросов он считает богатым литературным материалом, но сами заседания комиссии в Зимнем дворце начинают раздражать его, режут слух либерально-парламентские речи, произносимые на каком-то немыслимом языке, весьма далеком от русского, дикие ударения, дикое произношение. Он и сам начинает говорить таким же языком и 24 июня записывает в отчаянии:

«Господи, Господи, когда наконец отпустит меня государство, и я отвыкну от жидовского языка и обрету вновь свой, русский язык, язык художника?»

4 июля он любуется красивым автомобилем с развевающимся красным знаменем. Думает о немецких деньгах, получаемых большевиками. Ругает комиссию:

«Чем более жиды будут пачкать лицо комиссии, несмотря даже на сопротивление «евреев», хотя и ограниченное, чем более она будет топить себя в хлябях пустопорожних заседаний и вульгализировать, при помощи жидов, свои «идеи» (до сих пор неглубокие), — тем в более убогом виде явится комиссия перед лицом Учредительного собрания. В лучшем случае это будет явление «деловое», т. е. безличное, в худшем — это будет посмешище для русских людей, которые — осудить не осудят, но отвернутся и забудут».

Блок еще как-то выделяет среди местечковой «серой публики» образованных евреев — «они умны, нигилисты до конца ногтей, а некоторые — очень заметно наглы». Он отмечает еврейский ум — «совершенно не творческий, а.. специальный».

Июльские дни Блок встретил с тревогой. Победы на фронте, истерический ужас буржуазных газет перед большевиками. Он читает и большевистские газеты.

«А русский народ «блажит» добродушно, тупо, подловато, себе на уме. Вот наша пьяненькая правда: «окопная правда». За что нам верить? За что верить государству? Господа всегда обманывали. Господа хоть и хорошие, да чужие. Если это возобладает, будет полный государственный крах, но — разве я смею их за это травить? Глупый, озлобленный, корыстный, тупой, наглый, а каким же ему еще, Господи, быть?» (10 июля).

Блок понял главную ставку большевиков. На ненависть к буржуям. «Буржуем называется всякий, кто накопил какие бы то ни было ценности, хотя бы и духовные. Накопление духовных ценностей предполагает предшествующее ему накопление ценностей материальных», — записывает он. Но такой догмат страшен..

Заседания комиссии продолжаются, и Блок все думает об отчете — то ли это будет свободное исследование, подходящее к явлениям исторически, то ли политический доклад, обвиняющий старый строй в целом. Он боится лишнего упоминания маленьких имен, которые могут вырасти политически, хотя интересны лишь с психологической точки зрения — Протопопов, например.

Через несколько недель присутствия на допросах Блок уже жалел некогда могущественных людей, которые в горе и в унижении вели себя совсем по-детски. Бывший министр внутренних дел Протопопов смотрит на Муравьева, как виноватый мальчишка. Воейков виновато и по-детски отвечает на вопрос, есть ли у него защитник: «Да у меня никого нет». Вырубова врет по-детски, «а как любил ее кто-нибудь». Иные плакали.. Бывший директор Департамента полиции Климович старался быть сдержанным и отгородиться от дворцовых интриг, но Блок видел в его глазах страдание. Он много делал записей тогда о своих ощущениях и подчеркивал: «Вспоминай еще — больше, больше, плачь больше, душа очистится».

Он зачитывал на заседании телеграммы царя и царицы — «взаимно любящие», слушал рассказ коменданта Царскосельского дворца о подробностях жизни царской семьи и думал, что трагедия ее «будет ужасна, когда они встанут лицом к лицу с разъяренным народом (не скажу — с «большевиками», потому что это неверное название; это — группа, действующая на поверхности, за ней скрывается многое, что еще не проявилось)». Он, как всегда, выражался пророчески туманно — через год зверское ритуальное убийство будет совершено не народом, а руками религиозных иудаистских фанатиков-иностранцев и до-

мороженных головорезов по тайному приказу дирижеров из Кремля. И недаром кто-то из убийц написал на южной стене подвала Ипатьевского особняка каббалистическими знаками: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы».

Предполагалось, что стенограммы допросов станут материалом для обширного исторического исследования целой группы, которой руководил будущий советский академик Е. В. Тарле. Но из этого ничего не получилось. Историки отмолчались. И лишь поэт Александр Блок выполнил порученную ему работу. Его «Последние дни царского режима», выдержанные в академическом тоне, были напечатаны в «Былом» в 1920 году.

В 1917 же году в дневнике своем он был далек от академического тона.

27 июля. «История идет, что-то творится; а жидки — жидками: упористо и умело, неустанно нюхая воздух, они приспосабливаются, чтобы НЕ творить (т. е. так как — сами лишены творчества; творчество, вот грех для еврея. И я ХОРОШО ПОНИМАЮ ЛЮДЕЙ, по образцу которых сам никогда не сумею и не захочу поступить и которые поступают так: слыша за спиной эти неотступные дробные шажки (и запах чесноку) — обернуться, размахнуться и дать в зубы, чтобы на минуту отстал со своим полуполезным, полувредным (губительным) хватанием за фалды».

Блок жалуется на собственную лень, а на другой день записывает: «Отчего (кроме лени) я скверно учился в университете? Оттого, что русские интеллигенты (профессора) руководились большею частью такими же серыми, ничем не освещенными изнутри «программами», какую сегодня выдвинул Тарле, которая действительно похожа на программу торжествующего жиденка гимназиста Павлушки и с которой сегодня уже спорили. Ничего это не говорит. От таких программ и народ наш темен и интеллигенция темна».

Он делил старую русскую власть на безответственную и ответственную. Если расшифровать его рассуждения, то безответственной для него была власть царя, а власти, ответственной перед царем (не перед народом), требовалось обладать верой, мужеством и гениальностью. Если таким был Столыпин, то после его насильственной смерти «верхи мельчали, развращая низы». Однако существовало некое равновесие. «Безвластье сверху уравновешивалось равнодушием снизу. Русская власть находила опору в исконных чертах народа. Отрицание отвечало отрицанию. Так как опора была только отрицательною, то для того, чтобы вывести из равновесия положение, надо было ждать толчка», — записал он в мае 1917 года.

Толчком стала война. Блок не верил, что революция совершена народом, «для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью». Революция предполагает волю народную. А была ли она? «Было со стороны небольшой кучки лиц». Опять блоковское прозрение.

Россия не знала, что такое хлебные карточки все три с лишним года войны. В Петрограде перед февралем семнадцатого года были запасы зерна и муки. И вдруг хлеб исчез с прилавков. В дефиците, как теперь говорят, прослеживалась организаторская воля «небольшой кучки лиц». Тайно могущественных. Богатых.

Использующих продажность администрации. Кто бы еще мог сделать так, чтобы одновременно было призвано в армию до тысячи петроградских пекарей и город остался без хлеба? Говорят, не покорми сытых несколько дней подряд, и они взбунтуются. Заставь народ голодать длительно, и он уже не в состоянии будет взбунтоваться. Он станет обреченно повиноваться декретам Троцкого.

Очерк о последних днях старого режима был написан Блоком с августа 1917 года по апрель 1918-го. Созданный аккуратистом и педантом чрезвычайно дельно и добросовестно, он не устаревает, он годится на все времена. Очерк исторически совершенно точен и о событиях с конца 1916 года и до отречения Николая II повествует с протокольной бесстрастностью.

Чрезвычайная следственная комиссия самораспустилась через три дня после большевистского переворота, однако Блок продолжал работать, и не только над очерком. В поэте созревали мысли и чувства, оправдывавшие все происходившее. Поэтический взрыв произошел в январе 1918 года, когда были написаны статья «Интеллигенция и Революция», поэма «Двенадцать» и стихотворение «Скифы». Первую половину года еще сыпались на землю комья, взметенные взрывом... «Искусство и Революция», «Катилина», несколько статей. И все. Блок-творец скончался за три года до своей физической смерти. Его убила коммунистическая имитация интеллектуальной жизни.

Но сперва о взрыве. Поэт принял большевистский произвол за нечто неизбежное и даже отвечающее народной воле и характеру. Он надеялся, что бунтарский дух интеллигенции, как некая музыкальная субстанция, органично вольется в революционную симфонию. «Земля Божия... разве это не символ передовой интеллигенции? Правда, большевики не произносят слова «Божия», они больше чертыхаются, но ведь из песни слова не выкинешь».

Блок надеялся, что Россия из бури, из мук унижения и разделения выйдет «новой и — по-новому — великой». Последней попыткой обуздать страсти был успех Столыпина, но его «нервная дворянская рука» слабела, а когда «последний дворянин» был убит, пришла война, и с нею — «ложь, грязь и мерзость».

Вот и он, Блок, писал прежде стихи, передававшие болезненную тоску, и мечтал переделать все. Значит, он мечтал о революции.

Андрей Белый после смерти Блока объявил его народным поэтом, отказав ему в звании национального, считая национализм высокой абстракцией, отображавшей не душу, а цели народа, видя в раннем, 1899 года, стихотворении «Гамаюн, птица вещая» зародыш всех исканий Блока:

> ...Вещает казней ряд кровавых,
> И трус, и голод, и пожар,
> Злодеев силу, гибель правых...

Когда пришло это, Блок испугался, заметался. То он уповал на культуру, которая поможет «буйство Стеньки и Емельки превратить в волевую музыкальную волну», то оправдывал уничтожение «кровиной интеллигенции», относясь к ней презрительно:

«Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест. Верный признак малокровия: значит, не особенно любили свою газету и свою церковь» (5 янв.).

В этой растерянности и кроется гибель России. Он уже тогда видел, что большевики «надули», но что противопоставить разрушительному натравливанию? Что толку ругать свой народ? «О сволочь, родимая сволочь!» Парламентаризм в России не прошел. Утопична мечта — «чтобы маленькое было село, свой сход, своя церковь (одна, малая, белая), свое кладбище — маленькое». Это великая культура, и она возможна только в великом государстве, как говорил член комиссии Ольденбург. Это было и не вернется. «Ветер, ветер — на всем Божьем свете!»

Почти сладострастно Блок повторяет площадные обвинения черни, которыми манипулируют и большевики, разжигая классовую ненависть. Об «ожиревших попах» и барах, тыкающих образованностью в носы дуракам. Оттого, мол, и оскверняют могилы, вырубают парки, гадят всюду... Поделом нам!

Блок призывает интеллигенцию слушать революцию, быть с ней, не беспокоиться за любимое, за разрушаемое. «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, — не царь. Кремли у нас и сердце, цари — в голове».

Читать это сейчас неловко и больно. Неужели и поэт оказался, как говорят в народе, без царя в голове? Неужели он, гордившийся своей музыкальностью, не слышал фальши даже в подборе слов? Нет, тут что-то иное. Виновато тут апокалипсическое видение поэта, ожидание Страшного суда. Божий суд — всегда правый суд. Пришло возмездие за грехи. И если оно вершится даже отъявленной уголовной рванью, имя Христа освящает разбой.

Сам Блок горячо, даже слишком горячо отвергал мнение тех, кто увидел в поэме «Двенадцать» политические стихи, хотя и не отрицал, что революционный циклон («шум от крушения старого мира») мог забрызгать ее каплями политики, но поэт надеялся, что грязные капли не разложат, не убьют смысла поэмы.

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь...

И идут без имени святого
Все двенадцать вдаль,

Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

А воображение уносило Блока все дальше, к «Скифам», где в слово «мы» он вмещал матросов-грабителей, и всю Азию, и себя с интеллигенцией... «Тьмы, и тьмы, и тьмы».

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Соловьевский панмонголизм мерещится Блоку воплощающимся. Он весь в Европе и ее истории. Он помнит, что Россия была щитом западной культуры, а теперь под влиянием шпенглеровского предсказания о том, что на смену закатывающейся западной цивилизации придет русско-сибирская, он предвещает измену Западу...

Но почему не оставляет ощущение, что «Скифы», несмотря на нагромождение умных словосочетаний, — это пародия, балаганная поэзия?

Вдумайтесь в смысл. Вот он, боец, под псевдонимом «Мы», подогревает себя перед схваткой, поет себе дифирамбы — мы, мол, из Сфинксов, мы все постигли и все познали, «и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», но мы дики и злы, не отвечаем за себя, «коль хрустнет ваш скелет в тяжелых, нежных наших лапах...». А то зовет западных братьев от ужасов войны прийти в мирные объятия. Иначе мы расступимся и обернемся к ним «своею азиатской рожей». Потом пропустим за Урал, где будет бой у европейцев с монголами, узкими глазами будем смотреть на это и

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

Разумеется, поэзия в блоковском представлении должна быть понимаема не буквально, а как музыка, воздействующая на настроение.

На этом Блок-поэт кончился. Через год он напишет «Русский бред» — бессвязный и бессильный набор слов, а еще через два года вдруг явится на свет одно (одно!) хорошее и внятное стихотворение, в котором будет такое:

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

И в самом деле, наступили десятилетия, когда свобода могла быть лишь тайной (выделено Блоком. — Д. Ж.), а борьба немой.

Когда работа над очерком о последних днях царской власти подходила к концу, Блок жаловался в записной книжке на безделье, возню с бумажками, злые и одинокие мысли. Он потерял интерес к тому, что случилось, как казалось, так давно — с чужих слов дописывал подробности отречения царя. Но причина «бурной злобы» была не в этом, а в словах, переданных ему женой Любовью Дмитриевной, произнесенных О. Д. Каменевой, супругой одного большевистского вождя и сестрой другого — Л. Д. Троцкого, и записанных тут же (9 марта):

«Стихи Александра Александровича («Двенадцать») — очень талантливое, почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся».

Блок давно уже составил себе мнение о «сволочи», «жирной, сытой, жидовской морде» Зиновьеве и «жулике» Троцком. «У Иуды — лоб, нос и перья бороды, — как у Троцкого», — заметил он, обдумывая тогда же пьесу о Христе. 11 января, когда он писал «Двенадцать», в дневнике появилась запись: «Жизнь — безграмотна. Жизнь — правда (Правда). Оболганная, ожидовелая, обо...ная — но она «Правда».

Эх, где блаженные времена «либерального сыска»!

Большевики больше всего боялись гонимой церкви, а вовсе не изобличения своей опоры на уголовников («запирайте этажи, нынче будут грабежи»). В своих размышлениях Блок все чаще обращался к истории падения Римской империи и к «варварской массе», которая смела древнюю культуру. Недаром, закончив очерк о гибели Российской империи, он тотчас написал биографию Катилины, снабдив ее подзаголовком «Страница из истории мировой Революции». Катилина у него тоже «отвратительный», ни о чем, кроме диктатуры, не мысливший:

«О том, что Катилина был народолюбцем или мечтал о всеобщем равенстве, речи, конечно, быть не может. Катилина был революционером всем духом и всем телом...»

Катилина даже не прикрывался отвлеченными теориями, «безумец, маниак одержимый». Он порочен и обречен. Это было применимо и к тем, кто искал диктатуры в блоковское время.

Биография Катилины важна для понимания «Двенадцати». Блок там очень часто говорит о корысти и бескорыстии тех, кто сеет ветер и пожнет бурю. Он все время повторяет в очерке слово «ветер», как и в поэме — «ветер, ветер — на всем Божьем свете».

Что это за ветер? Это состояние душ перед великими событиями. Люди «бросаются в этот ветер, подхватываются им, живут и действуют, несомые ветром». Не думается, что американка, написавшая «Унесенные ветром», читала Блока. Просто это образ, который первым приходит в голову.

А вот и разгадка «Двенадцати». И Катилину нес ветер, разросшийся в бурю, которая смела языческий мир. Это было перед рождением Иисуса Христа, «вестника нового мира».

И все-таки Блок не верил в победу разбойников. И все-таки впереди он поставил Христа «в белом венчике из роз», хотя надо было бы поставить «Другого»... То есть Дьявола.

Что такое семьдесят лет в истории человечества и даже в истории России? Миг. Но ветер унес и тех, кто нужен был бы России сейчас, когда нет ни ясных мыслей, ни Цицеронов, способных убедительно изложить их. Нас зовут в девятнадцатый век, ко времени освобождения крестьянства от крепостной зависимости и грабительского нашествия капитала («взял свое и ушел», — писал Достоевский в «Еврейском вопросе»).

(Продолжение следует)

ЭЙ, БЕРЕГИСЬ!

Покаянное послание смерда неразумного Володьки СОРОКИНА суперукраинским литераторам Ивану Федоровичу Драчу и Василь Васильчу Плющу — заступнику головного редактора «Литературной Украины».

Nicht schießen, мужики, nicht schießen! Цепляю на шариковую ручку когда-то ослепительно белый платок национального примирения и, размахивая им, спешу объясниться. Вы че, мужики? Нет, в натуре, мужики, вы че? Вы рассердились всерьез или всерьез рассердились? Ну, напечатал я свой опус «Эй, рухнем!» в «Молодой гвардии» (№ 3, 1991). Ну, перепечатал его «Киевский вестник» в своем «Дайджесте» 23 мая 1991 года. Ну так что с того... Зачем же так нервничать? Для чего на мой фельетонец отвечать агромаднейшей репликой, а фактически статьей в «Литературной Украине» 30 мая 1991 года под названием «Дайджест чи донос?». Нет, в натуре...

Вить этот мой опус где напечатан? В «Молодой гвардии». Ее ишо «молодой гадиной» называют. Ну, эти — сионисты. А известный и уважаемый политический стукач Бовин назвал сей журнал «профашистским». А всемирно известный поэтище и демократище Евг. Евтушенко прямо, по-поэтически и демократически, назвал сие издание «фашистским». Вы же кажете, шо журнал «ортодоксальный». Сами видите, что с этих молодогвардейцев взятки гладки. Они, говорят, готовятся захватить жизненное пространство всех редакций в Москве, Киеве, Минске, Пинске и даже (ах, наглецы) в Биробиджане и Бердичеве.

Василь Васильч! Не напрасно вы называете меня «маловедомым в киевских кругах журналистом». Да, неизвестен я в киевских кругах и не журналист я вовсе! Меня ни к Литинституту, ни к МГУ на пушечный выстрел не подпустили. Так, учился понемногу чему-нибудь и как-нибудь.

Иван Федорч! Земеля! Наши ж предки Киевскую Русь построили. В поход против половцев разом ходили. Хазар разгромили так, что те до сих пор не могут очухаться в этом... как его? В Телевиве. И в нашем Киеве. Ну, назвал я вас «гетманом-неформалом» и «Иоанном Феодоровичем Драчом Первым». Ну, так что? Вы ж у нас отец нации. А я ради красного словца не пожалею и отца. Так что по рукам? Помиримся? Мы ж братья-

славяне, а не какие-нибудь татары, как, к примеру, Станислав Куняев.

Вот произнес эту ненавистную для «демократов» и сионистов фамилию и вспомнил февраль 90-го года. Как сейчас помню, шел снег и шел я по родной киевской площади. Иду, значит, зыркаю по сторонам, ищу чем поживиться... плюралистическим. Смотрю, висит большой автомат для продажи талонов на автобус, а на нем большая бумага приклеена. Подхожу, читаю: на 5 мая назначены тремя ортодоксальными журналами и обществом «Память» еврейские погромы.

И подпись: «Секретариат Руха».

И пришла мне на ум такая жуткая картина: Станислав Куняев, обмотав голову взятым из редакционного туалета полотенцем заместо чалмы, с длинным кухонным ножом-ятаганом в правой руке и «Нашим современником» в левой, визжа «Алла акбар!» и «Бей брехло, спасай Россию!», гонится за самим Виталием Коротичем. Коротич обгоняет транспорт и сам не замечает, как оказывается аж в самих США, имеющих, как он писал в своей книжке, зверское «лицо ненависти». Под защиту проживающих там «зверских ненавистников», значит, сбежал.

Юрь Васильевич Бондарев нацелился из пушки образца 1943 года на редакцию журнала «Знамя» и командует: «Огонь по бакланам!» Этот Бондарев ни бакланов, ни пеликанов ни на дух, ни на нюх не переносит. Пеликаны же с бакланами не русские символы.

Вася Белов гонится со ржавыми вилами, привезенными из Тимонихи, за Федором Бурлацким. И кричит заполошно: «Привычное дело! Привычное дело!» — и вилами ширяет. А Бурлацкий бежит и визжит в ответ: «Все впереди, Васек, все впереди!» — и вылетает навсегда из кресла главного редактора «Литературной газеты».

Игорь Шафаревич, размахивая синхрофазотроном, как «демократизатором», гонится за Буничем и Адамовичем, цитируя выбранные места из своей «Русофобии».

Ну этот... из этой организации... как ее? Вот черт, запамятовал... Да, из «Памяти» этой проклятой! Так вот, он, Дим Димч Васильев, вооружившись до зубов выдержками из «Протоколов сионских мудрецов», вместе со своими ребятами штурмует редакцию газеты «Масонские новости».

Но у нас, дорогие панове Драч и Плющ, думают одно, говорят другое, а на деле получается третье.

Никаких еврейских погромов, конечно, не было, но были иные. На практике мы имеем миллион русских, армянских и других беженцев. Из Балтии, из Средней Азии, из других республик.

Ну, как вам провокация насчет еврейских погромов, товарищ Плющ? И Руху это сошло с рук.

Кстати, насчет написания моего фельетонца. Сижу я как-то вечером, мечтаю, стихи перевожу... Верлена Поля. Слышу звонок. Междугородка. Москва. Сам Владимир Александрович из конторы глубинного бурения. Ну, этот будущий ужасный гекечепист. Удостоверился, Владимир ли Алексеевич Сорокин у трубки, и сразу без обиняков: «Напишите, товарищ Сорокин, в «Молодую гвардию» о лидере националистического Руха Иване Драче». Я, замерев по стойке «смирно» с телефонной трубкой в руке, бодро отчеканил: «Товарищ фельдгэбист, я не журналист, к Драчу спортивной злости не питаю и написать о нем не могу. И почему я?» Слышу в ответ: «Это приказ. Учти, у нас работает ваша жена. Правда, она еще не аттестована. Вы поняли мысль? С Ивашко и Борисом Олейником согласовано. Со всеми президентами в СССР тоже. Вы — офицер? Выполняйте!!»

От волнения я перешел аж на иностранный язык: «Яволь, герр фельдгэбист! Бу зроблэно!» Так и попался я на крючок этому Крючкову. Пришлось сесть и нацарапать «Эй, рухнем!». Во крючкотворство! Во ГУЛАГ! Да, вы правы, это «элементарная, почти примитивная вещь». Вы ж понимаете, мужики, что ведь всего-то навсего смерд я неразумный, менталитетишка-то у меня так себе. Радикальнейшего и миролюбивейшего президента Буша путаю с ортодоксальнейшим и воинственнейшим критиком Бушиным, горемычного Норьегу с процветающей Норвегией, родных и до боли близких масонов с загадочными и далекими лунными масконами, железную леди Машу Тэтчер с космической леди Валей Терешковой, гонорар с гонореей. Не член я Союза писателей самостийной Украины, ельционистской России и даже не член престижного международного Пенис-клуба, коим у нас руководит Моисей сталинской темы (по выражению Булата Окуджавы) Анатолий Наумыч Рыбаков.

Только nicht schießen, мужики, nicht schießen!

Почему по-немецки шпрехаю? Хочу рассекретиться.. У меня еще отец работал в Германии. Вместе с Штирлицем. Только в разных ведомствах. Штирлиц вкалывал у Мюллера, а отец у фрау Берты. На ферме. Вот меня отец и научил по-немецки. А звание у моего отца группенфюрер. Он с французами в плену работал, был у них за бригадира, вот они его и прозвали: группенфюрер Алекс. Веселый народ эти французы!

Мужики, а вы нас упрекаете, что мы не поддерживаем российских литераторов на Украине. А как у вас с российскими литераторамя получилось? В правление Спилки Письменников, слышь, не прошел ни один. Ни Ермолова, ни Грузин, ни Югов. А вы, Иван Федорч, как бывший коммунист, были выдвинуты от парткома и прошли. Бедным русскоязычным теперь что, национальную секцию образовывать? Гетту по-импортному?

Дорогие панове! Вы пишете черным по белому: «Бог ему судья тому Сорокину с его кривозеркальною «иронией». Не удивляет и то, что его опус нашел место на страницах журнала, который заслужил славу ортодоксального, видно, и правда у «Молодой гвардии» не густо с авторами, особенно из городов, то есть из республик. А вот выбор «Киевского вестника» вызывает удивление. Перепечатка неправедной заметки В. Сорокина с голословными обвинениями, особенно в той части, где речь идет про «Литературну Украину», перетворяет их дайджест на элементарный донос. Ибо, если поверить автору, следует немедленно привлечь еженедельник к суду за разжигание национальной вражды, за нарушение национального и расового равноправия».

Что тут сказать? Мы говорим: «Лит. Украина», подразумеваем — Драч. И наоборот. О неправоте автора тоже все ясно. Автор только показал частичку правды. Вся же правда о русофобии на Украине и в «Лит. Украине» ужасна. Вот вы, панове

Драч и Плющ, ратуете за самостийну Украину, ссылаясь на Шевченко. А Шевченко боролся за объединение славян вокруг России, за великорусский язык-посредник, за христианскую нравственность. Почитайте программу Кирилло-Мефодиевского братства. А вы проповедуете раскол и совсем не христианскую мораль. Вообще, дорогие казаки, я пораскинул своим менталитетишкой и думаю, что вас умело используют. Джентльмены в белых фартуках.

Их по-благородному Архитекторами именуют или Архитекторами перестройки. Они с мастерками и отвесами в руках все рассуждают, как им построить «новый мировой порядок». И никакие они не Архитекторы! Строители они, строители! Стройбанда! Почему в белых фартуках? Так они ж шибко ученые. В московских, гарвардских да колумбийских университетах обучались. Брюсова начитались. Помните:

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?
— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

Мда... Тюрьму... Цивилизованную... с газом, унитазом, телеком, видиком, комиксами вместо классики, жвачкой вместо семечек, кока-колой вместо кваса. С проституткой на ночь вместо жены, с противозачаточными средствами вместо детей, с тяжелым роком вместо симфоний. Строят. Всесоюзную тюрьму. Всемирную.

ЭЙ, БЕРЕГИСЬ!

ПАРОДИЯ НА ПАРОДИСТА

Евгений ЮШИН

КРОВЬЮ ПОЭТОВ ПИТАЯСЬ

...Поэт корпел, в экстазе скаля зубы,
Пытаясь, в прошлое вперяя взгляд,
Чтоб голос вышел из него сквозь губы,
Но голос вышел из него сквозь зад.

Александр Иванов

* * *

То кровью поэтов питаясь,
То падалью собственных строф,

Шакальей улыбкою скалясь,
Скулит пародист Иванов.

Списался, что делать, списался:
Нет юмора, пошлости — воз.
И вправду, видать, отметал свой
Словесный, простите, навоз.

А выйдет, бывало, как циркуль,
Эстрадную нотку возьмет,
И то Евтушенкою взвизгнет,
А то Окуджавой взбрыкнет.

Он рад превратиться в любого,
Себя потерявши стократ.
Вот вспомнил сейчас про Щуплова *
И сразу же пишет про зад.

* А. Щуплов — работник «Книжного обозрения» (некоторые поклонники этого издания любовно именуют его «Кобником»), в котором постоянно печатается пародист Ал. Иванов.

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1991 ГОД

Редколлегия журнала «Молодая гвардия» отметила денежными премиями следующие произведения, опубликованные в 1991 году.

Владимир **ВАСИЛЬЕВ.** Ненависть. (Заговор против русского гения). Статьи (№ 11, 12). Юрий **КАЛАБУХОВ.** «Белые пятна» и мифы истории. Статьи (№ 2, 4, 6, 7). Виталий **КАНАШКИН.** О национальном отступничестве. Статья (№ 2). Ставка на «сволочь». Статья (№ 7). А. **КУЗЬМИЧ.** Россия и рынок. Статья (№ 2). Евгений **МЫСЛОВСКИЙ.** Советская мафия: «Семья» и кланы. Очерк (№ 1). Борис **ПРИМЕРОВ.** Лебедное иго. Поэма (№ 11). Юрий **СЕРГЕЕВ.** Новые властелины. Кинофантазия? (№ 9). Виктор **СМИРНОВ.** Материнское око. Стихи (№ 1). Валентин **СОРОКИН.** Меч свободы ковать и гранить. Стихи (№ 8). Галина **ТЕПЛОВА.** Накануне. Стихи (№ 3). Семен **ТРОФИМОВ.** Портреты А. А. Блока (№ 8), С. Т. Аксакова (№ 10), В. И. Даля (№ 11), Н. М. Карамзина (№ 12).

Главный редактор Анатолий **ИВАНОВ**

Главный художник Ю. Киселев

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 14.11.91. Подп. в печ. 09.01.92.
Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 21,5.
Тираж 280 000 экз. Заказ 2237.

Типография Акционерного общества «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения, но не забудьте ее оформить до. 1-го числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена с 1 марта 1992 года на «Молодую гвардию» на три месяца — 30 руб., на шесть месяцев — 60 руб.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы приближаете день спасения Отечества!

Всякий отказ в подписке незаконен, является происками местных демократов и политической акцией. Помни, читатель, об этом!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544** (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ____________ (почтовый индекс) (адрес)

Кому ____________ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер | на ~~газету~~ журнал **70544** (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стоимость	подписки	___ руб. ___ коп.	Количество комплектов
	переадресовки	___ руб. ___ коп.	

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ____________ (почтовый индекс) (адрес)

Кому ____________ (фамилия, инициалы)

подсчитали, что журнал выживет, если в первой половине 1992 года на средства, полученные от подписки, выпустит не 6, а 3 сдвоенных номера (если же нам удастся достать бумагу подешевле и на чем-то сэкономить, то несколько больше), а по последующей подписке, которую «Союзпечать» ведет постоянно, цена одного номера журнала возрастет до 10 рублей по всем странам СНГ (см. стр. 287—288).

Дороговато? Но иного выхода нет. Иначе журнал «Молодая гвардия», кстати, старейший в стране литературно-художественный ежемесячник, которому в мае с. г. исполняется 70 лет, прекратит свое существование. (Отпраздновать бы юбилей журнала, да видите, какой праздник приготовили нам преступники-перестройщики.)

Мы понимаем, что последующая подписка по новой цене будет небольшой. Но это поможет нам дожить до обещанного президентом России благоденствия.

А в общем-то при нынешних ценах что такое 50—60 рублей — новая цена полугодовой подписки? Стоимость 50—100 граммов колбасы, и то не самой дорогой.

Да, может, это и юмор, но грустный. Спасибо, спасибо отцам-перестройщикам за нашу счастливую жизнь!

В это тяжкое для журнала время мы обращаемся ко всем людям, исповедующим, как и журнал «Молодая гвардия», принципы справедливости, правды, настоящей гражданственности, патриотизма, любви к своему Отечеству, с просьбой поддержать нас в любых формах. Это может быть прежде всего помощь в организации подписки по новой цене на предприятиях, в организациях, в любых коллективах. Это может быть помощь в распространении журнала в розницу. Это может быть материальная помощь в любых размерах, вплоть до нескольких копеек. Сообщаем свой расчетный счет: 467449 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка, Москва, МФО 201553, АО «Молодая гвардия», для журнала «Молодая гвардия».

Мы надеемся, что найдутся экономически состоятельные государственные, совместные, малые, акционерные и другие предприятия, а может быть, даже патриотически настроенные процветающие предприниматели, которые воспользуются этим счетом. И мы будем выпущены из камеры смертников, в которую загнали нас перестройщики. И для всеобщего сведения опубликуем названия предприятий, организаций, фамилии наших спасателей, протянувших журналу руку помощи в это тяжкое время.